

Н

НОВО

Е

литературное

обозрение

№10(1994)

№ 10 (1994)

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕРИЯ. ВЫПУСК 1.

ВЯЧЕСЛАВ
ИВАНОВ

МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Составитель Н. В. Котрелев

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 (1994)

От составителя	6	
Вяч. Иванов	7	Неизвестные стихотворения и переводы (из рукописей Римского архива) <i>Публ. Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина</i>
Вяч. Иванов	21	<О типическом> <i>Публ. Марии Кандиды Гидини</i>
Вяч. Иванов	27	„О многобожии“ <i>Публ. Гвидо Карпи</i> <i>Предисл. Гвидо Карпи „На пути к страдающему богу“</i>
С. В. Троицкий	41	Воспоминания <i>Публ. А. В. Лаврова</i>
М. Л. Гаспаров	89	Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г.
А. А. Кондратьев	107	Два письма к В. И. Иванову <i>Публ. Н. А. Богомолова</i>
Константин Азадовский	115	Эпизоды
Вяч. Иванов	137	Переписка с С. К. Маковским <i>Публ. Н. А. Богомолова и С. С. Гречишкина;</i> <i>вступ. ст. Н. А. Богомолова; коммент.</i> <i>Н. А. Богомолова и О. А. Кузнецовой</i>
Вяч. Иванов	165	Ответ на статью <Н. Брызгалова> „Символизм и фальсификация“ <i>Публ. Г. В. Обатнина</i>
Вера Проскурина	173	Рукописный журнал „Бульвар и Переулок“ (Вяч. Иванов и его москов- ские собеседники в 1915 году) <i>Приложение.</i> Бульвар и Переулок. Журнал для семейного чтения. Критико- догматический орган самообозрения
С. И. Субботин	209	„...мои встречи с Вами нетленны...“ (Вяч. Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова) <i>Приложение.</i> Петр Журов. Стихотво- рения

- Вяч. ИВАНОВ 237 Три неизданные рецензии
Публ. К. Ю. Постоутенко
- Вяч. ИВАНОВ 253 Неизвестное письмо С. Ф. Ольденбургу
Публ. Г. Бонгард-Левина
- Вяч. ИВАНОВ 257 Переписка с В. Э. Мейерхольдом
и З. Н. Райх (1925—1926)
Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати
Приложения. I. Надпись Вяч. Иванова
З. Н. Райх на фотографии; II, III. Догово-
ры Вяч. Иванова и О. Синьорелли-Рес-
невич с издательством при Театре им.
Вс. Мейерхольда
- Б. М. ЗУБАКИН 281 Два письма В. И. Иванову
Публ. Стефано Гардзонио
- Вяч. ИВАНОВ 289 Письмо Борису Зайцеву о
смерти Г. Чулкова
Публ. Ж. Шерона
- Г. В. ОБАТНИН 292 Заметки комментатора
- Д. В. ИВАНОВ 297 Из воспоминаний
- 311 К иллюстрациям

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Творчество Вяч. Иванова трудно для понимания и усвоения. Исторические условия, в которых развивались наши научные и читательские представления о русской культуре его времени, были хуже неблагоприятных. Губительным образом их приравнивали не к забвению только о Вяч. Иванове, но — к уничтожению самой способности уразуметь его и сделать своим. Умственное, душевное и духовное развитие читательской аудитории огрублялось и вульгаризировалось, теряя структурные возможности, органы постижения таких созданий культуры, как Вяч. Иванов. Западный мир не давал принципиальных преимуществ своим любителям и профессиональным исследователям российской словесности: парадоксальным, на первый взгляд, образом его жизнь несла те же самые культурные плоды, что и советская. Выправить это положение невозможно; я полагаю, даже ставить себе такую задачу было бы претенциозной и смешной наивностью. Тем не менее, работать на нее можно и нужно, только на нее и стоит, только и достойно работать.

Во-первых, необходимо должно представить читателю ивановское слово в богатстве и глубине его истории. Текст Блока доступен практически в полном объеме, многое сделано для текстологии Брюсова, Андрея Белого, Волошина. Работа над Вяч.Ивановым, по сути, только начинается. По сю пору, к концу 1994 г., в России переиздана одна-единственная книга Вяч. Иванова («Дионис и прадионисийство», в неподписанном, безответственном издании петербургской «Алетей»). Современная Иванову периодика хранит большое количество стихотворного и прозаического материала, который предстоит собрать и вернуть в читательский оборот. Архивная целина, можно сказать, нетронута.

Во-вторых, Иванов принадлежит к числу тех художников, чей целостный образ — не только плод интегрирующей мысли воспринимающего, но специфического, целенаправленного усилия художника. Возможно, важнейшее его произведение — его легенда о самом себе. Замечательную завершенность это сложнейшее художественное создание нашло в жизнеописании-жизнеполюковании Вяч. Иванова, предпосланном О. А. Шор (О. Дешарт) брюссельскому собранию сочинений. Вообще, первые три тома этого семейного труда — драгоценное исполнение духовного завещания поэта, именно потому, что, не следуя никакому, сколько мне известно, формальному авторскому плану, верно закрепляют в материале ивановское самосознание. Однако, наши культурные навыки заставляют нас историзировать этот «супертекст», ввести его в реинтерпретирующий исторический контекст. Один из важнейших аспектов историзации — документирование истории становления мифа; в первом подходе это наложение биографии на автобиографию.

В-третьих — собственно истолкование произведений и произведения Вяч. Иванова.

Наш сборник целиком посвящен работе над двумя первыми задачами, но в конечном счете они суть варианты третьей.

Н. В. Котрелев

Вяч. Иванов

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

(из рукописей Римского архива)

Публикация Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина

С<ОНЕ>Т

Твой первенец и крестник мой, сонет, —
Не мальчуган, Амур! Не слишком крепок
Сложением, но стройненький. И слепок
Отца живой: он отродясь поэт.

А сметлив как! Чуть выскочил на свет,
Цикадою запел. На рифмы цепок.
Он смастерит тебе из лишних <?> щепок
Корабль Арго, Армидин арбалет.

Привержен я классическому толку,
Мне дорого изящество манер.
Учи его! Петрарку ставь в пример.

Новейший вкус (признаюсь втихомолку)
Сомнителен — и сам я не педант.
Мне всех милей Ронсар, да ветхий Дант.

Автограф карандашом в тетради 1915 г.

МЕРЛИН

Все вместе феей мне дано —
И лето, и зима.
 Но ты давно со мной давно
 Со мной одно,
И фея ты сама.

И то, что — мнится людям — снег
 Пророческих седин,
 То вешних нег
 На мне жасмин,
Ты ж — летний снег вершин.

Не перечеть молве земной
 Мерлиновых личин;
 Тебе одной
 Мой лик, один,
Мерцает сквозь жасмин.

1916

21 сентября 1924 В. А. Мануйлов писал О. А. Шор, другу семьи Ивановых: «Мой учитель, Вячеслав Иванович Иванов, велел мне переслать вам прилагаемые при сем стихи: 1. Madonna delle Neve 2. Сон. 3. Вежды. 4. Маскарад. 5. Возврат. 6. Мерлин. и 7. Ио.

Они взяты мною из редакции «Русского современника» 16 июля с. г.

Прошу Вас, по получению *точного* заграничного адреса переслать эти стихи Вячеславу Ивановичу» (АВИВР, коллекция писем, В. Мануйлов).

Стихи эти Вяч. Иванов, выехавший в Италию 24 августа 1924 г., получил.

Первые пять стихотворений вошли в подготовленный им, но вышедший посмертно сборник «Свет Вечерний». «Мерлин» в сборнике не напечатан.

Жасмин после розы был любимым цветком Вяч. Иванова.

<ИЗ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЛИРИКОВ>

БАКХИЛИД

8. ПЭАН БОГИНЕ МИРА.

Ирина, Мира мать, родишь великое ты!
Где Мир, там — Избыток; там — медвяных песен цветы.
Весело там, на искусно изваянных алтарях,
Тельцов, длиннорунных овец пылают бедра.
Юным забота одна: борьба, да ночью, с пеньем флейт,
Шумный по стогнам обход ватагой пьяной.
В оружейной — сеть паучья;
Мечи двуострые, копий клювы железные ржавчина точит.
Медных труб не дребезжит ужасный зов,
Не свивает с вежд ленивых сладко-истомной дремы;
Сердце нежит влажный сон...
Полны пирующих стогна; хором поют: поют любовь и славят юность!

Беловой автограф чернилами на отдельных листах.

АРХИЛОХ

<Фрагменты>

Отец Ликамб! Ты что за слово вымолвил?
Твой здравый смысл похитил тать.
Смекал ты прежде кое-как, а ныне стал
Посмешищем по городу.

Хребтом ослиным дикий остров встал из волн
И зарослью косматой весь оброс.
Нет мест желанных сердцу, милых нет лугов.

Бога Ареса служитель, приял я от муз звонкогласных
Сладостный дар и служить песнию им разумел.

Мне злато Гига-богача не надобно.
И не завидно. Не ропщу я на богов.
И царской власти не ищу. Чего глаза
Не видели, не может вожделеть душа.

Кто-то из Саиев диких щитом похваляется ныне,
Брошенным мною в кусты. Был без порока мой щит.
С ним никогда б не расстался — да жизнь пожалел. Пропадай же,
Добрый мой щит! Я другой, лучший еще, наживу.

Хлебы мне месит копьё; и копьё ж источает багряный
Исмара сок огневой: пью, опершись на копьё.

Вплетать она любила то зелёный мирт,
То рдяных роз красу живую в смоль кудрей,
Что оттеняли белизну прекрасных плеч.

Молнийным вином зажженный, я ль за чашей не горазд
Затянуть запевом звонким Дионису дифирамб?

Сердце, сердце, не смущайся безысходною бедой!
Встань и мужествуй! Надежней всех оружий — эта грудь.
По ловушкам, по тенетам безопасно проведет.
Одолеешь супостата — не кичись на площадях;
Злой ли враг тебя осилит — дома сидя не тужи.
Предавайся ликованью, предавайся и слезам
Не чрезмерно. Сердце, помни: переменчива судьба.

Черновой автограф карандашом на отдельном листе.

ЭПИГРАММА АЛЕКСАНДРА ЭТОЛИЙЦА ОБ АЛКМАНЕ.

(Anthol. Pal, 7.709)

Если б в твердыне твоей, отцов моих родина, Сарды,
Был я воспитан, гостей я б обносил на пирах
Яствами, — или, Кибелы плясун, в запястьях и кольцах,
Златом унизан, рукой звонкий взвивал бы кимвал.
Ныне ж меня именуют: Алкман; и город мой — Спарта.
Много треножников здесь в храмах высоких стоят.
Здесь я и Муз Геликонских познал; и за дар песнопенья
Выше прославлен молвой, нежели Гигес — богач.

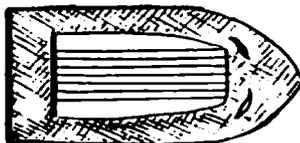
Беловой автограф чернилами на отдельном листе.

*Miserabile e sf. Oda di Sergio S. M.
Mus. di Sofia Ivanov.*

All. Mosso 3.132

LYDIA IVANOVA
ODA Ш. 12 DI ORAZIO

PER SOPRANO E PIANOFORTE

ОДА ГОРАЦИЯ

Miserarum est...

(Od. III, 12)

Как мне жаль вас,
Молодых дев!
Ни порхать вам,
Ни любить вам,
Ни в вине грусть
Утопить вам
Не дана власть,
И замрет дух,
Как войдет в гнев
Опекун злой.

Купидон плут
Не дает прятать,
Не велит ткать
Необуле.
У него ли
За спиной лук
И колчан стрел.
Легкокрыл он.
Распустил ткань
И челнок взял!

С той поры, как
Из чужих стран
Молодой гость
Переплыл Тибр
И палэстр пыль
С белых плеч смыл.
Бегунов нет
И борцов нет,
На коне ли
Гебру равных.

Он горазд, Гебр,
Стан олений,
Распугнув, гнать
Чрез поток, в брод,
И вонзать в лань
На скаку дрот;
Наследить лог,
Где залег вепрь,
И царя чащ
Нароком взять.

Октябрь 1917

Этот перевод оды Горация сделан Вяч. Ивановым «по заказу» дочери Лидии (Париж, 1896 — Рим, 1985). Лидия с детства писала музыку и с гимназических лет в Москве учила латинский язык и читала Горация. Римского поэта все, впрочем, в семье Ивановых любили не только за грацию стиха, но и за его «кошачью» природу, что в нашей семейной терминологии означало мягкость манер, домашнюю уютность и жизненную мудрость. Беловой автограф мелодии, написанной молодой Лидией в квартире на Зубовском бульваре в Москве, носит знаменательную дату: «октябрь 1917 г.» Под нотами подписан также рукой Лидии латинский текст и русский перевод — полностью эквиметрический. Но во многих местах автор перевода исправил его карандашом.

Тогда же Лидия Иванова написала мелодии для двух других од Горация — I, 11 (Tu ne quaesieris...) и I, 14 (O navis referent), а позднее положила на музыку несколько стихотворений русских поэтов. После нашего отъезда из России в 1924 г., когда ее композиции стали исполняться перед иноязычной публикой, Вяч. Иванов перевел эти стихи на итальянский и немецкий языки. Так возникли в числе прочих переложения пушкинских «Цыганочки», «стишков» Гринева к Маше из «Капитанской дочки», «Трех девиц под окном».

Данте

IL CONVITO. TRATTATO III

1

Любовь со мной беседует всечасно
И дивное о Дивной возвещает,
Чего порой мой разум не вмещает,
Ища постичь, сбивается с пути.
А весть Любви все льется сладкогласно
И внемлющей души не насыщает;
Пьет звук душа, но скорбь ее смущает:
Глаголы где для вести той найти?
Так, должен я молчаньем обойти
Что пленной мысли неисповедимо.
Иное же из вести благодатной,
Что сердцу и понятно, —
Нет слов изречь: без слов иду я мимо.
А потому, коль песнь моя нема,
Коль не поет о Ней непогрешимо, —
Мое в том скудоумье, не сама
Владычица повинна, — дух мой нищий
Вас напитать Любви небесной пищей.

2

Не видит Солнце, что весь мир обходит,
Красы такой, как в час, когда осветит
Обители, что Светлому ответит,
Улыбкою пресветлая Жена.
И каждый горний Ум очей не сводит —
С нея; и здесь, кого Любовь отметит,
Ее ж опять в мечтах влюбленных встретит,
Когда сойдет на сердце Тишина.
Излюблена Творцом своим она:
Он силы льет в Нее преизобильно,
Избыточней, чем сколько жизни тварной
Довлест. Лучезарный,
Из благодати сотканный, умильно
Душа свой облак, чистая, влачит.
И видеть облак — око не бессильно:
В сердца чрез очи Дивная лучит
Своих послов; сердечные желанья
Летят из плена к ней, как воздыханья.

3

Над Нею сила свыше привитает,
Как луч на боговидцах-херувимах:
В том каждая из жен, достойно чтимых,
Уверится, потщась Ее узнать.
Заговорит ли, — некий дух слетает,
Свидетелем словес, с высот незримых, —
И явно всем, сколь благ, землей ценимых,

Божественная больше благодать.
 Пленяет нежной прелести печать
 В Ея движенье каждом и деянье,
 И каждое любовь зовет различно.
 О Ней сказать прилично:
 Все, что ни есть в Жене, все — обаянье!
 Лишь то прекрасно, что подобно Ей!
 Так учит нас живой красоты сиянье,
 Что может чудо явью стать очей, —
 И в вере укрепляет человека.
 Такой Ее замыслил Бог от века!

4

Ты б уловил в чертах Ее обличья
 Все радуги небес, всю радость рая.
 Сверкает смех, и блещет взор, играя:
 Сокровищница здесь любовных чар!
 Их ни изречь не в силах, ни постичь я:
 Сияет солнце, зренье поборая;
 Взор возведу — и слепну; замирая,
 Уста немеют, — нищ хвалебный дар.
 Ее красот божественный пожар
 Дождит огни живые искр любовных.
 Те души-искры — дум благих посевы.
 Но грозовые гневны
 Те пламени для плевел в нас греховных!
 Пусть красотой надменная жена,
 [Коль ищет добродетелей духовных]
 Убранств не приобретающая духовных,
 На Оную воззрит, сколь Та скромна, —
 И устыдится, гордая, Смиренной.
 Такой Ее промыслил Вождь вселенной!

Идея перевести «Пиршество» Данте могла зародиться у Вяч. Иванова и В. Ф. Эрн в месяцы жизни в Риме в 1913 г. К осуществлению проекта Иванов и Эрн приступили весной 1914 г. в Москве, живя в одной квартире на Zubovskom бульваре (куда после защиты своей диссертации «О духовной истине» заезжал о. П. А. Флоренский). Предполагалось, что «Пиршество» публикует издательство Сабашникова. Канцона должен был стихотворно переводить Вяч. Иванов, прозаическую часть — Эрн; в архиве издательства сохранилась рукопись, озаглавленная «“Пиршество”». Перевод Solvivo, сделанный В. Ф. Эрном. Канцона на с. 43-5 переведена Вяч. И. Ивановым» (ГБЛ. Ф 261. К. 10. Ед. хр. 10). Однако, издание тогда не осуществилось, перевод первой канцоны второй главы опубликован Памелой Дэвидсон в журнале «Oxford Slavonic Papers». New Series, v. 15 (1982) и в кн.: P. Davidson. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist perception of Dante. Cambridge, 1990.

Поэтический перевод второй канцоны второй главы впервые публикуется по рукописному автографу из АВИБР.

<Из Гете>

ПАРИЯ

(*Paria*)

МОЛИТВА ПАРИИ

Вышний Брама, сил владыка!
Всё — твое, извечный, семя;
Все, от мала до велика,
Мы — твой исход, и род, и племя.
Правый, не одним браманам,
Богачам, да властелинам
Жизнь ты дал — не им единым,
Но и нам, и обезьянам.

Низки мы: что нам пригоже,
Благородным то поносно;
Что питает нас и множит,
Прочим смертным смертоносно.
Мнимой мерой мерят люди,
И пред ними мы презренны;
Пред тобою ж мы почтенны,
Ибо взор твой всех осудит.

Так признай меня ты сыном,
Чтоб не слышать этих жалоб;
Или чудо покажи нам,
Что с тобой меня связало-б!
Из блудницы ты восставил
Над блудницами богиню:
Сотвори-ж и нам святыню,
Чтоб и я тебя прославил.

ЛЕГЕНДА

За водой поутру ходит
На священный Ганг супруга
Непорочного брамана,
Прозорливца-судии.
Сколь прекрасна, столь невинна,
Беглых струй она не черплет
Емким кованым кувшином,
Ей не надобно бадьи:
Чисто сердце, святы руки, —
Им сама дается влага,
Округлась в прозрачный шар;
И несет вседневно мужу,
Веселясь душой, подруга
В свежих дланях светлый дар.

Рано, раз, над ясным Гангом,
Лепеча молитвы, стала
И к воде нагнула стан:
Видит небо в гладкой влаге,
Вод зеркалом отраженный

Мимолетный образ в небе —
 Странника эфирных стран, —
 Юношу столь совершенной
 Красоты, какой светилась
 Божья первомысль вселенной
 В лоне вечности святой...
 Видит — и душой смутилась:
 Чует новое желанье
 В глубине своей глухой.

Все-б глядела... Взор отводит, —
 Вновь находит призрак милый...
 Из очей прекрасный гонит, —
 Он пред ней... Рукою робкой
 Зыби ловит: из ладоней
 Убегают скользки волны,
 Растекаются струями,
 Расступаются кругами, —
 Полный омут тянет вглубь.

Руки грустно опустились,
 Ноги томно подкосились...
 Как на кручь взойдет? — предстанет
 Мужу с праздными руками?..
 Тут остаться? Прочь бежать?..
 В мыслях вихрь... Пошла, предстала...
 Он взглянул, и взор обрек...
 И безгласную ко плахе,
 На кладбище тел безглавых,
 Где разит нечестье кара,
 Судия влачит... Пошады
 Как молить ей, если в сердце,
 Без вины, вины упрек?..

И с мечем в руке багряным,
 Хмурый, в тихие хоромы
 Входит он. Навстречу сын.

НЕУСТАННАЯ ЛЮБОВЬ

(Rastlose Liebe)

Под ливнем ревучим,
 Во мглу ущелий,
 По диким кручам
 На встречу метелей,
 В зыбучий снег, вихрь и муть —
 Без устали бег, без отдыха путь.

Мне легче с грозой играть,
 Перечить выюгам,
 Чем в сердце сгорать
 Сладким недугом.
 Восторгов избыток
 От полноты
 Блаженства и пыток, —
 Любовь, это ты!

В какие дубравы
Бежать отравы,
Безумящей кровь?
Не в твоей ли власти я,
Без отдыха счастье,
Жизнь жизни, — любовь?

ПАРНАС

(Deutscher Parnass)

Под лавровым
Этим кровом
Рощ дремучих,
На веселых
Лугосклонах вод падучих,
Аполлона благодатью
В тихой пустыни Парнаса
Я изведал
Жизни сладость, радость часа:
Бог мою живую младость
Возлелеять заповедал
Строгим Музам в этих долах:
Из ключей своих гремучих
Девы отрока вспоили
И уста мне оградили
Целомудренной печатью.

Кличет кто родную братью?
С легким крыльев шелестеньем
Соловьи окрест порхают,
В темных пущах отдыхают,
Звонким пеньем
Грезы счастья навевают.
И вселяет в сердце Муза
Волю братского союза,
Дружбы зов, любви желанье.
Аполлоново бряцанье
Рай пустынный оживляет,
С ветерками звуки бродят.
Бога чтитель
Путь войдет в его обитель.
Гости добрые приходят.

Этот — юноша отважный,
Беззаботный, прямодушный;
Этот — полон думы важной.
Тот, вчера еще недужный,
Здесь воспрянет в прежней силе.
Пламень милый и опасный
Жег его и вел к могиле.
Аполлон один врачует
Раны сердца: он дарует
Духу мир и строй согласий,
Воли бодрое стремленье.

Братья, смело!
 Песня — дело!
 В ней совет и в ней целенье.
 Властно песни обаянье:
 Человека человечней
 Песнь творит, и долговечней
 Громких дел ее деянье.

Слышу их, с тропы далекой,
 Дружный сонм, восторг высокий,
 Их созвучий полных звоны:
 Доблесть, долг, добра законы,
 Гимн их славит,
 Волю движет, явным ставит
 Образ целый и прекрасный
 Человечности прекрасной.

И Фантазия цветами
 Небывальными пестреет
 Между темными листьями —
 Миг — и завязь дивно зреет,
 Златом нижеет мрак древесный,
 Клонит сон ветвей плодами.

Наши игры, лицезренья,
 Упоенья, возгоренья,
 Блеск эфира, свет небесный,
 Из действительности тленной
 Лучших жен уводят в горы,
 В тонковейные просторы,
 Приобщают в наши хоры.
 С вождельнем ловят девы
 Неземных сестер напевы
 И теснятся к их уладам
 И на холм садятся рядом,
 Вторят им созвучным ладом.

Что ж одна уныло бродит
 По дубраве молчаливой,
 Что похитил шаловливый
 Бог любви, не находят.
 Сердца жалобы и стоны
 Принесла она в затоны
 Зыбкой тени:
 Где невинных снов отрада,
 Первых девственных волнений <?>
 Сладкий трепет
 И божественного сада
 Грустен лепет.
 В даль пустых полей уходит,
 Нет в душе ее покоя,
 Ей равны дыханье хлада,
 Стрелы зноя.
 Чти печаль ее, предтечу
 Разрешительного строя:
 Муза выйдет ей навстречу.

В 1929 году Вяч. Иванов в Павии получил предложение от С. Шервинского, Б. Ярхо и А. Габричевского перевести Гете. Шервинский, Ярхо и Габричевский были редакторами первых двух томов подготовлявшегося в Москве юбилейного издания Гете. Вяч. Иванову был послан перечень следующих поэтических произведений немецкого поэта: «1. Paria. 2. Wandrers Sturmlied. 3. Felsweihesang. 4. Elysium. 5. Pilgers Morgenlied. 6. An Schwager Kronos. 7. «Ein zärtlich jugendlicher Kummer...» 8. Rastlose Liebe. 9. Deutscher Parnass. 10. Dauer im Wechsel. 11. W.O.Divan I (Sänger) 12. W.O.Divan IV (Betrachtungen) 13. W.O.Divan XI (Parsi) 14. W.O.Divan XII (Paradies) 15. Kore. 16. Prometheus.

«Прометей» должен был быть представлен к 15 ноября 1929 г., остальные 15 стихотворений — к 1 апреля 1930 г.

Напечатан в юбилейном издании был только «Прометей», ивановские переводы лирических произведений в юбилейное издание Гете не вошли. Одно из них, «Постоянное в изменчивом» («Dauer im Wechsel»), было включено автором в написанную в 1938 г., но вышедшую уже посмертно статью «Мысли о поэзии» (СС., т. 3. С. 671—672). В Римском архиве хранятся многочисленные черновые и несколько беловых неоконченных вариантов переводов №№ 1 (имеется 52 из 181 строки немецкого оригинала), 9 (имеется 94 из 233 строк оригинала) и 8 (полный перевод). Мы печатаем последние беловые автографы.

<Из Мицкевича>

ВИДЕНИЕ

(*Widzenie*)

Ударил гром внезапный. Это тело,
Как цвет лугов, одетый в легкий пух,
Когда над ним бесплотный дунул дух, —
Осыпалось, опало, облетело,
Зерно души нагим оставив. Сон
Меня томил, — но встал я, пробужден.

И как с чела стирает пробужденный
Холодный пот, — я стер свои дела:
Так из пелен, лишь почка проросла,
Возносится цветок освобожденный.
И целый мир, что прежде мной владел,
Где столько знал я тюрем беспросветных,
Тайн роковых, загадок безответных,
Былой земли мучительный предел,
На темном дне лежал он пред очами, —
В морских зыбях, пронизанных лучами.

Великое, я видел, реет море,
Из Божиих истоков излито, —
И благостью светилось море то.
И мне дала Премудрость, на просторе
Вселенских волн, лучом ее скользить,
И в глубинах светиться и сквозить.

О дивный сон! Я светом был, и оком.
И с первою стихиею слиян,
Струился в мир, и мною о иян
Был каждый лик в творении широком.
Я оком был, — и мир вошел в меня,
Вместилище срединного огня.
Недвижимый из средоточья круга
Я вечность сил круженье различал, —

В начале был живых первоначал
 И в месте том, где духи, друг от друга
 Отходят врознь, как светоносный клир,
 И, чуждые движенья, движут мир,
 Так славами светило дня лучится,
 Само ж от них под ризой слав таится.

И в тот же миг я был в крайней сфере,
 По ширине все необъятней круг,
 А Божество не умещалось в мере
 Наполненных моей душою дуг,
 И я постиг, что вечно разгораться
 Ей суждено, и жару возростать,
 Что вечно ей лететь и простираться,
 Себя творить, искать и обретать,
 Растущих крыл лелеять вознесенье
 И примножать и приближать Спасенье.

И я проник насквозь тела людские
 Как влагу луч. Текучая стихия
 К лучу прильнуть не смеет; ей нельзя
 Его пленить; чиста его стезя.
 Он весть водам про сферы золотые,
 Он солнцу весть про чудеса морские.

Людских сердец я разомкнул затвор,
 И как в стекле магический раствор
 Алхимику, прозрачен затаенный,
 Мне был состав их воли воспаленной:
 Кто эликсир целительный творил,
 Кто варево волшебное варил —
 Я проницал сквозящих душ завесы:
 Вкруг ангелы-хранители и бесы,
 Двуликий сонм, движеньем легких крыл
 Тут раздувал, там остужал их пыл.
 Тот плакал, тот смеялся. Все внимали
 Тому, кого в объятиях сжимали
 Как пестунья, которой сына князь
 Сдал на руки, в чужбину удалясь,
 Послушная, дитя развеселяет,
 К добру ль его иль к худу наставляет.

Вяч. Иванов

<О ТИПИЧЕСКОМ>

Публикация Марии Кандиды Гидини

Публикуемый текст представляет собой автограф на восьми страницах, первая из которых имеет заглавие «О типическом». Это заглавие получил весь текст, который в описи обозначен как «статья» с вопросительным знаком, но по содержанию оно может относиться только к первым пяти страницам.

Принимая во внимание, что в период, когда делались эти записи (апрель 1889), Иванов был двадцатилетним студентом в Берлине, и сам характер записей, кажется маловероятным, что перед нами статья или конспект статьи.

Эти записи больше похожи на серию заметок для самого себя. Иначе нельзя объяснить их фрагментарность, проявляющуюся не столько в отсутствии логической связи, сколько в телеграфном стиле, глубоко чуждом тщательно продуманному синтаксису Иванова. Некоторые выражения и обороты звучат по-русски не совсем естественно и производят впечатление переведенных с немецкого, что может внушить мысль о переводе. Но от подобных предположений пришлось отказаться потому, что Иванов постоянно ссылается в этих записях на особенности русской ментальности и языка, а сами записи носят характер личных размышлений.

Интерес документа заключается для нас не столько в оригинальности высказанных в нем идей: спор о типическом, особенно после Гегеля, присутствует во всех дискуссиях об искусстве. Противопоставление общего и особенного находит разрешение в понятии «типа», и «типичность» становится, например, у Дильтея, специфической категорией эстетики.

Несомненный интерес представляет то, что Иванов уже в 1889 году, занимаясь историей, останавливает свое внимание на проблеме типического в искусстве, на проблеме слова и выражения, которые станут основными в его размышлениях о поэтике зрелого периода. Уже в этом тексте проявляется специфическая для Иванова мысль о границе, грани, существование которой составляет драматическую особенность художника.

Такие выражения, как «грань», «скользкость почвы» и «погоня за типическим», хорошо передают этот драматизм и, скорее, обращают нас к лексике ивановских статей символистского периода, чем к сухому словарю философских сочинений по данному вопросу. Еще одно связывает заметки о типическом с последующей эволюцией Иванова: настойчивое требование, чтобы в основе «типа» лежало некое единство. Это внутреннее единство есть интимно необходимая связь, благодаря которой в конкретном художественном образе индивидуальное и универсальное должны слиться в органическое целое; требование внутреннего единства проходит красной нитью через все последующие ивановские размышления о символе.

Вторая часть публикуемого текста представляет, возможно, еще больший интерес. Иванов останавливается здесь на проблеме языка и рассматривает при этом две важные темы, тесно связанные между собой: отношения слова и речевого периода и многозначность каждого отдельного слова.

Анализируя отношения между отдельным словом и периодом в различных языках, Иванов отдает преимущество латинскому, обладающему равновесием, позволяющим сохранить удельный вес и самоценность слова, несмотря на сложный синтаксис и гибкую систему группировки слов, что не всегда свойственно другим языкам. Ту же самую способность сохранять ценность и вес слова Иванов находит в русском языке, но не в немецком, обладающем склонностью жертвовать отдельным словом ради целого.

Так возникает концепция, в которой имя, слово являются первоосновой языка, «сакральным вместилищем» его неограниченных возможностей¹. И тут возникает вторая тема работы молодого Иванова: многозначность, многосторонность и глубина слова; уже тогда на самом деле он не считал это факультативными признаками языка, но видел в них необходимое условие его правильного функционирования. Слово составляет первооснову языка потому, что его многосторонность (термин «символичность» Иванов здесь еще не употребляет, но искушение употребить его невольно возникает) позволяет языку действовать.

Именно опираясь на эту многосторонность, а не на регулятивные механизмы, осуществляющие выбор значений внутри речи, становится возможным понимание языка как явления, изоморфного реальности, которую он стремится выразить, изоморфного самой природе вещей, которая Ивановым ощущается как смутная, полиморфная и указывающая на нечто лежащее вне себя, как и сам язык. Отсюда проистекает и «двойной смысл», о котором Иванов уже упоминает в этой работе и который составляет необходимую предпосылку любой символистской концепции.

Удивительно, что уже здесь Иванов определяет любое выражение как «дивинацию» и открывает область первоначального и совершенного языка в библейском пророческом слове, у оракулов, а при современном господстве индивидуализма и произвола слабые ее следы усматривает в подлинном поэтическом творчестве.

Ту же проблематику, и даже с той же терминологией, мы обнаруживаем и в его поздних статьях, после того, как они пройдут через все его критические и теоретические размышления о символе и о поэзии. Например, в важной для него статье «Мысли о поэзии», написанной в 1938, но переработанной в 1943, Иванов, как и в публикуемом нами тексте, идентифицирует слово и поэзию, а поэзию — с дивинацией, тесно связывая между собой поэзию и «сообщительность» (то есть основную сущность языка)².

- 1 Следует обратить внимание, что подобное понимание слова типично для всего европейского модернизма; оно оказало влияние и на его поэтическую практику. В качестве примера сошлемся на исследование М. Праца о «чувственной любви к слову» у Габриэля д'Аннуцио (*Prax M. La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica, Firenze, 1942, pp. 401—456*). В этом исследовании, которое, между прочим, Иванов знал и ценил, упоминаются французские символисты и их концепция слова как «растворенного образа» («*image soluble*») вещи и романтическая традиция, усвоенная декадентами, отождествляющая имя с сущностью именуемого. Самого Иванова, автора «Кормчих звезд», Андрей Белый определял как поэта «существительных», замечая, что в этом сборнике существительные встречаются в десять раз чаще, чем глаголы, и что сами эти глаголы кажутся «пустыми» и «бледноречивыми». Подобную тенденцию Павел Флоренский обнаруживает у футуристов, как русских, так и итальянских (см. уничтожение прилагательных и их субстантивацию или употребление неопределенных форм глагола у Маринетти), и связывает ее с «онтологизацией языка» (*Флоренский П. Антиномия языка. В кн.: Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 175.*) Такое исключительное внимание к слову в России и в особенности в концепциях и поэтической практике Иванова сливается с духовными и мыслительными традициями имеславия. Хотя само имеславие далеко от исканий модернизма, во внутреннее развитие Иванова оно вошло как составная часть синкретического единства, включающего самые различные влияния, в его подход к слову.
- 2 *Иванов В. Мысли о поэзии. СС. Т. III. С. 651—652.*

На высшей ступени своего художественного развития Гете обратился к изображению типического. Так утверждают; но читая его произведения, замечаешь, что стремление к такому изображению было всегда ему свойственно.

Едва ли кто будет спорить о том, что типическое есть главный член в эстетическом определении прекрасного. Типическое в античном искусстве и обусловило его недостижимую высоту. Между тем, как понятие о типическом обычно очень смутно, признак типичности зачастую приводится, хотя и бессознательно, в доказательство нехудожественности произведений, так что возникает очевидное противоречие не только во взглядах на сущность прекрасного, но и в самых вкусах, причем как бы официальное признание красоты типического находит реакцию в несимпатическом отношении к более или менее крайнему (л. 1 об.) применению того же в теории признанного начала. Конечно, при такой оценке нередко совершаются несправедливости.

Но если в подобных суждениях заключается доля истины, очевидно, что разногласие может возникнуть только о рубеже, разделяющем область типического на художественное и нехудожественное. Ибо типическое есть абстрактное и сфера отвлечения почти безгранична.

Другие несомненные требования искусства ставят, пожалуй, условие, решающее вопрос о рубеже. Отвлечение типа может идти так далеко, пока сохраняется самостоятельная жизнь типической личности как личности. Требования индивидуального полагают грани общему.

(л. 2) Но неопределенность этого решения тотчас же видна. Она заключается в широте понятия личной жизни. Когда в одном из последних явлений второй части Фауста являются Нужда и Забота, эти типические абстракции было бы несправедливо назвать неживыми личностями, но круг их действий очень ограничен, мы с трудом можем или совсем не можем представить себе эти образы во всем богатстве различных явлений, даваемых настоящей жизни. То же можно сказать, например, о трех Могучих и о многих других образах Фауста. Между тем отвлечения в роде Волн, лелеющих утопленников, в той же второй части кажутся ближе и теплее, вероятно, потому, что жизнь этих существ знакома нам из мифологических обработок той же художественной мысли. Оттого об абстракциях Фауста (л. 2 об.) редко кто произнесет сочувственный отзыв. Художники, чувствуя скользкость почвы, на которую они принуждены становиться в погоне за типическим, бессознательно помогли себе способом, состоящим в смешении чистой абстракции с произвольно-индивидуальным элементом. В чистый драгоценный металл отвлечения они прибавляют недрагоценную металлическую примесь, чтобы сделать смесь и тверже, и более годною к употреблению.

Римляне были расположены к чистой абстракции. Считать их лишенными художественных задатков вполне несправедливо; дело только в том, что их художественная потенция, проявившаяся в самом отвлечении божеств из обыденных и часто мелочных явлений, не могла развиться (л. 3) в положительном творчестве вследствие чистоты их отвлечения. Иначе поступили Еллины, их абстракции были нечисты благодаря примеси произвольных и индивидуальных черт — элемент уже фантазии, а не воображения — зато как жизнеспособны! С еллинскими нечистыми абстракциями произошел своеобразный процесс: они утратили первоначальное свое значение и стали человеческими типами. Итак, вопрос о степени уместности абстракции в искусстве, не решенный в теории, был на практике удовлетворительно обойден посредством компромисса, состоящего в том, что к чертам чистого отвлечения *прибавляются* черты индивидуальные.

Мера, в какой допустима эта примесь, также неопределенна. Но, наблюдая различные произведения искусства разных времен и народов, мы (л. 3 об.) замечаем, что на столь высоких ступенях художественного совершенства, как в искусстве греческом, эта примесь довольно умеренна, у новых художников она, напротив, преобладает.

Живопись более склонна к индивидуальному, чем скульптура. В поэзии роман и повесть обременены преобладанием индивидуального над типическим. Русские очень мало смыслят в типическом; то, что они называют обыкновенно типами, почти не типы.

В связи с этим находится склонность русской поэтической мысли к т.н. беллетристической форме. Пушкин однако оставил несколько великолепных образцов чистой типичности (напр., стихотворение «Пока не требует поэта», Моцарт и Сальери), и у Толстого есть образцы высокотипического в передаче душевных состояний.

(л. 4) Напротив, немцы особенно способны к абстракции и в художественной сфере.

Они ведут типизирование так далеко, что представляют образчики совершенно особенного обращения с абстракцией, прямо противоположного тому способу прибавления (индивидуальных черт), который сообщает абстракции живучесть, приближая ее к индивидуальному.

Здесь мы встречаем, напротив, деление, рассечение абстракции на ее элементы для чистейшего развития каждого из них в его отвлеченности. Здесь абстракция развивается дифференцируясь. Так единое представление греческого характера в его цельности распадается у Гете в Ифигении на характеры Ореста и Пилада, что не должно смешивать, напр., со сходным противопоставлением (л. 4 об.) напр. Электры и Хрисофемиды у Софокла. Так единый характер некоего человеческого титана, олицетворяющего всю западно-европейскую культуру, дифференцируется в два типа — Фауста и Мефистофеля. Гете свойственно, даже в малых стихотворениях, раздроблять каждую мысль, каждую картину на борющиеся противоположные сущности (что часто обуславливает диалог).

В Гете удивительным образом соединены ученый и поэт. Дифференцируя типы, он поступает как ученый. Но тотчас же начинается его деятельность как поэта. Казалось бы, части первоначальной абстракции должны быть еще мертвеннее, нежели сама она. Между тем у Гете эти части находят обильные жизненные соки, чтобы жить полною самостоятельную жизнью. Здесь обыкновенно (л. 5) приходится прибегать к способу прибавления индивидуальных черт. Но наблюдая, в чем состоит это прибавление, легко заметить, что вновь присоединяемые черты стоят в тесной внутренней связи с типом, к которому присоединяются, и отчасти необходимо вытекают из его сущности. Не таковы ли прибавляемые черты и в типах греческого искусства?

Так практика научает нас новому требованию от изображения типического: чтобы индивидуальная примесь находилась во внутренней связи с сущностью типа. Оглядывая процесс дифференцирования типа и развития его обособившихся частей в обратном по времени направлении, видим, что в духе художника все последующее развитие заключалось в одной еще не обособившейся в себе сущности (л. 5 об.), как растение в зерне. Сущность же эта не могла быть по самой природе своей отвлечением только отдельных признаков существующего, но отвлечением некоторой группы тесно связанных между собою признаков. Таковы наиболее плодотворные типические абстракции. Они доставляют действительное эстетическое наслаждение, потому что имеют внутреннюю жизнь. Так хотя отчасти выясняется то требование жизненности, которое, как сказано выше, ограничивает процесс отвлечения типического.

12/13 апреля 1889

Немецкий язык есть язык периодов. Он заботится о том, чтобы образовать закругленность группы слов. Этой цели особенно служат в нем строгие правила расстановки слов. Это доказывается также ролью отделяемых глагольных приставок, ограничивающих словесные группы.

Отдельное слово отчасти (л. 6) утрачивает свой вес в пользу целой группы. Мелкие, лишённые окончаний слова французского и английского языка также ищут прислониться друг другу. Чтобы сказать фразу по-французски или английски, нужно употребить много слов; их обилие только смягчается их краткостью и легкостью. Латинский язык удивительно соединяет в себе силу и величие отдельного слова со способностью группировки слов. Но главный вес и красота этого языка заключается все же в величавой вескости каждого слова и возникающей чрез это возможности обойтись с помощью немногих слов, отчего и «обилие речи» является истинным обилием, а не вынужденною необходимостью собирать целые толпы слов, чтобы поднять тяжелую мысль.

Русский язык, который не любит периодов, сохраняет силу отдельного слова. Слова в нем величавы, вески, часто длинны, без тяжести (л. 6 об.) и вооружены роскошными окончаниями. В русском языке каждое слово настолько независимо, что для благозвучия целой речи не жертвует своими частными особенностями:¹ не так, как в санскритском, в латинском (элизия), в греческом (элизия, апохота, произношение напр. ν за μ перед π).

Это свойство языка, вероятно, способствовало развитию той меткости в отдельных названиях, которою славятся русские.

В связи со сказанным, быть может, и то, что русские говорят обыкновенно медленнее, чем французы, немцы, англичане.

Русская обиходная речь, особенно в народе (только уж вовсе не в образованных классах!) не имеет печати мертвенного однообразия, как на Западе, не состоит из ряда пошлых стереотипных оборотов и дает широкий простор индивидуальности говорящего.

14 апр.

(л. 7) Флобер утверждал, что настоящий, идеально-прекрасный стиль только один.

Я также думаю, что каждая мысль может быть вполне выражена только одним способом. Для того, чтобы выразить ее так, нужно «*deviser les mots*». Отыскание истинного выражения есть, поистине, дивинация.

Вещи в природе таковы, что на каждую из них можно смотреть с весьма многих сторон и что каждая из них указывает (*implicite*) на весьма многие другие вещи и явления.

Чтобы действие выражения было равносильно мысли, им выраженной, вещи, им изображаемой, должно, чтобы оно обладало теми же свойствами многосторонности и глубины, как сама вещь или мысль, объективно взятая, как явление.

Поэтому, быть может, не слишком фантастично такое утверждение:

Бывают выражения, в которых, быть может бессознательно, выражающий употребляет или такие особенные образные подробности, или такие особенные слова, или такие особенные звуковы соединения, которые вызывают в слушателя мысли и образы, прямо или сознательно не связанные с тем, что нужно выразить, но которые однако внутренне оказываются родственными с ним, расширяют и углубляют (л. 7 об.) впечатления, придают сказанному как бы двойной скрытый смысл.

¹ Поэтому, напр., избежание *гагуса* (ззяня) по-русски и менее необходимо и более трудно, чем в других языках. У нас для его избежания должно принимать *й*(й) за согласную.

Так поступали, пожалуй, отчасти, оракулы. Но в них искусственно производится то, что должно быть следствием непосредственной дивинации. Больше всего образцов такой речи можно, вероятно, найти в библейских пророчествах. Яснее всего и понятнее всего выступает справедливость сказанного в народном творчестве. В нем певец позднейшего времени бессознательно повторяет многие детали и формулы, которые некогда имели определенный, глубокий смысл, впоследствии утраченный. Таков Гомер. Примеры можно найти у Воеводского.

В новое время, когда каждый хочет и мыслить и говорить свободно и по-своему, все больше утрачивается способность употреблять пророческие выражения. Но великие поэтические таланты возвышаются до них. Например, Гете. Угаданное истинное выражение действует необыкновенно. Непосредственно чувствуется его глубокая, как бы произвольная, истинность.

20 апр. 89

ВЯЧ. ИВАНОВ. «О МНОГОБОЖИИ»

Публикация Гвидо Карни

НА ПУТИ К СТРАДАЮЩЕМУ БОГУ

Принято считать «Эллинскую религию страдающего бога» (далее ЭР <в пределах данной публикации — *Ред.*>)¹ началом всей достоверной документации о становлении историко-религиозных и религиозных воззрений Вяч. Иванова. Несмотря на то, что тщательное изучение ивановской переписки 90-х гг. позволяет значительно расширить объем чисто биографических данных, все же свидетельства о культурном развитии Иванова и о созревании идей, связанных с дионисизмом, остаются весьма скудными. В 1894—1896 гг. мы видим его еще колеблющимся между соловьевской экклезиологией, шопенгауэровским пессимизмом и «вульгарным» нищезанством, а с декабря 1901 г. до весны следующего он уже в Афинах собирает документацию о Дионисовых культах. В эту пору полностью складывается замысел очерка «Дионисическая жертва» (вероятно, будущая ЭР)².

Скудость свидетельств и достоверных данных о времени возникновения замысла препятствует всякому серьезному анализу ЭР, которая уже сама по себе представляется «трудной», многосоставной по своей филологически-документальной основе и часто невнятной и неоднозначной в теоретических и идеологических утверждениях. Публикация неизвестного до сих пор наброска «О многобожии» частично исправляет положение. Правда, этот текст (записанный, по всей вероятности, незадолго до парижских лекций о дионисизме) можно считать неизданным с известной натяжкой. Большая его часть на самом деле воспроизводится, с изменениями, в расширенном контексте «Заключения» ЭР (см. ниже, «Текстологические замечания»).

Генетическая связь «О многобожии» с ЭР приводит нас к интереснейшему выводу: последние две главы ЭР отнюдь не являются беспристрастным «теоретическим» обобщением проведенных в предыдущих главах «эмпирических» исследований, но возникли изначально как самостоятельный текст, как первый схематический «манифест» сложившихся а priori религиозно-историсофских представлений, по отношению к которым основная, «прикладная» часть ЭР является лишь «развитием» а posteriori³.

Изложенные в публикуемом тексте представления прямо вытекают из *принципиального антиисторизма*. Уже внимательный анализ изданных ивановских сочинений показывает, что на его мировоззрение воздействует глубокий кризис всякой рационально направляемой диалектики исторического прогресса, и вообще кризис идеи истории как таковой⁴. В этой перспективе ивановская проблематика отражает кризис буржуазного индивидуализма, проявляющийся в общеевропейской культуре конца девятнадцатого века. В специфически рус-

ском контексте этот кризис затрагивает в первую очередь традиционную роль интеллигенции в условиях быстрого общественно-экономического развития страны. В этих условиях у представителей модернистской интеллигенции нарастающее чувство общественного обособления и замкнутости сублимируется в абстрактную и одностороннюю идеализацию своего «мессианистического» предназначения. В то же время упраздняется самое представление о рационально направленной истории вообще. Таким образом, идеологической основой общего мировоззрения модернизма является *замена рационально-исторического изменения разнообразными и разнородными мифологическими представлениями*.

В частности, Иванов уже в публикуемом тексте объясняет современный общественно-культурный кризис категориями исключительно духовного вырождения, к которому именно релятивизирующее «историческое чувство» и разлагающий рационализм — как считает Иванов — ведут европейскую цивилизацию. «Неорганичной», «обособленной» и «паразитной» современности, утратившей живое сознание своего единства с природой», Иванов противопоставляет идеал «цельного» и жизнетворческого античного духа⁵.

В первых же главах «О многобожии» ясно выделяется ряд ницшеанских отголосков: отказ от критического и аналитического *historischer Sinn* в пользу сознательной «монументальной» экстраполяции и мифологизации отдельных исторических моментов, обособленных в качестве творческого стимула⁶; идеал «духовного возрождения», как тождества «внешней» маски и духовной сущности⁷; «новый дух» определяется как «историзм» без «непосредственного прикосновения <...> к девственной природе»⁸.

«Корибанту Ницше» посвящена третья главка «О многобожии», где мы находим первый пример истолкования немецкого философа как «пророка наполовину» и «филолога-музыканта», которое столь часто повторяется в ивановском творчестве: «пророк Диониса» и глашатай обновленной «верности земле». Ницше якобы остановился перед высшим «религиозным» значением дионисической идеи и, произвольно приписывая ей нравственные, общественно-политические, даже биологические значения, извратил ее непоправимо⁹. Даже если оставить в стороне сознательные отмежевания от Ницше, уже ивановское определение причин творческого истощения современного духа (и из него вытекающего культурного паразитизма) сильно расходится с основами ницшеанской мысли.

По мнению немецкого философа, формы религиозного сознания имеют в ходе исторического развития чисто *производный* характер в качестве псевдотрансцендентного оправдания всех стремлений и ценностей определенной культурной, общественной или этнической группы¹⁰. Разрыв между древним «дионисическим» духом и современной «сократовско-рационалистической» и «христианско-романтической» цивилизацией приписан в первую очередь *общественному смешению* современного мира при исчезновении древних рабовладельческих структур¹¹. Иванов же, напротив, всегда ставит на первый план религиозную сферу, в которой видит объективное проявление трансцендентных начал, их пересечение с исторической плоскостью. Приписывание какого бы то ни было гетерономного характера формам религиозного сознания, с его точки зрения, недопустимо, историческая феноменология определяется в конечном счете теми трансцендентными началами, которые находят в религии свое непосредственное выражение.

Сообразно с этими предпосылками (ими он обязан Вл. Соловьеву) Иванов сводит кризис современного духа к *кризису религиозного сознания*. Основной чертой античного мирозерцания является, по мнению Иванова, жизненный и творческий «политеистический пафос», острое пантеистическое и циклически-натуралистическое восприятие мира¹². Кризис античного пантеизма и постепенный упадок живой мифотворческой силы в арийском духе начались с насильственной *христианизации* этого последнего, точнее, с внедрением семитического *vipus'a* монотеизма, присущего христианству¹³. Следовательно, основной вопрос касается *сущности самого христианства*. Превращаясь через «жажду самообожествления» в религию Нового Завета, строгая, тираническая еврейская вера открыла «путь мистической филиации: в Боге <человек> узнает Отца, и в человеке — сына Божия»¹⁴. В отождествлении человеческой воли с волею божественной через формулу «да будет воля Твоя» христианство и реализует мистический синтез «монотеистического аморфизма»¹⁵ семитов с «пафосом многобожия»¹⁶, присущим арийскому духу и пока лишь односторонне проявившимся в «орфической религии Диониса». С этой точки зрения разложение античного «арийского» пантеизма и возникновение новой религии, каким бы

травматическим и внешне насильственным путем этот процесс ни совершался, принимает значение *символическое и провиденциально-палингенетическое*: если крестной жертве Диониса-Сына Божия символически соответствует «страсть» человеческого духа, то через его возрождение воскресает и человеческий дух, преображенный «в ипостаси сыновней» вместе с природой-«Изидой», «Психеей», «Душою мира» и «древней, многострадальной Геей»¹⁷.

Противоречие между разлагающей функцией и палингенетической ролью христианства по отношению к орфическому дионисизму объяснимо лишь на основе той специфической двойственности, которая, по Иванову, характеризует религиозный феномен вообще: из единого изначально и непосредственно данного экстатически-культового ядра развиваются все более сложные и косвенные формы религиозного сознания, догматические и мифические надстройки, как предельно обобщенные отражения первоначального «прозрения»¹⁸. Здесь слышатся явные отзвуки теорий Э. Рода о сущности мифа как полусознательного истолкования и образного обобщения некоей исконной «мифической интуиции», непосредственно данной в обряде¹⁹. Однако внимательный читатель заметит тут и применение к религиозной феноменологии того различия между влечением к «как» и влечением к «что», которое Иванов неоднократно постулировал в ряде «теоретических» статей: способности различения, обобщения, логического оформления понятий, одним словом, рациональной диалектике Иванов противопоставляет некое «как», некое непосредственно-иррациональное состояние, ядро всякого духовного явления²⁰. Таким образом, всем историческим религиям, самым разнообразным, друг друга заменяющим догматическим и умозрительным комплексам свойственно общее исконное ядро экстатически-соединительного переживания. Через это переживание частное сознание разлагается, «теряет самое себя», мистически приобщаясь (по ведической формуле *tat twam asi*²¹) к растерзанному «всеединому существу», чтобы потом возродиться очищенным и освященным «в ипостаси сыновней», осознав тождество своей личной воли со вселенской божественной волей.

Значит, дионисическое «как», «дионисизм» или «прадионисизм» и есть «модель архаического божества вообще»²², символ непосредственных культовосоединительных обрядовых приемов всякой религии. С этой точки зрения утверждение «дионисических» корней христианства вполне ортодоксально²³, поскольку оно сводится к «дистилляции» исконно-экстатического психологического ядра данной «исторической» религии, осуществляющего в непосредственно-обрядовых формах, независимо от всякой нравственной или догматической надстройки, то «органическое» и «соборное» общество, которое постулировано Вл. Соловьевым как цель всего исторического развития²⁴.

Знак равенства между дионисическим орфизмом и первоначальным христианством представляется, таким образом, прямой мифической «экспансией» того явления, которое Иванов постулирует в первую очередь на непосредственно-субъективном уровне в форме мистически-палингенетического переживания: независимо от эклектической системы символических и мифических ссылок и от какой бы то ни было конфессиональной определенности, только непосредственная палингенетическая *extasis* и составляет единственно мыслимое противоядие в условиях того всеобщего распада, симптомы которого проявляются и на уровне исторического развития, и в экзистенциальной сфере личности²⁵.

Постулат этого мистически-субъективного «как» есть основа для весьма гибкой, при надобности даже совсем произвольной, систематизации и оценки конкретных исторических форм религиозного сознания. По мнению Иванова, в ходе исторического развития циклически возвращается определенная фаза, в которой одностороннее развитие рационального и «солнечно-мужского» начала в разных своих формах (олимпийско-ураническая религия эллинов, «монотеистический аморфизм» евреев, современный исторический гуманизм) ставит экстатически-соединительное и «теллурически-материнское» начало под угрозу исчезновения²⁶. Из высказанного ясно, что только обновленные и предельно очищенные формы первобытного экстатического культа «матери-земли» и «страдающего бога» (орфический дионисизм, христианство) в состоянии противодействовать культурному паразитизму, нигилистическому пессимизму, самому себя пожирающему индивидуализму, в которые мало-помалу рациональное «отвлеченное начало» непременно вырождается.

Религиозно-историческую символику, посредством которой Иванов «объективирует» в макрокосме мистико-палингенетический процесс, можно схематизировать примерно так: а) в соответствии с *процессом разложения арийского панте-*

изма, как он представляется нам в «О многобожии» и в «Заключении» ЭР, провиденциально-палингенетическая функция приписана *христианству* (которое одновременно и является главным фактором данного разложения) в символе «на древе распятого, мирового Христа»²⁷; б) в сфере противоречий, присущих *античному политеизму как таковому* («чувство противоположности между смертным-человеческим и бессмертным-божественным»²⁸, духовный разрыв между аполлонически-олимпийскими и деметрически-ночными божествами, т. е. между рационально-оформляющим и экстатическим началом, аналогичную роль играет *орфический дионисизм*.

В теоретических работах 1903-1907 гг. дионисийские и христианские символы и мотивы переплетаются на основе принципиального равноправия, поскольку постоянные колебания при установлении связей или иерархии между данными конкретными религиозными «что» обусловлены чисто функциональной ролью, приписанной данным символическим и догматическим надстройкам по отношению к единому экстатически-палингенетическому ядру. Отсюда то допущение некоего автономного дионисического начала, независимого от христианства, то резкое отрицание всякой автономной значимости дионисизма в современности. Но с 1907 года, при сильно изменившихся обстоятельствах в связи с поражением революции 1905—1907 гг. и с отказом от любых «палингенетических» проектов, дионисийская сфера теряет всякую самостоятельную роль: дионисийский миф и соответственная символика подчиняются отныне христианству либо подвергаются чисто историко-филологическим исследованиям, чуждым тому синкретическому и «палингенетическому» пафосу, который характеризовал ЭР и тем более «О многобожии»²⁹.

В мистическом синкретизме Иванова *tout se tient*, если не считать непоследовательностью (и это было бы несправедливо по отношению к мировоззрению, которое открыто представляется *иррационалистическим* и *мифологизирующим*) эклектическое «приспособление» мистического и «провиденциально-палингенетического» ядра к постоянно меняющимся контекстам, когда отношение рационального логоса к объективной данности не мыслится как диалектическое *усвоение*, отраженное в историческом процессе, но как непреодолимый *разрыв*, то предстоит лишь «утопить» рациональный логос в «правом безумии» непосредственного «эротического» слияния микрокосма с макрокосмом³⁰. Таков всегда и был кругозор Иванова — историка религии, и только в этом кругозоре мы можем оценить его теории.

- 1 Это длинное исследование о религии Диониса имело судьбу весьма необычную. Оно опубликовано впервые — на основе цикла лекций, прочитанных весной 1903 в Русской высшей школе общественных наук (в Париже) — в «Новом пути» (далее НП <в пределах данной публикации — *Ред.*>): 1904. — № 1. — С. 110-134; № 2. — С. 48-78; № 3. — С. 38-61; № 5. — С. 28-40; № 8. — С. 17-26; № 9. — С. 47-70. В журнале «Вопросы Жизни» (далее ВЖ <в пределах данной публикации — *Ред.*>), заменившем НП, увидели свет последние две части ЭР (№ 6. — С. 185-200; № 7. — С. 122-148) под заглавием «Религия Диониса». Отдельное издание ЭР должно было осуществиться только в 1917 г., но готовый уже набор погиб при пожаре издательства. По верстке, сохранившейся в отделе рукописей РГБ, опубликованы фрагменты в кн.: *Эсхил. Трагедии* / В пер. Вячеслава Иванова; Изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; Отв. ред. Н. И. Балашов. — М.: Наука, 1989. С. 307-350. Об истории ЭР см.: *Котрелев Н. В.* Примечания, там же, с. 556-557.
- 2 Ср. письмо Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 4 декабря 1901 г. (ОР РГБ 109.9.44).
- 3 Этот прием, характерный для историков религии иррационалистического склада, несомненно известных Иванову, таких, как Фр. Крейцер, Й. Й. Бахофен, для самого Ницше, определен Н. В. Брагинской как «конструктивный пафос». — См.: *Брагинская Н. В.* Трагедия и ритуал у Вячеслава Иванова // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М., 1988, с. 296.
- 4 Ср. ЭР — НП. — № 1. — С. 127; НП. — № 2. — С. 58 и 70-71; ВЖ. — № 7. — С. 139; «О веселом ремесле и умном веселии» — СС 3, с. 73 (впервые — «Золотое

- Руно», 1907. — № 5); «О любви держащей» — СС 3, с.131-135 (впервые — «Факелы», 1907. — Вып.2); «Спорады. I» — СС 3, с. 113 (впервые — «Весы». — 1908. — №8); «Lettera ad A. Pellegrini sulla «docta pietas» — СС 3, с. 434-451 (впервые — «Il Convegno». — Milano. — 1933-1934); «Humanismus und Religion»// «Hochland», 1933-1934. — № 7. — S. 307-330.
- 5 «О многобожии», § 4; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 141.
- 6 Ср. Ницше Ф. Сочинения в 2 томах. — М., 1990. — Т. 1. — С. 168. (далее: Ницше. Соч.; оригинал: Nietzsche F. — Werke: Kristische Gesamtausgabe / Hg. v. G. Colli u. M. Montinari. — Berlin; New York, 1967. — III. — S. 254; далее: NW).
- 7 Ср. Ницше. Соч.. — Т. 1. — С. 182, 230, 496-497; Т. 2. — С. 272 (NW, соответственно, III. — S. 270, 330, V2. — S. 20; VI2. — S. 20; VI2. — S.54).
- 8 «О многобожии», §4; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 141. — Ср. Ницше. Соч. — Т. 1. — С. 149, 180-182 (NW, III. — S. 141-142, 268-271).
- 9 Ср. ЭР // НП. — № 2. — С. 63-65; ВЖ. — № 7. — С. 140-141; «Ницше и Дионис» — СС 1 (впервые — «Весы», 1904. — № 5); «Кризис индивидуализма» — СС 1 (впервые — ВЖ, 1905. — № 9); «Спорады. V: О Дионисе и культуре» — СС 3 (впервые — Иванов Вяч. По Звездам. СПб., 1909); «Кручи: О кризисе гуманизма» — СС 3 (впервые — «Записки Мечтателей». — Пг., 1919); «Переписка из двух углов» — СС 3 (впервые — Пг. 1921); «Анима» — СС 3 (впервые — «Согон», 1935).
- 10 Ср. Ницше. Соч. — Т. 1. — С. 673-674; Т. 2 — С. 381-384, 420-422 (NW. — III. — S. 113; V2. — S. 63-64, 81-82, 172; VI2. — S. 164, 215).
- 11 Ср. Ницше. Соч. — Т. 1. — С. 127-128, 528, 541, 602; Т. 2. — С. 344, 379 (NW. — III. — S. 113; V2. — S. 63-64, 81-82, 172; VI2. — S. 164, 215).
- 12 Ср. «О многобожии», §§ 5, 13, 14; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 141, 144.
- 13 Ср. «О многобожии», § 6; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 141-142.
- 14 Там же.
- 15 «О многобожии», § 14; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 144.
- 16 Там же.
- 17 «О многобожии», § 15; ср. там же, § 8; ЭР // ВЖ. № 7. — С. 142-143.
- 18 Ср. «О многобожии», § 9; ЭР // ВЖ. — № 7. — С. 143, ср. там же. — С. 144: «Экстаз, по-видимому, первый момент религиозной жизни человечества вообще, альфа и омега религиозных состояний. Он-то и составляет всю душу и все содержание Дионисовой религии. На ее примере можно видеть, сколь несуществен в составе религии элемент догматический».
- 19 Ср.: Rohde E. Psyche: Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. — 4 Aufl. — Tübingen. — 1907. — Bd. 2. — S. 109-121.
- 20 Ср. «Новые маски» — СС 2, с. 79 (впервые — «Весы», 1904): «Идеал всех стремлений двулик. Дух волит осознать себя как объект и как субъект. Человек ищет истинного что и хочет правого как. Что обещает прозрение, как — перерождение. Мысль определила меж познаваемого что. Наше время утверждает свое призвание к религиозному творчеству тем, что снова верит в божественные возможности внутреннего опыта: ощутить себя и мир по-новому — вот в чем «переоценка ценностей», необходимая для нашего духовного освобождения. И в дифирамбических очищениях мы, хотя бы на одно мгновение, воистину ощущаем себя и мир по-иному».
- 21 «Это ты сам» (санскр.). Формула впервые используется Шопенгауэром, чтобы обозначать интуитивное преодоление «начала индивидуации» (см.: Schopenhauer. Saemtliche Werke. Wiesbaden, 1966. — Bd. 2: Die Welt als Wille und Vorstellung. — S. 422, 422).
- 22 Брагинская Н. В., цит. соч. — С. 29.
- 23 На этой основе Иванов доходит иногда до более радикальных обобщений — ср.,

- например, утверждение о некоей конкретной «генетической» связи христианства с дионисизмом: ЭР//ВЖ. — № 7. — С. 135.
- 24 Важно отметить, что в противоположность Соловьеву, по Иванову, «свободная теократия», соборная общинность, непосредственно оформляемая трансцендентными религиозными началами, уже не предусматривается как цель определенной диалектики исторических форм, но *предполагается как до- и надисторическое состояние, как непосредственное мистически-соединительное переживание.*
- 25 Ср.: «Ты еси» — СС 3 (впервые — «Золотое Руно». — 1909. — № 7, 8, 9).
- 26 Половая тематика и соответственная терминология показывают непосредственное влияние базельского историка Й. Й. Бахофена. На «знаменитого исследователя матриархального быта и Mutterrecht'a» прямо указывается в ЭР (ВЖ. — № 6. — С. 192) и в статье «Древний ужас» (СС 3, впервые — «Золотое Руно». — 1907. — 1909. — № 4). Темы Бахофена различимы также и в статье «О достоинстве женщины» — СС 3 (впервые — «Слово». — 1908. — № 160, 163).
- 27 «О многобожии», §8; ЭР//ВЖ. — № 7. — С. 143.
- 28 «О многобожии», последний, нумерованный фрагмент; ср.: ЭР//НП. — № 2. — С. 73; об этой теме, тесно связанной с теориями Э. Роде, см. также: *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. — Баку, 1923. — С. 187-188, 190-191.
- 29 «О Дионисе орфическом» // Русская Мысль. — 1913. — № 11; «Дионис и Прадионисийство», цит. Части этой последней работы (в состав которой входит и первая упомянутая статья) опубликованы Н. В Брагинской в сборнике «Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках» (см. прим. 3) и Н. В. Котрелевым в Приложениях к книге: *Эсхил.* Трагедии (см. прим. 1).
- 30 См.: «Ты еси» (цит. в прим. 25): «<...> то, что религиозная мысль называет первобытным раем, есть нормальное отношение макрокосма и микрокосма — ноуменальное всечувствование вещей, как равно и тождественно суицида вместе внутри и вне человека, сына Божия, и только грехопадение, только титаническое растерзание единого сыновнего Лица положило непроходимую для сознания границу между ноуменальным непостижимым макрокосмом и внутренне распавшимся в себе микрокосмом, которого благодатное воссоединение в Духе стало для человеческого индивидуума единственно возможным в чудесные и жертвенные мгновения правого религиозного восторга».

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Публикуемый текст занимает первые 22 страницы (л. 1-11) блокнота, который сохраняется в ОР РГБ (ф. 109.4.22) и имеет неточное описание ««О Многобожии» — конспект из книги «Einheit der Religionen», 1870». Последнее определение относится в действительности лишь к краткому фрагменту на последней странице блокнота (л. 23 об.), не имеющему ничего общего с основным текстом.

Блокнот изготовлен в Англии. На первой странице его обложки читаем: REPORTER'S // NOTE BOOK // RULED RED LINES // for // Shorthand Writers // 96 PAGES; на четвертой: H.M. & S. (в левом верхнем углу; по всей видимости, инициалы производителя) и L. (в правом верхнем углу). В дальнейшем, когда получит необходимое развитие описание бумаг Вячеслава Иванова, по этим признакам, возможно, удастся датировать публикуемый текст более точно.

Из 48 листов альбома сохранилось 23 (архивная фолиация учитывает также 2 листа обложки); остальные вырваны или аккуратно вырезаны.

Блокнот заполнялся с двух сторон. Средние листы остались чистыми. В заголовок единицы хранения, таким образом, архивистами были вынесены элементы первой и последней страниц, двух различных текстов.

Если читать блокнот с конца (предполагая, что располагающиеся там тексты занесены позже, нежели «О многобожии»), то на первой странице (л. 23 об.), как сказано, мы находим краткую и неразборчивую заметку чернилами на немецком языке. Низ этой страницы занят карандашной записью, выполнен-

ной мельчайшим почерком в две колонки. В левой из них нарисован равнобедренный треугольник, под которым читаем:

Вера и музыка
Сущность веры
Сущность музыки

Правый столбец неразборчив:

Полярность <религиозного?> <миросозерцания??>
Трагическ.<ая? этика?>

Поперек этой страницы, также карандашом, — наброски стихотворения, работа над которым начата на л. 22 об.: «Звезды блуждают над черной землей...» Л. 23 (т.е. вторая страница с конца) занимает набросок французской версии того же стихотворения.

На л. 22 (страница четвертая, если следовать реверсному чтению) находим заголовок некоего сочинения, за которым, однако, не следует ни одной его строчки: «Проект Философии Религии». Далее, до конца публикуемого текста — чистые листы.

«О многобожии» состоит из восемнадцати пронумерованных «главок», каждая из которых занимает свою страницу, независимо от того, остается ли снизу свободное пространство. Это подчеркивает относительную самостоятельность отдельных фрагментов. Стилистические характеристики, как и самый принцип нумерации, заставляют предполагать, что публикуемое произведение — серия афоризмов. В этом жанре Вяч. Иванов работал, как известно, и позже (ср. «Спорады» — «По звездам»). «Главки» 1-11, 14, 15 в переработанном виде вошли в «Заключение» ЭР (Гл. V. Заключение: общеисторические и философские выводы. Дионис и религиозная проблема. — ВЖ. — № 7. С. 137-148). Номера второй и шестой представлены в двух вариантах, мы публикуем в обоих случаях и первоначальный, и окончательный, учитывая чрезвычайный интерес всех документов, относящихся к раннему, совсем пока неизвестному периоду ивановской эволюции.

Текст из восемнадцати «главок», как нам кажется, представляет собою некоторое композиционное целое. Следом за «главкой» восемнадцатой, как и во всех других случаях — с новой страницы, помещается более пространственный отрывок, занимающий две страницы. В переработанном виде он вошел во вторую главу ЭР (НП. — № 2. — С. 73). Он нарушает композиционную замкнутость предыдущего текста, оторван от него в дальнейшем развитии замысла ЭР, поэтому мы решили уклониться от соблазна присвоить ему конъектурный номер «19».

Текстуальные расхождения между ЭР и публикуемыми набросками так многочисленны, что анализ их должен стать предметом специального исследования в будущем. Варианты самого текста «О многобожии» мы сочли необходимым воспроизвести с должной полнотой.

О МНОГОБОЖИИ

1.

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное». И человечество не [воздвигнется] поднимется — на места высокие из [ужасной] юдольной низины своей, если не уподобится человечеству древнему.

Было человечество высот, и продолжается человечество низменности: вот разделение Истории.

«Исторический смысл» («historischer Sinn») — не в том, чтобы понять древность как условие и обусловленное, но как порыв и достигнутое. Менее важно определить последовательность исторического шествия, нежели различие поверхностей и высот, по которым оно направлялось.

Древняя история, та, проникновением в которую «animus fit antiquior», нужнее нам, как предмет изучения, чем познание ближайших исторических причин и состояний; ибо мы должны отвергнуться себя и стать древними духом, чтобы восстановить уменьшенный ныне образ Человека.

| 2.

Требование возврата к давно минувшему было бы романтическим, т. е. внутренне-неможным и бессодержательным [и несло бы в себе самое свое осуждение], если бы пыталось воскресить отжившие формы жизни и забытые формулы мысли. Но *l'âme moderne travestie* есть именно преимущественное состояние *новой* души и характеристический феномен современности [*<2 слова нрзб>* антипод нашего идеала]. Мы хотим духовного перерождения — оно же Возрождение — которое совершилось бы, если человек, углубившись в себя, открыл в себе цельные и правильные черты иного, древнего человека. И если празднеству Возрождения все же приличествует маскарад, пусть будет он — внутренне — древним и истинно-дионисическим, т. е. таким, в котором маска была бы не лживой ларвой старого, а живой формой нового, себя покинувшего, в себе пресуществленного человека.]

2.

Мысль о возрождении древнего человека была бы праздною мечтою, внутренне-неможною и бессодержательною, *une velleité romantique*, если бы сводилась к попытке воскрешения отживших форм и забытых формул. Но *l'âme moderne travestie* есть именно преимущественно состояние *новой* души и характеристический признак современности: вместе антипод и величайшая опасность нашего идеала: чтобы избежать этой опасности нельзя достаточно остерегаться соблазна отживших форм и забытых формул. Мы хотим духовного перерождения — оно же возрождение — которое совершилось бы, если бы человек, углубившись в себя, открыл в себе цельные и правильные черты иного, [*<некогда?>* *<жившего?>*] неискаженного человека. И если пьяной радости возрождения к лицу праздничная маска, пусть будет она не [мертвой] лживой ларвой старого, но дионисической личиной нового человека, древним *символом* перевоплотившегося, себя бегущего [себя покинувшего] духа.

3.

Ницше, корибант, первый [провозгласил] провозвестил необходимость возврата. Но он сказал только: «Будьте могучи и зелены, как древние ветви»; и не сказал: «Углубитесь в землю, как древние корни». Оттого, освободитель [духа] совести, провидевший материк «по ту сторону добра и зла», он, жертва роковых противоречий своего внутреннего хаоса, тоскующего по свету и строю, [пытается создать новую] [в противоречии с самим собою, пытается спасти человека новой моралью] пытается спасти человечество определенной моралью: анархист духа, [провозглашает] проповедует идеал общественного [устроения] строения [и порядка]; пророк Диониса, [безумствует как] богоборствует, как безумец-Ликург, делая себя [непроницаемым], в гордой [*нрзб*] отъединения] своей уединенности, непроницаемым для начала вселенского.

Он [родился] возрос из того семени, [которое производит] из которого рождаются творцы религий: но семя упало на каменное место современного [атеизма, точнее бого-] [безбожия] богоневедения и, поднявшись, засохло. Он [сказал: «Будьте] хотел быть верным Земле, но уже не узнавал божественности обезбоженной [и все же не смог найти для человекобога иного престола, кроме того, небесного, который мнил пустым]; и воссел на нее, как на мертвый престол человекобога, как мнил царить, в своем богоневедении, на праздном [троне] престоле небес.

4.

Близость, верность, сочувствие, соизволение Природе сообщают [творениям] созданиям древнего духа характер [естественности, внутренней] необходимости [непроизвольности, своеначальности, самобытности, цельности, обилия, полноты] жизненности, проникновенности [творческой мощи и производительной энергии]. Творения нового духа обличаются признаками обособленности, [неорганичности, произвольности, производительности, эфемерности, условности и, прежде всего и более всего, своим сходством с растительностью паразитною;] обусловленности и произвольности: ибо, паразитически питаюсь соками [культурных <нрзб>] исторических произрастаний, они не имеют корней в земле и не рождаются из непосредственного прикосновения человеческого духа к девственной природе. Они — чада эпохи, утратившей живое сознание своего единства [человека] с природой: а так как всякое живое сознание вселенское есть сознание религиозное, то они могут быть определены как произведения эпохи нерелигиозной, в противоположность духовным порождениям древности, выношенным в плодородном лоне [первоначальной религиозности <нрзб>] изначальной веры.

5.

Человечество понизилось до современности вследствие кризиса, пережитого им в своем религиозном воспитании. Его древняя вера была поругана: древняя [— божественная в его сознании —] обожевленная им Природа была обезбожена; и страдательно восприняло оно новую насильственную веру, как чуждую, извне сообщенную теплоту, чтобы [постепенно] мало-по-малу, в течение долгих веков, медленно охлаждать, будучи бессильным [творческому действию] [деятельному богу<почитанию?>, или боготворению] к самобытному [действию] богодеянию — к творческой теургии, на почве [новой веры, бессильной к возврату] веры новой. Замечательна борьба арийского духа за боготворение в христианском мифе, символе и искусстве, борьба отчаянная, безнадежная и приведшая к тому творческому [борца] истощению и оскудению религиозному, которое породило протестантизм.

[6.

«В начале сотворил Бог небо и землю». Эти начальные слова Библии обезбожили природу и убили в арийце его душу. Но и семиту это приравнение природы к сосуду скудельному в руках горшечника далось нелегко. Долго бился [и падал] он в сетях языческой прелести, раскинутых мстящей природой. По мере того как пышный и пестрый мир раскрывался перед ослепленными взорами чад пустыни, иго ревнивого Бога становилось [тягостно] невыносимо для духа. Ибо в глазах древнего человека все прекрасное, как и все могущественное, было божественно; а запрет кумиров был запрет красоты. И вот после долгого борения, семитическая мысль [приближает Бога] ищет исхода в приближении Бога к человечеству, в возвышении человека до Бога [путем] в мистической филиации. [Люди] В Боге он узнает отца, в человеке сына Божия. Решительный шаг сделан, бездна между Богом и миром перейдена, но нарушено и упразднено изначальное основоположение семитизма, [национальная реакция] национальное самосохранение заставляет народ отшатнуться от нового вероучения и последнее ложится роковым семенем в открытые и ждущие борозды чужой языческой нивы.]

6.

«В начале сотворил Бог небо и землю». Эти начальные слова Библии обезбожили природу и убили в Арийце его душу. Но и Семиту это приравнение природы к сосуду скудельному в руках горшечника далось нелегко. Долго бился он в сетях языческой прелести, раскинутых мстящей природой, по мере того как ослепительный мир [Средиземного побережья] развертывался перед взорами сына пустыни, вышедшего на Средиземное побережье, ибо [ревнивый] запрет [обожествления] чужих богов был для древнего человека запретом красоты. Тогда дух, насильственно разлученный с внешним миром и как бы ослепленный, сосредоточившись в себе самом, познал жажду самообожествления и открыл к нему путь в той мистической филиации, которая в Боге узнает Отца, и в человеке [видит] — сына Божия. Но этим познанием было упразднено изначальное основоположение семитического монотеизма: [народное] национальное самосохранение извергло новое вероучение, как чужое и губительное, и оно пало роковым семенем в открытые борозды [чуждой] языческой нивы.

7.

Орфическая религия Диониса была тою нивой, которая ждала оплодотворения христианством. Она нуждалась в нем, как в [последнем] [необходимом] крайнем своем выводе, как в последнем своем еще недоговоренном слове. Если бы христианство примыкнуло к орфизму, религия Арийца была бы спасена. Но, несмотря на то, что идея отчества была намечена в религии Диониса и Христос очевидно являл себя как обновленный Дионис, христианство, отвергнутое семитизмом, [не слилось] [отвернулось] не смогло примириться с арийским пантеизмом и, трагически безучастное, осталось на перепутьи двух гибнущих чрез него миров, налагая на человеческий дух искус [самоотречения] жертвы и иго самоотречения.

8.

Этот искус был воспитанием [духа] и великою мистерией. Человеческий дух должен был остаться один на один с Христом, чтобы преисполниться созерцанием Его крестной жертвы. И жертва была продолжена, и природа была мертва, как в прообразе земных страстей и смерти Диониса. Человеческий дух должен был сораспяться Христу и, соединившись с Ним, принять Его стигмы. Только в этом высшем таинстве слияния дано было человеку снова ощутить [свое] всеединство [со всем в] как причастие [распятию вселенскому] распятия вселенского. В причащении человека Христу причастился мир. И в образе страдающего и на древе распятого мирового Христа опять открылся древний Дионис, [и в образе Христоносца-мира] древнее мировое Дерево Жизни [*<1 слово нрзб>*] [*<дионисическое?>*] древо Набта, крестом простершее живоносные ветви]. И вот преображена природа: приявшая образ Диониса примет образ Христов, и воскресающая в Дионисе воскресает во Христе [И Отец Бог говорит в мир: «Ты сын мой возлюбленный, в тебе мое благоволение»].

9.

Религиозное чувство подобно музыкальному. Музыка может быть сведена к математике и познана как таковая без того, чтобы познающий

[постигал] улавливал вместе и ее эстетический смысл. Можно математически [познавать] созерцать движение светил и не постигать религиозного смысла их дионисической пляски. Можно предаваться мировой скорби о страдании вселенском и не узнавать в нем черты страждущего Диониса и распятого Христа. Религия и философия, или наука вообще, чужды одна другой, как музыка и математика, ибо обе суть два различных аспекта единой сущности. Религиозный смысл есть особенный, специфический дар духа, как смысл музыкальный. Вера утверждает не истины, но символы истины: она не имеет положительного содержания, как и музыка: как музыка она лишь род созерцания и воления, [не могущий быть изъясненным другими категориями] не подлежащий определению или сведению на другие деятельности или состояния духа.

10.

Музыка расширяет и продолжает наше Я, наполняя его содержанием сферу; в которой оно себя дотоле не сознавало. Религия делает то же самое: [она познает] ею мы познаем наше Я за его эмпирическими пределами, как божественную сущность, еще не сознав его тождества с нами, что свершается лишь на высоте мистики. Не мертвое [чувство отчуждения и] сознание внешней зависимости в отчужденности и неволе породило живое религиозное чувство, но сознание, с одной стороны, единства индивидуума с [целым] тем, что вне индивидуума, с другой, призрачности всякого индивидуума. «Tat twam asi» есть корень религии, как в культе предка, так в сорадовании и сострадании умирающей и воскресающей природе. Чувство своего Я вне его индивидуальных пределов толкает индивидуум к отрицанию себя и к переходу в Не-Я, что составляет существо дионисического энтузиазма. [Вот из каких древних, но живых корней должно истекать живое <I слово нрзб>] [древняя но живая вера] [Таковы древние корни живой веры]

11.

Ничто не может быть противнее как духу древних вер, так Христову идеалу, чем попытка отлить жизнь в определенные и постоянные формы внешнего строя и внутреннего настроения. Всякая мораль нормы есть мораль эвдемоническая и, как это хорошо знали древние, отделявшие этику от религии, не имеет с последней ничего общего. Религия — своего рода музыкальный *habitus* души, родник экстатических очищений [могущий]. Этот родник может быть в душе струей постоянного ритма и поддерживать в ней непрестанное движение богочувствования и богоизволения: но его музыка не может быть переведена на язык [воли эмпирической] нетрансцендентной [практической] воли и стать критерием [наших] практических решений. Чтобы жизнь наша стала религиозной, религия должна быть не узким руслом ее, но ее широким небом, ее воздушным зеркалом, ее музыкальным эхом, она должна сорадоваться ей и отвечать ее избыточествующей полноте.

12.

Каждая живая сила должна быть полярной. Полярна должна быть и наша индивидуальная жизнь и жизнь нашего универсального Я, или религия. То, что в глазах человека, для которого религия еще не стала живою и движущею силой, является добром и злом, продолжает сущес-

твовать для человека [религиозной <жизни?>] пробужденной веры как свет и тень, притяжение и отталкивание, любовь и ненависть, возникновение и уничтожение, вселенское и личное начала — в безразличии этическом и в [творческой] радостной действительности божественных производителей и творческих [предусловий] <миров?> жизни.

13.

Уже [древний дионисизм учил упразднению] древние дионисические очищения проводили дух к погружению личной воли в единство воли божественной; христианское религиозное сознание идет еще дальше и, [предавая личную волю <1 сл. нрзб>] молясь «да будет воля Твоя», верует в «предвечный святой порыв <так в подлиннике — Г. К.> мира». [Языческий кругозор] Языческое мирозерцание и богопознание ограничено природным кругом явлений и является циклическим по существу: христианство возвестило человечеству надежду. Оттого и христианское предание личной воли воле божественной соединяется с пафосом доверия и надежды. Надежду открыло христианство миру, и Отца. Вечная надежда Диониса в вечное соединение с Отцом.

14.

Многие дары Отца — многие рождения Сына — многие пресуществления Диониса — суть лишь многие лики Единого. Едино Многоличное, и многолично Единое. Не достойно почитает Единого, кто не познает Его и не почитает в многобожии. [Полифеистический] Пафос многобожия есть мерило [религиозного чувства] религиозной силы, и Евреи не были бы народом религиозным по преимуществу, если бы монотеистический аморфизм не достался им ценою долгой и трагической борьбы [с полифеистической жаждой духа] против многоликого Бога — ценою *богоборства*.

15.

Начало всякой мистики: «Tat twam asi» — есть вместе начало всякой философии. Сознать себя в растерзанных частях Единого значит соединиться с Сыном Божим, Дионисом, в существе, и с Изидою-Деметрою в искании: с тем — в страдании разделения и распятия, с этою — в любви и тоске сердца, седмжды прободенного. Верить значит переживать в себе рождение Бога, смерть Бога, воскресение Бога. Любить [значит] — искать. «Женщина, что плачешь? кого ищешь?» «Господин, если ты взял Его, скажи, где ты положил Его, и я возьму Его». О, ищущая и не узнающая и, вновь узнающая и блаженная, и вновь ищущая Изида! Психея! Душа мира! Древняя, многострадальная Гея! [Жив ли мой бог? Кто жив, живит!]

16.

Странно, как мог Человек на долгие веки быть оторванным от Души мира; от своей истинной и исконной жизни, единой, его удовлетворяющей, — от мистики; от своей истинной и исконной деятельности, единой несущей в себе свою цель, — от боготворения! «Прилежно бороздя свое земное поле, довольный человек не восклицал: доколе». Доволь-

ный? Нет! Частичный, в себе разделенный, себя не объемлющий и не познающий, не припоминающий человек, «себя забывший и забытый бог». Тяжелая, долгая пора рабства и плена духовного и сидения во тьме сени смертной, когда [вера] религия стала настолько чужда духу, [что перестала быть его ясным созерцанием] настолько перестала быть для него ясным зеркалом созерцания и чаяния, что требовала un sacrificio dell'intelletto, что в ней можно было сомневаться, что нельзя было творить! О, долгое обезбожение Бога во имя Бога!

17.

Религия страдающего Бога: вот истинная религия [Арийца] богочеловечества, до которой ветхозаветный еврейский дух не мог возвыситься даже в Исаии, но которая уже тогда была религией [всего язычества] [человечества, так что] Передней Азии, Египта, Индии и Греции, так что христианство знаменует не столько последний вывод еврейства, сколько поворот к язычеству.

18.

«И будет Бог всяческая во всех». Язычество первое осуществило эту мечту по-своему. И ее же христианство провозгласило как высшее чаяние богоединой жизни в Иерусалиме небесном. Какая противоположность и какое согласие!

Характеристическая черта [и, можно сказать, исходный пункт] эллинского религиозного мирозерцания — живое и [страдательное] безнадежное чувство противоположности между смертным-человеческим и бессмертным-божественным. Отсюда постоянная попытка соревнования с богами, ради достижения их бессмертия, и постоянная резигнация смиряющихся пред вечным мироустановом смертных; отсюда взаимная зависть, недоброжелательность, безнравственность отношений между богами и людьми, отсюда бездна между обоими родами и мучительно ощущаемый развитым [духовным] сознанием разрыв. Одни, Греки, не умели [утешиться в] примириться с неизбежностью смерти; другие народы находили утешение в религиозном умозрении и [религиозном] творчестве. Бессмертие не есть характеристический признак божественного для Италика; гении [явлений] возникают и умирают как [самые] представленные ими явления и индивидуумы. Индия уничтожает индивидуум и его ценность. Аккало-семитский Восток рождает идею страдающего и умирающего бога и с ним идею воскресения. В чужой религии Диониса Греки [принимают] находят то, чего они не могли создать сами; отсюда жар, с которым они ее принимают. До сих пор восточная церковь настаивает всего более на догме воскресения.

Наша душа, наша душа, наша душа,
всегда была в нас, всегда была,
и не была, и не была, и не была,
но она была, она была, она была.

Наша душа, наша душа, наша душа,
всегда была в нас, всегда была,
и не была, и не была, и не была,
но она была, она была, она была.

Наша душа, наша душа, наша душа,
всегда была в нас, всегда была,
и не была, и не была, и не была,
но она была, она была, она была.

В. И. ИВАНОВ

Автограф сонета VIII из цикла
«De profundis»

С. В. Троцкий

ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация А. В. Лаврова

В «Мыслях о символизме» (1912) Вячеслава Иванова содержится рассуждение, чрезвычайно значимое не только для характеристики анализируемого художественного метода, но и для понимания самой сути творческой личности автора: «... нас, символистов, нет, — если нет слушателей-символистов. Ибо символизм — не творческое действие только, но и творческое взаимодействие, не только художественная объективация творческого субъекта, но и творческая субъективация художественного объекта»¹. «Симпозиональность» — подмеченная многими современниками важнейшая и примечательнейшая особенность натуры Иванова, раскрывшаяся наиболее полно и наглядно в петербургский период его жизни. Естественно и закономерно эта «симпозиональность» породила «симпозион» — органически и спонтанно возникавший круг собеседников, участников интеллектуального и духовного пиршества, который включал в себя как сопоставимых с Ивановым по личностному и творческому потенциалу поэтов, художников, мыслителей, так и благодарных «слушателей-символистов». Одним из последних и был Сергей Витальевич Троцкий.

В воспоминаниях дочери Иванова Лидии о Троцком говорится: «Это был старинный друг Вячеслава, навецавший его периодически еще на Башне. Он был малороссийский помещик, жил у себя в хуторе, обожал поэзию, музыку и искусство, вышивал шелками картины, любил украшаться кольцами, брелоками из драгоценных камней, носил бархатные курточки, волосы причесывал в стиле Ренессанса, с кудрями, кажется, не завитыми, а натуральными.<...> Он был тихий, нежный, ясный, веселый, чуткий и одухотворенный»². Вячеслав Иванов, упоминая о Троцком в «Послании на Кавказ», выделяет сходные черты, определяющие его личность:

...помещик-дилетант
(Теодицей тончайших рукодельник,
А сердце — воск и ярая свеча)³.

Черты дилетантства были, действительно, зримо выражены в Троцком, они же отличают те его попытки проявить себя на литературном поприще, о которых сейчас можно судить (большинство из написанного Троцким — в частности, его литературно-философские эссе — не было опубликовано и, по всей видимости, не сохранилось). Стихотворные опыты его (частично уцелевшие среди писем к Вяч. Иванову) — это или стихи на случай, или упражнения на заданные мифопоэтические темы, не скрывающие своей прямой зависимос-

ти от образно-стилевой системы духовного учителя, — такие, как стихотворение «Всегда»:

Молчит или поет? забвен или взыскуем?
 Светоносящ иль тьмою одарен?
 Броженъем тайны движется иль в тайне неподвижен?
 Сплетен торжественно или в распаде жив? —
 Мой мир родной! я не люблю тебя...
 Не ты ль мне чужд в грядущем и возможном?
 Не знаю, злой ли Рок плод зрелый отсекает
 От матери в конечный час любви.
 Быть может, мы забвенны друг для друга,
 Быть может, отцвела любовь в твоих трудах...
 Пусть Нелюбовь в прохладе зорь прозрачных
 Свободная и тихая придет;
 Пусть одиночество, как месяц в небе кроткий,
 Как детский смех, обрадует меня.
 Но поделюсь с тобой и тайною рожденья;
 Рок нас рассек; — нас меч его связует. —
 Мы не рабы и тайн не предадим.⁴

Единичные опубликованные прозаические вещи Троцкого также не позволяют говорить о нем как о сформировавшемся мастере слова. Первое его напечатанное произведение — рассказ «Приключении», появившийся в 1903 г. в журнале «Новый Путь», попытка «бытовой» зарисовки на тему о «злой судьбе женской», — на фоне многочисленных произведений сходной проблематики не представляло собой ничего примечательного⁵. Другой его прозаический опыт, философский диалог «Как меня учили»⁶, напротив, никак не соприкасался с житейской реальностью, однако силой и яркостью аналитических построений также не отличался: мысль автора все время движется по кругу, оборачивается калейдоскопом метафизических образов и понятий, как бы размагниченных, не обеспеченных определенностью общего мировоззрения. Потенции к подлинному творчеству у Троцкого, конечно, были: ивановская формулировка «теодицей тончайших рукодельник» — скорее всего, не преувеличение; и отзыв В. А. Мануйлова о «близком друге семьи Ивановых» («очень своеобразный и тонкий мыслитель идеалистического толка»)⁷ также говорит сам за себя. Возможно, неизвестные нам историко-литературные этюды и философские произведения Троцкого дали бы конкретное подтверждение этим оценкам (примечательно, что о них сочувственно отозвался П. А. Флоренский)⁸. При этом списывать все на вынужденное безмолвие, к которому оказались приговорены думающие люди в советскую эпоху, было бы опрометчиво: до большевистского переворота Троцкий обладал достаточными возможностями для творческого самовыражения, но ими он, по сути, так и не воспользовался. Обладая натурой тонкой, восприимчивой и, безусловно, духовно активной, «помещик-дилетант» в то же время нес в себе черты, роднившие его с гоголевским «старосветским помещиком» Афанасием Ивановичем; творческие инициативы заглушались у него житейской безмятежностью и внутренней инертностью, делавшей непреодолимыми трудности на пути воплощения локального литературного задания: оно не могло вместить всей многоголосицы переживаний, всей совокупности содержания его духовного мира, его «такой хрупкой и нежной жизни»⁹. Даже эпистолярную форму Троцкий порой находил неподходящей для того, чтобы поведать о своем внутреннем «я». «Не могу рассказать ничего такого, что было бы уловимо для письма, — писал он своему другу, поэту А. Г. Архангельскому (26 февраля 1914 г.).— Будто все то же. И все — больше. Книги? музыка? природа? сочинения? Да, да: все это. Но это все — возле, по поводу, обнаруженные сверх того, что хранится, что несущ в себе»¹⁰.

Сергей Витальевич Троцкий родился в 1880 г. в Ташкенте. Отец его, Виталий Николаевич Троцкий (1835-1901), потомок небогатого, но древнего дворянского рода, находился на службе в Туркестанской и Сыр-Дарьинской области с 1866 г.: начинал как начальник штаба местных войск, с 1869 г. — помощник командующего войсками Сыр-Дарьинской области; в течение 17 лет участвовал в боевых кампаниях, в том числе в Хивинском походе (1873). Закончил свою жизнь генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии В. Н. Троцкий виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором, командующим войсками ви-

ленского военного округа¹¹. С детства Сергей Троцкий постоянно жил на хуторе Волосковцы Сосницкого уезда Черниговской губернии — в фамильном имении на берегу небольшой реки Дяговы «в одном из живописнейших уголков Малороссии, <...>далеко в стороне от железной дороги и верстах в трех от почтового тракта»¹². Замечательная по объему и составу книг семейная библиотека, хранившаяся в имении, была раскрадена по частям в начале 1920-х годов. Волосковцы оставались постоянным пристанищем Троцкого и в его зрелые годы.

В Петербурге он часто бывал продолжительными наездами с середины 1900-х годов, тогда же вошел в круг столичных приверженцев «нового» искусства, сблизившись теснее всего с Вячеславом Ивановым и его семьей. Скромный и малозаметный, Троцкий стал постоянным посетителем квартиры Ивановых и участником многочисленных собраний на «башне», в ходе которых был по большей части слушателем и наблюдателем¹³. Он признает себя духовным учеником Иванова и все свои творческие упования связывает с благотворным воздействием учителя: «Мне все надо говорить с Вами, Вячеслав Иванович <...> Быть может, придет пора, когда и мой чарый хмель запоет, кем-то развязан.<...> В новой обители, в новой башне высокой все помыслы мои, когда я с вами»¹⁴. Иванов, в свою очередь, ценил его дружескую преданность весьма высоко: обращение «нежный мой брат» в стихотворении «Соловьиные чары», посвященном С. В. Троцкому¹⁵, — знак искренней привязанности и душевного созвучия. Надолго обосновался в Петербурге Троцкий с ноября 1910 г.¹⁶, и в последующую пору, вплоть до отъезда Иванова за границу весной 1912 г., их общение было особенно тесным.

Второй этап взаимоотношений Троцкого и Вячеслава Иванова приходится уже на послереволюционные годы. Оказавшийся в 1916—1917 гг. на юге страны, в Тифлисе, Троцкий расценил установление нового порядка как губительную катастрофу, противостоять которой можно только верностью непреходящим духовным заветам и внутренним неприятием свершившегося. «Конец гадкого всемирного волеяля близится, — писал он 29 октября 1917 г. А. Г. Архангельскому.— Под его личиной невыговариваемой доигрывается несказанная трагедия. Свидетели мы.<...> Святая Русь умерла; зерна ее — только в нас, и мы должны взрастить их. Я не трачу времени на мечты о возрождении нашей государственности; ведь это то, что может приложиться, если нужно. Теперь на то отданное главное и неотъемлемое, что мы можем погубить для земли, — дух святой Руси. Он не вне ушел, а внутрь нас. Это наш светоч в духе, и да не погаснет он»¹⁷. После длительных мытарств (породивших даже слухи о его гибели) Троцкому удалось добраться до Баку, где профессорствовал Иванов. В квартире поэта он обрел приют, проживал вместе с Ивановым вплоть до его отъезда в Москву в мае 1924 г., оставался в Баку и в последующие годы¹⁸. Маем 1924 года датировано стихотворение Иванова «Ию» — одно из немногочисленных, написанных в Баку, — в автографе посвященное С. В. Троцкому¹⁹. В ходе совместной бакинской жизни Троцкий стал фактически членом ивановской семьи, «нашим Сержиком», и показательно, что Иванов, уже находясь в Италии и живя в относительном благополучии, предпринимал энергичные хлопоты в надежде вызвать своего давнего друга из Советской России — хлопоты, оставшиеся безрезультатными²⁰.

Годы, проведенные Троцким в Баку после отъезда Ивановых, — это уже не полноценная жизнь, а скорее борьба за выживание: случайные скудные заработки переводами с французского, частными уроками, работой на курсах для рабочих, нервная болезнь, разнообразные бытовые лишения. «... Здесь моя жизнь пахнет достоевщиной из «Униженных» и оскорбленных», — признавался Троцкий Иванову 12 ноября 1925 г. — «<...> Творчество остановилось, перспектив на устройство нет <...>». 7 марта 1927 г., в письме к нему же: «А личная жизнь? — более или менее благополучная беда. Я все тот же, но как много перестрадал!» И два с половиной года спустя, в письме к Ивановым от 1 сентября 1929 г. «За почти семь лет безвездного жития в Баку я истомлен и истощен; устало не только тело; все внутреннее мое вопит о тишине, об уходе»²¹.

За несколько лет до того, как его настигла физическая гибель, Троцкому суждено было претерпеть гибель символическую — утрату имени: его родовая фамилия, идентичная с революционным псевдонимом опального большевистского вождя, в 1930-е годы была официально признана неблагозвучной, и Сергей Троцкий должен был превратиться в Сергея Воложского (новая фамилия — как знак памяти об утраченном «дворянском гнезде», Волосковцах)²².

Дальнейшая его судьба оказалась вполне предсказуемой: арестован, приговорен 28 июля 1937 г. спецколлегией Верховного суда Азербайджанской ССР к 8 годам лишения свободы, умер 18 ноября 1942 г. в Узбекской ССР²³.

За работу над воспоминаниями Троцкий взялся вскоре после того, как у него завязались отношения с Центральным Литературным музеем и его директором В. Д. Бонч-Бруевичем. Посредником в этом деле послужил Виктор Андроникович Мануйлов, историк русской литературы, друг и ученик Вячеслава Иванова по Бакинскому университету, хорошо знавший Троцкого еще со времен их совместного участия в бакинском литературном содружестве «Чаша». По заказу Бонч-Бруевича Троцкий предпринял для Литературного музея некоторые архивные разыскания (в том числе по обнаружению документов из архива братьев Киреевских)²⁴, и эта работа послужила ему определенным стимулом для написания — с целью последующей продажи в Музей (возможно, и для публикации) — собственных воспоминаний. 27 марта 1934 г. он писал Мануйлову: «...за записки принимаюсь завтра же. Теперь я знаю, что они не могут быть длинными. Все мои дневники, где день за день все было замечено, пропали. Могу дать абсолютно точные, но короткие, отрывочные облики, слова. Ни в коем случае это не будет связная картина; но, думаю, мои данные смогут оказаться чрезвычайно нужным камертоном ко всем подобным воспоминаниям. Я слишком знаю В.И. и атмосферу, создаваемую им. Итак, с завтрашнего дня приступаю <...>». Десять дней спустя, 6 апреля, Троцкий вновь обращался к Мануйлову в той же связи: «Витя дорогой, пишу воспоминанья, и ясно мне, что, пока не истекло достаточно времени, они не могут быть опубликованы. И больше того: я решительно не хотел бы, чтобы их читал кто-либо иной, кроме тебя и самого Бонч-Бруевича. Не в том дело, что я рассказываю что-либо компрометирующее для кого бы то ни было, а в том, что эти воспоминанья очень искренни, говорят об очень дорогом и потому — нежны. Можно ли предохранить их от других прикосновений? до времени? ведь, надеюсь, мне не очень долго осталось жить. Если это невозможно, то готов отказаться. Задачок мог бы вернуть или просто по почте, или отработав его в архиве». Работа была завершена летом 1934 г. («Воспоминания прикачиваю», — известил Троцкий Мануйлова 24 июля 1934 г.) и, в соответствии с желанием автора, осталась утаенной от посторонних «прикосновений»: по всей вероятности, текст воспоминаний так и не был передан в Литературный музей.

Публикуемые ниже воспоминания С. В. Троцкого (автограф в тетради, авторского заглавия рукопись не имеет), а также письма Троцкого к В. А. Мануйлову были сохранены в собрании покойного В. А. Мануйлова (1903–1987) и предоставлены, согласно его воле, в наше распоряжение. Выражаю глубокую признательность за помощь при подготовке этой публикации Б. Л. Бессонову, Л. Л. Ганзен, Д. В. Иванову, Н. В. Котрелеву, К. Ю. Лаппо-Данилевскому, А. Е. Парнису, М. С. Петровскому.

Примечания

- 1 Иванов Вячеслав. Собрание сочинений, т. 2. Брюссель, 1974. С. 610.
- 2 Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 110.
- 3 Иванов Вячеслав. Собрание сочинений, т. 3. Брюссель, 1979. С. 56.
- 4 РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46. Л. 31–31 об.
- 5 В. Я. Брюсов дал негативную характеристику рассказа Троцкого в письме к П. П. Перцову от 4 ноября 1903 г.; говоря об октябрьском номере «Нового Пути», он заметил, что в нем преобладают вещи «плохие, до *очень* плохих, до чудовищно плохих, «смрадно» плохих, как Приключение <...>» (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3, Ед. хр. 23).
- 6 См.: «Свободная совесть». Литературно-философский сборник. Кн. 2. М., 1906. С. 190–199.
- 7 Мануйлов В. О Вячеславе Иванове. — В кн.: Иванова Лидия. Воспоминания. С. 352.

- 8 В письме к Ивановым от 1 января 1927 г. Троцкий сообщал: «Поглощен философскими раздумьями, замыслами писаний. Переслал Флоренскому две статьи и жду ответа с понятным вам трепетом»; им же он писал 14 октября 1927 г.: «... передавал Флоренскому кое-что, и он похвалил» (Семейный архив Ивановых, Рим). Отношение Вяч. Иванова к творческим опытам Троцкого было, по всей видимости, достаточно сдержанным; ср. замечание в письме Троцкого к Иванову от 11 июня 1926 г.: «А о своем творчестве помолчу, ибо вы его недолюбливаете», — а также фразы из его письма к Иванову от 7 марта 1927 г.: «Как ни скептически глядите вы на мою философию, но, после моей онтологии, чувствую, что за спиной осталось законченное дело филос<офской> системы. Впереди — просветы мыслей о новых формах искусства, главное — о новом мифе; т. е. совсем не мифе, а о роковом смехе, но больше чем веселом; в новой трагедии он увенчает героя и соединит хор» (Там же).
- 9 Формулировка из диалога «Как меня учили» («Свободная совесть». Кн. 2. С. 194).
- 10 РГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 96.
- 11 См.: Генерал-адъютант Виталий Николаевич Троцкий (Отгиски из «Виленского календаря» за 1902 г.). Вильна, 1901 (автор биографического очерка — А. Виноградов).
- 12 Там же. С. 7.
- 13 См. упоминание о Троцком на «башне» у Иванова в дневниковой записи М. А. Кузмина от 20 марта 1907 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 156—157).
- 14 Письмо к Вяч. Иванову от 16-17 января 1907 г.— РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46. Это же письмо Троцкого включает его размышления по поводу только что вышедшей в свет книги стихов Иванова «Эрос» — любопытные и как образец восприятия поэтической системы автора и отдельных стихотворений книги в ближайшей «сочувственной» среде, и как вариация на ивановские мотивы:
- «В Эросе от Сада роз до Зари Любви жутко и светло зовет любовь. Не наивное неведение и не девический страх перед мужем-врагом, а целомудрие познания неотвратно на нас глядит и опускает взоры, настигая. Чудится близко запах мудрых корней в земле и еще нет, еще розы млеют и каплет звон из урн. Еще утро, полное всего грядущего дня, но оно утро великое. Весна души. Зачем мне об этом говорить, когда вы знаете? Ведь вы знаете о великом Царе, уже не ночи, даже не заре, а Утре? Все ведомо и все впереди, разоблачено и нетронуто, познано и цело. Это молитва перед светлым погребением.
- А потом, волей Рока вы колдуете у ложа, как у пропасти, вызывая железным голосом осуществленную невозможность. Я позволяю себе этот язык, потому что заморожен вашими стихами. Мне страшновато от Заклинанья. В нем-то я вижу осуществленную невозможность любви. Зло и благо, дар и съеденье. Розы осыпались и затопили красными листьями, ворохами раскаленного железа. И вот, уже Печать легла».
- Затрагивая далее последовательно другие стихотворения «Эроса», в соответствии с их композиционным расположением в книге, Троцкий заключает:
- «Кратэр — гимн брачный, гром лона земного, вулкан долга, правое отречение челоуеков. В Пожаре восхитительно братаетесь с Эросом, меняясь факелами по обычаю кавказцев, обменивающихся при братаньи кинжалами. <...> Наконец, мудрый звонкий стих Утешителя. Толкованья к нему не надо; чуть раздвинешь завесу непривычности, и на утомленного путем, на запыленного путника проливаются воды. Красота и мудрость — целящие сестры вашей песни.
- Нищ и светел. Благо вам, благо, любящий, сильный, принять тяжелое золото, ладан и смирну волхва и кудесника — Эроса. Роздали и сберегли несчетно. И меня не забыли, Вячеслав Иванович. Вас можно любить сильно... Вас жалко за то, что в любви вы всю землю подымаете на рамена свои, как верный язычник и как светлый христианин. Змий и голубь. Я не увлекаюсь хвалой, я растроган вашим талантом, я обрадован светло встречей с вашей душой. Мир вам.
- Не подумайте, что я хотел мерять свои силы в игре Олимпийской с Макс<имилианом>Ал<ександровичем>; это только урок словесности, по мере сил исполненный вашим учеником, как вы учили».

- (В последнем абзаце упоминается М. А. Волошин; подразумевается его статья «“Эрос” Вячеслава Иванова», опубликованная в газете «Русь» 28 декабря 1906 г.; см.: *Волошин Максимилиан*. Лики творчества. Л., 1988. С. 477-484).
- 15 Стихотворение вошло в книгу Иванова «Нежная Тайна. Лелѣта» (СПб., «Оры», 1912); см.: *Иванов Вячеслав*. Собрание сочинений. Т. 3. С. 610.
- 16 С. В. Троцкий сообщает об этом в личном листке переписки С.-Петербурга (1910); см.: РГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 42-42 об.
- 17 РГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 96.
- 18 В бакинском журнале «Театр и кино» были опубликованы шаржи С. Троцкого на директора Тюркского гостеатра Г. А. Абасова, директора Большого гостеатра М. М. Валентинова и других театральных деятелей (1925, № 3, 10 ноября. С. 4, 5, 8; № 4, 17 ноября. С. 4, 7; № 5, 24 ноября. С. 4).
- 19 РГАЛИ. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1-2. В другом автографе того же стихотворения — посвящение «С. В. Т.» (Там же. Л. 3-4). Стихотворение впервые опубликовано в Собрании сочинений Вяч. Иванова (Т. 4. Брюссель, 1987. С. 91-92, 722) по фотокопии автографа без посвящения; в другом варианте текста стихотворение посвящено Ф. Ф. Зелинскому.
- 20 В. М. Зуммер, историк искусства и археолог, писал В. А. Мануйлову 22 июля 1925 г.: «На последних днях моего пребывания в Баку было письмо от Вяч<еслава> И<ванови>ча, где он <...> зовет Серг<ея> Вит<альевича> в Рим». Л. В. Иванова приводит письмо Вяч. Иванова от 28-29 августа 1925 г. из Сорренто, в котором говорится о М. Горьком: «...сегодня написал он, по моей просьбе, своей первой жене, Екатерине Павловне, работающей в Красном Кресте и, по его словам, пользующейся огромным влиянием на Дзержинского и его компанию, чтобы нашему Сержику выдали без затруднений заграничный паспорт» (Иванова Лидия. Воспоминания. С. 159). Об ожидании визы Троцкий упоминал в письме к Ивановым 12 августа 1925 г.; он же писал Иванову 12 ноября 1925 г. в той же связи: «... здесь я уже все сделал и остается только уплатить вперед за паспорт, чтобы ждать его получения, что длится не очень долго. Если слова М. Горького действительны, то и недоумеваю, о чем писать еще в Москву. Ведь только клевета могла бы задержать меня» (Семейный архив Ивановых).
- 21 Семейный архив Ивановых.
- 22 Подпись «С. Воложский» имеют письма Троцкого к В. А. Мануйлову за 1937 год; более ранние письма подписаны подлинной фамилией.
- 23 Сведения предоставлены Центральным гос. архивом Министерства внутренних дел СССР.
- 24 19 марта 1934 г. В. Д. Бонч-Бруевич писал Троцкому: «Я узнал на днях от нашего научного сотрудника, В. А. Мануйлова, о Вашем широком литературоведческом и архивоведческом кругозоре, знаниях и опыте и решил прибегнуть к Вам с просьбой помочь своими знаниями Центральному Музею Художественной Литературы, критики и публицистики, который ставит своей задачей выявить все литературные материалы, залежавшиеся в отдельных государственных и частных хранилищах, забытые и не охваченные литературоведением. <...> По словам В. А. Мануйлова, Вы не отказались бы взять на себя просмотр архивов Нухинского, Шемахинского, Кубинского и Тертерского градоначальств за 1837 г. в Центральном Архивном Управлении Азербайджана <...>. Вообще не откажите помочь нам в деле собирания культурного наследия, сохранившегося от прошлого». В следующем письме к Троцкому (от 17 апреля 1934 г.) Бонч-Бруевич замечал: «Мне очень приятна Ваша готовность принять участие в литературной работе нашего Музея и Ваша забота о его интересах» (РГБ. Ф. 369, Карт. 214. Ед. хр. 15).

* * *

Баку. Весна — лето 1934 г.

Когда, еще гимназистиком, я со сцены услышал монолог Нины Заречной (в «Чайке») о букашках, гиппопотамах, козьявках¹, уже тогда почувствовал, что здесь для меня что-то близкое. Декадентство «носилось в воздухе», т. е. люди искали выхода из неволи, облегшей их с разных сторон. Очень много было смешного в декадентстве; больше всего — детской позы. Но декадентство скоро перешло в символизм. А в символизме было уже не исканье выхода из неволи, а созидание свободы: прежде всего освобождали форму не от содержания, конечно, а от нежеланного содержания. Желанное же содержание требовало новых форм. Увлекались здесь, иные нелепствовали, но основное ядро поэтов и писателей было так культурно, так чтити искусство, что форма не исказилась. Вяч. Иванов, кажется, согласился со мной, во всяком случае нашел остроумным мое замечание, что слово есть народное достояние и поэт не имеет права произвольно ломать слово.

Как только запахло символизмом, я весь обратился к нему; философские и религиозные исканья здесь встречались и росли; художественные требования были очень строги, и это радовало.

Дело было не в искусстве для искусства, а в свободе. Строгость форм должна была очертить тонко и четко прекрасное лицо свободы. Благодаря глубокому религиозному чувству свобода не искажалась произволом, хотя кое-где и кое в чем были безвкусные и потому смешные попытки «дерзаний». А свободу искали и для искусства и для себя. Прежде всего хотели избавиться от хроникерства в литературе: отражать, запечатлеть текущий момент общественной жизни — унижительно для искусства, и, конечно, «текущий момент» служит матерьялом для художника, но не приковывает его произведения к десятилетиям личных впечатлений писателя. Несомненным было, что человек, когда он велик, требует места в мировой истории, а не в десятилетиях. Можно бы возразить, что «не человек, а его произведения», но это — уловка.

Думаю, что из таких простых мыслей и возник символизм. Пристально глядя на форму, не могли не видеть, что художник, пользуясь «хроникерскими» временными формами, заставляет их просвечиваться большим, постоянным. Отсюда полшага до вечного, философского, мистико-религиозного. Эти полшага были сделаны сразу. Здесь было и увлечение. Искали свободу, нашли корень ее в религии и — заставили служить религии и искусство и философию.

Соблазн был велик: малый, временный образ может в художественной обработке пропитаться вечным; вечное мистически преобразует временное, силою метра и ритма; в нем — вся сила, ему и служи. Так утверждался символизм. Кое-кто из мудрейших и тогда уже знал, что не надо бы насиловать временных форм, втискивая в них вечное, и не надо несколько профанировать вечного, постоянно носясь с ним и стаскивая в малейшие, не всегда чистые, переживанья. Ведь глубоко талантливая вещь (вроде «Ревизора») сама собой, свободно пережигает образы даже нелепые во что-то другое.

Как бы то ни было, я, тогда студентик, решительно стучался в стан символистов, имея в виду главным образом философские проблемы в свете мистики и религии. Живя в деревне, захлебывался стенографическими отчетами рел<игиозно>-фил<ософских> собраний². Читал все, но особенно увлекался Мережковским, который был тогда совсем другим, чем позже.* Его книга «Толстой и Достоевский»³ очень напряженно надула паруса моей внутренней жизни. В журнале «Новый Путь» был даже напечатан мой крохотный рассказик⁴; написал я еще диалог «Как меня

* Было: чем позже, и более доступен.

учили» и с ним отправился, дрожа и замирая, к Мережковскому. Это было после московского восстания⁵.

Мережковский наружностью просился в галерею портретов русской интеллигенции. Слово это употребляю в моем, несколько особом, значении: человек книги, комнаты, улицы, вагона; как бы широки ни были его знания и взгляды, и талант, интеллигент — носитель рационализированных восприятий, подпорченного благоговения, не детской радости, чувственности хоть сколько-нибудь пошлой; в нем органические соки подменены химическим препаратом. Говорю это, рассчитывая, что не раз придется определять людей или явления по признаку интеллигентности в моем смысле. Ни крестьянина, ни всечеловека, ни ребенка нет в «интеллигенте».

Щуплый, небольшой человек с отвислыми нижними веками и назойливо густой бородкой лопаткой, в пиджачке, со взглядом бесцветным. Таким мне запомнился Мережковский. Он немного расспросил меня, какую мысль провожу в своем диалоге, отговорился недосугом и предложил «передать» меня Андрею Белому, который у них в квартире тогда жил⁶. Дело было в Петербурге, где я проводил зимы.

А. Б. — сам студент⁷ — меня, студента, принял приветливо; заставил прочесть диалог, указал, куда отправить для печатанья (в Москву, там издавался в это время сборник «Свободная совесть»⁸), и мы долго проговорили с ним о символах красок⁹. Говорили и о революции, о московском восстании, и вот его слова: «У меня был револьвер. Я ходил по улицам; я с трудом удерживался, чтобы не стрелять в гороховых»¹⁰.

А. Б. дал мне визитную карточку с надписью В<ячеславу> И<ванову> — просьба принять меня на его знаменитые среды на Башне. Так А. Б. стал золотым мостом в моей жизни, переправившим меня на сторону тех, кто оказался тончайшим цветением русской культуры.

Что такое «Башня», где она находилась, какова была квартира Ивановых, — это достаточно известно и описано. Но помню одну мелочь: В. И. шутя говорил, что его смущает одно: башня их — на крови (потому что внизу была мясная лавка)¹¹.

Я явился рано, и у В. И. нашлось долгое время для знакомства со мною. Он как бы исповедал меня; а я с абсолютной легкостью открылся ему весь. Помню чувство — будто распахнулись окна; тепло и свет, простор и бодрость. Радость такого тонкого, глубинного общения необычайна. Человечность самая полная, нежнейшая терпимость, понимание большее, чем сам себя понимаешь, неумолимая правда и поддержка друга. Все настоящее, как дар и боль, стало призывом и взысканьем. Я был ошеломлен радостью.

Вскоре В. И. стал называть меня своим другом; и так до сих пор, хотя жизнь ужасно разъединила нас.

Я, конечно, познакомился с его женой; но долго дичился ее. Лидия Дмитриевна (Зиновьева-Аннибал) сначала многим отталкивала меня. Не ее греческие яркие одеяния, босые ноги, распушенные золотистые волосы¹², декадентская «искренность» движений и слов могли оттолкнуть меня — прирожденного «декадента»; но резкость в обращении и... ужасно черно подведенные глаза. О последнем я таки решился ей сказать вскоре; спросить, зачем она делает это. В ответ она расхохоталась: «Ведь это аннибаловская кровь!¹³ У моей сестры темное пятно на спине, а у меня — под глазами». — Оставалась резкость. Но В. И. настойчиво рекомендовал дружбу с Л. Д. Дружба эта и состоялась; за оградой резкости я нашел нежность человека, способного любить так, как почти никогда больше не встречал; еще нашел то, что обещал мне В. И., — мудрость. Сколько ночей просиживали мы, говоря о вещах почти несказанных. Я читал им свои наброски, заметки, и как они пестовали мои начинания!

Отношения между Л. Д. и В. И. были браком, пожалуй, единственным истинным браком, когда-либо виданным и слышанным мною. Сила

единства питала и окрыляла их свободные индивидуальности, и она же делала их одним и единственным духом. На портрете Л. Д., написанном Маргаритой Васильевной Сабашниковой (тогда, — женой Максимилиана Волошина), надпись выражает всю силу этого брака. Где этот необычайный портрет¹⁴?

В. И. был женат смолоду¹⁵. За границей, в Италии он встретил Л. Д.¹⁶ Эта встреча решила его судьбу. Он писал матери в Москву, между прочим, о впечатлении от «Кармен»; выражал свой восторг. Его мать догадалась: «ты влюблен»; так понять и восторгаться «Кармен» может сильно влюбленный человек. Развод был труден. Им пришлось уехать во Францию, потом в какое-то глухое место в Англии¹⁷.

В. И. и Л. Д. Ивановы приехали в Петербург из-за границы (семья под началом М. М. Замятиной — друга Л. Д. — оставалась за границей) незадолго до того¹⁸. Вот слова Л. Д. по этому поводу: «Мы поняли, что теперь надо быть здесь». Эти слова требуют пояснения; существует мистическое, оккультное восприятие мира и течения событий в мире; согласно этому восприятию центр духовных сил в это время был перенесен в Россию; предстояли огромные события, начинающие переходную эпоху к новой эре в истории человечества; до того Индия была хранительницей духовных сил; но с конца XIX века она передавала Европе свои знания, и острие мировой оси было утверждено в России. Поэтому Л. Д. и В. И. поселились в Петербурге.

Мои воспоминания не могут быть ни строго последовательны, ни подробны. Все дневники мои, где мною велась достаточно подробная запись всего переживаемого, погибли. В памяти сохраняются отдельные моменты и общий характер основного течения символизма, как он создавался и направлялся именно на «Башне», т. е. участием в нем В. И. и Л. Д. Я был очень молод (особенно характером), далеко не достаточно на уровне образованности этого круга людей, и застенчив (не в светском смысле, а душевно изнежен и потому боязлив). Поэтому я не выступал, не завязывал живых отношений ни с кем почти, кроме В. И. и Л. Д.; только слушал, глядел и старался понять со своей, главным образом философской, точки зрения происходившее передо мною. Не пестрая толпа замечательных людей привлекала меня, а глубинное органическое течение новой жизни, которое было несомненным фактом для моего мистического восприятия. И люди чувствовали отчужденность моей изнеженности и как-то не смели, вернее, жалели нарушать ее. Поэтому мне придется больше остановиться на объяснении и характеристике общего духа и направления движения, как оно виделось мне на «Башне». Но там я был свой человек, и чем дальше, тем больше. Мое единомыслие с В. И. иногда было удивительно: совпадали порой даже слова. Конечно, в продолжение ряда лет он был моим руководителем (но не один он); и только позже, перед его отъездом из Петербурга за границу (в 1912 г.)¹⁹ и в Баку, в 23-24 годах, я стал его другом и не только учеником. Но в последние месяцы пребывания его в Баку единомыслие наше раскололось в одном вопросе, в отношении к символу Аглаи («Идиот» Достоевского); но о том — после. Во всяком случае, этот раскол никак, ничуть не отразился на наших отношениях, и только в области мистической он стал для меня (для меня ли одного?) как проблема.

Итак, Ивановы жили на «Башне», и очень скоро они стали центром для лучших культурнейших сил страны²⁰. Все шло к ним. Беседы велись общие и индивидуальные. Была ли то «среда» или случайно сходились к ним несколько человек, беседа всегда была полна содержания. И не то, что темы были всегда высоки и глубоки; много и шутили, и дурачилась молодежь, и нападали на какую-нибудь отсутствующую или присутствующую личность; но такое нападение всегда оказывалось беглыми лучами света, в котором озарялась индивидуальность, как ценность высшая, как человеческое лицо, как свобода, живая в данной воле. Бывало и осужде-

ние, но как оно рознилось от пересудов! В. И. был всегда необыкновенен в осуждении. Редко это случалось, поэтому житейски он был и терпим, и холоден к тем, чьи поступки и жизнь не соприкасались с высшими ответственными областями духа. Но если он в ценных людях замечал изъян духа, предательство самого себя, ложь, сделку, потемнение, лень духовную или невежество, — тогда гнев его был яростен, почти бешен. И в таком гневе, ударяя словами, как ножами, В. И. никогда не допускал унижения «гражданского» достоинства человека, никогда не посягал на свободу, не ставил сам необоримой преграды отчуждения. Сначала я пугался этих пожаров гнева; потом понял их и, сознаюсь, почти любовался их блеском, их сущностью, как ревности о свободе и правде во имя источника свободы и правды, и их поразительной страстности, никогда не искривленной желчью, злорадством или презрением к человеку; презрение погасило бы гнев. Но вот взрыв изывался, и В. И. опять, почти сразу — друг человека. Быть другом — это всегда было гениальной чертой в нем. Был в Баку один профессор, который сказал как-то, что гениальнее всего В. И. в разговорах за чаем; отчасти зависть и отчасти глубокая пошлость этого профессора подсказали ему эти слова. Талант духовного общения, дар дружбы есть, в сущности, дар любви; неутомимая заинтересованность в человеке, исканье, служение человеку, любование им по всей возможности — вот это что. Для этого надо много проникательности и проникновенности. В. И. смеясь говорил о себе, что он шпион, что он доискивается и высматривает, и разузнает, как ярый шпион; но с какой любовью! — Раз как-то он разбранился со своим другом (не помню с кем), и тут же сказал: «Не христианские это отношения, если человек человеку не может «дурака» сказать».

Дар дружбы делал то, что масса людей шли к нему для уединенной интимной беседы. После в его семье эти беседы назывались «аудиенциями»²¹, и спрашивали гостей: «Вы как? аудиенциально или просто побывать у нас?» Немало подарил В. И. и мне таких «аудиенций». Личные, глубочайшие запросы воли и неисследимой природы человека раскрывались в меру сил и разумения; оставаясь личными, они как бы прорастали в области всеобщей духовной значимости. Часто событие личной жизни оказывалось символом и не померкало оттого, но связывало человека с космической жизнью. Позволю себе привести пример отношения В. И. к человеку в таких беседах: с трепетом раненой птицы я рассказал ему об одном случае, бывшем со мною в тот день или накануне. Никто, пожалуй, не понял бы острой значительности моего переживания так, как В. И. Он понял, что замазывать этого нельзя, что надо вскрыть до конца эту рану и дать уже не только личные силы перенести и залечить ее. И он так и сказал: «Пусть это трудно перенести вам, почти преждевременно, но я скажу: то, что с вами — символизируется, а это означает,»*. Я громко ахнул, закрыл лицо руками, как-то опал весь в кресле и стонал. В. И. опустился на колени, ласкал меня, ободрял. И с такой помощью, в тепле такого нежного и верного сердца я совладал с опасностью, быть может, навсегда; переживание, которое могло бы отравить мою волю, стало проблемой для воли, и решение было уже не личным делом, а участием моего существа в борьбе и созидании огромных сил жизни.

Л. Д. не обладала таким даром последовательного исследования души. Беседы с нею были, сказал бы я, более порывисты, более эмоциональны; она вместе с собеседником могла горевать, радоваться, «ахать», сочувствовать, а среди речи бросить неожиданно слова, которые охватывали самую сущность предмета или человека. Так, однажды мы говорили о любви, по правде сказать, — о моих переживаниях и очень тяжелых, тогда уже прошлых. Л. Д. как бы вживалась в мои переживания и подарила мне свою книжку, написала на ней: «Не только боль и обида, но

* Многоочия — в автографе.

Тишина». А потом, в другой день, в присутствии других людей, когда речь зашла о подобном, она вдруг подозвала меня, сказала, что любит меня очень, поцеловала и как-то очень особенно произнесла: «Знайте, я говорю совсем наверное, это так и есть: в последней глубине Бог женствен». Эти слова были истинным ответом моему сердцу. А в другой раз, когда мы мельком говорили о политике дня (Л. Д. по настроениям была очень «красная»), она рассердилась на меня, вскочила, послала меня к черту и вышла стремительно, хлопнув дверью. А я не только не обиделся, но даже не огорчился. И был прав, п<отому> ч<то> ничто не изменилось в наших отношениях.

Вообще на политику мы смотрели, как смотрят на волны морские: буря и затишье определяются плотностью и массой воды, плотностью и движением воздуха; волны — показательны, но, в сущности, пассивны. Содержание общественных явлений определялось для нас плотностью и массой духовных сил народа и каждой индивидуальности, безмерно связанной и ответственной и, вместе, свободной; а еще, и главным образом, содержание общественных явлений определяется духовными началами не одной нашей земли, но больше, дальше, гораздо глубже того. Не надо думать, что отвергалось значение экономических причин; матерьяльные силы, как одно из проявлений плоти, связаны со всей проблемой воплощения и потому огромно значительны; но идея воплощения, конечно, совершенно далека от матерьялизма. Материя есть некий отрезок сил; связь ее с силами мира, хотя бы с проблемой формы и движения, окончательно существенна, но сама по себе материя, вне движения, формы и многого другого, лишена всякого содержания и смысла. Воля, живая воля, из которой рождаются и разум, и чувства, а за ними и ощущения, — вот то начало, о котором мы ревновали. И потому были мистиками. И разве деятель, на любом — общественном ли, индивидуальном ли поприще, не работает над преобразованием чужой или своей воли, или ... над убийством воли? В начале я сказал, что символисты пеклись о свободе; поэтому мы наблюдали ток свободы у его родников и видели тень его — рабство. Любые волнения политические были приемлемы, особенно для такой бесстрашно-решительной натуры, какова была Л. Д.; знали, что все формы властвования прежде всего отравляют свободу господствующих (конечно, кроме крупных личностей), отравляют возможностью произвола.

Я формулирую то, что прорывалось в разговорах, но несколько не ругаюсь за совершенную точность в оттенках мысли, тем более, что был окружен сильными, ярко оригинальными индивидуальностями.

Словом, ответом «Башни» на революционное движение того времени был «мистический анархизм»²²; и политическая печать заговорила о том, что «декаденты левеют». Однако надо признаться, что речи о мистическом анархизме были всегда как-то несерьезны и скоро угасли. А вот слова Л. Д. по этому поводу; речь зашла о В. И., о том, что для нее важнее всего в нем: «Он — поэт; а мистический анархизм, это — так! лужок, на котором он сейчас резвится. Если бы было иначе, я не осталась бы здесь». Очень характерны эти слова. Звание поэта исключало все другое; не в том смысле, что изолировало от других форм деятельности, но требовало отношения ко всему другому как поэта, т. е. свободного и творческого. И вновь я возвращаюсь к вопросу о свободе. На «Башне» политика занимала уж очень мало места; поэтому я позволяю себе по-своему формулировать соотношение свободы и политики, и, думаю, мое мнение не будет противоречить основному тону того круга людей (но, конечно, не всех посетителей «Башни»): между свободой и политикой нет никакого соотношения; общественной строй есть всегда правовой строй, а право не имеет ничего общего со свободой, но совершенно связано с произволом и формами его обузданья и... разнузданья.

Свобода может начинаться там, где право кончилось; но может и не начаться, если человек лишен творческих сил.

Источник творческих сил видели в религии. Раз как-то, улыбаясь и раскачивая ногой, заложенной на ногу, сказал В. И.: «Поэт должен перекреститься, начиная писать стихи». — «А если я хочу писать порнографические стихи?», спросил кто-то. — «Тогда вы *не* перекреститесь. И это будет тоже мысль о Боге».

Здесь было бы уместно перейти к морали, к той нео-христианской морали, которую сильно ставили в вину «декадентам». Но прежде я расскажу один забавный факт и довольно характерный; он имеет непосредственное отношение к тому революционному времени.

Усмирение революционного движения шло грубо, жестоко и — неизбежно — грязно. Не представляю себе, чтобы кто-нибудь из бывавших на «средах» сочувствовал правительству; лицемерие и обман его были очевидны; только страх перед бунтом и осквернением святых (не политических) заставлял быть сдержанными. Впрочем, Л. Д. ничуть не боялась бунтов, в какой-то мере любила их и признавала; а В. И. сказал как-то: «Будь русские помещики английскими лордами-хищниками в их замках-крепостях! а наши — что? настроили деревянных курятников и защищаться не могут». Во всяком случае, «интеллигентским», газетно-либеральным отношением на «Башне» не пахло. И вот, привели на одну из «сред» некоего одессита. Не знаю, кто он был; вероятно — журналист; лет сорока, еврей, полноватый, русский (если не лысый). Он знал, куда он попал, и, несомненно, высоко ценил эти «сливки» культуры. Ему предоставили слово, и он заговорил, заговорил — надолго. Сначала ему очень сочувствовали. Он говорил и об одесских событиях и очень остроумно сказал что-то о казацких нагайках; но чем дальше, тем больше речь его пахла пошлостью либерального фельетона провинциальной газеты; стал он упоминать о присутствующем обществе, о том, что это — «сливки», и много раз о «сливках», и еще, еще говорил... Становилось невыносимо. Заговорил он и о мистике и об оккультизме; он был прав — мистика и оккультизм играли здесь большую роль, но не по-газетному, а искренно и стыдливо. А он поет и все повторяет, однако обзывает присутствующих не оккультистами, а окулистами, сочувствующими революции; еще и еще раз — «окулисты». Тогда Л. Д., уже едва терпевшая, вскочила, стремительно вышла в другую комнату и стала изо всех сил колотить руками в дверь. Надо было видеть смущенно-довольное лицо В. И. Оратор смял речь свою и умолк.

Перехожу к вопросу о морали. Это очень не просто. «Башню» легко было обвинять. Повесть Л. Д. «Тридцать три уroda» была запрещена цензурой потому, что в ней описывалась лесбийская любовь. Запрет был очень скоро снят²³. Но вопрос об отношении к морали на «Башне» интриговал многих.

Легко сказать, что там был принят аморализм. Не хотели руководиться предписаниями морали, действительно отвергали их, но именно как предписанья. В то время было очень сильно нищестество; ведь даже М. Горький в большой мере успехом у интеллигенции обязан своим «нищестемским» босякам²⁴. Казалось, что на «Башне» сильной личности с сильными страстями «все позволено», по слову Ивана Карамазова²⁵; больше того — признавалась война и дуэль. Толстовская мораль казалась безнадежно безжизненной и скучной, рационализированье о полезности морального строя — бесплодным, а природа человека — антиномичной и трагической по существу. Почему бы не аморализм?

Но я, бывший у сердца этих вопросов, так как сюда была направлена

тогда моя философствующая мысль (я писал размышление о нравственности), — я решительно утверждаю, что не аморализм был признан.

Всем казалось несомненным, что аскетизм решительно отвергается. А между тем, Л. Д., не только не запрещавшая, но даже побуждавшая меня пережить до конца все пути смятенного сердца, — она же говорила мне, требовала от меня «железного аскетизма» в духе. И это особенно ярко характеризует ее. Совершенно то же отношение по существу было и в В. И. Этим объясняется их огненная гневливость и их благоговение перед чистым смирением.

Это была самая настоящая мораль, но исходящая из самой настоящей реальности. Чрезвычайно трудный вопрос; и боюсь я воспоминанья обратиться в рассуждение; но характер моих воспоминаний именно таков: я не живописую, а освещаю, конечно, субъективно; однако надо знать, что только большая любовь может подсказать большую правду; и большая духовная близость к В. И. и Л. Д. дает мне не меньшее право.

«Когда-то только бедный мог войти в царство небесное, а теперь — богатому легче войти туда». Это слова В. И., слова полушутливые, однако несущие определенную мысль. Они были сказаны об одном богатом молодом человеке, если не ошибаюсь, поэте-дилетанте и эстете. Благодаря богатству он имел возможность посвящать себя всецело тонкому и проникновенному изучению и переживанию искусства; это было «добродетельно».

В драме «Кольца»²⁶ Л. Д. говорит о любви, которая перерастает исключительность, ревность; как «Бог не ревнует нас к любимому нами человеку» (слова В. И.), так двое, объединенные любовью, ставшие силою любви чем-то большим сдвоившихся супругов, могут простирать свои руки за предел супружества и вовлекать в круговорот любви, перерастающей земные грани, других лиц, другие сердца. Легко видеть, как это может оказаться соблазнительным для малых, пошлых людей, как подобные допущения должны быть скрыты и как почти невозможно их осуществление в жизни. Однако последующий брак В. И. с дочерью Л. Д. от первого брака, Верой Константиновной Шварсалон²⁷, был трагическим и непрístupным для людей, но — фактом. Я позже скажу о том.

Жертвенность, убийство могли не породить ни тени нравственного осуждения. Преступление корнями своими вплетается в мистические судьбы земли и человека, и не осуждение, а строгое суждение красоты и цельности духа, понимание роковых связей и высокая пощада руководили нравственным чувством. Евангельский образ страшного суда, как пира, куда званые не идут, но убогие и калеки призваны, — этот образ передает мою мысль отчетливо. Наряду с этим совершенно отвергалась смертная казнь. И это понятно: как правовое явление, убийство есть уродство и мерзость, это есть принципиальная самоотмена законности. Но я говорю о нравственности, и здесь — другая мера.

Человек приходит в мир со своим изъяном; но никто не «имеет права на грех»; «грех» есть искаженная тень своеобразия, особенности отдельного человека; «грех» есть задание: искаженное очертание свое, несовместимое с очертаниями других людей, претворить в ту силу своеобразия, которая соединяет людей, пробуждая любовь. Думаю, что этими словами я направляю мысль к статье В. И. «Кризис индивидуализма»²⁸ и к его широкой идее о соборности. Когда кто-то спросил его: «Да что же такое, в конце концов, соборность?», — он, несколько задумавшись, будто не совсем решаясь ответить и будто не вполне отвечая, сказал: «Соборность есть пол».

Не знаю, поймут ли меня, вернее, почувствуют ли теперь, как тонки и высоки были нравственные основы. Наряду со свободой, почти нисходящей до произвола чувств и поведения, стояло строгое, высокое взыска-

ние той же свободы, как участия плодотворного в мировой жизни; но жизнь земная — загадка и задание для воли: найти себя.

На одной из «сред» был поднят не помню какой вопрос; дебаты привели к большому углублению его; речь шла о больших мистико-философских проблемах. Все были завлечены живым и трепетным интересом; перед нами подымались, казалось, неразрешимые противоречия и чувствовалась неизбежная необходимость решений. В. И. взял слово. Он тонко и четко очертил проблему, открыл антиномичность в ее существе, указал на то, что антиномичность является как бы стражей тайны, «но если мы знаем об антиномичности, мы уже у порога тайн, если мы мыслим о ней, значит нам дана власть, и тайны раскроются нам».

Этими словами я хотел бы завершить вопрос о нравственности. Они показывают, к какой глубине познания стремился символизм, на какую реальность опирался, отыскивая принципы морали. Но никогда мораль не становилась самостоятельным предписанием. На нее смотрели как на некую тактику плодотворности духа. Только для человека, достигшего цельности, исследовавшего сущность свою в ее отношениях к миру, мораль становилась строем внутренних сил. «Нравственность есть созревшая любовь», так образно формулировал я свою мысль; и эта формула была принята одним человеком, чрезвычайно близким по духу Вячеславу Ивановичу.

Не забуду одного краткого, почти мимолетного разговора о красоте; в нем выразилось подобное же (как и к морали) отношение В. И. к эстетике. Обсуждали какое-то произведение пластического искусства, говорили между прочим о том, прекрасно ли оно (в высоком смысле). «Ведь оно несомненно красиво; неужели непосредственное впечатление обманывает? Я вижу красоту», — сказал я. В. И. очень горячо ответил: «Надо же знать, что красоту нельзя набрасывать, как одежду, что красота не есть только внешняя форма. Она возникает из органической нужности данной формы, как бы из мистической утилитарности». (Передаю слова не точно, но уверен, что такова была мысль). Основная, единая реальность и здесь, как в нравственности, была критерием красоты. То же сказал В. И. и о логике во время прений с Ф. А. Степнуном на заседании христианской секции рел<игиозно>-фил<ософских> собраний. Ф. А. Степун, только что вернувшийся из Германии от учителя своего Риккерта²⁹, пытавшийся подняться в мистику на дрожжах неокантианства, воскликнул: «Но логика, логика! как вы к ней относитесь?!» — «Я руковожусь ею в тех областях, где она правит мыслью; но дальше — я беру ее в карман, как полезный инструмент в нужных случаях, но не больше того». Под словом «дальше» надо понимать, конечно, область воли, антиномий, мистики, весьма уместно вспомнить Гегеля с его сверхчеловеческой «Логикой». Так что и здесь, в области рассудка и разума, мышление должно опираться на истинную реальность, из которой исходят и мораль, и эстетика, и разум.

«Я говорю, что я христианин, а меня обзывают люциферианцем», сказал как-то В. И. Один историк нашей литературы называет В. И. «эрудитом», будто с досадой³⁰. В. И. — профессор и очень образован; навстречу «эрудиту» он мог выйти с эрудицией; он глубоко чтит науку и ее методы. Но огромной ложью будут всегда такие слова, как «эрудит», «декадент», «люциферианец».

Он прежде всего человек. «Объективность моя безгранична», — сказал он как-то о себе. Правду, если она фактична действительно, он всегда принимает даже до беспощадности. Но принимать правду трудно, быть может, труднее всего; человек обыкновенно понимает лишь то, что хочет понимать. Потому я и сказал, что В. И. прежде всего — человек, т. е. может открыться как человек всякому человеку, и самому чуждому по строю; и, в свою очередь, может видеть во всяком другом — человека, ту цельность и ту ценность, ради которой, в конце концов, мы существуем.

Он проходил мимо людей только тогда, когда правда о них была убога, скудна.

Здесь должен указать на более специфическое определение, о котором я уже упомянул словами Л. Д.: В. И. — поэт. Он сам говорил мне, что выше всего ценит отношение к нему как к поэту. Л. Д. видела в нем поэта. Должен сказать, что и я, чем больше узнавал его и понимал, тем яснее видел в нем поэта. Но как поэт-писатель, издающий свои книжки, он был мало доступен. Даже К. Сомов (художник) говорил мне по поводу «*Cor ardens*»³¹: «Трудная книга. Найдется, пожалуй, человек 500, не больше, которые поймут ее»... А ведь К. Сомов был тонкий ценитель стихов, на «Башне» часто бывал и близок был тому кругу идей³². Сам В. И. на мои жалобы на трудности его стихов признавал, что в «Кормчих звездах» он был «слишком педантичен». Близкий кровно (силой фантазии и проникновения) эллинизму, он этим отчуждался от современности; что для него было живым словом или образом, то другим чудилось «филологией». Главный недостаток его поэзии, б<ыть> м<ожет>, в том, что она недостаточно «глуховата», по слову Пушкина³³. Однако надо было прослушать хотя бы несколько строк его стихов, как сам он читал их, прослушать внутренне просто, совершенно непредвзято, но с острым вниманием; тогда вдруг будто вспыхивала особая, до того скрытая, красота; все становилось ясно и до такой степени «поэтично», т. е. гармонично, свободно, строго и совершенно ритмично, что диву даешься. «Как любопытно быть непрочитанным автором», — сказал мне В. И., когда вот таким образом открылась мне, в один из многих раз, красота его поэзии. А когда стихи его не нравились, он не сердился, не защищался; и, помню, одни слова его по этому поводу: «Если публике чужды звуки или образы поэта, это еще не значит, что они плохи. Но поэты *должны* победить слушателей, открыть им новое восприятие, заставить полюбить».

Не без эгоистической цели расскажу факт поэтической восприимчивости В. И. Я как-то рассказал ему об одной звездной ночи у нас, на Украине. Он, после моего ухода, написал стихи «Роза ночей»; в них очень точно передано то, что он услышал от меня. Стихи эти помещены в «*Cor ardens*»³⁴. Я ни на что не претендовал, но сам он потом сказал мне: «Простите меня; я по рассеянности не поставил посвящения, но стихи эти — ваши, они посвящены вам; так и знайте».

Поэтическая зоркость и чуткость В. И. были чрезвычайны. Хотя бы мимолетное, но характерное движение, образ, звук впечатляли его, и он переживал, размышлял, «носился» с этим впечатлением. «Достаточно посмотреть со спины, как он ходит, чтобы увидеть, что он глуп», — сказал он про одного человека. Несмотря на силу и размах его фантазии, она была очень строга, п<отому> ч<то> вкус его был строг, и он признавался, что ужасно мало есть книг и произведений искусства, которые действительно всецело нравятся ему. Это не мешало ему хвалить и те вещи, в которых хотя бы частично искрилась поэтическая правда и мастерство.

Но надо отойти от понятия поэта, как писателя, к более глубокому пониманию этого слова, чтобы знать, чем дорожил В. И. в этом звании, почему Л. Д. признавала его единственным условием их единения.

В то «молодое» время на «Башне» постоянно говорилось, что поэт есть жрец и пророк. Не трудно видеть, что в силах поэтического творчества видели проявление возможностей несравненно больших, чем стихотворчество. Был ли то просто романтизм или знание правды и фактов? На «Башне» думали — последнее; ведь весь скепсис, вся холодная липкость мышления XIX века была основательно известна этим культурным людям; они были достаточно вооружены научно-философскими знаниями, чтобы не лепетать наивностей об экстазе и вдохновении, о полуживых,

полувыдуманных Музах и Аполлонах. Однако я сам сейчас сказал: «в то молодое время». И правда, позже, потом не повторяли слов «поэт, жрец, пророк». Задор опал. Но не изменилась мысль; только стала скромнее, тише, скрытнее, стыдливее. И я сейчас, начав говорить об этом существеннейшем на «Башне», принужден преодолевать чувство стыдливости.

Вопрос о звании поэта был бы, пожалуй, излишним в этих воспоминаниях, если бы не связывался неразрывно с теорией символизма. Так, возникновение «акмеизма» в самом сердце символизма, этот откол от символизма, означал именно отказ от звания жреца и пророка и оставление за поэтом права петь произвольно, «глуповато», безответственно. Смешно было бы отрицать символизм, как одну из неотрывных сущностей искусства; только плохой поэт может опуститься до аллегоризма и только плохой читатель может дойти до пустой «приятности» чтения или житейски-исторической поучительности художественного произведения, но вопрос о «глуповатости» поэзии, в пушкинском смысле, остается великой проблемой для поэтов. Я приведу слова В. И., сказанные им уже в Баку, в <19>24 году, незадолго до его отъезда. Я сказал ему в связи с речью об искусстве: «Не люблю я символизма». — «Я тоже не люблю его», — ответил В. И., и не просто выговорил эти слова, а вдумчиво, как бы внутри себя вглядываясь в мою мысль и принимая ее. В чем же дело? Как свести концы? Как овладеть этой антиномией? — ибо это настоящая антиномия.

Может ли быть свободным человек, который никого и ничего не любит, ни перед чем не благоговит? — Не может, п<отому> ч<то> без любви человек не творит, но только комбинирует. Люди, лишённые любви, и не знают ни о каком творчестве, и даже теоретики признают только комбинации не то постоянных, не то непостоянных мировых данностей; и сам человек — такая же комбинация для них. Где же есть любовь, там есть и творчество (конечно, не только наглядное и исторически оцениваемое); и только здесь возможна свобода. У поэта — *sof ardens**; и он свободен; точнее — он постоянно создает свободу. Если сколько-нибудь смешивать свободу с произволом, то разобраться в этом вопросе невозможно; если же разграничить их, то, надеюсь, можно проследить мою мысль и дальше.

«Аполлон *требует* поэта к священной жертве»³⁵; любовь *повелевает* человеку. Но она и есть самая сущность человека; если она даже умерщвляет, то она же и воскрешает. Здесь и находится корень свободы. И вот, поэт может это знать, даже слишком знать, и тогда он обязан сделаться «символистом»; но он может быть смиреннее, стыдливее, т. е. мудрее, а может он и совсем скрыть в подсознательное от самого себя свою сущность любви, творчества и свободы; и только в глубине поэтической совести сохранять мерило своей свободности. Здесь — как бы постоянное колебание тончайших весов от глагола пророческого до детской игры символами повседневности. В легком движении этого колебания мы находим красоту искусства.

Так, сжато и несовершенно, я пытаюсь указать направление к решению поставленной выше антиномии. Надеюсь, что я достаточно осторожен, чтобы не нарушить строя мысли тех, о ком я говорю.

Считаю уместным привести здесь слова В. И.; хотя они и относились к вопросу о добре и зле, но в мировоззрении религиозных людей зло есть, по сущности своей, отрыв от реальности, т. е. бесплодие; поэтому основы морали сходятся корнями с вопросами и эстетики, и творчества. Насколько помню, вначале разговор шел о денежных затруднениях одного лица, о векселях, о том, что он может не получить своих денег; поэту В. И. и выразил свою мысль в этих образах: «Бог всегда платит чистым золотом; а черт дает векселя — и всегда дутые». В этих словах,

* пламенеющее сердце (*лат.*).

кроме их прямого и разительного смысла, сказалась мысль о том, что правая надежда преодолевает время, предвосхищает осуществление, дарит мистическую, т. е. истинную, реальность. Как отдаленную параллель этому могу привести еще слова В. И. о страхе в любви: слишком «мужественное» обладанье может поднять страх в существе женщины; «Но ведь вы же и тогда любите его?» — спросил В. И. Так «золотые облака мистики могут подыматься и над гнилым болотом», по слову того же В. И. Добавлю от себя: в таком случае они несут реальность потому, что они золотые. И грязь денежная, и ужас пола, и «вот эта бутылка» (слова В. И.; какая-то бутылка попала ему на глаза) — «все может стать символом» для настоящего поэта, что мы фактически и знаем, если знаем, что такое художник и художественное произведение. К этому на «Башне» всегда и постоянно единодушно добавлялось: и зритель есть художник, поскольку творчески воспринимает искусство, и всякий человек — художник жизни, если он не «живой мертвец», по слову Вл. Соловьева³⁶.

Мне остается коснуться еще религии и оккультизма.

Символистов называли нео-христианами. И правда, их христианство казалось новым сравнительно с «поповским», слащаво-прописным и подозрительно гибким христианством; так же далеко было оно и от «буддизирующего», интеллигентского деистического христианства Толстого. Христианство символистов можно было бы назвать воинствующим, но, конечно, не в смысле завоевания прозелитов, а в смысле отважной борьбы с основами неверия и скептицизма. Иногда символисты могли казаться еретиками или сектантами; но против того и другого они по духу своему восставали; хотя и терпимы были чрезвычайно к ересям и сектантам благодаря широкой и живой любознательности. Они отстаивали вселенское начало христианства, однако характер религиозности был не демократически-вселенский. Все святые признавались, принималась вся сила исторической церкви, и все же было отличие, особенность очень существенная.

Это христианство было отчасти аристократическим, отчасти эзотерическим. Конечно, не социальный, не сословный принцип имелся в виду; это было бы смешной пошлостью; и эзотеризм не исходил из склонности к секретам. Точнее всего был бы я, если бы сказал, что христианство вооружалось научностью; поэтому получалось обособление от невежества; поэтому же прибегали к эзотерическим учениям, ибо они заключают в себе истины научного характера (бывает может будущей науки). Словом, повторяю, воинствовали с темным неверием и скепсисом. Но тем несомненное знали, что свет разума исходит от другого, более существенного, света; тем горячее признавали непознаваемое, и на опыте, т. е. мистически, переживали его реальность.

Пожалуй, можно было бы свести весь вопрос именно к опыту. Как положительные науки утверждены на опыте, так и религия. Чем острее и отчетливее переживать опыт, тем вернее и скорее мы приходим к религиозным переживаниям. Наглядной и живой связью между разумом и волей является искусство. Внешний опыт, как родовое начало личности; искусство, как рождение творческой индивидуальности; религия, как свобода, объединяющая во взаимности и единственности.

Но в земной судьбе человека видели то, что всякий, и не видя ничего, переживает неизбежно: воплощение воли. Думаю, что все религии имеют этот, единый им, корень. Христианство со всецелостью и опыта (факта), и постижения заключает в себе и глубину этой проблемы, и возможность, и силы свободного решения ее мистически и исторически. Такое отношение к христианству было основным и непоколебимым. И оно бросало свой неизменный свет на все перипетии жизни.

Такими недоговоренными словами я заканчиваю общую характеристику некоторых духовных и философских начал символизма «Башни». Мне остается вспоминать факты, картины, движения. Они будут, вероятно, разрознены и хронологически неустойчивы; ручаюсь только за верность внутреннюю и буду всегда ограничивать субъективность впечатлений от точности внешних данных.

Среды были многолюдны, и в толпе могли бы теряться наиболее значительные личности. Но собрания эти посвящались или слушанию новых произведений, или обсуждению какого-либо общего вопроса, главным образом об искусстве. В последнем случае председательствовал почти всегда Н. А. Бердяев³⁷, и очень он вдохновлял публику или постановкой вопроса, или своими речами. Нефилософствующие, к которым часто присоединялась и Л. Д., уходили в другие комнаты, и там было шумно и весело. Признаюсь, я никогда не уходил от философствующих; шум и веселье «молодежи» чувствовалась мною какими-то «интеллигентскими», хотя бы и очень тонкими и художественными, но не «деревенскими», не детскими, с юмором будто заграничным. Там очень фигурировал С. Городецкий, от которого тогда много ждали (появлялся его первый сборник стихов)³⁸ и который, как мне казалось, позировал на причудливого ребенка. Зато его рукописный юмористический журнал «Puces des gamins» был, правда, смешон, а иллюстрации хвалимы были даже Сомовым³⁹.

В Л. Д. всегда сохранялся неискоренимый аристократизм ее крови⁴⁰, сколько бы она его ни отбрасывала, — некая внешняя терпкость, наряду с внутренней строгостью, «заграничностью» и вдруг рядом необузданной произвольностью. Корень веселья сосредотачивался не на самих шутках, а на людях. Для моего «украинского» веселья здесь не было самозабвенности. Склонен я думать, что как бы постоянный бунт Л. Д. был больше всего бунтом против самой себя (как это всегда бывает). Только за пределами этого иногда серьезного, иногда шутивого бунта она расцветала в огромной правде. Трудна она была.

Ни одной темы дебатов не помню, хотя где-то у самого порога сознания память сохраняет все.

А. А. Блок читал свои стихи не увлекательно, немного протяжно, однозвучно, без скульптурности. Теперь я думаю, что он слишком многое слышал за пределами внешних звуков и не брался передавать того.

Из всех слышанных мною поэтов — а из крупных я не слышал, кажется, только Бальмонта и Брюсова — совершенно выделялся мастерством необычайным А. Белый. Некоторые вещи свои он напевал; они и писались под воздействием данного напева (помню — это были вещи шутильвые, вроде «Поповны») ⁴¹; за напевом таилась тонко-музыкальная и разительная семантическая декламация. Но особенно поражен я был его четкой без напева. Помню, наловчившись немного, вернее — заразившись его способом читать, я декламировал его стихи дома родным; и этот намек производил потрясающее впечатление, особенно на мою чуткую к искусству сестру. «Тоска» или «Битва кентавров» («Золото в лазури») ⁴² звучали у Бориса Николаевича так, что художественный образ тоски охватывал и как-то уносил душу в царство тоски; а битва кентавров совершалась больше чем на глазах, она происходила будто в груди, вся цельная, — с криком, кровью и землей, и всем запахом той жизни. Гораздо позже Б. Н. рассказал, как он лишился этого дара: ездил он с другими «декадентами» в турне; в каком-то городе, кажется — Киеве, он оказался сильно простуженным, чихал и хрипел жестоко; но выступить все-таки пришлось ⁴³. Он вышел на эстраду; перед ним в первом ряду сидит какой-то полицмейстер, красный, усатый и уже огорошенный

декадентами, огорошенный и возмущенный неприемлемой новизной. И вот перед этой физиономией Б. Н. напевно захрипел свою декадентщину, которая и в нем, перед лицом этакого полицмейстера, зазвучала как декадентщина. Цветок его искусства оказался слишком нежным и был смят. Провал получился полный, и с тех пор Б. Н. утерял свое драгоценное дарование. Только прозу он читал необыкновенно и после того (я слышал «Серебряного голубя» и «Петербург»)⁴⁴; но мастерство его вполне сказывалось именно в чтении стихов. Ритм его декламации был совсем гоголевский: сочетание лиризма с шаржем; под действием горьковатого смеха неутолимой жажды красоты ритм этот как бы скашивался в духе гоголевского гротеска, и тут же, странно перебивая смех, звучала задушевность, именно задушевность, в смысле — *за* пределом простой души человеческой, и как-то во имя далекого духа красоты, руководящего строением ритма и жертвенно преломляющегося в нем. Точнее слов не подберу. Если здесь был романтизм, то некий классический романтизм.

Уменье поставить точку там, где ей приличествует быть, есть владение ритмом, ритмом классическим. В. И. смеялся говорил о добротных произведениях: «Сказал и — точка; еще сказал — и точка». Иными словами — строгая мера. Еще он говорил: «Когда писателю кажется, что он еще многого не договорил, тогда в его вещи все и сказывается; а очень растолкованное — мутно», т. е., если читателю не остается доли творчества, произведение воспринимается мутно, без эроса. Так, умея ставить ритмические точки, читал стихи В. И., свои стихи и еще, помню, Пушкина. Пожалуй, большая публика не восприняла бы всей изысканной мощи этого чтения; и не всегда В. И. читал окончательно прекрасно. Но это случалось нередко. Сравнил бы впечатление с чистейшим кристаллом, но не холодным, а пропитанным живыми лучами — скажем, искусства. Это чтение было классическим.

Кто только не читал на «Башне», и многие — очень хорошо; но мастерство В. И. и Б. Н. заслонило всех других, пожалуй, кроме А. М. Ремизова. Наружностью он смахивал на забавного домового; волосики торчали с двух сторон лысины вроде рожек; лицо — кулачком; говор народный — мужичком. От него веяло прикосновениями жутковатых нежитей и огромной доброты. Раз как-то он мне сказал: «Приходите к нам чай пить; с вами вкусно пить чай». Его юмор — совершенно детский, настоящий детский, хотя он и играл лингвистической ученостью. В. И. говорил мне, что, когда А. М. был в ссылке в Сибири⁴⁵, люди шли к нему, как к духовнику. Он был совсем религиозен, но как-то испуганно. Облаченная в обряд, в слово, в знаки святыня была и заклинаньем и некоей ладанкой, и могла быть осквернена. Он как-то прочел В. И. и мне, келейно, ужасно кощунственную и комическую поэму в прозе о происхождении табака⁴⁶; словами богатыми, сочными, старо-русскими, обильными он развернул совсем грязную фантазию; но грязь тут же опадала, кощунство было юродством. «Глаз поднять не смел. Чуть не стгорел от стыда», — сказал он, когда кончил. В одной сказочке рассказывает, как брат и сестра сочиняли сказку, и все страшней и страшней, так что вымысла уже не хватает; наконец волк, страшный-престрашный, съел их (они сами себе о себе рассказывают); попали они в волчий живот, «а там... дождь идет»⁴⁷. В некоторых вещах Ремизов разнуздывает ужасно русскую, ужасно мазохическую чувственность, жалом смертельного насилия направленную на напряженную чистоту неосознанной зёмной страсти, и об отчаянном покаянии.* В деревне он жил в филинъей башне, творил поэтически — ворожил. Великолепен был Ремизов.

На одной из сред, во время речей о Боге и человеке, не помню кто сказал, не то Бердяев, не то В. И., слова, которых я не забываю, и приходится иногда повторять их: «Надо иметь роман с Богом». До чего

* Так в рукописи.

слова эти соответствуют характеру мыслей и переживаний символистов того времени! В. И. издал тогда свои стихи «Эрос»⁴⁸, говорили об эросе в философии, в науке, в искусстве, говорили о «Пире» Платона⁴⁹. От платоновой антиномии Эроса, как сына Обилия и Нищеты, восходили к антиномии Диониса — жертвы и победителя. Роман с Богом — это опять антиномия свободы в столкновении всеединства и единичности; страстное и страстное дерзновение сердца перед тайной Единого. На задумчивость мою о тричности В. И. привел слова итальянской песенки (привожу приблизительно) «Мы встретимся, и нас будет трое: ты, я и наша любовь».

Когда я пришел на «Башню», на средах уже не бывали ни Мережковские, что меня мало огорчало, ни Розанов В. В., что огорчало меня очень⁵⁰. Я не выспрашивал причин того и их не знаю, а догадки мои не интересны. Но вскоре прекратились и среды⁵¹. Это произошло для меня как-то неожиданно и мало заметно; ведь я на «Башне» бывал часто и далеко не всегда по средам, п<отому> ч<то> не любил многолюдства; отсутствие гостей или малое их количество, зато избранных, было гораздо интереснее. Когда я заметил, что «сред» больше нет и спросил — почему? — В. И. ответил: «Ритм стал не тот», с улыбкой. И опять я не выспрашивал.

Иногда собирались в комнате Л. Д. Там мебели не было; тюфяки, крытые коврами, подушки, ковры, большой куст камелии; всё в красных тонах. Там можно было почти только лежать. Греческий костюм Л. Д. был и красив, и удобен. Но жалкие пиджаки, тугие воротники, обувь, водосточные трубы бряк вопили о безвкусице и неестественности. Сами над собой смеялись, не зная, как сложить свое тело. Кажется, не всех допускала туда Л. Д. Помню Блока, Кузмина, Сюннерберга⁵², еще кое-кого. Запомнил слова Л. Д. в этой комнате, точнее — вопрос. Я сказал об основной мысли в «33 уродах». — «В самом деле? Вы это нашли? А я не знаю, не думала... Это интересно». Помню еще в этой комнате живой, завлекательный разговор Л. Д. с Блоком; я «возлежал» поодаль; наконец не выдержал и подошел к ним. «Что? Заинтересовались?» — со смехом спросила Л. Д., но в это время все что-то зашевелились, заговорили, и так я ничего и не узнал.

С Ивановыми на «Башне» жили на второй год моего знакомства (1906—7) Волошины — Макс<имилиан> Алекс<андрович> и Маргарита Васильевна⁵³. Он был тогда гораздо мельче и грубее, несмотря на поэзию, эрудицию, оккультизм, чем стал потом, в Крыму, во время и после революции. У него с женой происходило что-то неладное, и вскоре она уехала от него к Р. Штейнеру и навсегда⁵⁴. Марг<арита> Вас<ильевна> оставила во мне впечатление нежного очарованья, духовного доверия, печали, преобразующейся в радость. После, почти случайно найдя ее заграничную книжку «Серафим Саровский»⁵⁵, уже в 20 году, я понял, кто прошел возле меня. Впрочем, раньше я видел писанный ею портрет Л. Д.

Зимой <190>6-<190>7 года Л. Д. была больна закупоркой вены в ноге; лежала даже в Еленинской больнице. Я навещал ее, возил цветы. Там встретил одну даму, несколько обликом похожую на нее. Я тогда не обратил внимания, хотя запомнил. Кстати, хочется сказать, что уже в Баку в <19>23-24 годах В. И. находил иногда во мне большое сходство с его женой, а дочь В. И.⁵⁶ говорила, что я похож на ее бабушку, мать Л. Д. И правда, тип лица тот же. Кстати, укажу на один малый факт по этому поводу. Я уезжал из Баку дня на четыре в Тифлис; вернулся совсем измененный бивуаками и дорогой, с синяками под глазами после бессонной и пыльной ночи. В. И. все смотрел на меня и... плакал; так трогало его отдаленное сходство с Л. Д. Не могу выразить, как странно, трогательно, не по-земному чувствовал я тогда свое лицо.

Много было во мне духовной вялости, лени, избалованности. Когда эта себялюбивая слабость показывала свое рыло, Л. Д. и В. И. холодели и отчуждались. «Я верю в вас потому, что вы такой неутомонный», — как-то сказал мне В. И. Но если эта неутомонность стихала, ни он, ни Л. Д. не могли видеть ценности ни даже в дарованиях. С тяжелым и раскаянно-обиженным чувством я ушел от них почти в последний день перед отъездом за границу (это было ранней весной <190>7 года). Но так уехать не мог.. Пришел еще. Надо было видеть, как, все понимая, ни в чем не уступая, всегда зовя к верности и неутомонности, В. И. встретил меня, многое сказал, вышел проводить даже на лестницу; и последние слова его были: «Помните, что вы никогда не один». Конечно, не о себе он думал, говоря это.

Я уехал. Вернулся в деревню. Поздней осенью злая и тревожная судьба загнала меня в глухой городишко Белоруссии. Были это лично-казенно-денежные дела. Кроме двух женщин, кругом вертелись люди грязные. Чувствовал себя каким-то закупоренным, зубы сжавшим. Читаю газету. Некролог Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁵⁷. Как блестящий меч — и через сердце. Я знал, что смерти нет. Но еще не все знал.

В Петербурге оказался через два месяца. Иду на «Башню», и встречен Марией Михайловной Замятиной. Она охраняет В. И. от посетителей. Она меня не знала. Многих В. И. тяготился видеть. Пошла, сказала обо мне.

В. И. казался несущим тяжесть, физическую тяжесть на себе; во всем облике и движениях виделась такая отяжеленность. Больше того — и я сказал ему это — возле него я видел темную тень. Только теперь я понял, почему так было. Пусть никто не берется толковать эти слова в плане земном; может быть, в конце этих записок найду возможным сказать.

С ним была М. М. и все дети: трое от первого брака Л. Д. — Сережа, Алеша и Вера — и Лидия, дочь В. И. Сережа был уже взрослый молодой человек, Вера юная барышня, Алеша учился; я помню его юнкером артиллерийского училища; во время революции, уже офицером, он исчез⁵⁸. Какой красивый и милый он был юноша. Лидия играла (мы играли с ней в четыре руки), композировала уже тогда очень интересно. Она была подростком. На Пасху, не помню какого года, я подарил ей яичко из орлеца с тем, чтобы она стала орлицей. И она стала орлицей — композитором.

В. И. был спокоен. Никогда не говорил о горе своем. Пожалуй, горя не было. Для нас смерть — не горе. Она может быть ошеломляющим событием, может причинить тоску разлуки, но совсем не окончательной, может очистить образ любимого и может открыть глаза на свою — оставшуюся — сущность и твой путь; и всегда смерть как бы умоляет человека еще мыслить, еще созерцать таинство воплощения; но может и указать вину покинутого на земле человека. Я знаю, что В. И. продолжал любить Лидию Димитриевну, по-своему любить, как даже не мыслит, что любить можно, громадное большинство. Навсегда он ее любит. Малейшее напоминание — и сердце его просыпается о ее имени. И умереть он хотел всегда в Риме, где, в Колизее, произошла их встреча⁵⁹. Он не рассказывал о том, но можно было понять, что встреча эта была необычайна.

Перед смертью Л. Д. все собиралась идти на богомолье к Тихвинской⁶⁰. В этом пророческом стремлении уйти был не только религиозный шаг, но и желание народно, вселенски соединиться с людьми в духовном движении. Она всегда говорила, что она — вода. В драме «Кольца» в море бросают кольца обручения для соединения в едином начале⁶¹. Это начало воплощения, как великие воды мира, ей было ближе всего, — начало как бы материнства; В. И. так любил ее.

Трагическое коснулось этих людей. А помню — я тогда был занят мыслью о радости, о смехе; и здесь мы встретились с Л. Д. «Теперь великим произведением явится то, которое будет смешно и весело по-настоящему», — так говорила она и сама пыталась писать смешное⁶²; но ей это не давалось. Мысль о радости и смехе не покидает меня, и уже многое прояснилось. Но в мире — смеха все еще не слышно, потому что на то потребны большие силы. Только с дочерью Л. Д., с Лидией Вячеславовой, уже в Баку, мы смеялись, как дети, не вернувшиеся к детству, но приходящие к нему.

В. И. со смертью Лидии Димитриевны как бы нес в себе задание сердца. А жизнь продолжалась, и опять на «Башню» потекли люди, да так потекли, что С. Городецкий нарисовал: башня высокая; в окне наверху растревоженная Мария Михайловна с ключом в поднятой руке, а внизу, у двери, длинная вереница паломников. И люди победили. В. И. распределял «аудиенциальные» беседы, т<ак> к<ак> жаждущих было много; работать мог только от поздней ночи к утру, и вставал к вечеру.

Одно время жил на «Башне» Кузмин. Иной раз слышно было, как прекрасно звенят гусарские шпоры по коридору в направлении его комнаты. Он часто играл, иногда и со мной, в четыре руки, но брал такие темпы, что я запутывался. С ним всегда было легко, п<отому> ч<то> он как-то ничего не выжидал от человека. Говорил как будто по пустякам, а невзначай так скажет, что слово его — золото. Пел свои вещи, «Куранты любви»⁶³; пел некрасиво и прекрасно. Однако, не помню в каком году, выступил с пением в Киеве; мне говорили, что получилось что-то ужасное. И не мудрено; как показ стихов и музыки, его пение в салоне знающих людей было действительно прекрасно, но только как показ умеющим отделить его от исполнения. Диву дался, когда услышал, на что он рискнул. От его шуток иной раз хорошо было смеяться. Тот же Городецкий в прелестном рисунке столовой на «Башне» изобразил повсюду домашних ларв⁶⁴; на цепи лампы, как-то зацепившись сбоку, торча нелепо ножкой, ручкой, висела головка Кузмина в стиле ларвы. Это было очень остро схвачено. Городецкий в то время был женат на какой-то распомаженной актрисе⁶⁵; а талант его быстро переодевался в мастерство. Когда-то Кузмин ходил а армяке, картузе, с кучерской бородой⁶⁶. Я знал его франтом, в высоких тугих воротничках. Но никогда он не был интеллигентом; он не был и философом; умудренная простота сердца давала ритм его таланту, но умудренность его была мудреная; она казалась только остротой упрощения; на самом же деле ритм его поэзии происходил из удивления, из укрошенного удивления. По слову Аристотеля, здесь начало философии; но Кузмин не философствовал. Его роман с Богом был какой-то монашеский. При встречах, в разговорах, мы оба будто чувствовали это, и осторожно чуть касались друг друга как бы кончиками пальцев. А его повесть «Крылья»⁶⁷ сильно толкнула меня. Он не сразу решился дать мне прочесть некоторые места из его дневника (очень интересные) или рассказать мне об одном смешном человеке, но, конечно, не из моральных побуждений, а именно монашески-эстетических. Жаль, что немногие поймут мое указание, главным образом, на исток ритма его поэзии.

Помню, как стайкой, веселой и легкомысленной, приходили художники: Бакст, Сомов, еще кто-то и с ними Нувель, человек не писавший, не рисовавший, но друг их и тонкий знаток. В. И. называл его «genouveau»⁶⁸; говорил, что слишком требователен к себе, потому ничего не пишет. Только с Сомовым я познакомился ближе из-за моих вышиваний⁶⁹ и был у него раза два. В. И. говорил, что чувственность может погубить его

талант. На каком-то маскараде, кажется, домашнем, Сомов явился в чулках и туфлях, в смокинге и в белых дамских панталонах с кружевами. При его кругленькой фигурке, тоненьком носике, немного кверху, и стиле «*petit-crevé*»* он, вероятно, был очень забавен; и очень характерен такой наряд. Но как он был строг и самоотвержен в технике, в эстетической изысканности своего искусства. В среде таких людей и таких мастеров невозможен был не только дилетантизм, но и уклонение от неких будто произвольных, однако неумолимых канонов того, что зовут мутным словом «вкус», а на самом деле есть обладание тонким ритмом. В мастерскую свою Сомов никого никогда не пускал. Думаю, не только из стыдливости скрывая непристойные рисунки, но и потому, что стыдливость он простирает на процессы своего мастерства, на труд и исканье.

Выставки плеяды этих художников были праздниками. Какое особое веянье, очень петербургское, — изысканности, холодка, чуть извращенности, чуть усмешки, и красоты, и труда, и законченности, и силы движения к сердцевине искусства, к некоей святине! Ни на каких других выставках не воспринимал ничего похожего. Так же было в театре Коммиссаржевской, на спектаклях Старинного театра⁷⁰. Вероятно, это же веянье было вывезено Дягилевым за границу в его постановках балета. Искусство того периода привело к вершинам европейской культуры и возвело туда и предшествующее искусство России. В связи с этими выставками вспоминаются две выставки в Таврическом дворце: первая кустарная и, главным образом, Историческая выставка портретов⁷¹. Ошелмляющее было впечатление. И по духу они связаны были с течением символизма и отвлечением его, выраженным в журнале «Старые годы»⁷².

Во всем этом была горячая великолепная вспышка органической красоты и очень национальной, несмотря на утонченный европеизм, перед страшным переломом. И мы все знали, что перелом неизбежен. Чудилось лицо трагедии, улыбающейся трагедии. Предчувствия и предвиденья были отчетливы. Я упомяну о них.

На средах и позже появлялись Гумилев и Анна Ахматова⁷³. Гумилев, со своим косым глазом и юношескими повадками, чрезвычайно походил на великовозрастного гимназиста; и Кузмин так же говорил о нем. Как поэт я тогда его не заметил; не заметил и позже, когда он стал акмеистом; и только после его смерти узнал о судьбе его и узнал его необычайные стихи; он вновь стал как бы символистом и, уже несомненно, очень большим поэтом. С женой его мы часто болтали очень приятельски, она звала меня к себе в Царское, обещала подарить свои «Четки» с надписью (что-го помешало)⁷⁴; почему-то я к ней не собрался. Помню ее слова об акмеистах (передаю точно): «Я собственно ничего не думаю об этих теориях и на собраниях молчу, но меня сажают торжественно и считают видной представительницей». Эти слова кололи не только акмеистов, но и всякое «направление», «школу» и т. п. Стихи ее почти всегда имели громадный успех. С певучей простотой они несли и «остроту», обычно в одной фразе, строке; напр<имер>, «как ты красив, проклятый»⁷⁵, «разве ты не знаешь, что душа бессмертна»⁷⁶; на это указал как-то В. И., именно — на остроту. В 19<10>-11, кажется, годах Анна Андреевна побывала в Париже⁷⁷ и вернулась оттуда еще интереснее прежнего, вся изысканно элегантная. Она пользовалась большим успехом и любила это. Однако могла и вот так отнестись к «кавалеру»: через год после Парижа я встретил ее и смеясь сказал: «Анна Андреевна, а вы сильно полиняли!» — говоря о парижской элегантности; она только смеялась и согласилась со мной.

Должен ли я характеризовать ее? — Конечно, нет. Ее стихи возбуждали во мне, кроме эстетического наслаждения (а как хорошо было бы проверить теперь и углубить понимание ее творчества), еще горькое чувство:

* Франг, шеголь, модник (*франц., иронич.*).

сноп ритмических лучей женственности падал на «бабские» переживания, на томительные вождения, на липкую рану пола; и молитвенность в безысходности. Может быть, молитвенность в таком кругу и была исходом чисто художественным в антиномию ритмического сопоставления этих двух сил; потому-то Анна Андреевна и поэт настоящий, и не только поэтесса.

Не помню, в каком году, приехав в Петербург, застал В. И. замороженного рассказами Гумилева об Абиссинии после путешествия туда⁷⁸. В. И. очень жалел, что я не слышал, зная мое отношение к природе (он говорил, что мои описания природы можно было бы стенографировать, как законченные вещи). Другой раз он уже не жалел, а гневался тому, что я не бросил билета в концерт Скрябина (играл сам Скрябин) и пропустил заседание рел<игиозно>-фил<ософского> собрания, где выступал проф. Вл. Эрн, его друг⁷⁹, где я мог познакомиться с ним. «А вам нужна дружба с такими людьми; он близок вам. А Скрябин, может быть, враг». Но не тогда я чувствовал себя виноватым, а после, во время войны и до сих пор, п<отому> ч<то> ни разу не поехал в Москву к В. И. (после «заграницы» он жил с семьей в Москве)⁸⁰ и не встретил там ни Эрна, которого я уже знал по его книгам удивительным, ни великого П. А. Флоренского, ни того же Скрябина, ставшего другом В. И.⁸¹ До сих пор больно подумать.

Раз упомянул о Скрябине, то и передам то, что сказал мне В. И. уже в Баку: за два часа до смерти Скрябина В. И. был у него⁸²; Скрябин, конечно, знал, что он умирает; он сказал В<ячеслав>у И<ванович>чу некие слова, которые В. И. не мог передать, но по тону, по всему я понимал, что слова эти были чрезвычайны. Если знать сколько-нибудь, что мог переживать Скрябин перед лицом смерти, и еще — знать, кому он говорил, можно догадываться о громадной значительности этих слов. Этот факт может служить некоторой поправкой к тому, как Сабанеев описывает отношения В. И. и Скрябина⁸³, т<ак> к<ак> указывает на глубокую духовную их связь.

Одно время на «Башне» появилась Анненкова-Бернар⁸⁴. Она была всегда желанной гостьей; она вносила не только оживление, но теплое и веселое чувство; хотелось быть откровенным, хотелось иногда болтать весело, иногда говорить легко, хотя бы и с болью или напряженным подъемом, о самых больших вопросах. Хорошо было слушать ее, а иногда чуть подтрунить, но ласково, незлобно. В то время она приехала хлопотать о какой-то своей мельнице, кажется, чуть ли не в Уфе. Она была всегда в хлопотах; если память не изменяет, даже я, благодаря знакомству, был у какого-то важного и барственного депутата Гос<ударственной> Думы по ее делу. Она была увлечена тогда баптистами, особенно — одним баптистом, о котором рассказывала постоянно. В. И. и я поддразнивали ее этим баптистом. Но когда я с глазу на глаз (мы ехали с нею на извозчике, кажется, в рел<игиозно>-фил<ософское> собрание) сказал ей об этом увлечении, она ответила: «Да я всегда, во всех влюблена. И в вас, и в В. И. — во всех». В ней был эрос общения, т. е. к людям она влеклась во имя чего-то большего, чем культурное переливание сведений и впечатлений. Не могу воздержаться, чтобы не похвастаться словами ее обо мне; говорили о приближении Новой эры, о новых людях, уже появившихся среди нас. «Да вот — Сергей Витальевич; когда он вошел, я в глазах его увидела, вот какие будут люди».

Но всего интереснее были ее повествования о ее снах, молитвах и о том, что можно назвать чудесами, бывшими с нею. В трудные минуты, безысходные, ей снились иконы Богородицы, неизвестные ей; они оказывались потом (уже наяву), часто на другой же день, определенными

чтимыми иконами; и являлось неожиданными путями спасенье. Это случилось не один раз. Мне бесконечно жаль, что теперь не помню этих фактов, но они были разительны, а повествование их — не только правдиво, но даже обывательски обставлено житейскими подробностями. Это были какие-то факты-поэмы русского религиозного быта в стиле Лескова; но были они именно фактами, и А.-Б. была перед нами — живой человек. Побыла она недолго и вскоре уехала.

Считаю нужным дать точные сведения о том, что знаю наверное относительно некоторых образов, слов, мыслей в стихотворениях В. И.

Как-то раз, когда мы «аудиенциально» разговаривали с В. И. в его комнате (центральная из трех комнат, деливших круглую угловую башню дома № 25 на Таврической ул., в мансардном этаже), он сказал мне: «Хотя я никогда никому не читаю своих еще не оконченных вещей, но вам хочу прочесть». Он прочел поэму «Теофил и Мария» (в «Сог арденс»⁸⁵) приблизительно до половины, а дальнейшее рассказал, как замышляет писать. По замыслу, он хотел изобразить последнюю сцену при бурном море. Но я нашел, что бури здесь быть не должно. Он согласился и так и сделал.

В погибшей оперетке «Любовь — игра?», написанной в Баку с музыкой его друга, покойного М. Е. Попова, учителя его дочери, ученика Танеева, посвятившего ему третий квартет, я настоял на благополучном конце и на том, чтобы герой и героиня, взявшись за руки, убежали — от людей к счастью любви⁸⁶.

В книге «Нежная Тайна», в послании к Ю. Верховскому, рассказывает о посещении «Башни» бывшим, еще московским (когда В. И. был студентом) учеником В. И., который теперь стал атлетом, цирковым борцом, и даже без одного уха⁸⁷. Дело было за обедом. Упоминаются присутствующие; «теодицей тончайших рукодельник» — это я (сопоставление моей философии и моих вышиваний); затем: «Кто шепчет мне? — Аврелий Марк и Коммод»; это я шепнул, глядя на В. И. рядом с этим учеником-атлетом⁸⁸.

В «Нежной Тайне» одно стихотворение посвящено мне; это ответ на мою поэмку, которую В. И. считал показательной по мягкости языка⁸⁹. Содержание ее было таково: некто назначил любимой девушке свидание в лесу; она должна была найти любимого по соловьиному голосу; но соловьев было так много, что она его не нашла — «соловьи околдовали». Я написал эту вещь зимой в деревне под впечатлением соловьиного свиста одного парня; странно было слышать песни соловья (а сходство было полное) среди зимнего пейзажа.

Последнее стихотворение (русское) этой книги посвящено А. Д. Скалдину⁹⁰. Он печатал ее, когда В. И. жил с семьей за границей, печатал секретно; только я о том знал, и Алеша (Скалдин), когда печатанье кончилось, прямо из типографии принес мне один экземпляр⁹¹.

Мне известно, кому посвящена книга В. И. «Эрос»⁹². Быть может, я — третий из еще живых, кто знает это.

Вот все, что я знаю достоверного о происхождении некоторых вещей В. И.

А. Д. Скалдин появился на «Башне» только в последнее время⁹³. В нем, молодом — была всегда большая солидность; сюртук служащего в страховом обществе; мужественно некрасив; улыбка черепа; твердый взгляд и сросшиеся брови; легкий румянец нездоровья. При первых словах, всегда как-то саркастических по интонации и ритму, внушал серьезное отношение; а после — легко угадывался большой ум и огненная воля.

При всем несходстве мы скоро сошлись, перешли на «ты»; дружба наша стала очень значительной, постоянно перерастая личные отношения. Эта духовная дружба влияла на нас, но мы не влияли друг на друга, страшно строго и страшно нежно соблюдая свободу.

Придя на «Башню», Алеша скоро занял внимание В. И.; потом явилась большая близость, глубокое доверие. Знаю следующее: А. Скалдин написал стихотворение Вере Константиновне, падчерице В. И. Он сравнил ее с колосом склоненным⁹⁴; и правда, нежное, синеглазое лицо ее и голова, отяжеленная светлыми золотистыми косами, всегда были склонены, как спелый колос. Но колос — символ; говорят — символ элевзинских таинств; обет возвращения, свиданья с миром хтоническим, смерти и любви. После этого В. И. прямо сказал Скалдину о любви его и Веры Константиновны. Вскоре Ивановы уехали за границу, В. И. и В. К. повенчались, и там явился на свет сын их — Дима⁹⁵. Потому-то В. И. и доверил Алеше печатанье «Нежной Тайны». А я, со своей недалевой видной добропорядочностью, ни о чем не догадывался. Когда в одном обществе при мне сказали о связи В. И. и В. К., я только удивился злоязычию. Не догадался и тогда, когда В. И. читал и рассказал мне «Теофила и Марию»; хотя сейчас думаю, что он ждал от меня догадки этой, понимания и... поддержки, поэтому ч<то> он невероятно страдал (я позже узнал о том от Мар<ии> Мих<айловны> Замятиной, которая оставалась в Петербурге для ликвидации квартиры; дело было весною <19>12 года). Зимой <19>14-15 года, во время войны, В. И. приезжал с Вл. Эрном в Петербург с их замечательными лекциями⁹⁶. Помню, как благоговейно замер весь зал во время речи В. И. После лекции собрались у тех знакомых В. И., где он остановился; был и Сологуб, кот<орого> я видел близко в первый раз. Читали стихи, читал и Сологуб — военные, патриотические. До 3 часов ночи. А потом мы остались вдвоем с В. И. до 6 ч. утра. Надо было наговориться после такой долгой и значительной — по событиям личным и общим — разлуки. И В. И. прежде всего спросил меня, как я отношусь к его женитьбе. Я ответил прямо, что принимаю его любовь, зная ее корни, но что внешне — нехорошо. «Поймите же, поймите, что потому и люблю Веру, что она ее дочь!»

Как-то смешно и странно сказать, что М. Кузмин не сумел понять нежной таинственности этих отношений и легкомысленно болтал о них в фойе какого-то театра (после отъезда В. И. за границу); и за это старшим братом В. К. был тут же избит⁹⁷. Сообщаю это и знаю, как легко прилипает ко всему подобному грязь людская, чтобы понижее стянуть больших людей; но надеюсь, что и «слишком человеческое»⁹⁸, и озорство можно видеть глазами, умудренными живой страстью; для таких людей и надеюсь писать.

Скажу еще о Скалдине. Он — поэт, мастер стиха; при его уме, холодном и проникновенном, его мистической глубине, особенно при силе его воли, наглядно и совершенно связанной с жизнью сердца, стихи его, казалось, могли бы быть прекрасны. Но у Алеши и фантазия, часто подсказанная странно отчетливыми сложными снами, без противоречия, но произвольно сплетается со сложным ходом мысли. Это часто делает стихи его непонятными, по крайней мере, трудными. Но есть и худшее: его стихи — не всегда поэтичны по той простой причине, что в Алеше нет детскости; нет ее во всем его складе, кроме ужасно скрытых, стыдливых движений сердца. Его мистические переживания были остры и глубоки. Образ кости, образ железа, как живые символы, восставали перед ним. В образах и в символах он мыслит, а не в философической связности мыслей; связи фактов, мистических фактов и художественных, направляют его. О нем Блок в своем дневнике писал: «это замечательный человек»⁹⁹. Он восемь лет подготовлял матерьялы, чтобы написать исследование о стиле барокко (все это погубило, когда в Саратове его

арестовали; держали в тюрьме до тех пор, пока В. И. не написал в Москву Каменеву и его жене, прося узнать, за что держат Скалдина? Этот вопрос, переданный из Москвы в Саратов, открыл перед Алешей двери тюрьмы¹⁰⁰). В <19>18-19 годах среди моих литературных знакомых разнесся достоверный слух о моем расстреле в Пет<рограде>. Алеша написал поэму в память мою — «Крылатое сердце»¹⁰¹. В этой удивительной вещи странно затушеваны фактические данные (пожалуй, кроме тех, никогда не бывших, которые он придумал о самом расстреле); то он, то я, то мои образы, моих писаний, то его дополнения и изменения, то факты мои, то символы в его преломлении. Сказал бы я — радужная, несколько тяжелая зеркальность, подобная парче, вводит к чему-то не то недосказанному, не то невысказанному и явственным сквозь суровый ритм. Это, конечно, поэзия, но взъерошенная стыдливостью, в терниях сарказма, иронии, правдивости и небрежения к внешней правде. Однако, кто не услышал бы в этой вещи, как стучит сердце, тот глух. Статья Алеша, как бы слаженная из афоризмов (не помню даже заглавия), привела в восторг В. И. «Идите, прослушайте», — сказал он мне. Алеша и мне прочитал ее (по рукописи). Она была помещена в одном из номеров «Трудов и дней», журнала, который дал всего 4 номера¹⁰². Одна эта короткая статья стоит множества дорогих страниц.

Надо сказать хоть несколько слов о создании журнала «Труды и дни».

Значительно раньше на «Башне» подымалась речь о журнале символистов¹⁰³. Помню один вечер. Было довольно много народа и, между прочим, Аничков (профессор он был или доцент и какой дисциплины — сейчас забыл)¹⁰⁴. Это был человек необыкновенно живой, здоровый, образованный, веселый, всегда с интересными сообщениями или запросами. То принесет латинскую цитату Фомы Аквината о красоте, то расскажет о последней научной книге или статье, то спор подымет, то смешит. Был он очень «красного» направления и в крепости сживал¹⁰⁵, и о том ярко, забавно и остро рассказывал. Несмотря на это, в нем чувствовалось его очень дворянское происхождение. Был он небольшого роста, кругленький и очень русский. Словом, прекрасный образец русского интеллигента в лучшем смысле этого слова. В. И. очень любил его. Но — вот образчик отношения к символизму «интеллигента».

Говорили, обсуждали направление будущего журнала, его разделы, его объем. В замысле В. И. это должен был быть небольшой по размерам, строгий по направлению, совершенно не политический журнал. Аничков как-то будто бессознательно вставлял отделы обзоров политических, экономических. В. И. сначала замалчивал такие наметки, настаивал на своем; но когда Аничков совсем сформулировал свой план, по которому получался обыкновенный «кирпичный», толстый журнал определенного политического направления, тогда В. И. спокойно и просто сказал, что отказывается от участия в нем. Аничков подскочил, удивился, но спохватился и понял, до чего не понимал замысла В. И. Разговор замялся и перешел на другое.

Как по-иному переживали мы политику! В. И. говорил о приближении катастроф перед наступлением новой, *органической* эпохи. Я в одном напряженном разговоре с В. И. о судьбах людей, о России был потрясен чем-то вроде видения, предчувствия несчетно пролитой крови; В. И. даже испугался за меня, помню. Андрей Белый говорил о том, что все подошли к какой-то грани, какой-то черте, за которой открывалась даль новой жизни; он характеризовал положение, отношение многих (свое, В. И., Брюсова и других) перед этой далью, как, кто и с чем пришел из леса прошлого к меже перелома. Помню, о Ремизове он сказал, что А. М. испугался, не вышел на край, а залез на дерево, еще в чаще, и

оттуда высматривает... Это говорил он в те дни, когда обсуждался задуманный план нового журнала символистов. Тогда же А. Б. читал лекцию о символизме¹⁰⁶, которая была так насыщена мистицизмом, что для большинства осталась темной, но для близких — она стала событием. Кончалась она словами о будущем, об Иоанновом христианстве (это не было высказано), и последними словами были: «гром... — белый!» Толкуя слово «символизм» в точном (греческом) значении его¹⁰⁷, Борис Никол<аевич> взял свечи, стоявшие на пюпитре, и свел их. Мы замерли, ожидая, что он скрестит руки со свечами. Но он не сделал этого... Даже бой часов во время речи его прозвучал, как рок и призыв. Конечно, не в свечах и не в часах дело; сама речь Бор<иса> Ник<олаевича> была насыщена пророческим смыслом, и еще — наша уверенность в том, что будущее полно и страшных и громадных событий, и что велика ответственность сознающих за то, какой путь изберет русский народ к новой жизни.

Я не решаюсь обозначить даты; не помню. Кажется, это было в <19>10 году, может быть — в <19>11-ом. Единомыслие участников журнала было полное; поэтому речь шла не о формате, размере, отделах, не о заглавии. К сожалению, не знаю, кто предложил название «Труды и дни»; было о том небольшое колебание, но тысячелетний авторитет Гесиода превозмог¹⁰⁸. К тому времени спор среди символистов о сущности символа улегся. Толкование В. И. одержало победу в формуле: «de realia ad realioга»¹⁰⁹, т. е. символ вовсе не есть аллегория, но живой образ, реально живой сам по себе, но он несет в себе еще высшее значение, еще более реальное, в котором узнаем непреходящее, сущее. В первой, руководящей статье В. И. были такие слова: «но мы знаем, что смерти нет»¹¹⁰.

«Как хорошо, что вы не все знаете, не все понимаете сознательно!» — говорил мне не раз В. И.: «благодаря этому вы воспринимаете многое глубже, живее и полнее, чем это возможно в форме сознательной». Но поэтому же я не могу передать в этих воспоминаниях многого такого, что вне внешней связности можно было бы выразить только в художественной форме. Но воспоминания — не поэзия; эпический элемент воспоминаний должен служить принципу отчета. Кроме того, тогда я, правда, многого не знал, что позже — страданиями, радостями, усилиями разума, помощью таких людей, как, напр<имер>, Достоевский, проникновениями жизни и смерти — уразумел.

Речи о журнале сводились к речам о символизме, о судьбах людских (и здесь Андрей Белый передавал интереснейшие вещи из оккультных учений; ведь он был учеником Р. Штейнера)¹¹¹, о замыслах отдельных авторов (свой замысел диалога «О причинности» я осуществил гораздо позже, хотя А. Б. так славно сказал мне после того, как я вкратце наметил мысль: «Милый, пишите, напишите скорей»). Кроме того, А. Б. читал части своего «Петербурга»¹¹²; в его чтении они звучали во всей силе мучительного ритма этого романа. А. Б. нисходил тогда к русской «политике», если можно вообще назвать общественные движения в России только политической.

В тот приезд он был один. А раньше (когда читал «Серебряного голубя») он был с женой — Асей Тургеневой¹¹³. Она сделала тогда гравированный портрет В. И.¹¹⁴ Это была очаровательная, нежная, одухотворенная юная женщина — будто сестра подлая М. В. Сабашниковой. Бор<ис> Ник<олаевич> рассказал, как, после женитьбы, они жили в деревне у отца ее, в Волынской губ<ернии> на краю леса (отец был лесничим)¹¹⁵ в стоящем на отлете флигельке; о том, какие странные и жуткие явления происходили там, совершенно необъяснимые; они были потрясены и измучены. «Я знал экзорцизмы Василия Великого; этим отстранил злую силу», — сказал Б. Н.¹¹⁶

Один раз он пришел возбужденный и радостный. Зашел в какой-то

трактир и разговорился с людьми, простыми, совсем некультурными, русскими, ищущими. Он сказал им, что он писатель. Они как бы набросились на него, ища «пищи уму и сердцу», и, конечно, речь шла о Боге. Б. Н. был в восторге.

Он был в центре нашего напряженного внимания. Он не мог этого не знать. И вот, в один вечер, вернее — ночь, в нем проснулось «лирическое» чувство одиночества, потребность уйти, скрыться. Это выразилось в нем каким-то возмущением против людей, как бы ненавистью. Он забился в угол дивана, весь сжался и, как затравленный, выкрикивал истерические слова отверженья. Я был потрясен, хотел утишить эту ядовитую боль; помню, сказал как бы и не Б. Н., а будто в раздумьи скорби: «Боже мой, зачем ты меня оставил»¹¹⁷. Но эти слова только еще больше обожгли Б. Н. «Не наводите зайчиков», — спокойно и тихо сказал мне В. И. В. И. знаком был с такими припадками «лиризма» по Бальмонту. Когда-то в Москве он провозился с Бальмонтом целую ночь¹¹⁸ и совсем измучился, глядя, как Бальмонт падал в пустую темноту индивидуалистического одиночества. В. И. теперь знал, что это пройдет у Б. Н., и был спокоен, а я ушел смятенный; Алеша Скалдин скептически-скорбно кривил улыбку. Помню, как Б. Н. выкрикивал: «Что вам нужно от меня?! Оставьте меня!» Уже тогда мелькнула во мне мысль о Гоголе (вспомните «Шинель»)¹¹⁹.

В те же дни В. И. попросил Б. Н. прослушать части моего «Размышления о нравственности»¹²⁰, ссылаясь на то, что Б. Н. специалист в философии. Конечно, была ночь. Мы ушли с Б. Н. в его комнату (дело было на «Башне», конечно) — длинную, полутемную, с одной лампой, висевшей над столом под большим темным абажуром.

Бор<ис> Ник<олаевич> вдруг близко придвинул ко мне свой стул и молвил: «Вяч<еслав> Ив<анович> сказал мне, что вы знали А. Р.¹²¹ Милый, будем друзьями!» — взял мою руку, еще ближе наклонился ко мне, и мы поцеловались. Когда я скажу, кого назвал Б. Н., то, б<ыть> м<ожет>, не я один признаю этот союз дружбы неотменяемым по существу. Но через много лет, кажется, в <19>32 году, когда я передал ему через знакомого свое письмо о метре и ритме, он не ответил, так же, как вообще отстранял от себя все, чем жил до того.

Я стал читать и говорить свою работу, а Б. Н. ходил взад и вперед по комнате, то уходя в полумрак, то возвращаясь к столу. Я часто подымал на него глаза. Когда он шел ко мне, обрисовывалось только его лицо; нос казался острее и длиннее; небольшие голубые глазки остро горели. Я все припоминал: кто это? где я видел? И вдруг вспомнил: картина Репина «Гоголь и от. Матфей». Сходство было поразительное, хотя, конечно, глаза были не такие дьявольски-кошачьи, но, пожалуй, интереснее. Когда я сказал о том В. И., он воскликнул: «Разве вы не знали? Я даже зову его «Гоголек»»¹²².

Вскоре Б. Н. уехал. Прислал мне из-за границы письмо-привет¹²³. Не знаю, почему не ответил ему... Потом узнал, что он один, что он болел, что Ася Тургенева оставила его. Потом читал его начало поэмы «Я», воспоминанья о Дорнахе, удар по лбу (о лесу на постройке), потом мне показали малую книжку его стихов, будто метро-ритмические показаны или что-то в этом роде; но в стихах этих гениально звучала скорбь его любви¹²⁴. Умеющий прочесть найдет в них всю силу его словесно-музыкального таланта.*

Поверхностно судить об отречениях Белого, о его марксизме¹²⁵, о его отзывах и характеристиках прежних друзей — нельзя. Этот необычно-

* Как-то, в то же время, я зашел на «Башню» днем. Никого, кроме Б. Н., не было дома. Я играл ему; сыграл этюд Шопена с мелодией в левой руке. Он слушал погруженно; потом сказал: «Милый, сыграйте еще», и опять слушал этот этюд недвижно. О современном хроматизме и дисгармониях отзывался с улыбкой.

венный человек был полон изломов. Который из них называть паденьем? И разве искушение, дерзание перед искушением, отдача себя потокам сил, музыкальная сопричастность стяжениям и отталкиваниям жизненных соков человечества, — разве это всегда падение? Гоголь предавал себя, когда противился слушанью своего гения музыки, но даже не умер, и его похоронили живым. А Белый отдавался гению музыки. Его сожгли¹²⁶.

Могу сказать с уверенностью, что в А. Белом было очень много детского; того детского, без которого человек не может видеть несомненной правды. Быть может, гибель любой культуры всегда происходила оттого, что народ терял детскость; вместе с ней теряется высший здравый смысл; солидность и пожилость в духе, в отношении к корням жизни — обратно-карикатурна, подобно ребенку, который ломает игрушки, чтобы с пренебрежением посмотреть на мудрую пружину движения. Но при художественной ребячливости А. Белый был очень умен и чрезвычайно образован. Эстетические «пружины» жизни он мог соединять с высокой математикой и, рядом, мог вживаться в самое мелко-человеческое. Получались постоянные скрещения в его восприятии: высокой мудрости и скверной беспомощности. Но так как он жил не солидно, а, в сущности, по-детски, то на всех этих распутьях он отдавался противоречиям, срывам и победам почти наивно «до конца», будто хотел доиграть сам и с человечеством до самого конца эстетически воспринятую игру жизни. Думаю, что при таком понимании можно было бы проследить метр и ритм и его творчества, и его существованья.

Еще в <19>21 году в Сочи я слышал, что В. И. — в Баку, что скончалась Вера Константиновна, что нет и Вл. Эрн¹²⁷. В Сухуме, в <19>22 году, я встретил человека, который знал В. И. как профессора Бакинского университета¹²⁸. С ним я передал В. И. письмо. Затем еще некто отвез мое письмо В. И. и привез ответ. Меня звали. Я был в ужасном положении. Для В. И. я оказался воскресшим из мертвых, <потому> <что> он был уверен, что я погиб.

Если не ошибаюсь, я приехал 1 янв<аря> 19<23> года. Поселился у них, как в родной семье. Спать мне пришлось в ванной комнате; говорили — у кастальского источника¹²⁹. Узнал, что скончалась и М. М. Замятина¹³⁰. Семья состояла из Лидии, дочери Лидии Димитриевны, и Димы, сына Веры Константиновны. Они жили в уютной квартире в университете.

И здесь В<ячеслава> Ивановича осаждали люди. И здесь — постоянные гости, искатели самораскрытия в свете общения с В. И., сознательные и несознательные. Но все загорались от живого слова и казались интересными другим и самим себе.

Подробности бакинской жизни Ивановых, думаю, многими зафиксированы. Знаю, что в дневнике М. С. Альтмана записаны интереснейшие разговоры его с В. И.¹³¹. Я же скажу только то, что может быть сказано именно мною.

В. И. изменился с 19<15> года, когда я видел его в последний раз в Петербурге на лекции его и Эрн¹³² в Тенишевском училище. Говорю о перемене внутренней. Горе налегло на него. Он замуровался в академизм, в профессорство¹³². Я ясно видел, как он остепенял и охлаживал себя; «дионисийское» сверканье его было по возможности скрыто. Таково было внешнее впечатление тогда. А сейчас В. И. в Петербурге и в Баку видится мною все тем же, одним и единственным. В Баку он часто пил вино, и во хмелю его разум, проникновенность, высокий строй сердца не омрачались, но обнаруживались иногда с силой и светом поражающим; он ничуть не делался грозным пророком, сохранял веселость и совершенную отзывчивость на всякую шутку; но если собеседник вызы-

вал или мог вынести взлет к большим силам, то там В. И. — будто крылья простирали. Хмельные беседы его были не просто мудростью, но поэтической, творческой мудростью.

В Баку в нем определилась и одна слабость, п<отому> ч<то> для него — это слабость: честолюбие. Люди, начиная с московских вождей, и бакинское общество поневоле питали в нем это чувство, т<ак> к<ак> он не мог не внушать сознания <сво>его превосходства. Зато кое-кто и не любил его и за глаза судили, язвили, а иногда чудовищно клеветали на него (правду сказать, так, как нигде, никогда не встречал, кроме Баку).

К характеристике отношений московских центральных властей и В. И. передаю его рассказ: с момента большевицкого переворота В. И. отказывался от какого-либо участия в общественной и государственной деятельности, хотя его не раз, и почтительно, приглашали. Не знаю, до какого именно дня это тянулось, но вот к дому, где он жил, подъезжает автомобиль, и его просят ехать для открытия памятника Достоевскому¹³³. В этом отказать он не мог; сел, поехал, произнес речь. С тех пор — la glace était rompue* (его слова), и он стал бывать и в Кремле, где едал какие-то бутерброды. Как-то раз он возвращался с собрания с Луначарским в автомобиле; и Луначарский как бы вскользь сказал, что некоторые ораторы вливают тонкий яд... намекая на речь В. И.

В Баку был устроен фиктивный показательный суд над лицами повести Д. Андреева «Ревность»¹³⁴, иначе говоря — суд над ревностью, как собственническим инстинктом. Происходило это в театре; народу было масса. В. И. участвовал, по приглашению madame Кировой¹³⁵, в качестве эксперта. После официозных судебных речей, громивших ревность как буржуазную психологию (и никого не удовлетворявших), слово дали В. И. Он волновался перед тем, еще за несколько дней задумывался, складывая мысли; за обедом он говорил: «j'ai le traque»**. Выступление его было блестяще. Помню слова: «хранитель святыни брака...» Это тоже был яд, и в сильной дозе. Аплодисменты были бурные. Всеобщее голосование поднятием рук громадным большинством оправдало ревность, и даже с овацией.

В Баку, как и в Москве, он был окружен почетом. Благодаря такому отношению он и был бессрочно командирован в Италию¹³⁶. Не представляю себе, как он мог бы ужитья при дальнейшей всеобщей перестройке, если бы оставался здесь. Его дипломатическая мягкость никогда не шла дальше предела внутренних убеждений.

Семейная жизнь наша, за исключением некоторых неизбежных трудностей или неприятностей, шла так светло и радостно, что с удивлением вспоминаю теперь. С Л. В.¹³⁷ я скоро совершенно подружился, перешел на «ты», и мы неразлучно ходили с ней по кино, концертам, в театр, к знакомым. Она говорила, что мы «выезжаем». О ней следовало бы многое сказать. Кроме того, что она — крупный композитор, она и человек необыкновенный. Как ни трудно, мы до сих пор переписываемся с ней¹³⁸ и так же близки и верны дружбе. А В. И. писем не пишет, вообще не пишет, кроме тех случаев, когда это необходимо по делу¹³⁹.

Влияние В. И. на студентов было очень велико; до того, что многие из них в современной обстановке с усилием отбрасывали от себя воспринятые от него методы, точки зрения и восприятия явлений культуры. И все-таки научная и живая завскаса сохранилась в них, и некоторые ученики его пошли по научной дороге с успехом. Когда я приехал, университет еще пользовался широкой автономией; здесь было много видных научных сил, программы были полны, и результаты, относительно, были блестящие. Потом на моих глазах все это скоро изменилось. Но уже в мае <19>24 года В. И. был вызван в Москву на пушкинский

* лед сломан (франц.).

** мне страшно (франц.).

юбилей; выступал с речью¹⁴⁰. Опять обратился он к властям с просьбой отпустить его в Рим, где когда-то свершилась его судьба и где он хотел и умереть. Его отпустили¹⁴¹. С тех пор я не видел его.

Незадолго до отъезда В. И. из Баку он задал мне вопрос: «что символизирует мышь? почему он так всегда боялся их?» И вот что рассказал: когда он был мальчиком, он был экзальтированно религиозен; часто по ночам молился подолгу, кладя земные поклоны. Однажды, приклонив голову к полу, он стукнулся лбом... о мертвую мышь. Как оказалась она там? Он был потрясен. Другой случай: уже женившись на Л. Д., В. И. поехал с ней в Афины, с научной целью и для изучения языка. Оттуда они совершили паломничество в Палестину¹⁴². В Яффе шли они по пустынной улице, залитой солнцем, меж песчанистых высоких оград, из-за которых высились смоковницы. Вдруг В. И. видит, что навстречу им идет женщина; синее покрывало на голове; в руках несет блюдо; на нем — мертвая мышь. Когда женщина прошла, В. И. спросил Л. Д.: «Ты видела?» Но Л. Д. не видела ничего. Оглядывали улицу — никого не было.

В моей статье об «Идиоте»¹⁴³ я, кажется, ответил на вопрос В. И. о мыши. Не напрасно я посвятил эту статью В. И. Мертвая мышь — будто жертвенное животное.

Вспоминаю слова его по поводу музыки, которой было так много в его доме: «Музыка должна нечто сообщать слушателю». В связи речи эти слова говорили, что музыка есть особая речь, сообщающая о факте, о реальности высокого порядка. Легко видеть, как он был требователен к композиторам и исполнителям, хотя ценил всякое проявление таланта и художественной правды. У Л. В. была подруга, дочь проф<ессора> Карницкого, тоже композитор¹⁴⁴. В. И. посоветовал им, по примеру своей переписки с Гершензоном «из двух углов», завязать между ними музыкальную переписку. Они это исполнили, и получилось 8 «писем» — по 4 с каждой стороны — чрезвычайно характерных для авторов и интересных, именно как обмен музыкальными речами. Я говорил уже, что в Баку В. И. написал траги-комедию «Любовь — мираж?», музыку к которой написал его друг и учитель его дочери проф<ессор> М. Е. Попов. Музыка в доме звучала постоянно. Играли профессора консерватории, приезжал и играл Глиэр¹⁴⁵. Приходили художники, поэты. А мы, своей семьей, в перерывах работы, веселились и затейничали, и шалили, и смеялись, п<отому> ч<то> Лида была неистово остроумна, затейлива, предприимчива: то домашнее кино dell'arte, то записки, то игра в подушки, то — в летнюю жару — обливанье, то просто разговор, пересыпанный смешным неистово, а на масляной — хождение по домам не только ряжеными, но с целой испанской драмой в 5 актов, тоже dell'arte; все сценарии сочинялись коллективно ad hoc*. Их домработница, Настя Косарева, была другом семьи, во всем принимала участие, с нами в театре бывала, и осталась до сих пор их и моим другом¹⁴⁶. А в случае болезни, затруднения, страданий — какое участие и человечность!

Сын В. И. Дима был тогда совсем мальчиком. Он похож на мать. Когда я приехал, незадолго до того, он лишился четырех пальцев и половины ладони (их раздавило бортом парохода об столб у пристани, когда он ехал с Зыха — дачи — в город). Дима весь светился необыкновенной чистотой сердца; — как белый неприкосновенный пламень. Еще в Москве, среди ужасов разрухи, заболели туберкулезом Вера Конст<антиновна>, Лида и Дима. В. К. не вынесла и ушла. Лида и Дима оправились на юге в Баку. Но почему-то тревожно было за Диму. И вдруг, по поводу несчастья с его рукой, В. И. передал мне слова П. Флоренского: «Дима — под угрозой. Я каждый раз во время проскомидии¹⁴⁷ вынимаю частицу о его здравии». В Италии Дима блестяще учился, шел первым,

* к случаю (лат.).

проходил по два класса в год, изучил 4 языка, и вдруг заболел: почти скоротечной чахоткой. Едва спасли¹⁴⁸. Года через три пустили в России слух, что он умер. Долго я ходил с этим ножом в сердце, сознавая, как страшно это связалось бы с судьбой В. И. Но наконец узнал, что слух ложен; Дима поступает в университет¹⁴⁹. Здесь надо вспомнить о держании сердца В. И., о его женитьбе на В. К.; вспомнить сейчас приведенные слова П. Флоренского, и тогда понять и слова В. И., сказанные мне: как-то говорили мы с ним о личных отношениях каждого из нас к любимым людям, о правде и виновности, о трудном и роковом; и как-то я так близко подошел к его сердцу, что, обливаясь слезами, он воскликнул: «Не надо! не прикасайтесь! — я весь смердящий!» Этот крик вырвался как-то невольно. Роковое значение В. И. в судьбе других людей, его безмерная любовь, будто отягощенная запретом, смутные догадки мои о прошлых воплощениях его, его долгая жизнь, хотя он так решительно становился на путь смерти, и смерть других; наконец, по словам М. А. Волошина, Р. Штейнер связывал В. И. с личностью блаженного Августина...

Я бы не говорил о том лице, что вскользь упомянул несколько раз, потому что это трудно. Но я знаю, что в том же дневнике М. Альтмана об этом лице, конечно, говорится — и со слов В. И., и со слов М. А. Волошина. — Анна Рудольфовна Минцлова.

Когда писал о болезни Лидии Димитриевны, упомянул, что в больнице встретил у постели Л. Д. одну даму, обликом напоминающую Л. Д. Ее же назвал А. Белый, принимая дружбу нашу.

Когда не стало Л. Д., на «Башне» поселилась она¹⁵⁰. Я видел, что А. Р. относится к В. И. с какой-то светлой нежностью, будто пестует его пораженное сердце. Он же относился к ней с почитанием, скрытым от людей. Потом я узнал, что это было благоговение.

Было так, что В. И. один раз привел меня в комнату к А. Р. Это было нужно для меня. Во всей дальнейшей судьбе моей с тех пор все изменилось, родилась свобода моя¹⁵¹.

В. И. говорил мне, что А. Р. близка Р. Штейнеру, но не ученица его, стоит как бы рядом.

Через полтора-два года А. Р. больше не жила на «Башне», но только наезжала туда. Я встречал ее и переписывался с ней¹⁵². Вдруг письма ее прекратились. Приехав осенью (кажется, в <19>10 году) в Петербург, я прежде всего спросил у В. И. адрес А. Р. Он ответил: «Ее нет. Она ушла». Потом еще сказал: «Как трогательно-наивен был ваш вопрос об адресе».

М. А. Волошин сказал, что она ушла за арктический круг¹⁵³.

Незадолго до отъезда из Баку В. И. сказал мне: «Нам надо с вами говорить. Мы еще и не начали — о самом главном». И это — после двадцатилетней дружбы!

Так, над каждым годом, над всякой минутой жизни стоит как бы огненный столб бесконечности.

Комментарии

- 1 Подразумеваются начальные фразы монолога из пьесы Треплева, которые приносит в домашнем спектакле Нина Заречная, героиня «Чайки» (действие 1-е); соотнесение этого монолога с «новым» искусством дополнительно обозначено в реплике Аркадиной: «Это что-то декадентское» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Соч. в 18 т., т. 13. М., 1978. С. 13).
- 2 Религиозно-философские собрания в Петербурге проходили с 29 ноября 1901 г. до 5 апреля 1903 г., когда они были запрещены в результате нападков охранительной и ортодоксальной церковной печати. Стенографические отчеты о собраниях печатались в ежемесячном журнале «Новый Путь» на протяжении 1903 г. до февраля 1904 г. в виде особого, заключительного раздела каждого номера («Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге»); позднее опубликованы отдельным изданием: Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1902-1903 гг.). СПб., 1906. См.: *Корецкая И. В.* «Новый Путь». «Вопросы жизни». — В кн.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX— начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 180—181.
- 3 Литературно-критическое и философское исследование Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» было опубликовано в журнале «Мир искусства» (1900, № 1-22, 1901, № 1-12, 1902, № 2), вышло в свет отдельным изданием (в 2-х томах) в Петербурге в 1901-1902 гг.
- 4 Рассказ С. Троцкого «Приключение» был опубликован в № 10 «Нового Пути» за 1903 г. (С. 81—85).
- 5 Имеется в виду вооруженное восстание в Москве 10-19 декабря 1905 г.
- 6 Андрей Белый жил в Петербурге в квартире Мережковских (Литейный пр., 24/27) с 1 декабря 1905 г., возвратился в Москву после 20 декабря. В регистрационном списке «Кружки людей, в которых мне приходилось бывать и работать» Андрей Белый, перечисляя лиц, с которыми он общался на ивановской «башне», упоминает Троцкого с пояснением: «пост<оаянный> посет<итель>» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 161).
- 7 Летом 1904 г. Белый вторично поступил в Московский университет на историко-филологический факультет; курса не окончил (в сентябре 1906 г. уволился из числа студентов).
- 8 Рассказ С. Троцкого «Как меня учили» (основу которого составляет диалог между повествователем и персонажем, именуемым Некто) был опубликован в кн. 2-й литературно-философского сборника «Свободная совесть» (М., 1906. С. 190-199). Белый был участником обеих книг «Свободной совести».
- 9 Проблемы цветовой символики Белый касался в статьях «Символизм, как миропонимание» (Мир искусства, 1904. № 5), «Священные цвета» (авторский вариант той же статьи; см.: *Белый Андрей.* Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 115—129), «О религиозных переживаниях» (фрагменты текста — в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 41-42).
- 10 Ср. упоминания Белого об «отцовском „бульдоге“» — револьвере, который он носил при себе осенью 1905 г., в его мемуарах «Между двух революций» (М., 1990. С. 41,51).
- 11 В доме на углу Таврической и Тверской улиц (д. 25/1), на шестом этаже которого, увенчанном «башней», находилась квартира Вяч. Иванова, размещалась мясная лавка Николая Павловича Виноградова.
- 12 О своеобразном стилизованном внешнем облике Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (сформированном в согласии с идеей о «дионисовом действе») в период жизни на «башне» писали многие современники (ср. ироническое замечание Брюсова о Зиновьевой-Аннибал в письме к Г. И. Чулкову от 19 марта 1906 г.: «Сибилла в „раздранных ризах“». — В кн.: *Чулков Георгий.* Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 341). См.: *Никольская Т. Л.* Творческий путь

- Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. — В кн.: Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник, VIII. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 813). Тарту, 1988. С. 125—126. Л. В. Иванова поясняет: «Для себя мама из своих тканей делала хитоны, как она их называла. Хитон состоял из двух кусков материи, длинных, до полу, скрепленных на плечах брошками. Сверху она накидывала ткань в виде длинного и широкого шарфа, спускающегося с плечей вдоль рук» (*Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 15).
- 13 Подразумевается прадед Пушкина, «арап» (т. е. эфиоп, абиссинец) Абрам Петрович Ганнибал (ок. 1697-1781). «Мать Лидии, урожденная баронесса Веймарн, шведка по отцу, принадлежала по женской линии к семье того самого Ганнибала <... >» (*Дешарт О.* Введение — В кн.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч., т. 1. Брюссель, 1971. С. 18).
- 14 Портрет Л. Д. Зиновьевой-Аннибал работы художницы и поэтессы Маргариты Васильевны Волошиной (урожд. Сабашниковой; 1882-1973), написанный в Риме зимой 1907-1908 г. (дата завершения — 21 марта 1908 г.) по воспоминаниям и фотографиям (см. примечания О. Дешарт в кн.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч., т. 2. Брюссель, 1974. С. 809), хранится в собрании семьи Ивановых (Рим). Надпись на нем (в нижнем левом углу): «Сегодня она вся и ты весь. Это Христос» (*Дешарт О.* Введение. С. 129).
- 15 На Дарье Михайловне Дмитриевской Иванов женился в 1886 г. (см.: *Дешарт О.* Введение. С. 10-12; *Иванова Вяч.* Автобиографическое письмо. — В его кн.: Собр. соч., т. 2. С. 15—16).
- 16 Знакомство Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и Иванова состоялось в Риме летом 1893 г. (см.: *Дешарт О.* Введение. С. 21-22).
- 17 Трудности были вызваны тем, что муж Зиновьевой-Аннибал, К. С. Шварсалон, отказал ей в разводе; их брак был расторгнут лишь в начале 1899 г. в результате судебного процесса. Заграничные скитания (Италия, Франция, Англия, Швейцария) во многом диктовались необходимостью прятать детей Зиновьевой-Аннибал, которых К. С. Шварсалон пытался похитить.
- 18 Ивановы обосновались в Петербурге на постоянное жительство (в квартире на «башне» по адресу: Таврическая ул., 25, кв. 24) в июле 1905 г. (см. письмо Иванова к В. Я. Брюсову от 31 июля 1905 г. — Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 476). С. В. Троцкий неточно приводит фамилию Марии Михайловны Замятниной (1865-1919), подруги Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, члена семьи и домоправительницы Ивановых. Замятнина вместе с Лидией Ивановой (дочерью Иванова и Зиновьевой-Аннибал) и Константином Шварсалоном (сыном Зиновьевой-Аннибал от первого брака) приехали на «башню» «в первый день Пасхи» 1907 г. — 22 апреля. См.: *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 25.
- 19 Весной 1912 г. Иванов с Верой Шварсалон и дочерью Лидией отбыл в Швейцарию, в июне переселился во Францию (в Савойю, Невеселль), а в конце года — в Рим. По возвращении в Россию осенью 1913 г. Иванов обосновался в Москве.
- 20 «Среды» в квартире Ивановых начались ранней осенью 1905 г.; уже несколько месяцев спустя «еженедельные многолюдные и очень интересные собрания» на «башне» были описаны Конст. Эрбергом в обозрении «Художественной жизни Петербурга» (Золотое руно. 1906. № 4. С. 80).
- 21 Ср. свидетельства Л. В. Ивановой: «У нас было полушуточно принято выражение «аудиенция». — «Вячеслав Иванович, NN просит назначить ему аудиенцию». NN приходил, они с Вячеславом удалялись вдвоем и долго беседовали наедине» (*Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 42). О «башенных» «аудиенциях» пишет также О. Дешарт (*Иванов Вячеслав*. Собр. соч., т. 2. С. 823).
- 22 Идейно-эстетическая концепция «мистического анархизма» была обоснована в книге Георгия Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906), открывавшейся предисловием Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». В 1906 г. Г. И. Чулков постоянно бывал на «башне» и признавал себя «учеником» Иванова (ср. дневниковую запись Иванова от 2 июня 1906 г. — *Иванов*

- Вячеслав*. Собр. соч., т. 2. С. 745). Впоследствии, в 1918 г., Чулков косвенно признавал связь между выдвинутой им доктриной и революционными умонастроениями: «...все торопливо, с недоброю иронией, истолковали мистический анархизм как проповедь *«анархического мистицизма»*, т.е. как проповедь какого-то бесформенного, безрелигиозного, темного, демонического мистицизма — обвинение в самом деле тяжкое. Обвинение это было тем более жестоко, что в событиях самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал. Тогда дьяволы сеяли семена бури, а теперь мы собираем эту дьявольскую жатву» (*Чулков Георгий*. Красный призрак. Листки из дневника. — Народопрямство. 1918. № 23-24, 1 февраля. С. 14).
- 23 Повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урожая» (СПб., «Оры», 1907), написанная летом 1906 г., вышла в свет в середине января 1907 г., конфискована в середине февраля 1907 г. по обвинению в безнравственности (1001-я статья Уголовного уложения). О снятии ареста информировал журнал «Перевал» (1907. № 5, март. С. 48; см. также: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 496-497). В определении Петербургского окружного суда отмечалось, что повесть «не содержит в себе ничего явно противного нравственности и благопристойности» (см.: *Никольская Т. Л.* Творческий путь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. С. 135).
- 24 О соотношении взглядов и творчества молодого М. Горького с идеями Ф. Ницше см.: *Злобин В. А.* Миф или реальность? (К вопросу о «нищиеанстве» М. Горького). — В кн.: М. Горький и современная советская литература. Межвузовский сб. Горький, 1983. С. 77-84; *Clowes E. W.* Gorky, Nietzsche and God-Building. — Fifty Years on: Gorky and His Time. Nottingham, 1987. P. 127-144; *Данилевский Р. Ю.* Русский образ Фридриха Ницше (Предыстория и начало формирования). — В кн.: На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 41-43.
- 25 См.: «Братья Карамазовы», ч. 1, кн. 5, гл. V (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти. Т. 14. Л., 1976. С. 240).
- 26 Драма в трех действиях «Кольца» была написана Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в 1903 г., выпущена в свет московским издательством «Скорпион» в сентябре 1904 г.
- 27 Решение соединить свои судьбы Иванов и В. К. Шварсалон (1890-1920) приняли в Риме поздним летом 1910 г.; в кругу самых близких людей об этом союзе было оповещено весной 1912 г.
- 28 Статья «Кризис индивидуализма» была впервые опубликована в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 9), вошла в книгу Иванова «По звездам» (СПб., 1909. С. 86-102).
- 29 Писатель, философ, публицист, историк культуры Федор Августович Степун (Степлун; 1884-1965) изучал философию в Гейдельбергском университете под руководством В. Виндельбанда, главы баденской школы неокантианства, там же в 1910 г. защитил докторскую диссертацию по философии (о Вл. Соловьеве). С Генрихом Риккертом (1863-1936), одним из основателей той же школы неокантианства, Степун встречался, но непосредственно его учеником не был.
- 30 Неясно, кого именно в данном случае имеет в виду Троцкий; приведенная им характеристика — общее место в критических и литературоведческих суждениях о Вяч. Иванове.
- 31 Константин Андреевич Сомов (1869-1939) выполнил обложку собрания стихов Иванова «*Cog ardens*» (ч. 1-2. М., 1911-1912), ему посвящены входящие в кн. 2 этого поэтического свода стихотворения «Фейерверк» и «Терцины к Сомову».
- 32 С весны 1906 г. Сомов участвовал в собраниях на «башне» узкого круга особо «посвященных» лиц — в так наз. дружеском обществе «друзей Гафиза», в котором фигурировал под прозвищем Аладин. См.: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 94-96; *Богомолов Н. А.* Эпизод из петербургской культурной жизни 1906-1907 гг. — В кн.: Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник, VIII. С. 95-111; *его же*. Петербургские гафизиты. — В кн.: Серебряный век в России. Избранные страницы. М., 1993. С. 167-210.

- 33 Подразумевается фраза Пушкина из письма к П. А. Вяземскому (вторая половина мая 1826 г.): «...поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. <Л., 1937>. С. 278-279).
- 34 Стихотворение «Роза ночей» вошло в кн. 5 «*Cor ardens*» — «*Rosarium*». См.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 2. С. 509-510.
- 35 Перефразировка строк из стихотворения Пушкина «Поэт» (1827): «Пока не требует поэта// К священной жертве Аполлон».
- 36 Какое именно высказывание Вл. Соловьева подразумевает здесь Троицкий, установить не удалось.
- 37 Н. А. Бердяеву принадлежит мемуарно-аналитический очерк о собраниях на «башне» — «Ивановские среды» (в кн.: *Русская литература XX века (1890-1910)*. Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. М., 1916. С. 97-100).
- 38 Первая книга Сергея Митрофановича Городецкого (1884-1967) «Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические» (СПб., 1907) вышла в свет в конце ноября 1906 г.; еще до ее появления Городецкий читал стихотворения из «Яри» на одной из «сред», они были приняты восторженно. Ср. позднейшее свидетельство Городецкого: «В конце 1906 г. Пяст приводит к Вячеславу Иванову на среду. <...> Ярьские стихи производят впечатление» (Автобиография С. М. Городецкого. Публикация Н. А. Такташевой. — *Русская литература*. 1969. № 3. С. 188; ср.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1929. С. 93). О взаимоотношениях Иванова и Городецкого см.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 2. С. 757-764 (комментарий О. Дешарт); *Иванов Вячеслав*. Стихотворения и поэмы. («Библиотека поэта», малая серия). Л., 1976. С. 473-474, 492-493 (примечания Р. Е. Помирчего).
- 39 Ср. свидетельства об этом журнале («Шаловливые блохи») в мемуарах Л. В. Ивановой: «Городецкий был прекрасный карикатурист. Каждую неделю он создавал домашний выпуск журнала, посвященного быту Башни. Он его назвал «*Les ruses de gamins*». Надеюсь, что в России в каком-нибудь архиве он сохранился. Он был талантливо сделан, и Городецкий хорошо зарисовывал людей и семейный быт этого времени» (*Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 36). Сохранился ли на сегодняшний день этот рукописный журнал, нам неизвестно.
- 40 По отцу, Дмитрию Васильевичу Зиновьеву, Л. Д. Зиновьева-Аннибал происходила из старинного рода сербских князей Зиновичей.
- 41 Стихотворение «Поповна» вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (СПб., 1909. С. 191-195); в первоначальной редакции под заглавием «Поповна и семинарист» опубликовано в журнале «Золотое руно» (1906. № 4. С. 33-34).
- 42 См.: *Белый Андрей*. Золото в лазури. М., 1904. С. 128-130, 169.
- 43 Подразумевается поездка Андрея Белого в Киев в начале октября 1907 г.; 4 октября он произнес вступительное слово («Об итогах развития нового русского искусства») на вечере «нового искусства» в Киевском городском театре (в вечере участвовали А. Блок, Н. Петровская, С. Соколов (Кречетов) и др.), 6 октября прочитал лекцию «Будущее искусство» в Коммерческом собрании. См.: *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. — *Эпопея*, № 3. М.-Берлин, 1922. С. 284-294.
- 44 С чтением глав «Петербурга» (в первоначальной редакции) Белый выступал на «башне» во время своего пребывания в Петербурге в конце января — феврале 1912 г.
- 45 Неточность мемуариста: А. М. Ремизов отбывал ссылку в Пензе (1897-1898), а затем в Усть-Сысольске Вологодской губернии и в Вологде (1900-1903). См.: *Гречишкин С. С.* Архив А. М. Ремизова. — В кн.: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год*. Л., 1977. С. 21-23.
- 46 «Что есть табак. Гоносива повесть» А. М. Ремизова была выпущена отдельным изданием тиражом «25 именных экземпляров» (СПб., <изд-во «Сириус»>, 1908; экземпляр, предназначенный Иванову, ныне находится в фонде специального хранения РГБ); вошла в сборник Ремизова «Заветные сказы» (Пб., «Алконост», 1920). Историю создания и печатания этого произведения Ремизов изложил в мемуарной книге «Встречи. Петербургский буерак» (см.: *Ремизов А.* Огонь вещей. М., 1989. С. 349-358). См.: *Козьменко М.* Заветные сказы Алексея Ремизова. — *Литературное обозрение*. 1991. № 11. С. 75-76.

- 47 Имеется в виду сказка «Волк-самоглот» (1910) из цикла «К морю-океану». Цитата приведена неточно; в оригинале: «В брюхе пошел дождик. Шел дождик по-осеннему мелкий, и теплый, как летом» (*Ремизов А.* Соч. Т. 6. Сказки. СПб., «Шиповник», <1911>. С. 151).
- 48 Книга Иванова «Эрос» (СПб., «Оры», 1907) вышла в свет 9 января 1907 г.
- 49 Ср. свидетельство Л. Д. Зиновьевой-Аннибал о «среде» 7 декабря 1905 г. в письме к М. М. Замятниной от 11 декабря: «Поздно часов в 12, Вяч<еслав> предложил устроить по примеру Пира — собеседование о Любви» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 233). Диалог Платона «Пир» — основной философский источник книги Иванова «Эрос». Одним из непосредственных результатов бесед на темы диалога Платона в кругу посетителей «башни» является также статья М. Волошина «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову «Пиру»)» (январь 1907 г.) (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 255).
- 50 Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус с конца февраля 1906 г. до середины июля 1908 г. жили за границей и, естественно, не могли в этот период времени бывать на «башне», однако отчуждение их от ивановских «сред» обозначилось еще до отъезда из Петербурга (см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 238-239).
- 51 «Среды» закончились весной 1906 г. и возобновились, после летнего перерыва, осенью того же года; в декабре 1906 г. они были прерваны в связи с болезнью Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (весной 1907 г. состоялось несколько нерегулярных собраний).
- 52 Об участии А. Блока в собраниях на «башне» см. в нашей статье «Блоковская «Незнакомка» в рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал» (в кн.: Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 182-188). М. А. Кузмин, постоянный участник собраний на «башне», летом 1909 г. поселился там (занял две комнаты в квартире, с отдельным входом) и жил до весны 1912 г. (см. комментарий О. Дешарт в кн.: *Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. 2. С. 734-736, 824-825; Т. 3. Брюссель, 1979. С. 701-702). Константин Александрович Сюннерберг (псевдоним — Конст. Эрберг; 1871-1942) — теоретик искусства, художественный критик, поэт; оставил воспоминания о Вяч. Иванове и собраниях на «башне» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 128-134).
- 53 М. А. и М. В. Волошины поселились в доме 25 по Таврической ул. этажом ниже квартиры Ивановых около 10 октября 1906 г., переселились к Ивановым около 10 января 1907 г. и проживали совместно с ними до середины марта того же года.
- 54 Последовательницей Р. Штейнера М. В. Сабашникова стала еще в 1905 г.; после разрыва с Волошиным она в декабре 1907 г. уехала в Берлин для слушания лекций Штейнера, в течение 1908 г. посещала его лекционные выступления в различных городах Германии.
- 55 Книга М. В. Сабашниковой «Святой Серафим» вышла в свет в 1913 г. в московском издательстве «Духовное Знание».
- 56 Лидия Вячеславовна Иванова (1896-1985) — композитор, музыковед. См. некрологическую статью о ней в кн.: *Иванов Вячеслав.* Собр. соч., т. 4. Брюссель, 1987. С. 704-712.
- 57 Л. Д. Зиновьева-Аннибал скончалась 17 октября 1907 г. в поместье Загорье Могилевского уезда Могилевской губернии. Некрологи были помещены в газетах «Свободные мысли» (22 октября; П. Пильский), «Правда живая» (26 октября; Андрей Белый), «Русское слово» (27 октября; А. Вергежский), «Русские ведомости» (1 ноября; П. Боборыкин) и в других изданиях.
- 58 Троцкий неправильно указывает имя младшего из сыновей Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Старший ее сын — Сергей Константинович Шварсалон, младший — Константин Константинович Шварсалон. О судьбе Константина сообщает Л. В. Иванова: «После окончания Михайловского артиллерийского училища он был послан в Ровно, где через несколько месяцев его застигла война. Он пробыл

- на фронте благополучно до 1918 года, а затем пропал без вести — по всей вероятности, погиб» (*Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 18).
- 59 Первые встречи Иванова и Зиновьевой-Аннибал в июле 1893 г. сопровождались совместными прогулками по Риму (Палатин, Колизей); посещением Колизея была ознаменована и повторная их встреча в Риме 12-15 марта 1895 г. (см.: *Дешарт О.* Введение.— В кн.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч., т. 1. С. 21-23). Ср. строки из Канцоны 1-й в книге Иванова «Любовь и Смерть»: «Наш первый хмель, преступный хмель свободы// Могильный Колизей// Благословил <...>» (Там же. Т. 2. С. 398).
- 60 Речь идет о чудотворной Тихвинской иконе Богородицы, находившейся в Тихвинском мужском монастыре. Ср. свидетельство О. Дешарт о жизни Ивановых в Загорье осенью 1907 г.: «...паломники и паломницы по пути к святым местам заходили к ним в усадьбу. Л. Д. принимала их ласково и подробно расспрашивала о странствиях. Особенно полюбила ее странница Катя, которая все звала ее на богомолье в Киев. Лидия подумывала, не отправиться ли ей и в самом деле с Катей пешком в Лавру» (*Дешарт О.* Введение. С. 119).
- 61 Имеется в виду кульминационная сцена драмы: героиня ее, Алтая, бросает в море обручальные кольца — свое и своего умершего мужа Алексея («Кольца в дар — Зажегшему!»). См.: *Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Кольца. М., 1904. С.202-204.
- 62 Вероятно, подразумевается пьеса Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (вариации на тему «Сна в летнюю ночь» Шекспира), над которой она работала весной 1907 г. Первое действие пьесы было опубликовано в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907. С. 122-170), действия второе — четвертое остались в рукописи (РГБ. Ф. 109. Карт. 41. Ед. хр. 19-23). Ныне пьеса в полном объеме опубликована Н. А. Богомоловым (Театр. 1993. № 5. С. 159-191).
- 63 Лирико-драматический цикл М. Кузмина «Куранты любви» был опубликован в «Весах» в 1909 г. (№ 12), в отдельном издании сопровождался нотным разделом — переложением всего текста для вокального исполнения. Не только «Куранты любви», но и большинство стихотворений, написанных Кузминым до 1906 г., предназначались им для пения (см.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: вхождение в литературный мир. — Новое литературное обозрение, № 1. 1992. С. 130-131). Ср.: *Пяст В.* Встречи. С. 112-113.
- 64 Ларвы (др.-рим. Larvae) — злые духи, мучившие в подземном царстве души грешников; позднее отождествлены с душами умерших; изображались обычно в виде скелетов или безобразных существ странной худобы.
- 65 Имеется в виду Анна Алексеевна Городецкая, урожд. Козельская (1889?-1945).
- 66 Приверженность Кузмина к «русскому платью» объяснялась его многолетним тяготением к старообрядческой культуре, наиболее сильным в «долитературный» период жизни. А. М. Ремизов вспоминает: «Кузмин тогда ходил с бородой — чернушя! — в вишневой бархатной поддевке, а дома <...> появлялся в парчевой золотой рубахе навыпуск <...>» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978. С. 106). Кузмин побрился и сменил «русскую» одежду на «европейскую» в сентябре 1906 г. (см.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: вхождение в литературный мир. С. 132).
- 67 «Крылья» М.Кузмина были опубликованы в № 11 «Весов» за 1906 г.
- 68 Л. С. Бакст, К. А. Сомов и музыкальный деятель, чиновник особых поручений канцелярии министерства императорского двора Вальтер Федорович Нувель (1871-1949) были не только постоянными посетителями «сред», но и членами «башенного» интимного сообщества «друзей Гафиза», в котором фигурировали под прозвищами: Бакст — Аеллес, Сомов — Аладин, Нувель — Renouveau, Петроний, Корсар. См. стихотворение Иванова «Встреча гостей» (*Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 2. С. 738-739).
- 69 Подразумеваются картины, которые С. В. Троицкий «вышивал шелками» (*Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 110). Ср. строку из стихотворного послания Троицкого Вяч. Иванову «Любимый, нежный, строгий друг...» (2-3 апреля 1912 г.): «Читаю, вышиваю (с радостью), играю» (РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 36. Л. 19-20).

- 70 Старинный театр, организованный в Петербурге бароном Н. В. Дризенем и Н. Н. Евреиновым, действовал два сезона: 1907-1908 (попытка реконструкции средневековой французской драмы) и 1911-1912 (испанская драма XVI-XVII вв.). См.: *Старк Э. А. Старинный театр*. СПб., <1911>.
- 71 1-я Всероссийская кустарная выставка состоялась в Таврическом дворце в 1902 г., «историко-художественная выставка русских портретов», организованная С. П. Дягилевым, экспонировалась там же с 6 марта до 26 сентября 1905 г.
- 72 «Старые годы» — «ежемесячник для любителей искусства и старины», издававшийся в Петербурге в 1907-1917 гг. и посвященный описанию и анализу художественных и архитектурных памятников прошлого.
- 73 Н. С. Гумилев впервые попал на «башню» Вяч. Иванова в среду 26 ноября 1908 г. (см.: *Степанов Е. Николай Гумилев. Хроника*. — В кн.: *Гумилев Н. Соч. в трех томах*. Т. 3. М., 1991. С. 358), с 1909 г. стал бывать там регулярно. А. А. Ахматова появилась впервые у Иванова, уже будучи женой Гумилева: 13 июня 1910 г. она была там вместе с Гумилевым и читала свои стихи (см.: *Суперфин Г. Г., Тименчик Р. Д.* Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову. — *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1974. Vol. XV. № 1-2. P. 190); выступала также с чтением стихов на «башне» 14 марта 1911 г. (*Ibid.* P. 191-192; *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера). — *Русская литература*, 1988. № 2. С. 173; ср. мемуарные свидетельства А. В. Тырковой-Вильямс — в кн.: *Ахматова А. Десятые годы*. М., 1989. С. 30).
- 74 Ахматова поселилась в доме Гумилевых в Царском Селе (Бульварная ул., дом Георгиевского) в июне 1910 г. Первое издание ее книги «Четки» (СПб., 1914) вышло в свет весной 1914 г. Вспоминая о своих встречах с Ахматовой, Троцкий писал В. А. Мануйлову 22 сентября 1927 г.: «А. А. передай... не то что привет, а богатую память, хотя и порванную и затертую, как старая вышивка».
- 75 Цитата из 2-й части стихотворного цикла «Смятение» (1913), открывающего «Четки».
- 76 Искаженная цитата из стихотворения «Дверь полукрытая...» (1911), входящего в книгу Ахматовой «Вечер»; в оригинале: «Знаешь, я читала, // Что бессмертны души».
- 77 Ахматова была в Париже вместе с Гумилевым после свадьбы — в мае 1910 г., а также (одна) во второй половине мая — первой половине июля 1911 г.
- 78 Вероятно, имеется в виду третье африканское путешествие Гумилева (середина октября 1910 г. — февраль 1911 г.), в ходе которого поэт достиг Аддис-Абебы.
- 79 Владимир Францевич Эрн (1882-1917) — философ, историк философии, публицист; близкий друг Вяч. Иванова, посвятившего ему ряд стихотворений (см.: *Иванов Вячеслав. Собр. соч.* Т. 2. С. 451; Т. 3. С. 524, 533-536, 833; Т. 4. Брюсель, 1987. С. 63).
- 80 Семья Ивановых поселилась в Москве (Зубовский бульвар, 25) после возвращения из Рима в августе 1913 г.
- 81 Дружеское сближение Иванова и А. Н. Скрябина относится к 1913-1915 гг. Подробнее см.: *Мильникова И. А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. — В кн.: *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 88-119.*
- 82 А. Н. Скрябин скончался 14 апреля 1915 г. в 8 час. 05 мин. (*Энгель Ю. Д.* А. Н. Скрябин. Биографический очерк. — *Музыкальный современник*, 1916. № 4/5. С. 94). Согласно дневниковой записи С. П. Каблукова, накануне «в 11 часов вечера перед ночью смерти Вяч. виделся с ним и обсуждал с ним проект предположенной Скрябиным концертной поездки» (*Мильникова И. А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. С. 118). О последней встрече с композитором Иванов упоминает в стихотворении «Воспоминание о Скрябине» (*Иванов Вячеслав. Собр. соч.* Т. 3. С. 531-532).
- 83 Леонид Леонидович Сабанеев (1881-1968) — музыковед, музыкальный критик, композитор. Взаимоотношений Скрябина и Иванова Сабанеев касается в своей книге «Воспоминания о Скрябине» (М., <1925>. С. 161-164); говоря о духовном

- сближении поэта и композитора, Сабанеев отмечает также и «точки расхождения»: «Стоявший на точке зрения христианской теодицеи и мистики, В. Иванов не мог понять, почему А. Н. так горячо настаивал на том, что Христос «не единственный мессия», и даже не из самых важных» <...>» (С. 163).
- 84 Нина Павловна Анненкова-Бернар (1859-1933) — актриса, прозаик, драматург; исполнительница с эстрады произведений русских поэтов и собственных произведений.
- 85 «Феофил и Мария. Повесть в терцинах» входит в кн. 5 сборника «Сог ardens» — «Rosarium» (Иванов Вячеслав. Собр. соч. Т. 2. С. 516-528).
- 86 Имеется в виду либретто оперетты «Любовь мираж?», написанной Ивановым на сюжет пьесы А. И. Косоротова «Мечта любви»; музыку написал профессор Бакинской консерватории Михаил Евгеньевич Попов (преподававший композицию Лидии Ивановой). Текст либретто сохранился в семейном архиве Ивановых (Рим); фрагменты из него приведены в «Воспоминаниях» Лидии Ивановой (С. 115-119). 5-ый (а не 3-й) квартет Сергея Ивановича Танеева (1856-1915), вопреки утверждению Троицкого, посвящен Михаилу Васильевичу Попову — врачу, лечившему композитора.
- 87 Речь идет о «Послании на Кавказ» Иванова, посвященном Юрию Верховскому. См.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 3. С. 56-57.
- 88 Луций Элий Аврелий Коммод (161-192) — римский император с 180 г., старший сын императора Марка Аврелия (121-180) и в 176-180 гг. — соправитель отца, — называл себя «Римским Геркулесом» (Hercules Romanus), выступал в цирке гладиатором в боях с людьми и дикими животными.
- 89 Текст «поэмки» Троицкого нам неизвестен. Посвященное Троицкому стихотворение Иванова — «Соловьиные чары» (см.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 3. С. 45).
- 90 Стихотворение «Мирные иамбы», датированное: «Montreux, 23/10 октября 1912» (Там же. С. 59). Алексей Дмитриевич Скалдин (1889-1943) — поэт, прозаик. Единственный его поэтический сборник «Стихотворения (1911-1912)» (СПб., «Оры», 1912) имеет посвящение: «Вячеславу Иванову, брату» (С. 5).
- 91 Книга стихов Вячеслава Иванова «Нежная Тайна. Лепта» вышла в свет в издательстве «Оры» в конце декабря 1912 г. Все заботы по ее изданию принял на себя Скалдин, согласно пожеланию Вяч. Иванова, который писал ему 22 августа / 4 сентября 1912 г., высылая текст сборника: «Рукопись, которую получите, тайна — не только по заглавию; тайна от всех! Издайте ее книжкой. <...> Рекомендую типографию Суворина. <...> Вам — все полномочия» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 51). По выходе в свет «Нежной Тайны» Скалдин и Троицкий написали Иванову совместное письмо (28 декабря 1912 г.). Скалдин информировал в нем Иванова: «Послал Вам 19 экземпляров книги и посылаю еще 19»; Троицкий добавлял: «... благодарю всю силою за книгу вашу, за нежную тайну. Мы хотим знать, что вы с нами, так же как я с вами, Вячеслав Иванович, теперь. Не заподозрите меня в малороссийской мягкости и сантиментальности, но не мог бы и не хочу говорить иначе» (РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед.хр. 46). См. также: Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным. Публикация М. Вахтеля. — Минувшее. Исторический альманах, 10. Paris, 1990. С. 121-141.
- 92 Подразумевается С. М. Городецкий. См.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 2. С. 756-764 (примечания О. Дешарт).
- 93 Скалдин стал посещать квартиру Ивановых с 1908 г.
- 94 Имеются в виду строки из стихотворения «I. Дана мне милая задача...» (1912), посвященного В. Ш. (Вере Шварсалон): «Вас уподобили златому// Ржаному колосу. Давно// Я это думал»; «Какое милое сравненье,// Какое верно! Зерно// В сем мире тайное звено» (*Скалдин А.* Стихотворения (1911-1912). С. 50-51). В. К. Ивановой-Шварсалон посвящено также стихотворение Скалдина «Акварели. II» («Как долго болел я...», 1912) (Там же. С. 13).
- 95 Иванов и Вера Шварсалон обвенчались в греческой православной церкви в Ливорно летом 1913 г. (см.: *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 52). Д. В. Иванов родился 17 июля 1912 г. в Эвиане, на вилле близ городка Невесель (Франция), на берегу озера Леман.

- 96 Совместное выступление Вяч. Иванова (лекция «Вселенское дело») и В. Ф. Эрн (лекция «От Канта к Круппу») состоялось в Петербурге 25 ноября 1914 г. в Тенишевском зале (см.: «От Канта к Круппу». — Биржевые ведомости. 1914. № 14518, 6 ноября. С. 4. Без подписи; *Брянчанинов* А. Н. Лекции о войне и миссии славянства. — Новое зveno. 1914. № 49, 29 ноября. С. 15; см. также комментарии Г. В. Обатнина и А. Л. Соболева в кн.: *Иванов Вячеслав. Избранные статьи.* — В печати).
- 97 Подразумевается скандальный инцидент между Кузминым и Сергеем Шварсалонем 4 декабря 1912 г., предпосылкой которого были визит секунданта С. Шварсалона (Скалдина и Залешанова) к Кузмину с вызовом на дуэль и отказ последнего от поединка. Ал. Н. Чеботаревская сообщила в письме к Вяч. Иванову от 7 декабря 1912 г.: «... как гром из ясного неба, разразился третьего дня в театре <...> скандал <...> Сергей нанес оскорбление К<узми>ну, ударив его в присутствии 12-15 человек и потребовав составления протокола» (цит. по: *Богомолов Н. А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина. — В кн.: Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 168). 9 декабря Чеботаревская вновь писала Иванову по тому же поводу: «В городе событие не вызвало никаких толков. Поговорили буквально несколько часов <...> на другой день, и то как-то равнодушно, сказав (кроме друзей К<узмин>а, конечно): «Этого надо было ожидать, К<узми>н давно это заслужил», и умолкли. <...> Вот уже третий день, и ни в одной газете не было об этом ни строки, и не будет теперь уже. Только и было в одной окаянной Биржевке (на другой день), из которой Сергей имел несчастную мысль, в виде повинной, послать Вам вырезку» (РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 22). О последнем эпизоде, вызванном этим инцидентом, Чеботаревская информировала Иванова 21 января 1913 г.: «После того Судейкин попросил позволение заехать ко мне, передал, что Кузмин не хочет от себя подавать на Сережу в суд и вообще не обвиняет Сережу» (Там же. Ед. хр. 23). Подробнее см. в статье К. М. Азадовского в настоящем сборнике.
- 98 Обыгрывается заглавие книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878).
- 99 Вероятно, подразумевается отзыв о Скалдине в дневниковой записи А. Блока от 15 ноября 1912 г.: «Теперь это — зрелый человек, кующий жизнь. Будет — крупная фигура» (*Блок А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М.-Л., 1963. С. 179). См. также письма Блока к А. Д. Скалдину со вступительной статьей Скалдина «О письмах А. А. Блока ко мне» (в кн.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 173-191).
- 100 Скалдин жил в Саратове с 1918 до осени 1923 г., заведовал там Радищевским музеем. Находился в заключении (по официальной формулировке, «за превышение власти») с конца 1922 до середины 1923 г. Освободиться ему помог А. В. Луначарский. См.: *Царькова Т.* Странствия и приключения Алексея Скалдина. — С.-Петербургские ведомости, 1992, 18 апреля. С. 5; *Царькова Т. С.* «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А. Д. Скалдина). — Лица. Биографический альманах, 5. М.-СПб., 1994.
- 101 Текст этого произведения нам неизвестен.
- 102 Речь идет о статье Скалдина «Затемненный лик (По поводу книги В. В. Розанова «Метафизика Христианства)» (Труды и дни. 1913. № 1/2. С. 89-110). Эта статья была запрошена у Скалдина редакцией «Трудов и дней»; ср. письмо к нему Андрея Белого от 15 марта 1912 г.: «„Труды и дни“ ждут от Вас статьи о Розанове. И очень просят» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 36). Обстоятельства, связанные с опубликованием статьи Скалдина, затрагиваются в переписке Вяч. Иванова и Э. К. Метнера (см.: Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 337; Вып. III. С. 283, 287-288; публикация В. Сапова). Сведения о количестве вышедших номеров «Трудов и дней», приводимые Троцким, неточны: всего за 1912-1916 гг. было издано восемь выпусков журнала.
- 103 Подразумевается предшествовавший изданию «Трудов и дней» (с начала 1912 г.) замысел «дневника трех поэтов» — петербургского символистского органа под контролем А. Блока, Андрея Белого и Вяч. Иванова. См. письмо Иванова к Блоку от 20 января 1911 г. с изложением программы этого неосуществленного

- периодического издания (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 2. С. 173-174. Публикация Н. В. Котрелева).
- 104 Евгений Васильевич Аничков (1886-1937) — историк литературы и фольклорист, критик; приват-доцент Петербургского университета по кафедре западных литератур; близкий друг Вяч. Иванова, написавшего о нем статью для «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона (Т. 2. СПб., <б. г.>. Стб. 871-872).
- 105 В 1904 г. Аничков был приговорен к заключению за провоз в Россию номеров нелегального «Освобождения» (см.: *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. London, 1990. С. 133-135, 159-161); в 1908-1909 гг. отбывал 13-месячное одиночное заключение в Петропавловской крепости как один из организаторов партии «Всероссийский крестьянский союз».
- 106 Имеется в виду доклад о символизме, прочитанный Андреем Белым в «Обществе ревнителей художественного слова» 18 февраля 1912 г.
- 107 Подразумевается этимологическая связь термина «символизм» (греч. *сυμβολον* — знак, примета) с греческим глаголом *сυμβαλλω* - соединяю, сталкиваю, сравниваю.
- 108 «Труды и дни» - название древнегреческой дидактической поэмы Гесиода (VIII-VII вв. до н. э.).
- 109 Словесная формула Иванова приведена неточно. Выдвигая в статье «Две стихии в современном символизме» (опубликованной в №№ 3/4,5 «Золотого руна» за 1908 г.) лозунг «реалистического символизма»: «*a realibus ad realiora*», — Иванов пояснил: «Его алхимическая загадка, его теургическая попытка религиозного творчества — утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность» (*Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. 2. С. 553).
- 110 Подразумевается следующий пассаж из статьи Иванова «Мысли о символизме»: «Символизм умер? — спрашивают современники. Конечно, умер! — отвечают они же. <...> Мы же, умершие, свидетельствуем, шепча на ухо пирующим на нашей тризне, — что смерти нет» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 8).
- 111 Хронологическая неточность: в начале 1912 г. Белый еще не мог так определяться; убежденным последователем Р. Штейнера он стал несколько месяцев спустя, после первой встречи с философом 6-7 мая 1912 г.
- 112 См. выше, примеч. 44.
- 113 Ошибка мемуариста: Белый был вместе с А. А. Тургеневой (1890-1966) при вторичном своем проживании на «башне» (конец января — февраль 1912 г.); в первый раз (конец января — начало марта 1910 г.) он останавливался у Иванова один.
- 114 Стихотворение Иванова «Асе» (с посвящением: А. А. Тургеневой) — непосредственный отклик на создание этой работы: «Вы на меди (чуть-чуть прикрася)// Мой гравируете портрет// Иглой старинной» (*Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. 3. С. 47). Этот портрет (офорт) воспроизведен в Собрании сочинений Вяч. Иванова (Т. 3, вклейка между с. 64 и 65) с неверной датировкой: 1911 г. (в 1911 г. А. Тургенева не имела возможности встречаться с Ивановым; портрет, вероятно, относится к началу 1912 г. — ко времени совместного проживания ее и Белого на «башне»).
- 115 Подразумевается отчим А. Тургеневой Владимир Константинович Кампиони.
- 116 О пережитых им и А. Тургеневой летом 1911 г. в имении Боголюбы Волынской губернии странных «медиумических» явлениях и об обращении в этой связи к «молитве запретительной над страждущими от демонов» св. Василия Великого Белый рассказывает в мемуарах «Между двух революций» (М., 1990. С. 426-427).
- 117 Мф. XXVII, 46; Мк. XV, 34.
- 118 Этот эпизод, относящийся к ранней весне 1904 г., передает (явно со слов Вяч. Иванова) О. Дешарт (см.: *Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. 1. С. 72-73).
- 119 Подразумеваются слова Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?». См.: *Гоголь Н. В.* Поли. собр. соч. Т. 3. <Л.>, 1938. С. 143-144.

- 120 Это произведение Троцкого не выявлено.
- 121 Имеется в виду Анна Рудольфовна Минцлова (1865?-1910?), деятельница теософского движения, имевшая сильное духовное воздействие в 1908-1910 гг. на Иванова, а также и на Белого, который свое общение с нею и с Ивановым в феврале 1910 г. определял как «мистический треугольник» (см.: *Белый Андрей*. Воспоминания о Блоке. — Эпопея, № 4. Берлин, 1923. С. 153-154, 158, 167; *Белый Андрей*. Между двух революций. С. 316-322). См. также: *Carlson Maria*. Ivanov — Belyj — Minclova: the Mystical Triangle. — «Cultura e memoria». Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. A cura di Fausto Malcovati. Vol. I. Firenze, 1988. P. 63-79.
- 122 Ср. свидетельство Белого об Иванове в «Воспоминаниях о Блоке»: «Звал он меня «Гогольком» за мое, будто бы, сходство с Гоголем» (Эпопея, № 4. С. 157). Картина И. Е. Репина «Гоголь и о. Матвей» (1902) была репродуцирована в журнале «Новый Путь» (1903, № 1. Между с. 48 и 49) — как иллюстрация к «Судьбе Гоголя» Д. С. Мережковского.
- 123 Белый и А. Тургенева уехали из Москвы за границу на длительное время 16/29 марта 1912 г. Текст письма Белого С. В. Троцкому нам неизвестен.
- 124 Речь идет о «Записках чудака» Белого, первоначально публиковавшихся в «Записках мечтателей» (№ 1, 1919; № 2/3, 1921) под заглавием «Я. Эпопея», и о его книге стихов «После разлуки. Берлинский песенник» (Пб.-Берлин, 1922).
- 125 Подразумеваются многочисленные попытки Белого в конце 1920 — начале 1930-х годов истолковать свое мировоззрение и творчество под знаком официальной советской идеологии.
- 126 Тело Андрея Белого было кремировано 10 января 1934 г.; урна захоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Говоря о Н. В. Гоголе, Троцкий принимает на веру распространенную версию-легенду о том, что писатель был погребен в состоянии летаргии. Версия получила распространение после вскрытия могилы Гоголя и перенесения его праха на Новодевичье кладбище в июне 1931 г. (см.: «Перенесение праха Гоголя». Публикация Л. Ястржембского. — «Российский архив». I. М., 1991. С. 243-246; *Сажин В.* Тысяча мелочей. — Новое литературное обозрение. № 5. 1993. С. 157-158).
- 127 В. К. Иванова-Шварсалон умерла в Москве 8 августа 1920 г. (см.: *Дешарт О.* Введение. С. 169; *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 85-86), В. Ф. Эрн — 29 апреля 1917 г. Ср. сообщение М. О. Гершензона в письме к Л. И. Шестову от 31 июля 1920 г.: «Вера Конст<антиновна> после плевроита зимою все лихорадила, а теперь у нее скоротечная чахотка в последних градусах; с прошлой недели она лежит в клинике, и дни ее сочтены» (Минувшее. Исторический альманах. 6. Paris, 1988. С. 245. Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя).
- 128 Иванов был утвержден в должности профессора Бакинского университета по кафедре классической филологии 19 ноября 1920 г., исполнил эту должность до второй половины мая 1924 г. См.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. — Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 209). Тарту, 1968. С. 326-339.
- 129 Ср. об этом в «Воспоминаниях» Лидии Ивановой (С. 110-111): «В один прекрасный день явился с маленьким узелком в руках Сергей Витальевич Троцкий. <...> В Баку он попал после многих тяжелых приключений: бежал с родными из своего малороссийского хутора на кавказское побережье Черного моря; после неудачной попытки переплыть границу в лодке контрабандистов был ими ограблен и лишен всех своих драгоценностей; затем, оставив своих родных, один перебрался через весь Кавказ и достиг Баку, где, он знал, живет Вячеслав. В котомочке у него были две рубашки, которые он сам мыл, т. к. ткань была так изношена, что он никому не доверял ее в руки. <...> Сам он был такой изголодавшийся, что если поставить перед ним фунт масла, через мгновение ока оно исчезло бы, даже без хлеба. Что было с ним делать? В ванной была поставлена постель, и наша семья увеличилась. Нас стало пятеро, и Сержик сделался родным и любимым». 9 декабря 1923 г. Троцкий писал

- А. Д. Скалдину из Баку: «Очень строга смерть, которую вести (почти верные, едва ли не точные) соединили со мной. Самое близкое — смерть, и «нищ и светел — прохожу». К В. И. приехал, казалось, за окончательной проверкой накопленного в эти годы, но жизнь потребовала еще и еще проверки, чтобы, положив руку на орало, не обернуться. Приехал с законченными размышлениями о нравственности, и праве, о причинности, с начатой работой о Церкви (внутренне законченной), с мыслью о ритме и с любовью все еще не законченной» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 21).
- 130 М. М. Замятина умерла в Москве от сыпного тифа 25 марта/ 7 апреля 1919 г.
- 131 Моисей. Семенович Альтман (1896-1986) — филолог-классик, литературовед, поэт; ученик Вяч. Иванова по Бакинскому университету (см. о нем: *Пугачев В. В., Динес В.* Моисей Семенович Альтман (из истории филологической науки). — В кн.: Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1984. С. 181-183). В извлечениях бакинские дневниковые записи («Беседы с поэтом В. И. Ивановым») Альтмана опубликованы со вступительной статьей З. Г. Минц и примечаниями М. Э. Коор в кн.: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 297-325; в полном объеме подготовлены к печати К. Ю. Лаппо-Данилевским.
- 132 Ср. сходную характеристику в письме из Баку Троцкого А. Д. Скалдину от 9 декабря 1923 г.: «Здесь В. И. — другой; после всего, что с ним было, он облучен послушанием молчанья <...>. Академизм — броня» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 51).
- 133 Памятник Ф. М. Достоевскому в Москве был открыт 7 ноября 1918 г. — в один день с памятниками Ж. Жоресу, С. Л. Перовской, И. П. Каляеву (Правда, 1918, 9 ноября. С. 3; Известия ВЦИК, 1918, 9 ноября. С. 5).
- 134 Произведения под таким названием у Л. Н. Андреева нет. Вероятно, речь идет о пользовавшейся в свое время широкой известностью драме М. П. Арцыбашева «Ревность», опубликованной в альманахе «Земля» (сб. 13. М., 1913) и в том же году вышедшей в свет отдельным изданием.
- 135 Имеется в виду жена С. М. Кирова (с июня 1921 г. — первого секретаря ЦК Азербайджанской коммунистической партии) Мария Львовна Маркус (1885-1945), работавшая в бакинской Комиссии по борьбе с детской беспризорностью.
- 136 Иванов ставил вопрос о заграничной командировке в Италию и Германию еще в апреле 1922 г.; в мае 1924 г. Бакинский университет удовлетворил его просьбу «о командировании за границу на 1 год с сохранением содержания, без пособия». С 1 февраля 1925 г. университет считал его находящимся «в отпуску без содержания» (*Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 335, 338). Попытки выехать за границу Иванов предпринимал и до начала своей работы в Баку; см. письмо А. В. Луначарского к Вяч. Иванову (1920) с изложением результатов (отрицательных) обращения к Ленину по этому вопросу (Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 188-189). По тому же поводу (а также в связи с тем, что «Бальмонт скомпрометировал себя с советской точки зрения») Луначарский писал Ленину 28 июля 1920 г.: «...мне кажется нерациональным задерживать <...> Вяч. Иванова, которому заграничная поездка обещана давным-давно, у которого страшно больна жена и который много раз своей честью заверял, что ни в каком случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики. Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбrehнул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный» (Там же. С. 208).
- 137 Лидия Вячеславовна Иванова.
- 138 В римском архиве Иванова сохранились 22 письма С. В. Троцкого за 1924-1933 гг., большинство их обращено ко всем членам семьи Ивановых.
- 139 Письма Иванова к С. В. Троцкому не выявлены. Ср. замечание Иванова в письме к В. А. Мануйлову от 18 марта 1928 г.: «Сергей Витальевичу я тоже не

- писал целую вечность, перешлите ему мой братский привет, я очень за него тревожусь» (в кн.: *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 360).
- 140 О выступлении Иванова 6 июня 1924 г. в Москве в Большом театре на торжественном вечере, посвященном 125-летию со дня рождения Пушкина, см. в воспоминаниях В. А. Мануйлова «О Вячеславе Иванове» (Там же. С. 356); ср. свидетельство П. Н. Зайцева в письме к Андрею Белому от 25 июня 1924 г.: «В Москву в начале июня приехал Вяч<еслав> Ив<анович> Иванов. В Большом театре состоялся вечер, где он произнес речь о Пушкине. Но вечер прошел как-то бледно и незаметно» (Минувшее. Исторический альманах. 13. М.-СПб., 1993. С. 240. Публикация Дж.Мальмстада). С речами выступили также А. В. Луначарский и П. Н. Сакулин (см.: Правда, 1924, 7 июня. С. 4).
- 141 Иванов с семьей выехал из Москвы в Рим (через Берлин, Венецию и Флоренцию) 28 августа 1924 г. М. О. Гершензон сообщал Л. И. Шестову 16 июня 1924 г.: «Вяч<еславу> Ив<анови>чу О. Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу, с хорошим содержанием, с паспортами и визами на казенный счет, и т. д. Он едет с семьей, т. е. с Лидией и Димой, сперва в Венецию, на неопределенный срок» (Минувшее. Исторический альманах. 6. С. 302. Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя).
- 142 Путешествие в Палестину Иванов и Зиновьева-Аннибал совершили весной 1902 г., Пасху (14 апреля) они провели в Иерусалиме у гроба Господня; вслед за этим Иванов обосновался в Афинах на оставшуюся часть года, где занимался исследованием греческой мифологии и эпиграфикой (см.: *Дешарт О.* Введение. С. 42, 53).
- 143 Текст этой статьи, написанной Троцким в первой половине 1930-х гг., неизвестен. Ср. его замечание в письме к В. А. Мануйлову от 7 сентября 1934 г.: «Это время спешно переписываю (и исправляю) „Аггау“».
- 144 О «музыкальной дружбе» с пианисткой Ниной Андреевной Карницкой (род. в 1906 г.) Лидия Иванова рассказывает в «Воспоминаниях» (С. 113).
- 145 К композитору Рейнгольду Морицевичу Глиэру (1874-1956) обращено стихотворение Иванова «Глиэр! Семь роз моих фарсийских...», написанное в Баку в феврале 1924 г. (*Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. 4. С. 91). Глиэр приехал в Баку в августе 1923 г. для записи азербайджанских народных мелодий (примечания Р. Е. Помирчего в кн.: *Иванов Вячеслав*. Стихотворения и поэмы. С. 497; Лидия Иванова указывает в «Воспоминаниях» (С. 114), что Глиэра «азербайджанское правительство выписало в надежде создать тюркскую национальную оперу»).
- 146 Об этой «двадцатилетней девушке из хорошей крестьянской семьи Саратовской губернии» рассказывает в «Воспоминаниях» Лидия Иванова (С. 109-110).
- 147 Часть литургии, при которой готовятся дары на жертвеннике, для освящения.
- 148 О болезни Д. В. Иванова (осень 1927 г.) см.: *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 211-215. По получении от Л. В. Ивановой известия о болезни Д. В. Иванова Троцкий писал ей 6 декабря 1927 г.: «Ваши страдания и тревоги прокатились по сердцу, и вместе с вами надеюсь и верую, что все пройдет благополучно. Бедный Димочка, но болеть часто легче, чем смотреть на болеющего близкого.<...> Пусть теперь призабудет все свои науки и мечтает, вылеживаясь и откармливаясь, что есть силы. Его расцелуй, приласкай и скажи, что хотелось бы ужасно посидеть возле него тихонько, нежно, хорошо» (Римский архив Ивановых).
- 149 По окончании лицея в Энгельберге (Швейцария) в 1934 г. Д. В. Иванов поступил в университет города Экс-ан-Прованса (Франция) на отделение германистики. См.: *Иванова Лидия*. Воспоминания. С. 236-237.
- 150 А. Р. Минцлова стала постоянно посещать «башню», а затем и поселилась в квартире Ивановых вскоре после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, зимой 1907-1908 г. (см.: *Дешарт О.* Введение. С. 139-140); *Герцык Евгения*. Воспоминания. Paris, 1973. С. 48-50).
- 151 Ср. замечание Троцкого в письме к Вяч. Иванову от 26 марта 1908 г.: «Всегда со мною помощь Анны Рудольфовны и ваша». 10 июля того же года Троцкий

признавался Иванову по получении писем от него и от Минцловой: они «открывают мне возможность общения, которое я ценю больше всего; в нем все чисто, свободно, одиноко и близко» (РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 46).

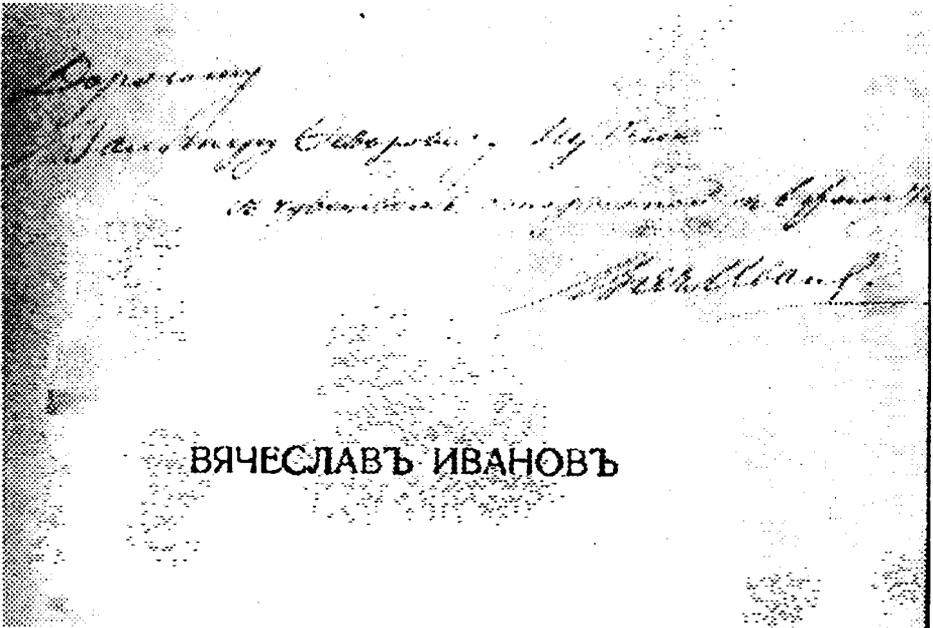
- 152 В собрании В. А. Мануйлова сохранились три письма А. Р. Минцловой к С. В. Троцкому от 15 июля 1909 г., 16 мая 1910 г. и 12 июля 1910 г. (первые два — из Петербурга, третье — из Судака) — все духовно-«учительного» характера. В частности, 16 мая 1910 г. Минцлова писала Троцкому: «*Я с Вами* — всегда. И навсегда. Я не отхожу от Вас, несмотря на расстояние, на невольные перерывы сношений, несмотря ни на что... *Я с Вами*. И не бойтесь... Я *знаю*, что над Вами стоят высшие силы, Вас охраняют, и стерегут, и Вы не можете погибнуть, ни упасть низко...»; 12 июля 1910 г.: «Да, я чувствую огромную связь между нами, и *знаю*, что всегда, и везде, во всех тяжелых минутах, Вы близки мне».
- 153 Ср. сообщение М. А. Волошина в письме к А. М. Петровой от 2 ноября 1910 г.: «Анна Рудольф<овна> уже 1 1/2 месяца исчезла без вести. Никто не знает ни где она, ни куда уехала» («Максимилиан Волошин. Из литературного наследия». Т. СПб., 1991. С. 212. Публикация В. П. Купченко). О судьбе А. Р. Минцловой после ее таинственного исчезновения осенью 1910 г. нет никаких достоверных сведений. См.: *Бердяев Н.* Собр. соч. Т. 1. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 222; *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 321-322; *Turgeneff Assja.* Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1973. S. 15-16, 22; *Волошина Маргарита (Сабашникова М. В.).* Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993. С. 366 (комментарий С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак).

Дорогому Александру Николаевичу
Гречанинову,
обучившему и согревшему душу,
Профессору

Вячеславу

Дарственная надпись А. Т. Гречанинову

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ

Дарственная надпись В. Ф. Нувелю

М. Л. Гаспаров

ЛЕКЦИИ ВЯЧ. ИВАНОВА О СТИХЕ В ПОЭТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ 1909 г.

Кстати о Поэтической Академии. Эти лекции Вяч. Иванова посещались многими поэтами и писателями, между прочим, Гумилевым и Алексеем Толстым, и были действительно очень интересными и полезными для поэтов, хотя, может быть, и слишком трудными. И вот я помню, как, кажется, Алексей Толстой, обладавший большим стихийным талантом, но не интеллектом, отличился. Во время одной очень замысловатой лекции он вдруг прервал Вячеслава Иванова вопросом: «А что вы, собственно, Вячеслав Иванович, называете ямбом?»

М. Л. Гофман. Петербургские воспоминания. — «Новый журнал», 43 (1955). С. 128.

Известно, что поэты обычно овладевают умением писать стихи чаще всего на слух и на ощупь, не изучая никакой теории. Примеров тому множество, начиная с того, как при Державине А. Хвостов и Д. Хвостов изумились, узнав, что пользуются пиррихиями, и кончая декларациями Маяковского о том, что ямбы и хорей он различает только на вывесках, — не говоря уже о несчетных анекдотах про советских поэтов. Об этом следует помнить, чтобы лучше оценить две вещи: во-первых, такой историко-культурный факт, как желание молодых писателей в 1909 г. просветиться по части стихосложения не только практически, но и теоретически; а во-вторых, тот нулевой уровень, с которого пришлось В. Иванову начинать свое просветительское дело.

Толчок к этому интересу, по-видимому, был дан извне — из Москвы.

Андрей Белый, работая в 1908 г. над «Урной», увлекся экспериментами с ритмом ямба, со свойственной ему рефлексией стал читать (осенью) литературу об античном и западном стихе, не слишком богатую, и в свои петербургские наезды мог заинтересовать этим молодых писателей; а они, как мы знаем по воспоминаниям В. Пяста, попросили В. Иванова прочесть им курс лекций о поэтическом искусстве. Лекции велись по всей форме, с записями на доске и с протоколами. Протоколы вела М. М. Замятина, часть их сохранилась, они-то и предлагаются вниманию читателей. Записи М. М. Замятиной хранятся в ОР РГБ, ф. 109, карт. 42, ед. 1. Это 57 карандашных листков, без начала и без конца. Записи крайне неразборчивые и невразумительные. Неразборчивые оттого, что записывавшая торопилась и недописывала слова, фразы и целые пассажи — такие пробелы ниже обозначаются знаком —. Невразумительные оттого, что предмет она понимала плохо и, как непривычный студент, конспектирующий лекцию, сплошь и рядом записывала не то, что важнее, а то, что легче улавливается. Разобраться в таких записях можно только если представлять себе общую логику стиховедческого изложения, которую Замятина представляла себе очень плохо. Поэтому мы решились предложить комментарий, параллельный тексту, а не обычный, отрывочный, в конце. Сокращения отдельных слов в тексте мы раскрывали без оговорок, заведомые описки исправляли, но вставки пропущенных слов (в скобках <>) позволяли себе лишь изредка.

Сохранились протоколы 5 заседаний, с 4-го по 8-е, с 14 апреля по 16 мая 1909 г. В списках присутствовавших — около 30 имен. Наиболее постоянные — А. Н. Толстой (однажды — с женой), Н. С. Гумилев, Е. И. Дмитриева (Черубина де Габриак), Ю. Н. Верховский, В. Н. Ивойлов (Кряжнин), О. Э. Мандельштам (которого Замятина три раза из четырех пишет «Мендельсон»), Б. С. Мосолов, П. П. Потемкин (о котором редко вспоминают в связи с Вяч. Ивановым), И. Гюнтгер («Грю», «Грюнебер», «Грюнби»); реже — Е. А. Зноско-Боровский, В. А. Пяст, С. А. Ауслендер, О. Беляевская (упомянута среди гостей «Башни» в «Начале века» А. Белого, могла появляться на лекциях вместе с сестрой Ю. Беляевской), сестры Герцык, Ремизовы, В. В. Гофман, М. Л. Гофман, К. А. Сюннерберг и неизвестные нам Шубин, Барышев, Загорский (именуемый также Завадским) и совсем неразборчивые имена. Примечательно отсутствие М. А. Кузмина, хотя совсем незадолго перед этим он сосредоточенно занимался стиховыми экспериментами — имитациями античных размеров и средневековых твердых форм (ср. с. 30 об., 31). Реплики подавали чаще всего Верховский и Дмитриева как филологический романтисты — по поводу особенностей средневековых романских стихосложений; Верховский сделал, кроме того, целый маленький содоклад о рифме и белом стихе.

Начинаются протоколы с 4 заседания — словами «дополнение к амфибрахию». Потом, без всякой, по-видимому, связи с амфибрахией, происходит обмен мнениями с Верховским и Дмитриевой о рифмах в испанских романсах, потом «Вячеслав дополняет» рассуждение о богатых рифмах. Вероятно, это значит: на первых трех заседаниях было говорено о стихе вообще, о системах стихосложения и о пяти метрах русского стиха — ямбе, хорее, дактиле, анапесте и амфибрахии, а потом был начат разговор и о рифме. После этого 4 заседание и началось дополнением и продолжением уже затронутых тем. Можно думать, что на первых заседаниях много места занимала система понятий античного стихосложения,

в котором В. Иванов был глубоким специалистом — может быть, с попыткой их перенесения на русскую силлабо-тонику (об этом, кажется, позволяют думать выражения Пяста, как во «Встречах» 1929, так и в «Современном стиховедении» 1931). Много ли внимания было уделено ритму пропусков и сверхсхемных ударений (которым как раз в это время лихорадочно занимался в деревне А. Белый), — уверенности нет. Зато есть драгоценное упоминание О. Мандельштама в письме к В. Иванову несколько месяцев спустя, 17/30 декабря 1909: «Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб — это узда „настроения“». Видимо, это значит, что Иванов останавливался на семантике метра — дело это очень субъективное, и о том, что эти суждения Иванова для нас пропали, приходится жалеть больше всего.

Итак, протоколы начинаются:

(1) 4-ое заседание. 14 Апреля.

Толстой, Завадский, Гумилев, Дмитриева, Мосолов, Верховский, Ивойлов, Барышев, Потемкин.

Говорят:

Вячеслав. Дополнение к амфибрахию.

Амфибрахий.

Чистая напевность. Песнь о Вещем Олеге — народное сказание: «Как ныне собирается...»

В народной поэзии

Рифмический характер — двух кратких при долгом — присущ славянской поэзии. В стяжении все равно, что два кратких, что один долгий.

(2) Народные песни.

Анапесты могут случайно совпасть с амфибрахиями.

В литературной поэзии получается случайное совпадение. *Следовательно, амфибрахий народно-литературный не то, что амфибрахий литературный.*

Гумилев всегда <пишет?> или о женщинах, или о море.

Амфибрахий баллад — амфибрахий вышел из народного склада — вследствие родственности с песней.

(3) 1) Амфибрахий лирический к женским, 2) к неженским.

Смысл: у амфибрахия — семантические ассоциации с народной поэзией: в ней тоже на один ударный слог приходятся два безударных, а если порою вместо двух оказывается один, то это — стяжение, как в античном стихе. В литературном амфибрахии таких стяжений нет, а бывает лишь чередование амфибрахической и анапестической анакрус, как в «Русалке» Лермонтова. Анапест склонен к женским рифмам...

Дмитриева. В испанских романах с IX в. *рифма* выдержана в четных строках, но рифма — бедная. А впоследствии на рифму обращают внимание, и она очень обработана — следовательно, это не от языка.

Вяч. — не знает этой формулы с женскими неударными слогами.

Верховский дополняет: Характерно для испанского романа —

отсутствие строфичности, и притом делится на куски — один с женским окончанием и в конце мужское, и затем другой кусок идет.

Разговор переходит на рифму. Описывается одна из самых ранних средневековых рифмовок — испанский ассонанс через строку, иногда сопровождаемый чередованием женских и мужских окончаний.

(4) *Вячесл.* Дополняет.

Богатые рифмы возникают в новую пору (Теофиль Готье). Прежде рифмой считалось созвучие — одна гласная и конец слова, т.е. группа согласных должна совпадать (Буало): *ragla-frarra*. У Корнеля уже *gime giche*, которая напрашивалась для отделения от архаизма.

Наша поэзия переняла это, и у Пушкина мы встречаем —

Богатая рифма подпирается предыдущей согласной.

(5) Что касается концов, т.е. ряда букв, идущих после этой гласной, — тут целый ряд отступлений.

Т.е.: в мужских открытых рифмах первоначально достаточно было совпадения одного лишь гласного (как в ассонансе), в эпоху классицизма стал обязателен опорный предупредительный согласный, у романтиков желательны даже несколько опорных согласных. Послеударные же звуки во французском стихе должны совпадать точно, в русском же могут и приблизительно.

Верховский. У нас народная поэзия начинается с ассонанса, а затем развивается рифмованный стих, и затем *белый стих*.

Надо два момента: 1) стих, который еще не дождался белого стиха, другой — который — Теперь мы идем к белому стиху.

(6) Относительно богатых рифм — у нас встречаются раньше Пушкина, в 18 в. у Державина.

По поводу рифм в белом стихе — первый белый стих у Пушкина — но есть уже и у Жуковского, который мастер белого стиха. Пушкинский белый стих делится обыкновенно на два периода: «Борис Годунов» и —

Но посередине надо еще усмотреть третий период. В «Борисе Годунове» в белом стихе есть рифмы (от Шекспира).

(7) У Шекспира рифмованные белые стихи взяты из мистерий — это <стадия?> здесь от рифмы к белому стиху.

В. Иванов представлял богатую рифму, в соответствии с французской традицией, как позднее явление (эпоха романтизма), как увенчание истории развития рифмы. Это интересно, потому что сам В.И. Иванов наряду с И.Анненским был главным насадителем вкуса к богатой рифме в русской поэзии начала века. Только Анненский открыто изъявлял свою связь с французской поэзией, а Иванов предпочитал ее скрывать. Антитезис этому и выдвигает Верховский: может быть, увенчание развития — не в богатой рифме, а в отказе от рифмы, в белом стихе. На переходе к белому стиху возможна и такая форма, как белый стих с вкраплениями рифм, — как в концовках сцен у Шекспира или в «Тень Грозного меня усыновила...» у Пушкина.

Вяч. — рифма не вторгается в структуру стиха — она органично входит в стих — Главное в стихе — ритм.

Продолжает Верховский. У Пушкина в «Русалке» нет рифм в белом стихе совсем.

Степень применения enjambement говорит о периодизации. В «Борисе Годунове» — нет. С <18>30 г. — часто, но осторожно.

(8) В «Русалке» — уже вовсе не осторожно. Кроме того, периоды определяются цезурой.

В «Борисе Годунове» —

В <18>30 г. —

В «Русалке» —

Известно, что в «Борисе Годунове» 5-ст. ямб у Пушкина — цезурованный, а начиная с 1830 г. — бесцезурный.

Вяч. возражает — окраску этой эволюции. Идеальный белый стих может быть или такой, где нет никакого ассонанса — и у Пушкина мы можем поучиться.

(9) *Вяч.* — *О белом стихе замечания.* Из эволюции белого стиха у Пушкина мы многому выучиваемся. Белый стих приближается к разговорной речи, мы его употребляем как прозу, говоря языком богов — совершенно непринужденно — должна быть полнейшая свобода — употребление разнообразного стилистического темпа и тона. И все, что свидетельствует о принуждении, не принадлежит белому стиху — это *genus tenue* — где стелется по земле — И все, что свидетельствует о принуждении, не принадлежит белому стиху.

(10) У Блока замечательные белые стихи.

В белом стихе пять стоп. Строфичного белого стиха не должно быть. Поучителен отрывок *Пушкина*:

Еще одной высокой важной песни

Внемли, о *Феб*...

Здесь белый стих Пушкин употребил для *торжественного*, гимнического содержания.

(11) *Вячеслав.* Вся будущность поэзии в ритме, а рифма не играет большой роли. [Может быть] Рифма не будет упразднена, а будет отодвинута в колон — Рифма будет внутри стиха.

Чулков

abcd, abac, ab, ac, abab.

Верховский — о рифме. Лучше рифму.

В. Иванов пытается нащупать синтез между взглядами своими и Верховского: «может быть, рифма не будет упразднена, а будет отодвинута...» Противоречивость высказываний В. Иванова — оттого, что в сознании у него все время был нерифмованный античный стих, а перед глазами — «разговорный» белый стих шекспировской и романтической драмы. В конце дана, по-видимому, схема постепенного возникновения рифмованного стиха из нерифмованного. «*Genus tenue*» (в рукописи описка *tenuit*) — «простой род», противоположность высокому. Белые стихи Блока — конечно, «Вольные мысли»; белые стихи Чулкова, по-видимому, «Песня» («Стоит шест с гагарой...»).

(12) *Вяч. Бедная рифма* не должна основываться на простых флексиях.

Верховский. Если у слова два произношения — то надо рифмовать как произносится. Зрительная рифма — не основа. Поэт есть певец, а не писец.

Где кончаются ассонансы и где начинаются рифмы.

(13) Бедная рифма. Совпадение всего что следует <за ударным гласным>. Богатая поддерживается consonance'ом. Пушкин сначала следовал точно этому правилу, а потом стал следовать слуху. За последнее время мы путаемся между *ассонансами* и *рифмами*.

Формула рифмы бедной — а + (гласная) + или о, или другие гласные, не о + с (согласн.). (14) Значение богатой' рифмы в ее дезин<енце?> —

Рифма есть сложный феномен — это <целая?> психологическая связь впечатлений. Здесь золотым эквивалентом будет очень много <нрзб> соответствовать букве с буквой. (15) Что касается й, — то это не j. Всякий <пробел в тексте> после твердого гласного звучит — Что интегрировано в данную форму — думаю, что все дело в а и с'.

Чем же отличается рифма от ассонанса? Под ассонансом разумеется а = а, а'. (16) Все знаки должны быть на месте. Рифма — сложное фонетическое явление, — которое различает несовпадение соответствующих строк —

Под ассонансом — созвучия в соответствующих строках, представляющие те же элементы <только> модифицированные.

Речь идет сперва о рифмах, графически неточных, но фонетически точных: они полноценны. Соотношение графики и звучания названо «золотым эквивалентом». «После твердого <со?>гласного...» — видимо, имеются в виду рифмы типа «спать — пять». «А+ или О+...» — переход к рифмам, фонетически неточным, типа «скалам — валом — малым». Такие рифмы, где с одним звуком могут рифмовать разные («А = А, А'»), близки к ассонансам. Для подкрепления их созвучности желательно делать их «богатыми» — снабжать опорными согласными («консонансами»). «Все дело в А и С'» — может быть, «в ассонансе и консонансе», в созвучии гласной и согласной части рифмы — то, что далее называется V и С. «Несовпадения соответствующих строк» — т.е. рифма выявляет на фоне фонетического сходства семантическое различие слов.

(17) 5-ое заседание. 23 апреля 1909

Присутствуют Боро<даевский?>, Загорский, Мендельсон<=Мандельштам>, Беляевск<ая? ие?>, Дмитриева, Гюнтер<=Грю>, Ивойлов, Мосолов, Потемкин, Толстой, жена его, Ремизовы, Евг. Ан. Герцык, Евг. Каз. Герцык, А. Р.<Минцлова?>

Рифма основывается на ударяемой гласной букве, V.

Минимальная рифма — fifi и mimi.

Но теперь рифма должна поддерживаться предыдущей согласной, *СV*. Это простейшая форма богатой рифмы. Или когда еще один — согласный — звук совпадает.

То, что абсолютно —

Известные модификации наше право делать. (17 об.) Неприкос-

новенны остаются всегда V и C, остальные могут модифицироваться.

Минимум для мужской рифмы — 2 элемента,

<минимум> для женской — 3,

<минимум> для дактилической — 4, т.е. требуется наращение.

Первая согласная, т.е. C, может модифицироваться в том случае, когда она разлагается на группу —

«Два элемента» — т.е. предударный согласный и ударный гласный; «три» — ударный гласный, интервокальный согласный и заударный гласный, и т.д. Иванов возвращается к тому, о чем уже говорилось на с.4.

(18) *Верховский* —

Загорский —

(18 об.) *Гумилев*.

О чередовании рифм, а не о правильности рифм. Не о правильности, а о роскоши их. Стихотворение «Русалка» Брюсова. Стихотворение Вяч. Иванова «...чаш сапфирных». Рифмы от зрительных переходят к звуковым и затем — к мистическому смыслу.

Потемкин о рифме в ломанном слове.

Стихотворение Вяч. Иванова — «Хмель».

(19) *Вячеслав*. О душе рифмы. Но между душой и плотью рифмы есть еще нечто. Остов рифмы — ударная гласная, которая может быть различным образом окрашена.

Остов стихотворения — гласная. Художники гармонично меняют основной вокал — это подсказывает ухо.

Важно, как окрашивать рифму посредством этого основного вокала. (19 об.) Эффект достигается или монотонней, т.е. строится на одном звуке (у в «Цыганах») [или] — у Пушкина в —

Конечно, основной вокал имеет чувствительный пункт в том месте, где падает иктус.

«Царственных могил» —

звуки а-у-и-о. Рифма не должна <себе> довлеть. Рифма связана со смыслом, с психикой. (20) Рифма является чувствительным пунктом стиха — в ней проявляется как бы прототип стиха. Пушкин говорит:

«Суровый Дант не презирал сонета».

Действительно, можно многое угадать по словам рифмы о смысле стихотворения. В сонете рифмы должны быть внутренне значительны и должны быть связаны с основным пафосом и основной идеей стихотворения. (20 об.) Следовательно, основной вокал V вообще в стихе дает много ресурсов.

Но надо сказать, что иногда и именно бедная рифма может быть возведена в перл.

Можно установить закон, что если рифма не есть прикраса, то она становится на очень большой — и становится идеей и —

От рифмы — переход к фонике, к семантической, эмоциональной окраске звуков (проблема, вновь встающая в наши дни, уже на новой экспериментальной основе). Об «у» в «Цыганах» (с опорой на имя

«Мариула») Иванов писал в статье «О «Цыганах» Пушкина» (1908), о «е» — может быть, имеется в виду звукообраз «змея, смерть, мечь» («К проблеме звукообраза у Пушкина», 1925). Иктус — «это особо сильное реальное ударение в стихе, «второй этаж» реальных ударений» (бакинские лекции по поэтике 1921/1922 г. по записи О. Тер-Григоряна): значение не общепринятое. Пример — из лермонтовского «Спора»: «Дальше, вечно чуждый тени, Моет желтый Нил Раскаленные ступени...» «Прототип» — в значении «платоновская идея» (ср. ниже, с. 53 об.). О сонетах речь заходит в связи с известной игрой в «ответные сонеты», практиковавшейся на «башне» — когда нужно было угадать рифмы недописанных строк сонета и ответить автору собственным сонетом на те же рифмы.

(21) [*О теле рифмы*] Теперь к формам рифм: будет речь в следующий раз.

Толстой спрашивает о —

Гиатус — сочетание двух гласных, т.е. когда слово кончается с гласной, а другое начинается. (21 об.) Гиатусов в старой поэзии больше, чем в новой поэзии. У нас гиатус никогда не запрещался, потому что нам труднее его избегать. По гиатусу можно усмотреть о степени культуры. В латинском мире гиатус не существует, а у варваров — существует. У немцев есть элизия, которая может сокращать гиатус. (22) Исконная привилегия пышного языка — свободное расположение слов, и этой возможностью мы можем пользоваться для избежания гиатуса. Между гласными должна быть какая-то влага.

Гиатусов должно избегать. Хотя бывают случаи, когда гиатус [нужен] простителен: именно, когда он на цезуре.

Когда в паузу попадает з (22 об.) когда согласной нет на середине. *Й-Й* считается за согласную.

Собственно, речь идет не о гиатусе, а об элизии — когда два гласных на стыке слов сливаются в один слог. Так принято в латинском, итальянском, испанском, французском стихосложении; в немецком вместо элизии встречается усечение последнего гласного первого слова. Избегание гиатуса, двух несливающихся гласных на стыке слов — тенденция греческой художественной прозы (ср. ниже, с. 51); этот вкус Иванов переносит на русскую поэзию.

Что же касается до сочетания согласных —

Греческий язык был столь тонок по звуку —

В санскритском слово изменяется от слова следующего из-за благозвучия. (23) Но это как бы ментальное восприятие слова — но мы должны как бы психологически воспринимать звук.

V + C + V — это производит впечатление крайней мягкости.

Там, где нельзя уничтожить, то народ вставляет гласный — полногласие. (23 об.) Язык стремится уничтожить полногласие. Чем изнеженнее язык, тем больше стремление к полногласию. Женственная красота. Если —

Очень опасно <нрзб>

Имеется в виду ассимиляция звуков на стыках морфем в греческом языке и даже на стыках слов (сандхи) — в санскрите.

Затем об *аллитерации*. Она очень древнего происхождения. (24) Аллитерация — это потенциальная рифма, перенесенная в начало слова.

У древних аллитерировали существительные. У всех <прямых?> поэтов есть. У Буало неодобрительно. Аллитерация должна преследовать определенную цель.

Влажные *л, вл* — красиво чисто-словесно. (24 об.) Звук *м* — звук необычайно могущественный, связанный с *женским* и с *темным*.

Сочетаний согласных должно быть как можно меньше. Р, Н — (25) *Внутренние рифмы*. Не надо много внутренних рифм внутри стихотворения — она сама просится. Она перейдет к колону.

Верховский требует закона симметрии от внутренних <рифм>.

Колонны можно подчеркнуть внутренними рифмами. Но тут опасность нарушить стих. (25 об.) После <длительных?> хореев можно употребить внутреннюю рифму. В ямбе это абсолютно будет недостаточно — если не проведется через все стихотворение. Но тогда уже александрийского <стиха> не будет, так как он распадется.

В сонете внутренние рифмы неприятны —

Внутренние рифмы обычно отмечают концы «колонов» — полустиший и иных повторяющихся отрезков стиха. Они могут «нарушить стих» — полустишия станут восприниматься как самостоятельные стихи. В сознании Иванова здесь прежде всего александрийский стих — 6-ст. ямб из двух полустиший. Пример ямбического стихотворения, в котором внутренние рифмы «проводятся» через все стихотворение, — сонет В. Иванова к Брюсову «Певец победный *Urbi pel et orbi...*»

(26) 6 заседание. 29 апреля 1909.

Присутствуют: Толстой, Ауслендер, Верховский, Грюнебер (= Гюнтер), В. Гофман, Загорский, Скиннерберг, Мендельсон (= Мандельштам), Гумилев, Дмитриева, Ивойлов.

Строфа появляется сравнительно поздно. В новой поэзии строфичность —

«Мцыри», где одна за другой — каталектика. Слишком стих свободен — не только не строфичен, но и не равномерен, потом и акаталектический. *Заимствован* у Байрона, у Пушкина. Во французской поэзии тогда был всегда александриец. Но большие вещи и Байрон, и Пушкин пишет строфами («Евгений Онегин»).

«Мцыри» имеет парную однородную (мужскую, «акаталектическую») рифмовку — по образцу «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского («Пушкина» — вероятно, обмолвка). Александрийский стих имеет парную неоднородную (то мужскую, то женскую) рифмовку. Это еще не полноценные строфы.

Происхождение строфы — тесным образом связано с хором. (26 об.) В каждом городе древности был круглый —

Так как хор постоянно повторялся, то это и связано со строфой. *Строфа* значит поворот. Стих обращается к этой форме первоначально всегда для периодизации. Хор повторяет движе-

ние от определенной точки. [Самые строфы, так понимаемые, не (27) так, что??—] т.е. не непременно повторялись, но возвращались к определенной фигуре, как в пляске. Так же и антистрофа у греков.

Дается определенный период, соответствующий своей антистрофе. Затем вторая строфа, другая, и антистрофа соответствует ей, и затем эпод. Эта антистрофа тесно (27 об.) связана с хором. Если бы мы знали, что хор разделялся на две части —

На круглых оркестрах выступал трагический хор: с пением строфы в определенном ритме он двигался в одну сторону, с пением антистрофы в том же ритме двигался обратно, и стоя на месте, в несколько ином ритме пел эпод. «Если бы мы знали, что хор разделялся на две части», мы бы скорее предположили, что строфа и антистрофа пелись полухориями антифонно: очень тонкая и нестандартная аналогия между возникновением античной и средневековой литургической строфики, к сожалению, не развернутая в записи.

Впечатление строфичности дает усиление ритмической строгости. Теперь все предпочитают строфы и стремятся удалиться от разговорной речи.

Пушкин создал свою строфу в «Онегине» <неск. слов нрзб>. <Нрзб>Комбинация в четверостишия.

(28) Деление на строфу и антистрофу проходит через всю провансальскую поэзию.

Из строгих форм особенно королевская песнь. Из старых форм — канцона, неупотребительная у нас. Сонеты и в старой и в новой. Сестина теперь существует у Брюсова, Кузмина и Вяч. Иванова.

Переход от строфики к теории твердых форм. Королевская песня, chant royal, — разновидность французской баллады, 5 строф с рифмовкой ABABCCDDEDE и посылка DDEDE. В русской поэзии не употребительна.

(28 об.) Канцона.

Эта старая форма употреблялась в XIII и XIV вв. У Данте характерно лирическая, непринужденная, здесь поэт дает волю своему непринужденному настроению. *Лейтмотив в первой строчке.*

Как делать канцону. Данте и Петрарка. (29) <Число> строф не ограничено. После строф — кода = хвост. Строфа: берутся два терцета, ABC ABC или иначе. После этого повторяется строчка, которая заканчивает, — а затем примыкает coda. В итальянском стихе прежде всего отличаются (29 об.) 11-сложный стих, эндекасиллабо, и 7-сложный.

11-сложник — в каталектическом стихе, шестистопный ямб или пятистопный с женским окончанием; а 7-сложник — каталектический четырехстопник или трехстопник с женским окончанием. (30) Преобладает 11-сложник, а 7-сложник встречается как красивый перебой. Вопрос: должны ли мы проводить женские окончания повсюду в русском языке? Очевидно, с мужскими окончаниями.

(30 об.) Анализ Кузминской канцоны: abc abc / cdeff. Ошибка в

неточном повторении: вторая строфа должна строго повторять первую.

Затем анализ Вячеслава: <1> abc abc/cdddee; <2> abc cba/a. Что касается коды, то она может быть — очень разнообразные приемы.

Канцона: терцет должен писаться ямбами. Сонет должен писаться ямбами.

«Каталектический стих» — с усеченной последней стопой: 12-сложный 6-ст. ямб, усеченный до 11-сложности, действительно, становится тождествен 5-ст. ямбу с женским окончанием. В схеме кузминской строфы явная ошибка: видимо, имеется в виду «Хрустально небо, видное сквозь лес...» со схемой ABC ABC /CDEEDFF и, действительно, с неточным повторением мужских и женских окончаний в строфах. Схема строфы В. Иванова соответствует его Канцоне I («Великий Колокол...») — это копия строфы Петрарки в канцоне на смерть Лауры; но схема посылки записана неправильно, нужно: ABBABCCDD. Две канцоны Иванова написаны с чередованием мужских и женских рифм, одна со сплошными женскими.

(31) *Секстина* — любой формы; она не имеет рифмы, состоит из шести строчек: ABCDEF, FAEBDC, CFDABE, ECBFAD... 123456, 615243, 364125, 532614, 451362, 246531, 123456. Но после окончания можно взять другие шесть строк. Кода состоит из трех строчек, но в ней (31 об.) должны быть эти 6 окончаний, но в определенном порядке: 154362, A+E, D+C, F+V. Секстина Брюсова отличается тем, что имеет рифму, и это лишнее, так как отнимает внимание от этих 6 слов. (32) Секстина Кузмина построена совершенно точно. Секстина может рассматриваться как один из видов канцоны. Важно, чтобы гласные определенным образом соответствовали. Секстины должно писать пятистопным ямбом. Женские окончания в секстинах лучше.

Секстина Брюсова — «Отречение», секстина Кузмина — «Не верю солнцу...» «Чтобы гласные... соответствовали» <друг другу> — видимо, как в сонете В. Иванова «Италии».

(32 об.) *Сонет*.

Время возникновения сонета 1250 г. До Данте писали, Данте усовершенствовал.

Произошел из канцоны, по-видимому. Канцона, по-видимому, выделила из себя сонет. Но сонет есть образец всей поэзии. Сонет может содержать всякое содержание. (33) Но сонет всегда должен быть выдержан в одном тоне, т.е. требует единства стиля внутри — и кроме того, он имеет обострение. Сонет по сюжету должен быть замкнут в себе и иметь в себе некоторую остроту.

Первые 4 строки — основная мысль, 4 вторые развивают мысль; (33 об.) в последних 3-строчиях должен иметь ясную развязку. Последний терцет должен быть неожиданного содержания — в себе поворот. Итак, в сонете есть характер; <в них?> все должно быть сопоставимо.

(34) Рифма должна быть не случайна, должна быть связана с

интересом содержания. Строится сонет классический: авав авав <или> авва авва. Эти формы обе хороши. Подряд не должны стоять два мужских нерифмованных конца — это шекспировский сонет. (34 об.) Итальянский — пятистопный ямб, французский — шестистопный ямб. Внутри итальянской формы мы должны различать строго итальянскую: все строчки с женским окончанием. У нас он будет чередовать мужские окончания. Итальянских сонетов строгого типа почти не существует.

(35) Вопрос о том, где должна заключаться мысль. Как строить терцеты? Самая классическая <рифмовка>: cdcdcd <или> cde cde, <или> cde ecd, это классические формы; (35 об.) cdc dee, cdc ede. Сонет должен быть не слишком певуч. Смещения стилей не должно быть. *Но главное в сонете — содержание*, хотя надо соблюдать все эти формы.

(36) Прежде сонеты писались с кодой, оттого сонеты могли быть в 17, 20, 23 строчки. Посредствующее звено будет строчка с последней рифмой, причем строчка эта должна быть короткою. (В канцоне тоже эта строчка, но она может быть и не короткая.)

(36 об.) А АВА, В ВАВ, С CDC, D DED. То, что вставляется, должно быть короткой строчкой.

Этот сонет уже представляет <собой> род баллады и становится совершенно певучим.

Теперь приступим к *венку сонетов*. (37) Академическая обработка состоит не в том только, чтобы —

Пизанская академия высказывалась —

Определение коды записано правильно, схема — неправильно: кода представляет собою трехстишие с рифмовкой АВВ, где первый стих укорочен и рифмуется с последней строкой сонета (как первый стих нисходящей части канцонны — с последней строкой восходящей части). «Академическая обработка» — ср. в бакинских лекциях: «В XVI в. одной из итальянских академий было установлено положение о гирлянде сонетов...» «Пизанская академия» — обмолвка: правила венка сонетов были утверждены Сиенской академией в 1460 г.

Октава для эпических сказаний. Допускает всякие отклонения.

Ноны (Пяст); Спенсеровая строфа, получается 9 строк в строфе, ababbcbca, последняя строка усилена. — Ответный сонет.

«Пяст» — имеется в виду его «Поэма в нонах» строфами АВАВАВАСС. Схема спенсеровой строфы записана неправильно, нужно: АВАВВСВСС, последняя строка удлинена. «Ответные сонеты» (sonetti di risposta), как известно, практиковались на «башне», образцы их есть в «Cor ardens»; ср. выше, с. 20.

(37 об.) *Дмитриева* о старофранцузском стихосложении. До 13 века. Один из самых старых.

Chançon d'histoire или chançon de toile: лироэпическое содержание. Затем trououenge тоже самое, но не лироэпического содержания. Затем с сатирическим содержанием.

Rondel; Triolet.

(38) Все писались 8- и 10-сложником. De toile — aaaV/aaAV,

Первые русские терцины, действительно, появились у Катенина. В разговорах с московскими молодыми поэтами в 1920 г. (записи Ф. Коган и О. Мочаловой) Иванов добавлял еще одну редкую подробность: терцины должны достаточно часто заканчиваться точками, чтобы трехстишия имели реальную цельность.

И в *сапфических* строфах и в *дактилических* строфах. Сапфические и алкеевы строфы вошли отдельно в обиход. (43) Из античных размеров очень пленительны *хориямбы* — примеры: «Земля» Вячеслава, «Гиппа» Вячеслава.

Хороши для выражения паузы.

В античные строфы можно вводить рифму, но это очень страшно: у Шиллера — Это *дохмии*. (43 об.) Наше тоническое стихосложение может следовать метрическим тактам древних.

Дохмий всегда порывист. Соединяется разнообразно и потому получает разнообразные формы.

«В дактилических строфах» — может быть, ослышка вместо «алкаических»? Хориямбы — стопы, дающие в античных стихах стык долгих слогов, а в русских — стык ударных слогов, естественно разделяемых словоразделом — «паузой», как в упоминаемых стихотворениях Иванова; «Братья! уйдем/в сумрак дубрав...» Какие стихи Шиллера имеются в виду, мы не знаем.

Анапест (добавление). Надо различать древний термин анапест: в древнем особый этос стиля — того стремления, как бы отрывающегося от целого.

(44) У Пушкина — Лермонтов, «Кинжал». Эта строфа хороша, когда хотят выразить что-либо отвлеченное. Есть размер — потому желательно грандиозное — Очень здесь нежелательно —

(44) *Свободный стих*. Пиндар говорит, что этот стих несется, как свободный поток. (44 об.) Грань между свободным стихом и прозой. Свободный стих у Гете.

Свободный стих в немецкой поэзии XVIII в. возник как подражание Пиндару, о котором Гораций (IV, 2) писал, что речь его — как горный поток. Свободный стих молодого Гете был образцом для самого Иванова в некоторых стихотворениях «Кормчих звезд» и «Прозрачности». Характерно, что о французском свободном стихе, очень важном, например, для Брюсова, даже не упоминается.

Стилистика.

Поэтический стиль может быть двух типов: либо песенный, либо литературный. Песня имеет свои собственные законы, которые надо посмотреть, но если мы не песенники, то мы уже должны быть стилистами. (45) 1 — Нужно быть *безусловно логичными*; мы должны быть резонны, но не рассудочны. Если мы говорим — какой-нибудь истины, то мы не должны — Декаденты уклонились от истины.

(45 об.) Вся поэзия основана на ритмике, но есть прозаическая периодизация, и это очень хорошо, но правила из этого делать нельзя.

«Брожу ли я...»,

«Когда над стогнами...»

Словом, стиль поэзии должен быть усиленно очищен от прозаического стиля.

Декадентам Иванов вменяет в вину то, что они подменяют соборный «большой стиль» эпохи индивидуальной манерностью. Пушкинские «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и «Когда для смертного умолкнет шумный день...» названы как примеры стихотворений, начинающих уравновешенным ораторским периодом.

(46) Что же касается *фигур*, то *метафора* предосудительна, а метонимия нужна.

Метафора должна быть символом, а не украшением. Она должна быть связана органически с текстом, образом, а украшением не должна быть. (46 об.) *Метонимия* — хороша (из прилагательного — существительное).

Есть поэт, который гений метафоры — она у него символ, она одухотворяет, на ней действительно идешь к истине.

«Метафора раньше была только символом... теперь метафора — украшение речи» (бакинские лекции). Метафора для Иванова — признак романтического, дионисийского искусства, метонимия — классического. «Из прилагательного — существительное» — например, «прозрачность небес» вместо «прозрачные небеса». Об этом же — ниже, об отвлеченных существительных.

(47) Об отдельных словах:

Существительные собственные — но здесь каждый выдерживает стиль.

Отвлеченные существительные — они допустимы в поэзии, когда служат метонимиям — т.е. если отвлеченное существительное, — так, чтобы это была только форма, заключающая конкретное.

(47 об.) Относительные *прилагательные* надо употреблять очень осторожно, чтобы все было к делу. Прилагательных не надо, чтобы было чересчур много, надо здесь всегда быть равновесию. Когда нет прилагательных, то чувствуется обнаженность. Хорошо писать одними существительными, но это —

(48) Совершенство поэзии Пушкина лежит, главным образом, в стиле.

Относительно расположения прилагательных: 3 прилагательных невыносимы. Иатус хорош крестообразный из прилагательных.

«Крестооб<разные расположения> из прилагательных» — т.е. хиазмы. «Иатус» — ослышка и описка вместо «гиатус» (о котором см. выше, с. 21).

Числительные в поэзии всегда поэтичны и приятны. (48 об.) Относительно <местоимений>: «*сей*» — избегать, «*оний*» — можно чаще, «*который*» — избегать. «Свой» и «себя» часто неправильно употребляются. Вместо «свой» часто неправильно «меня» употребляется —

Глаголу — дифирамб. Междометий — поменьше.

(49) В поэтике надо соблюдать очень строго исполнение 10 за-

поведей Моисея: «Чти отца», «Не убий слова», «Не прелюбодействуй» (особенно к прилагательным и существительным), «Не укради» — не только к плагиатам, «Помни субботу» — для стиля, «Не произноси имени» — (49 об.) Первая заповедь относится к Парнасу по преимуществу.

<Несколько слов неразобрано.>

О местоимениях: видимо, имеется в виду, что для ясности вместо «себя» желательнее писать «меня». Вместо «который» предлагается, по-видимому, ставить «кой» или «что». Источник шутки о десяти заповедях Моисеевых нам неизвестен.

(50)

Заседание 8-е. 16 мая 1909.

Присутствуют Шубин, Потемкин, Ивойлов, Гумилев, Дмитриева, Грюнби<=Гюнтер>, Мосолов, Пяст, Беляевская<ие?>, Мандельштам, М. Гофман, <нрзб>, Ауслендер, Евг. Казимировна <Герцык>.

Ghasele. Газелла: refrain'a не должно быть, и этот refrain <нрзб>, должен органически вливаться. Здесь с восточной неожиданностью группируются различные образы.

В оригинале начерчена схема расположения рифм и рефренов-редифов в газелле. Иванов имеет в виду: рефренов-строк в газелле нет, но есть рефрены-слова, повторяющиеся после каждой рифмы, как показано на схеме. Арабский термин для них — «редиф».

(50 об.) О народном русском стихе.

Ударение.

Добролюбов: «Поимейте все очи ясные». Если говорить о народной поэзии, надо исходить не из подражания народной поэзии, надо говорить свое и от себя (как Добролюбов, «Книга невидимая») и указывать, как народное искусство делать, нельзя. Здесь дух народности должен быть. Есть естественная органическая точка соприкосновения с народом. Некрасов народнее гораздо А. Толстого. Кольцов <нрзб> народнее, чем Некрасов. Кольцовский стих идет от народа к <барину?>.

(51) Водораздел между поэзией и прозой? (задан вопрос). — Не надо, чтобы в ритмической прозе попадался бы стих, даже компонент стиха. Аттические ораторы уже гиагуса не позволяли себе; и вообще, все законы поэзии действуют и в прозе.

Проза имеет свой *темп*. Ницше дал правило относительно периода: говори такой *период*, (51 об.) который ты можешь произнести с трибуны, иначе как стилист не годишься. Темп должен <найтись>.

(52) Задан вопрос о *символизме* у Пушкина и Тютчева. Пушкин не символист, а Тютчев символист. Пушкин не символист, а даже мифотворец — например, поэма о Медном Всаднике, — следовательно, он символист. Но Пушкин мифотворец не потому, что он написал «Русалку». (52 об.) В «Русалке» он дал только переложение мифа, а в «Медном Всаднике» он сам творит миф. Символ имеет живую реальную жизнь. У Гоголя есть большое стремление к мифотворчеству, есть подход, который стремится сделать из

мифа (русская тройка), (53) есть места, в которых —

Из символа рождается миф. Современные поэты обыкновенно имеют все миф, который ими, может быть, не <сознается?>, и они его не умеют высказать. Мы келейники имеем миф свой —

Блок имеет свой миф, т.е. свою древнюю правду, (53 об.) которой он живет и движим, именно, вековечное <нрзб> женское божество, которое воспринимает в разные его периоды жизни — например, в виде Прекрасной Дамы, близкой к Богородице, затем идут блуждания. Незнакомка есть <этап?> <нрзб> той правды. В Незнакомке мужское и женское, (54) он знает о двух началах, мужское молодое и женскую — В последнем периоде —

Сологуб весь живет мифом. «Я», воплощает различные образы; одна космическая сущность — Бог, другая сущность — сестра-Дульцинея.

(54 об.) У Брюсова просто демонология в <выразительном?> стоне. Живет он в определенных сущностях мира

Вл. Соловьев — мифист («Три свидания»).

(55) Старые поэты — Пушкин в мифе не жил, и даже Гоголь не жил в мифе. Толстой — нет, Достоевский — немного. Но из других Тютчев жил все время в мифе. (55 об.) Та эпоха, которая живет в мифе, это эпоха символизм, и следственно —

(56) Лиризм связан со страстью. Русский язык покорствуется, он имеет еще особенного рода чувственность. Например, трактовка глагола. В русском языке необычайная пластичность и <телесность?>, потому что и в глаголе отражен пол <нрзб> разного вида. (56 об.) Русская поэзия универсальна. Гоголь говорит, что речь русская должна быть —

Важно, что Гоголь засматривал в глубины русского языка. Он не договорил, что наш язык словообразователен —

(57) Затем *окончания*: все женские —

«Пушкин — не символист, а Тютчев — символист» — антитеза, намеченная молодым Брюсовым и скоро ставшая общим местом. Последующий текст как бы резюмирует на домашнем языке все то, что Иванов не раз писал на эту тему высоким языком. «Гоголь говорит...» — имеется в виду «В чем же, наконец, сущность русской поэзии».

(57 об.) Толстой говорил, что нужен хор для любви. В русской песне хор эротичен.

(58) Вячеслав о хоровой форме в лирике — она выражает другие чувства, но не индивидуальную любовь, а для хора потенциально <нрзб> — но здесь не будет любовь, здесь будет религия?? (58 об.) О хоровой любви у хлыстов —

На этих словах неожиданно — кто хочет, может сказать: многозначительно — обрываются протоколы М. М. Замятниной и, по-видимому, весь курс лекций в Поэтической Академии.

Вяч. Иванов в Баку

ДВА ПИСЬМА А. А. КОНДРАТЬЕВА К В. И. ИВАНОВУ

Публикация Н.А. Богомолова

Имя Александра Алексеевича Кондратьева (1876-1967) в последнее время привлекает все большее число внимательных читателей. Специальную большую работу посвятил ему В.Н. Топоров¹, совсем недавно в Петербурге вышел сборник прозы Кондратьева², его стихи и прозу печатает Вадим Крейд³, опубликованы письма Кондратьева к Блоку⁴ и фрагменты других писем⁵, подготовлены к печати обширные письма к Борису Садовскому. Поэтому вряд ли имеет смысл подробно говорить о биографии и творчестве поэта и прозаика, и мы позволим себе сосредоточиться на обсуждении тех аспектов литературных отношений, которые определяются двумя публикуемыми письмами.

Имя Вяч. Иванова несомненно вошло в сознание Кондратьева еще во время публикации «Эллинской религии страдающего бога» на страницах «Нового пути», сотрудником которого Кондратьев состоял и на вечерах которого бывал⁶. Это было едва ли не первым вообще контактом сравнительно молодого (хотя уже несколько лет к тому времени печатавшегося) поэта с «новой литературой», который тем отчетливее отложился в памяти и все время всплывал при самых разных разговорах с эпистолярными собеседниками и при воспоминаниях о начале литературной биографии. Занимая маргинальную позицию во всех литературных предприятиях своего времени, Кондратьев тем не менее весьма активно стремился к утверждению своего положения в литературе как не эпигона, а истинно самостоятельного наследника великой русской литературы, такого же, какими, с его точки зрения, были чрезвычайно интересовавшие его А.К. Толстой, Майков, Щербина — и далее, и далее, вплоть до Ф. Туманского и Авдотьи Глинки. Тщательно оберегаемая самостоятельность творческого развития и явилась, как нам представляется, основной пружиной напряженности в отношениях с Ивановым, отголоски которой явственно слышны в двух публикуемых письмах (единственно и сохранившихся: ранний архив Кондратьева едва ли не полностью погиб во время его странствий и скитаний после 1917 года).

Вообще при попытке воссоздать как личный, так и литературный облик Кондратьева следует иметь в виду его характеристику, данную

В. Зоргенфреем: «благодарный не без лукавства»⁷. Соблюдая внешнее почтение и даже смирение перед своими гораздо более авторитетными в литературе собеседниками, Кондратьев в то же время совершенно определенно, хотя и в завуалированной форме, выражает свое несогласие с ними, доходящее иногда до прямых насмешек, как в случае с Леонидом Андреевым, описанном в одном из мемуарных фрагментов.

Первое из публикуемых писем является вполне формальным приглашением на чтение «мифологического романа» «Сатиресса»⁸, изданного через несколько месяцев после чтения. Нам неизвестно, побывал ли Иванов на этом чтении⁹, но, судя по тому, что роман вскорости был напечатан¹⁰, никаких серьезных замечаний, к которым автор счел бы возможным прислушаться, во время чтения высказано не было (Кондратьев весьма тщательно работал над своими произведениями и вовсе не спешил их печатать, доводя до возможного со своей точки зрения совершенства).

Значительно более существенно письмо второе, отражающее серьезную размолвку между двумя писателями.

Насколько мы можем восстановить его предысторию, она такова. Уже в 1907 году Кондратьев испытывает какое-то напряжение в отношениях с Ивановым. 21 апреля, предлагая «Скорпиону» издать один или два томика своих рассказов, он сообщает Брюсову: «В «Оры» или «Шиповник» мне, откровенно говоря, не хотелось бы обращаться. Слишком уж я не подхожу к тому и другому книгоиздательству»¹¹. Во время обсуждения в «Академии стиха» доклада Вяч. Иванова, ставшего потом знаменитейшей статьей «Заветы символизма», Кондратьев выступил с рядом возражений, отвергнутых Ивановым с «добродушным высокомерием»¹². Вероятно, в то же время Кондратьев вспоминал историю, являющуюся явной ошибкой его памяти, о которой впоследствии он рассказывал так: «Эти два поэта <Иванов и Анненский — Н. Б.> не очень любили друг друга. Вяч[еслав] Ив[анов] не мог, кажется, простить Анненскому приоритет последнего. Оба занимались исследованиями культа Диониса, и мы, ученики Иннокентия Федоровича, еще в 7-м классе гимназии знали все, что, несколько лет спустя, Вяч[еслав] Ив[анов] читал как откровение на публичных лекциях в Париже. Я имел как-то неосторожность ему об этом сообщить»¹³.

Нараставшее, очевидно, недовольство Кондратьева духом отношений с Ивановым прорвалось 22 апреля 1911 года, что нашло отражение во втором письме. Обстоятельства конфликта подробно изложены были в уже процитированном выше письме Кондратьева к Г. П. Струве от 19 апреля 1931 года. Чтобы избежать пересказа, приведем пространную цитату из этого письма: «В 1905-6 гг. очень, как известно, расплодились сатирические журналы с избытком красной краски на обложках. Не знаю, кто давал деньги, но причастные к большинству этих изданий иудеи платили очень хорошо. И значительная часть русских поэтов оказалась не то чтобы на содержании, а в некоторой очень м[ожет] б[ыть] приятной денежной зависимости от этих издателей»¹⁴ <...> Я, впрочем, не будучи связан с этими издателями и довольствуясь моим маленьким чиновничьим жалованьем, не стеснялся выражать свое мнение по вышеозначенному поводу. Случалось мне выражать свое мнение и по поводу так называемых «семитических» рифм. Насколько мне известно, у арабов и евреев гласные выговариваются очень неясно, благодаря чему некоторые еврей-поэты ввели у нас в моду неполные рифмы, иногда с проглатыванием гласных (например) «мускулы» — «туск-лый»), что вполне соответствовало их семитическому уху. На собрании поэтов в редакции «Аполлона» (не помню как назывался тогда кружок, реорганизованный из «Академии Поэтов»¹⁵) я прошелся неосторожно насчет этих рифм. Тотчас же я обвинен был председательствовавшим

тогда на собрании Вячеславом Ивановым в человеконенавистничестве. Я даже растерялся от неожиданной страстности нападения В.И., доходившей до предложения вызвать его на дуэль <так!>, если я сочту себя обиженным его словами, тем более, что поэтов-евреев в собрании не было (был один еврей, и даже не писатель, но, кажется, игравший не явно кое-какую общественную роль, но он в дебаты не вмешивался и лишь молча слушал). Помня, что вызванный имеет право на выбор оружия, я заявил, что обиженным себя не считаю, но в свою очередь не отказываюсь дать удовлетворение, если В.И. сочтет себя [обиженным] какими-либо моими словами, высказанными при объяснениях (я предпочитал рапиру пистолету, из которого не умел стрелять). Дело до дуэли не дошло, но Вяч[еслав] Иванов немедленно получил на Высших Женских Курсах кафедры, освободившуюся после смерти Иннок[ентия] Фед[оровича] Анненского»¹⁶.

Хотя далее в том же письме Кондратьев и пытается отвергнуть возможные обвинения в юдофобии и строго разделить свое отношение к евреям и традиционный антисемитизм, уже и в эпизоде, ставшем предметом нашего внимания, очевидно, как он подтасовывает факты и таким образом пытается связать вещи несвязуемые.

Прежде всего это, конечно, касается хронологических рамок. В письме к Струве он называет 1905-1906 год¹⁷ и говорит о финансируемых еврейскими издателями сатирических журналах того времени (в не столь откровенной форме аналогичное обвинение выразилось и в конце публикуемого нами письма), тогда как описываемый инцидент произошел пятью годами позже, в совсем иную эпоху, когда Иванова уже никак невозможно было обвинять в зависимости от еврейского капитала.

Во-вторых, это касается самого предмета разговора. Кондратьев был далек от какой бы то ни было науки о стихе, пусть даже самой прикладной. 11 апреля 1906 г. он с нескрываемым удивлением сообщал Брюсову: «Как ни грустно, но следует признаться, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, что я лишь 7 апреля, получив Ваше письмо, узнал о существовании ассонансов. Я обращал и раньше внимание на то, что некоторые поэты умышленно употребляют не вполне точные рифмы, но названия этих созвучий не знал. Спасибо за науку»¹⁸. Это вполне могло бы остаться фактом его биографии и не интересовало нас, если бы не публичное выступление, вызвавшее такую резкую реакцию Иванова. И тут следует сказать, что Кондратьев проявил совершенно непростительное для него невежество. Как известно, он был большим почитателем А.К.Толстого, автором ценной книжки о его биографии и творчестве и считал себя если не продолжателем, то, во всяком случае, глубоким знатоком его творческих принципов. Однако изложенная Кондратьевым фантастическая теория «семитической рифмы» на деле оказывается несколько трансформированным представлением А.К.Толстого о принципах редукции заударных гласных в рифме. В известном письме к Б.М.Маркевичу от 4 февраля 1859 года он говорил: «Гласные, которые оканчивают рифму — *когда нет на них ударения*, — по-моему, совершенно безразличны, никакого значения не имеют. Одни *согласные* считаются и составляют рифму. *Безмолвно и волны* рифмуют, по-моему, гораздо лучше, чем *шалость и младость*, чем *грузно и дружно* — где гласные совершенно соблюдены. Мне кажется, что только малоопытное ухо может требовать *гласную* — и оно требует этого только потому, что делает уступки — *зрению*. Я могу ошибаться, но это у меня интимное чувство — вследствие моей эвфонической организации, и вы знаете, насколько у меня требовательно ухо»¹⁹.

Наконец, и утверждение Кондратьева о том, что именно поддержка Ивановым евреев стала причиной получения им кафедры на Высших женских курсах Раева опровергается чисто хронологически. Иванов по-

лучил извещение о своем избрании преподавателем Высших женских историко-литературных и юридических курсов Н.П. Раева из письма их основателя и директора от 22 мая 1910 года²⁰. Для знакомых Иванова это означало получение им профессорской кафедры. Так, 29 июня ему писал В.В.Бородаевский: «Поздравляю тебя от души с профессорской кафедрой»²¹.

Таким образом, оставляя в стороне вопрос, являются ли утверждения Кондратьева в полном смысле слова антисемитскими или нет, мы должны констатировать, что аргументация его не выдерживает ни малейшей критики и рассыпается в прах при соприкосновении с реальным положением вещей.

Вместе с тем изучение подобных взглядов (чрезвычайно распространенных не только во времена, о которых идет речь, но и в гораздо более поздние, и не только в том кружке людей, который хотя бы отчасти представлял Кондратьев, но и в значительно более широком круге литераторов), несомненно, должно стать одной из задач современной истории литературы, поскольку во многом воздействовало на сознание не только забытых ныне литераторов, но и Брюсова, и Блока, и Андрея Белого.

Публикуемые письма хранятся в ОР РГБ, ф. 109, карт.27, ед.хр.58.

Уже когда публикация была сдана в редакцию, текст второго письма был напечатан: *Тименчик Роман*. Осколки. — Окна: Еженедельное приложение к газете «Веер» (Тель-Авив). 1994. 10 февраля (с неверным указанием на место хранения). Поскольку в этой статье практически нет комментария, данная публикация не отменяет нашей.

Примечания

- 1 *Топоров В.Н.* Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А.А.Кондратьева «На берегах Ярыни» [Тrento, 1990].
- 2 *Кондратьев А.* Сны. СПб., 1993.
- 3 *Кондратьев А.* Закат: Посмертная книга стихов / Под ред. и с прим. Вадима Крейда. [Orange, Conn.], 1990; *Кондратьев А.* Сны. — Новый журнал. 1990. Кн. 179; То же. — Октябрь, 1992, № 4 и др.
- 4 Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. Вст. ст. и прим. Р.Д.Тименчика.
- 5 Там же. Кн. 3. С. 267-268, 269, 277-278, 280, 396, 420.
- 6 Первое из известных нам упоминаний о встречах с Ивановым содержится в письме Кондратьева к Брюсову от 28 марта 1906 г., причем говорится о встрече на вечеру у Иванова как о чем-то обыденном (См.: РГБ, ф. 386, карт. 90, ед.хр. 5. Л. 1).
- 7 Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т.2. С. 18.
- 8 Приглашение Блоку на это же чтение см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 588.
- 9 См. примечания к этому письму.
- 10 На титульном листе книга имеет помету «1907», однако авторский инскрипт Блоку датирован 25 декабря 1906 г. (См.: Библиотека Александра Блока: Описание. Л., 1986. Кн. 3. С.232).
- 11 РГБ, ф.386, карт. 90, ед.хр. 6. Л. 17.
- 12 Из письма Кондратьева к Брюсову от 12 апреля 1911 г. (РГБ, ф.386, карт. 90, ед.хр. 8, л. 24 об.). О возражениях Кондратьева Иванову см.: *Кузнецова О.А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч.Иванова). — Русская литература. 1990. № 1. С. 204. Более подробно мы предполагаем рассмотреть этот эпизод в специальной заметке.

- 13 *Струве Г. П.* Александр Кондратьев по неизданным письмам. — Istituto Universitario Orientale: Annali / Sezione Slava. Napoli, 1969. Vol. XII. P. 24. Публикатор письма справедливо комментирует это место: «То, что он писал о Вячеславе Иванове и Иннокентии Анненском и о зависти первого ко второму, было, я думаю, просто неверно: классические «студии» В.И.Иванова восходят к гораздо более раннему времени, чем думал Кондратьев, и были от Анненского совершенно независимы» (Там же. P.27).
- 14 В 1906 г. Иванов сотрудничал в издававшемся художником З.И.Гржебинным журнале «Адская почта».
- 15 В эти годы «Академия стиха» (или «Академия поэтов») именовалась «Общество ревнителей художественного слова».
- 16 *Струве Г. П.* Цит. соч. P. 23-24.
- 17 Для Кондратьева позиция писателя в эпоху революции была весьма значима. Так, он писал Брюсову 9 октября 1910 года: «Вчера в беседе с одним сослуживцем, не чуждым литературе и состоящим членом Академии Поэтов, я разговорился о Вас. Собеседник мой высказал мысль, меня очень порадовавшую. Он признал, что из всех *видных* представителей современной нашей литературы лишь Вы один вели себя прилично во время революции, не заигрывая с ней, не ища дешевой популярности у толпы и не соблазняясь жирными гонорарами еврейских тенденциозных изданий. От себя прибавлю, что примеру Вашему следовали и некоторые из Ваших учеников, напр<имер>, Сергей Соловьев и Гумилев... Дай Вам Бог и впредь устоять от искушений, т.к. пост Вы занимаете очень опасный» (РГБ, ф. 386, карт. 90, ед.хр. 8, л. 21 об.).
- 18 РГБ, ф. 386. карт. 90, ед.хр. 5, л. 5.
- 19 *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. СПб., 1908. Т. IV. С. 181-182. Иной полный перевод письма см: *Толстой А. К.* Собр. соч. в 4 томах. М., 1964. Т. 4. С. 108.
- 20 РГБ, ф. 109, карт. 28, ед.хр. 42.
- 21 РГБ, ф. 109, карт. 13, ед.хр. 70, л. 12 об.

ПИСЬМА А. А. КОНДРАТЬЕВА К В. И. ИВАНОВУ

1

<Петербург. 23 сентября 1906 г.>

Многоуважаемый
Вячеслав Иванович

Если не боитесь проскучать около трех часов за слушанием моей длиннейшей «Сатирессы», — буду счастлив видеть Вас в субботу 30 октября 1906 г. на Галерной улице д. 48 кв. 14. Жду, между прочим, Иннок. Анненского¹, книжка которого (вступление к переводу «Вакханок») однажды Вас заинтересовала². Я всегда с большим почтением выслушивал Ваши указания и был бы весьма рад, если бы Вы и теперь мне в них не отказали. Просьба приехать к 8 ч. вечера.

Ваш Александр Кондратьев.

Сергиевская 61 кв. 26

23 апреля 1911 г.

Глубокоуважаемый
Вячеслав Иванович.

Желая быть вполне Вами понятым, считаю необходимым несколько пояснить Вам выраженные мною вчера в споре с Вами мысли.

Вам, вероятно, приходилось наблюдать, что некоторые категории рифм носят соответствующие определенные названия (вроде «глагольных»). Так, напр<имер>, рифмы каламбурные до сих пор почему-то в обиходном разговоре называются у нас «минаевскими»¹. Вам известны, должно быть, также особенности рифмы державинской. На тот случай, если неизвестны, — сообщаю, что Гавриил Романович отличался недостатком произношения (не выговаривал буквы *р* и, кроме того, по-видимому, пришепетывал), и недостаток этот отражался на его рифмах (слух — наук, долг — Бог, ангел — Павел, явить — бысть, гром — сонм, чудесен — безвестен, чудный — бурный и т.д.)... Отсюда не следует, конечно, заподозривать меня в стремлении доказать вредное влияние Державина на русскую поэзию...²

Особенности семитических языков, заключаюсь, между прочим, в несколько ином произношении арабами и евреями некоторых русских букв, соответствующим образом отражаются и на сочиняемых ими стихах. Классическими примерами семитической рифмы являются: мрамор — замер, паперти — заперты, мускулы — тусклы и т.п. (последнею рифмой пленился однажды В.Я. Брюсов³). Объясняется это тем, что гласные у семитов порою почти не произносятся и звучат для нашего слуха очень странно, напр<имер>, слово «царь» семит произнесет *ц(э)р'*.

Характеризовав (б<ыть> м<ожет>, ошибочно) рифмование *ы* и *и* как семитическое, я отнюдь не имел в виду перейти к политическим обобщениям и выводам, вроде жалоб на порчу евреями русского языка. Причин тому было несколько. Прежде всего, я знал, что среди присутствующих находится еврей (Гурович⁴), и говорить что-либо дурное о его национальности в его присутствии я считал бы невежливым. Потому-то я так горячо и протестовал против приписывания мне обобщений и выводов.

Вопрос о порче евреями русского языка настолько избит и всем известен, что подымать его у меня не было ни малейшего желания. Вопрос же о влиянии евреев на русскую поэзию представляется мне весьма интересным, т.к. я до сих пор еще не решил, каких черт больше — дурных или хороших — они в нее принесли.

Никак, напр<имер>, нельзя отрицать присущей еврейскому племени музыкальности, отражающейся и на стихосложении, или темперамента.

Указав на то, к какой категории следует отнести вызвавшую споры и сомнения рифму, я все дальнейшие соображения мои высказал по Вашему приглашению.

Мне кажется, что вопрос этот может разбираться помимо всякой политики, и если бы Вы, Вячеслав Иванович, с Вашими способностями и эрудицией им занялись — то наверно пришли бы к интересным выводам.

Хотя все-таки для того, чтобы заниматься изучением еврейского влияния в какой-либо области, необходим запас некоторой независимости как экономической, так духовной и умственной — от деспотического господствующих в нашей интеллигенции готовых политических формул. Ибо результат такого изучения может оказаться весьма неожиданным.

Искренно Вас уважающий
Ал. Кондратьев.

Примечания

1

Открытка. Датируется по почт. штемпелю.

- 1 Приглашения на вечер, помимо Иванова и Анненского, получили также Сологуб (ИРЛИ, ф. 289. оп. 3, ед. хр. 342), Блок, В.А.Пяст и С.М.Городецкий, которых Кондратьев просил Блока «тащить с собою», равно как и С.А.Соколова (С.Кречетова), находившегося, однако, в это время в Москве (см.: Литературное наследство. Т. 92. Кн.1. С. 588).
- 2 Речь идет о кн.: Вахханки: Трагедия Еврипида / Стихотворный перевод с соблюдением метров подлинника, в сопровождении греческого текста и три экскурса для освещения трагедии со стороны литературной, мифологической и психической, Иннокентия Анненского, директора 8-ой С.-Петербургской гимназии. СПб., 1894. Не исключено, что существовал отдельный оттиск первых ста страниц, содержащих статьи Анненского. В этой книге Иванова особо должна была заинтересовать статья «Дионис в легенде и культе».

Вероятно, именно во время чтения Иванов познакомился с Анненским. См. в еще не введенных в научный оборот воспоминаниях Кондратьева: «Он же (Анненский — *Н. Б.*) был у меня, в числе небольшой группы приглашенных, на авторском чтении моего романа «Сатиресса» <...> У меня Иннокентий Федорович был всего два или три. Он вписал мне в альбом свое стихотворение «Хрусталь мой волшебен трикратно», напечатанное потом в несколько измененном виде. У меня же Анненский познакомился с Ф.К.Сологубом, Блоком, М.Кузминым, В.И.Ивановым, проф. В.И. (так! Правильно: В.М. — *Н. Б.*) Грибовским и некоторыми другими литераторами» (*Кондратьев А.* Из воспоминаний: Иннокентий Федорович Анненский. — За свободу! 1927, 11 сентября). О реакции Анненского на роман см. в тех же воспоминаниях: «Не могу, однако, согласиться с его (Анненского — *Н. Б.*) утверждением, нашедшим место и в журнальном отзыве («Перевал» <1907, № 4 — *Н. Б.*>), что античная древность не знала сатиресс. В соответствующем томе им самим мне рекомендованного словаря «Dagenberg et Saglio» указано несколько скульптурных произведений античного искусства, изображающих сатирессу».

2

- 1 Название «минаевских» вполне объяснимо, т.к. в стихах Д.Д.Минаева очень часто используются каламбурные рифмы, что принципиально заявлено в его стихотворении:

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я.
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурным
Обращаясь с каламбуром.

- 2 О рифме Державина (в том числе и с предположениями об особенностях его произношения) см.: *Самойлов Д.* Книга о русской рифме / Изд. 2-е, доп. М., 1982. С. 102-113. Отметим, что ни невыговаривание «р», ни пришепывание не могут объяснить своеобразия тех державинских рифм, которые приводит Кондратьев. Сам Кондратьев поэзию Державина ценил весьма высоко. Ср. в его письме к В.Я.Брюсову от 8 ноября 1914 г.: «Надо дать возможность оторванным и воссоединяемым частям великого нашего народа (ничтожный не мог бы создать гигантской Империи) прочесть Державина, Лермонтова и Брюсова в звучном их подлиннике, а не в переводе на испорченный полонизмами жаргон...» (РГБ, ф. 386, карт. 90, ед. хр. 10, л. 27об - 28).
- 3 Рифмы «мускулы — тусклы» в произведениях Брюсова до 1911 г. обнаружить не удалось. Сходные рифмы он, однако, употреблял: сложено — невозможно, бесследной — извядено («Царю Северного полюса»), локоном — окнам, знакомому — молодому, необдуманно — шумно, зеркало — померкла («Уличная»).
- 4 По информации, сообщаемой Р. Д. Тименчиком, Петр Наумович Гурович — критик, печатавшийся под псевдонимом П. Наумов.

В. И. Иванов и В. Ф. Эрн с семьями в Риме.

Константин Азадовский

ЭПИЗОДЫ

На протяжении ряда лет В.Иванов был знаком и встречался, хотя и не слишком часто, с петербургским переводчиком, преподавателем немецкого языка и коллекционером Федором Федоровичем (Фридрихом) Фидлером (1859—1917), немцем по происхождению. Знакомство их состоялось в начале 1906 г., когда В.Иванов, обосновавшись в Петербурге, задумал примкнуть к столичному Кружку поэтов и поэтесс, носившему имя К.К.Случевского. Неоднократные «пересечения» В.Иванова с Фидлером в 1906—1914 гг. нашли отражение в дневнике последнего, причем отдельные записи, посвященные В.Иванову, не только содержательны, но и весьма колоритны. Такова, например, запись Фидлера о его визите на Башню, где 14 марта 1911 г. читали, наряду с другими поэтами, свои стихи Ахматова и О.Мандельштам (впервые познакомившиеся в тот вечер друг с другом)¹.

Опубликованная мною в 1993 г. работа «Вячеслав Иванов и Ф.Ф.Фидлер»² освещает прежде всего историю их личных отношений, а также — роль Фидлера как первого (!) переводчика стихов Иванова на немецкий язык. Однако за пределами осуществленной публикации осталось несколько эпизодов, остро характеризующих либо самого Иванова, либо события его жизни, его окружение, литературную среду и т.п. Эти «эпизоды» и предлагаются ныне читателю — в дополнение к тому, что уже известно.

Напомню, что написанные по-немецки дневники Фидлера хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (ИРЛИ). В настоящее время мною подготовлено к печати отдельное (на двух языках), достаточно полное издание выбранных мест этого своеобразного «памятника».

Выражаю благодарность В.П.Купченко, К.Ю.Лаппо-Данилевскому и Р.Д.Тименчику за ценную помощь в моих разысканиях.

1. «ОРГИАСТЫ»

30 октября 1907 г. Фидлер сделал в своем дневнике запись, которая в целом отражает перипетии одного литературного скандала, до сих пор не попавшего в поле зрения исследователей Серебряного века.

«30 сентября, — говорится у Фидлера, — меня посетил Яков Годин³, ярко выраженный еврейский юноша; он высказал желание вступить в Литературное общество⁴. В тот же день я передал это Совету, собравшемуся у Кремлева⁵ (Годин и Оскар Норвежский⁶, который зашел ко мне вместе с Годиным, провожали меня до дома, где живет Кремлев). Однако Аничков⁷ и Венгеров⁸ рассказали о Године следующее. В «Газете Шебуева»⁹ он издевательски высмеивал «среды» Вяч. Иванова. Когда от него потребовали разъяснений, он поклялся, что не является автором статьи. Но ему предъявили неопровержимые доказательства, и тогда он сознался в своем авторстве. Вскоре появилась другая, похожая статья: «Развлекающиеся мужчины»... После этого Совет не счел возможным допустить его к баллотировке. Такое решение было принято на вчерашнем заседании у меня дома»¹⁰.

Речь в этой записи идет о статье «Оргиасты», всколыхнувшей в конце 1906 г. символистские и околосимволистские круги столичного литературного мира¹¹. Укрывшийся за иронически-многозначительным псевдонимом «Вахх», анонимный автор произвольно свел в квартире на Таврической наиболее известных писателей-символистов (в том числе — москвичей Брюсова и Андрея Белого, посещавших тогда Петербург наездами, или Бальмонта, нелегально покинувшего Россию 31 декабря 1905 г.), а также близких к ним А. Волынского, А. Кондратьева, В. Мейерхольда, В. Розанова, изобразив их всех воистину издевательски. Собрания на Башне, ставшие к тому времени заметным событием культурной жизни Петербурга (и возбуждавшие, естественно, разного рода пересуды и толки), преподносились читателям этой статьи как «декадентские» оргии, как театрально-комедийные попытки претворить в жизнь «дионисийские» теории главного «оргиаста» — Вячеслава Иванова. Приведем отрывок из статьи Вахха:

«Засветились бледно-матовым светом электрические люстры, и в ковровом отделении ярко обозначился красный капот г-жи Аннибал.

За убранным и уставленным столом, на буфете, также означилась большая бутылка красного вина.

И, — наконец, — за красной бутылкой означился в слегка согбенном положении виновато мигающий и поправляющий очки Вячеслав Иванов.

Знаменитый оргиаст и мистический анархист. <...>

Он напоминал старинного кентавра.

В окна заглядывала подвыпившая Вечность и показывала им свой затратно-алый язык.

Знаменитый оргиаст встретил угрозный взгляд женщины в красном капоте.

— Душечка, — продолжал он робко, но ведь я все-таки, — извини за выражение... оргиаст.

— Что?.. — грозно запел голос в красном капоте. — Ты забываешься, Вячеслав.

— Но необходимо же мне быть тем, что я есть... тьфу... то есть тем, чем я кажусь.

Ведь необходимо же мне поддерживать свое высокое достоинство жреца Диониса... Пожалуйста, позволь мне осушить эту махонькую рюмочку... <...>

Комнаты наполнялись оргиастами, мистическими анархистами, демонистами... чуть ли не садистами. Подходили к столу. <...>».

В следующем номере «Газеты Шебуева» появилось окончание статьи, озаглавленной, впрочем, не «Развлекающиеся мужчины» (как написано у Фидлера) а все тем же хлестким и обидным словом — «Оргиасты»¹². Любопытно, что среди гостей В.Иванова присутствует и сам Я.Годин: он вывел себя в виде неискушенного любопытствующего неопита, впервые попавшего в «дурную компанию». Продолжим цитату:

«Знаменитый оргиаст поднялся на цыпочки. Призывал ко вниманию.

Помогал ему Ремизов, надев маску козла. <...> Его боялись и потому выбрали председателем.

Знаменитый оргиаст получил право голоса. <...>

Вячеслав Иванов начал слегка напевным голосом, поправляя очки.

<...>Смущенно раскланивается и отходит в сторону.

Вызывает общий вздох облегченья.

Ремизов, сидя на председательском месте, рвякает:

— Антракт 5 минут. Затем будут читаться стихи. Поэты, готовьесь! Записывайтесь, соблюдая очередь!

Оргиасты вежливо и корректно подходили к круглому столику и записывались.

Тянули жребий.

Первым вытянул Брюсов.

Ремизов тряс бородою. <...>

В другом конце стола, налив в рюмку водку и вызывая своего друга Икса, сидел Годин.

Попав к оргиастам в первый раз, ждал оргии в сладком предвкушении свального греха.

Справлялся у сидевшего Бальмонта о древних культах Изиды и Афродиты.

Краснея, пытался выведать новые тайны любви.

Жалел о своем безвременном рождении и проклинал свою загубленную молодость.

Понемногу приходил в уныние.

В кабинете беседовали знаменитый оргиаст и критик Волынский.

<...>Знаменитый оргиаст клялся в чем-то шапкой Мережковского¹³.

Передавал некоторые интимные подробности из жизни знакомой Мэнады.

Оглядывался, опасаясь нежелательных свидетелей и ревности красного капота.

Странно напоминал старинного кентавра. <...> »

Каким образом было раскрыто авторство Година и кто именно из петербургских писателей предъявил ему, как сказано у Фидлера, «неопровержимые доказательства» — ответить на этот вопрос, хотя и не окончательно, позволяют сохранившиеся материалы.

Решающую роль в разоблачении истинного виновника разразившегося скандала сыграл, по всей видимости, Ф.К. Сологуб, весьма благосклонно относившийся поначалу к Годину. Молодой поэт в 1906 г. не раз навещал Сологуба и принимал участие в его литературных «воскресеньях». 13 ноября 1906 г. М.Кузмин отметил в своем дневнике, что на вечере у Сологуба «было не очень стеснительно. Читали Соллогуб <так!>, Годин,

Андрусон, Гофман и Потемкин очень милые стихи, я читал «Куранты любви», думая о Судейкине...»¹⁴. Тогда же, в ноябре 1906 г., в «Газете Шебуева» появилось описание одного из «воскресений» у Сологуба. Автор статьи укрылся за псевдонимом «Маска»; тон его суждений о том, что произошло у Сологуба, был весьма поверхностный, слегка развязный, но все же не оскорбительный. Упомянулся в статье и «г. Вячеслав Иванов, «жрец Диониса», прославленный знаменитым обыском в прошлом году и шапкой Мережковского»¹⁵.

Стилистические приемы и отдельные детали этой статьи (например, все та же шапка Мережковского) сами по себе не дают достаточно оснований для отождествления «Маски» и «Вакха». Думается, что именно Сологуб, лучше других осведомленный о том, кто посвятил ему целую статью в «Газете Шебуева», первым заподозрил в Године автора «Оргиастов». Началось «дознание». Подробности неизвестны, но можно догадаться, что активно действующим лицом по-прежнему оставался Сологуб (тоже, кстати сказать, осмеянный Годиным как один из «оргиастов»). 24 декабря у Сологуба, в присутствии многих людей, Годину предъявляются серьезные обвинения. «Там <то есть у Сологуба. — К.А.>, — записывает Кузмин в своем дневнике, — был Иванов, Бакст, Нувель, Гофман, Городецкий. Было уютно; <...> Соллогуб <так!> читал рассказ, читали стихи Пушкина, Вяч. Ив<анов> публично объяснялся с Годиным, что он — автор статей, вне всякого сомнения»¹⁶. Еще через несколько дней (возможно, на другой день) Сологуб обращается к Годину с письмом, содержащим «доброжелательные советы». В результате всех этих «объяснений» Я.Годин, очевидно, прижатый к стене «неопровержимыми доказательствами», пишет 29 декабря 1906 г. ответ Сологубу, безоговорочно признавая себя виновным и решительно осуждая свой поступок. Приведем основную часть его самообличительного послания:

«Ваше письмо, дорогой Федор Кузьмич, я предчувствовал и хотел еще до него зайти к Вам и все выяснить, но нездоровье приковало меня к постели. Последовать Вашим доброжелательным советам я не мог, т<ак> к<ак> все статьи, в коих я подозреваюсь, — написаны мною и больше никем.

Злого умысла я не имел, отнесся к своей гнусной работе крайне легкомысленно, слепо, последствий не предвидел.

Писал я под влиянием одного лица, но только не — Осипа Дымова. Того значения, какое статьи получили — теперь, я им не придавал, уверенный в безобидности всего написанного, иначе я не позволил бы себе оскорбить людей, которых я глубоко уважаю. Вывел также себя не потому, что желал саморекламы, а по *настоящему* того же лица, г. Шебуева.

Я слишком чувствую свои силы и уверен в них, чтобы рекламировать себя. Но когда я увидел действие своих статей, когда мне и самому открылся ужас того значения, какое они получили, — я растерялся и теперь жестоко наказан за свой легкомысленный поступок. Но открывать до конца своей маски я не решился в слепой надежде, что В.И.<ванов> и другие отнесутся к статьям снисходительно, ограничатся относительными подозрениями и не пожелают до конца казнить настоящего виновника. Благодаря растерянности я окончательно все запутал и оказался в положении затравленного волка.

Моя литературная карьера загублена, имя втоптанно в грязь и смешано с нею. Слишком многих людей я сделал своими личными врагами, бессознательно напав на них из-за угла.

Я не знаю, как отнесетесь Вы ко мне, узнав от меня правду, и как ко мне отнесется многоуважаемая Ольга Кузьминична¹⁷, которую я также обманул, уверив, что написал не я.

Все эти дни, связанные с вызванным мною литературным скандалом, кажутся мне страшным, тягостным кошмаром, от которого я страстно жаждаю пробуждения.

Кто-то другой водил моим пером, но только не я, каким я бываю всегда. Какое-то влияние извне. Я не оправдываюсь, Федор Кузьмич, а только выясняю.

В силу какого-то внутреннего убеждения, я даже дал честное слово В.Иванову, что писал не «Яков Годин», т<o> <есть>, как утверждает В.И<ванов>, я солгал.

Могу ли я после всего, что написал Вам, бывать у Вас и Ольги Кузьминичны или и Вы отнесетесь ко мне так же беспощадно, как ко мне отнеслись многие?..»¹⁸

Годин, кроме того, уверял, что продолжал и после появления статьи сотрудничать в «Газете Шебуева» «в силу тяжелых материальных условий» и еще потому, что «был связан тайной», то есть тайной своего авторства. «Теперь, — завершает Годин свое письмо к Сологубу, — я лишаюсь последних средств к существованию, так как некоторыми органами, где я печатался, объявлен мне бойкот, и если случайность не вернет меня в литературные крути, то будущее открывается предо мною в самых мрачных красках»¹⁹.

Сологуб, не медля, откликнулся на это письмо, посоветовав Годину обратиться напрямую к В.Иванову и принести ему свои извинения. Последовав разумному совету, Годин 30 декабря пишет Иванову письмо, повторяющее, местами дословно, его послание к Сологубу, за исключением одной существенной детали: вновь и вновь подчеркивая чужое влияние и «настояния извне», якобы подтолкнувшие его к роковому поступку, Годин на этот раз не упоминает фамилии Шебуева.

«Уважаемый Вячеслав Иванович! — пишет Годин. — Сознаюсь, быть может, и поздно, в своем легкомысленном поступке и прошу к нему отнестись по возможности снисходительно. Я и так жестоко наказан сознанием непоправимой вины. Злого умысла у меня не было. Также у меня не было и тени желанья оскорбить Вас и уважаемую Лидию Дмитриевну. Я не придавал статье ее настоящего значения и не предвидел гибельных для моего имени последствий. Я написал ее — слепо, и Осип Дымов, которого некоторые обвиняют или подозревают в содействии, — здесь ни при чем. Ошеломленный тем отношением ко мне, какое вызвала статья в литературных кругах, и больно ужаленный сознанием непоправимости сделанного, я, никогда не бывавший до сей поры в двусмысленных положениях и, кроме того, в положении затравленного и язвимого со всех концов, — растерялся и окончательно запутался. Увлеченный последней надеждой, что меня не пожелают казнить до конца, я пошел ложным путем. Литературный скандал, вызванный мною, казался мне тяжелым кошмарным сном, от которого я страстно жаждал пробуждения. Минутами я не верил самому себе и, дав Вам честное слово в том, что статья написана не «Яковом Годиным», я казался самому себе внутренне правым, т<ак> к<ак> чуждое мне влияние двигало моим пером. Словно написал кто-то другой, не я. Совершил я зло — бессознательно. Я не оправдываю себя, а только — выясняю. Никакой мести за что-то

здесь не было. Себя же я вывел в статье не в жажде саморекламы (я слишком уверен в своих силах), а по настояниям извне. Печатное сообщение о моем авторстве появится в ближайшем № Шебуевской газеты, если оно <уже> не появилось. За последние дни я получил от уваж<ае-мого> Федора К<узьмича> Сологуба два письма, в которых между прочим он подтвердил мою тайную мысль, что единственный путь, который мне открывается, — это обратиться к Вам. Если двери Вашего дома для меня закроются, то моя дальнейшая судьба будет решена. У Шебуева я сотрудничал только в силу невыносимого материального положения.

Нахожусь в ожидании Вашего ответа, который и будет мне — последним приговором.

Глубоко уважающий Вас
Яков Годин

P.S. Мой адрес: Вознесенский пр., д.55, кв.105»²⁰.

Оба письма — сколь бы искренними ни были сожаления Година по поводу случившегося и собственной «слепоты» — обнаруживают и немалую долю лукавства, попытку обелить себя, прикинуться «жертвой», так сказать, спрятаться за чужую спину. Неубедительно и его утверждение, что самого себя он вывел в «Оргиадах» лишь по настоянию другого лица (Шебуева?). В действительности такого рода прием хорошо известен и был, конечно, использован Годиным для того, чтобы отвести от себя подозрение в авторстве. Да и ссылка на «невыносимое материальное положение» объясняется, скорей всего, желанием Година смягчить гнев, а то и разжалобить оскорбленных писателей.

Обещание, данное В.Иванову Годиным, было выполнено лишь отчасти. Объявления об авторстве Година в «Газете Шебуева» не появилось²¹. Что касается его дальнейшего сотрудничества, то оно, по видимости, прекратилось на самом деле (№№ 8 и 14 «Газеты Шебуева», где напечатаны произведения Година, вышедшие в свет еще до конца декабря), хотя связи свои с редакцией он все-таки сохранил: достаточно сослаться на публикацию в №№ 27 и 28 (1907, февраль) статей его друга Оскара Норвежского.

Не до конца проясненным остается важный вопрос: кто именно и почему был подлинным инспиратором действий, направленных против В.Иванова и его круга? Можно ли верить Годину в том, что некрасивая эта затея вдохновлялась одним лишь Шебуевым? И не явилась ли статья «Оргиады» плодом коллективного творчества, в котором Годин (взявший впоследствии всю вину на себя) не был единственным участником-исполнителем?

Для литературной карьеры молодого поэта описанный инцидент имел, естественно, неблагоприятные последствия. Сетование Година на то, что ряд столичных изданий, узнав о его поступке, прекратил с ним сношения, представляется вполне искренним. Ясно, что и путь на Башню (куда молодой писатель, тяготевший, к символистам, явно продолжал стремиться) был ему отныне заказан. Судя по всему, В. Иванов даже не удостоил ответом его жалобное извинительное послание.

Впрочем, Годин не был подвергнут ни гонениям, ни всеобщему ostracismu; его участие в литературной жизни продолжалось и в 1907, и в 1908-м гг. А через несколько лет ситуация и вовсе смягчилась: отступая в прошлое, скандальная история, связанная с именем Година, утрачивала свою остроту. Возможно также, что Годину удалось со временем выпросить себе прощение у В.Иванова. «Нынешним летом, — сообщал Годин

Сологубу 16 октября 1910 г., — я объяснился с Вячеславом Ивановым и наши прежние с ним отношения восстановились». И далее: «Так как я очень дорожил и дорожу Вашим ко мне расположением и так как Вы в свое время ко мне и моим ошибкам отнеслись лучше, чем другие, — справедливее, — написав между прочим, что восстановление моей репутации возможно только в зависимости от великодушия и снисходительности В. И<ванова>, — то я очень прошу Вас выяснить Ваше ко мне отношение после моего примирения с В.И<вановым> и также прошу Вашего позволения бывать у Вас, как было прежде»²².

Содержание приведенного письма отчасти подкрепляется и другими фактами, свидетельствующими, что к этому времени Годину действительно удалось наладить сотрудничество (во всяком случае, деловое) с некоторыми из ранее уязвленных им писателей-«оргиастов». Один из примеров — участие Блока и А.Ремизова, по приглашению Година, в журнале «Скэтинг-Ринк» весной 1910 г.²³

Впрочем, как бы ни выглядели внешние взаимоотношения Година с Ивановым и Сологубом, «примирение» между ними по существу было уже вряд ли возможно. Не случайно 25 августа 1911 г. в разговоре с Фидлером Сологуб посетовал на бестактность Година, который 4 ноября 1910 г. (на ежегодном торжестве в день рождения Фидлера) спросил у писателя, почему он не приглашает его к себе в гости. «Не мог же я ему ответить, — приводит Фидлер слова Сологуба, — что он мне неприятен после своей истории с Вяч.Ивановым...»²⁴

В своих кратких воспоминаниях, написанных много позднее, уже в иную эпоху, Годин, по понятной причине, выдвинул на первый план двух писателей-символистов, с которыми якобы был в свое время связан: Блока и Брюсова. Фигуры В.Иванова и Ф.Сологуба упомянуты вскользь и в связи лишь с именем Блока: «... Мне приходилось с Блоком встречаться часто: на «средах» Вячеслава Иванова, на сологубовских «воскресеньях», на литературных вечерах и концертах»²⁵. О своей роли разоблачителя «оргиастов» Я.Годин — несмотря на откровенно «советскую» окраску своих мемуаров — осмотрительно предпочел умолчать.

2. ЗАГАДОЧНЫЙ ПЕПЕНИН

Одна из наиболее любопытных записей в дневнике Фидлера (с упоминанием о В.Иванове) относится к 13 февраля 1912 г. Любопытна же она тем, что в ней сообщается о поэте, до сих пор в истории русской литературы, насколько известно, никак не отмеченном.

«Сегодня обедал вместе с Баранцевичем в ресторане Соловьева на Николаевской. Один из официантов сказал мне, что в 1-м кабинете сидит Куприн, уже захмелевший. Я предложил Баранцевичу заглянуть туда, но он отказался: «Какое мне дело до пьяного Куприна?» — и ушел... В крохотном кабинете сидели: Котылев²⁶ (за бутылкой настоящего английского эля, но трезвый), Ялгубцев²⁷ (наполовину трезвый), Трозинер²⁸ (трезвый), интеллигентного вида дамский портной по фамилии Катун²⁹ (трезвый; угощал всех коньяком), симпатичный юноша в очках по имени Михаил Пепенин, поэтические устремления которого поддерживает Вяч.Иванов, и опухший полупьяный Куприн. Как только я сел, Куприн вскочил со стула, потянул юношу (Пепенина) за рукав в мою сторону и крикнул ему: «На колени!», опустился сам на колени, перекрестился и

поцеловал мой университетский значок; юноша проделал то же самое. <...> Все это отняло у меня не более получаса. Куприн потребовал мой альбом и хотел вписать туда какую-то непристойность, но я воспротивился этому. Тогда он попросил Пепенина увековечить себя, и тот сделал это следующими строками:

Я тебя не звал и не хотел позвать
Но пришла — так посиди Я рад
Будем золотую сказку вспоминать:
“Цвел зеленый виноград”»³⁰.

Кто же он, этот загадочный Пепенин, сведения о котором напрасно искать в указателях, справочниках, словарях и т.д. Не псевдоним ли это? Не розыгрыш ли, который позволили себе Куприн и его друзья в отношении любознательного Фидлера, всегда жадного до незнакомых писателей? Нет, Пепенин — лицо невымышленное.

Михаил Васильевич Пепенин был начинающий в то время поэт. Приехав в Петербург из провинции (видимо, осенью 1911 г.), он в течение нескольких месяцев вращается в литературных кругах столицы. И не безрезультатно: ему удастся найти покровителей, возможно, и ценителей его стихотворных опытов. Один из них — В.В.Хлебников. Сохранившееся письмо Пепенина к В.Иванову позволяет узнать, что именно Хлебников, неизменно пользовавшийся благосклонностью «мэтра»³¹, передал ему стихи молодого «провинциала». Приводим это весьма своеобразное письмо полностью (дата на конверте — 2.10. <19> 11):

«М<илостивый> Г<осударь>

Я ишу Вячеслава Иванова — поэта и критика. Если настоящее письмо направлено именно по этому адресу — не откажите в любезности сообщить, могу ли Вас видеть и когда.

М.Пепенин

P.S. Я автор тех стихов, которые передал поэту В.Иванову В.Хлебников у Чапыгина³².

Пепенин»³³

Сохранилась также визитная карточка Пепенина с зачеркнутым адресом: ст<анция> Евгеньевка, Уссурийская ж<елезная> д<орога> (под ним — петербургский адрес: Б<ольшая> Зеленина, 9, кв. 80) и припиской: «Примите и от меня — с Новым Годом!» Штемпель на конверте, в котором карточка была послана В.Иванову, — 31.12. <19>11³⁴.

Вероятно, В.Иванов, «прирожденный любитель возводить новичков на трон» (как писал близко знавший его Й. фон Гюнтер³⁵) и охотно принимавший их у себя на Башне, действительно одобрил стихи молодого поэта и поддержал его. Во всяком случае, Пепенин продолжал посылать ему свои стихотворения и позднее. В архиве В.Иванова сохранились несколько автографов и машинопись, относящиеся к 1911—1914 гг. Одно из стихотворений (видимо, 1911 г.) посвящено В.Н. <так!> Хлебникову. Другое, написанное в 1912 г. (дата устанавливается путем сопоставления чернил и бумаги этого текста со стихотворением «Украине», имеющим помету: «Киев, 1912 года»), озаглавлено: «Вячеславу Иванову». Приводим его текст полностью, добавив — в отдельных случаях — отсутствующие в оригинале знаки препинания и исправив описки:

Седой ведун! Мой добрый гений!
 В последний раз тебя зову...
 В глухом лесу, где нет селений,
 Где гулок вольный бег олений,
 Я распростерт на мураву.

Мой конь стреноженный, но рьяный
 Пасется рядом, тут, во рву.
 Но распростерт среди поляны,
 Не шевельнусь я — кровь из раны,
 Дымясь, течет на мураву.

И нету, нет со мной Людмилы...
 Людмилу потерял я вновь!
 Схоронят вражеские силы
 На дне глухой лесной могилы
 И Честь, и Славу, и Любовь.

О, не избегну смертной сени! —
 Стальной клинок в моей груди...
 Мой добрый друг! Мой светлый гений!
 На эти жалобные пени
 Откликнись, отзовись, приди!..

Смерть надо мною тиховойно
 Уже сгустила мглу ночей,
 Но ты, вещун красы лилейной,
 Ты влаги, влаги чудодейной
 На рану смертную пролей!

Под стихотворением — помета: «с<ело> Кубенское Вологодской губ<ернии> и уезда»³⁶.

Вплоть до начала войны М.Пепенин тщетно пытался поместить что-либо из своих произведений в столичной печати. Так, в конце февраля 1914 г. он посылает четыре своих стихотворения в редакцию столичного «Ежемесячного журнала» (его редактор, В.С.Миролюбов, отличался внимательностью и доброжелательством прежде всего к начинающим авторам). Из пометы в регистрационной книге «Ежемесячного журнала» от 3 марта 1914 г. явствует, что М.В.Пепенин служил в то время учителем в двухклассном училище села Кубенское Вологодской губернии³⁷. Однако в «Ежемесячном журнале» стихи его также не появились. Единственная известная нам публикация Пепенина относится к 1918 г.³⁸. О дальнейшей судьбе этого несостоявшегося поэта сведений не обнаружено.

3. ПОЩЕЧИНА В ТЕАТРЕ РЕЙНЕКЕ

Как бы одобрительно ни относился Вячеслав Иванов к опытам М.Пепенина, в ту пору он вряд ли мог (если бы и хотел) содействовать молодому стихотворцу. В начале 1912 г. в жизни Иванова происходит известный перелом: обстоятельства заставляют его покинуть Россию.

Отъезд В.Иванова был заметным событием, широко обсуждавшимся в литературных кругах³⁹. Нашел отражение этот факт и на страницах фид-

леровского дневника. 29 декабря 1912 г. Фидлер записывает:

«...Вчера провел часок у Венгерова⁴⁰. Он говорил только о Вяч.Иванове, уехавшем в ноябре⁴¹ за границу, потому что его падчерица Вера Шварсалон ждала ребенка. А отец ребенка — сам Вяч.Иванов!!!⁴² Иванов просил своего друга М.Кузмина жениться на Вере. Однако тот отказался, да еще стал болтать направо и налево о «кровосмешении». За это в начале декабря он получил пощечину в театре Рейнске от Сергея Шварсалона, брата Веры (о чем сообщалось в различных газетах)»⁴³.

Разрыв отношений, что произошел в 1912 г. между Ивановым и его бывшим другом М.Кузминым, подолгу жившим на Башне, — факт хорошо известный⁴⁴. Однако причины, как и отдельные, весьма щекотливые нюансы этого конфликта, до сих пор недостаточно уточнены.

Первую попытку пролить свет на подспудные обстоятельства «башенной истории» (перед отъездом Иванова за границу) предпринял Н.А.Богомолов, опубликовавший выдержку из дневника Кузмина от 16 апреля 1912 г.: «Днем, когда все ушли, Вера <то есть Вера Шварсалон. — К.А.> сказала мне, что она беременна от Вячеслава, что любит меня и без этого не могла бы жить, что продолжается уже давно, и предложила мне фиктивно жениться на ней. Я был потрясен»⁴⁵.

Летом и осенью 1912 г. по Петербургу поползли слухи, задевавшие честь В.Иванова и его падчерицы. В начале октября 1912 г. А.Д.Скалдин, доверенное лицо Иванова в Петербурге, «конфиденциально» пишет ему о следующем:

«Кузмин здесь распространяет о Вас и о Вере слухи в интерпретации крайне некрасивой. <...> Сначала в негодовании я хотел вызвать Кузмина на дуэль, но, по строгом рассуждении, нашел его поступок столь низким, что не вижу доблести (хотя я ее и не искал) в вызове. По-моему, если я вызову Кузмина, то это будет, с моей стороны, умышленным убийством или же (если я сжалюсь) — кукольной комедией... Да я уже сжалился: я любил Кузмина и всегда жалел о его разгильдяйстве»⁴⁶.

Еще через несколько дней (около 20 октября) Скалдин сообщает В.Иванову:

«За истекшую неделю слухи и толки о Вас достигли наивысшей своей силы и чуть было все это не окончилось дуэлью между Сергеем Константиновичем и Кузминым. Согласие на дуэль К<узминым> было дано; но в последнюю минуту (когда секунданты приехали с официальным вызовом) Кузмин отказался драться.

Секундантами со стороны С<ергея> К<онстантиновича> были я и Залеманов⁴⁷. Я на предложение С<ергея> К<онстантиновича> должен был изъяснить согласие. Посвящать и разъянять я не мог никого и никому, а, принимая на себя обязанности секунданта, думал, что смогу здесь сделать кой-что полезное, например, сохранить Кузмину жизнь.

Говорят, что К<узмин> угнетен страшно»⁴⁸.

Сергей Константинович, о котором идет здесь речь, это, разумеется, С.К.Шварсалон⁴⁹, вступившийся за честь своей сестры Веры. О нарастающей ситуации, чуть было не обернувшейся дуэлью, можно узнать в подробностях из писем Ал.Н.Чеботаревской (свояченицы Ф.Сологуба, многолетнего друга В.Иванова)⁵⁰. Сохранилась также копия подписанного Скалдиным и Залемановым (и подтвержденного С.Судейкиным, секундантом Кузмина) протокола несостоявшейся дуэли, из которого, между прочим, выясняется причина (точнее, мотивировка), указанная Кузминым как повод для отказа от поединка.

«Башенный театр». 1910.

«ПРОТОКОЛ

Явившись 15 октября 1912 г. к Михаилу Алексеевичу Кузмину в качестве секундантов Сергея Константиновича Шварсалона, мы были встречены Сергеем Юрьевичем Судейкиным, который, будучи уполномочен на то г.Кузминым, заявил, что несмотря на данное ныне им, Кузминым, г.Шварсалону предварительное согласие, г.Кузмин ныне берет свое слово обратно и от дуэли отказывается, причем этот отказ им, Кузминым, не мотивируется. <...>

При окончательных переговорах с г. Судейкиным последний заявил, согласно уполномочию г.Кузмина, что мотивом к отказу от дуэли служит неравенство между г.Шварсалоном и г.Кузминым в словесном отношении, каковое неравенство, согласно дуэльному кодексу Дурасова⁵¹, служит решительным препятствием к дуэли»⁵².

Казалось, такая развязка вполне удовлетворяла большинство лиц, втянутых в конфликт, включая самого В.Иванова. «Я нахожу, — анализировал Иванов сложившуюся ситуацию в письме к Скалдину 23 октября (5 ноября) 1912 г. из Швейцарии, — что Сережа поступил естественно, последовательно, корректно, благородно. Разумеется, с его точки зрения; что хорошо для него, было бы нехорошо для нас с Вами. Особенно радует меня, что он не позволил себе никакой оскорбительной выходки, ни одного ненужного действия. Что Вы взяли на себя роль секунданта, также ценю и понимаю. Сережа заботился о том, чтобы правильно определить свое положение во всем деле, и сделал это хорошо. Иначе свое положение он ощущал бы как ложное. Радуюсь и тому, что поединок не состоялся. Беспокойна только мысль, что Сережа может не остановиться на этом, но искать каких-нибудь средств отмщения... и, однако, есть у меня какая-то уверенность, что он не сделает ничего больше, — все дальнейшее было бы уже ложным, дурным и вредным. Уверен я также, что и Вы влияете на него в этом смысле. С тем протоколом у нотариуса он, Сережа, должен признать инцидент законченным. Надеюсь, то же подскажет ему и его чувство достоинства: все дальнейшее было бы унижением и для него, и для всех нас»⁵³.

Однако надежды В.Иванова на то, что С.К.Шварсалон не позволит себе «никакой оскорбительной выходки», не оправдались: молодой человек продолжал искать именно «средств отмщения».

5 декабря 1912 г. в Русском драматическом театре А.К.Рейнеке⁵⁴ состоялась премьера пьесы испанского драматурга Хасинто Бенаvente «Изнанка жизни» (1909), поставленной А.И.Таировым. Декорации к спектаклю выполнил С.Ю.Судейкин, музыку написал М.Кузмин. Зрительный зал был полон; собрались писатели, художники, артисты. (По окончании спектакля его участников чествовали в «Бродячей собаке»⁵⁵.) О том, что именно случилось в театре, рассказала на другой день газета «Биржевые ведомости»:

«ВОЗМУТИТЕЛЬНОЕ НАПАДЕНИЕ

5 декабря во время представления пьесы «Изнанка жизни» <...> произошёл скандал. Во время второго антракта за кулисы вошел молодой человек и, быстро направившись к находящемуся в ближайшей от фойе комнате писателю М.М. <так!> Кузмину, ударил его несколько раз по лицу.

Собравшаяся публика и артисты остановили нападавшего, оказавшегося г. С.Ш., после чего дежурным полицейским офицером был составлен протокол о происшествии.

Как передают, причиной, вызвавшей поступок г. Ш., явился отказ г. Кузмина принять вызов г. Ш. на дуэль. Вызов же им был сделан вследствие распространения г. Кузминым клеветы»⁵⁶.

Разумеется, действия Шварсалона, преступившего допустимые в обществе правила приличий, были решительно осуждены всем его окружением, в том числе — и «союзниками» В.Иванова: Скалдиным и Чеботаревской. Последняя сообщала Иванову 7 декабря 1912 г.: «...Сергей нанес оскорбление К<узмин>, ударив его в присутствии 12-15 человек, и потребовал составления протокола. Я высказала свое негодование Сергею по поводу того, что он не мог сдержатъ <...> своего гнева, весьма, на мой взгляд, чуждого, внешне-светски-формально обоснованного (обида за отказ от дуэли и за оскорбительный мотив о неравенстве сословий), и прибегнув к отвратительному> насилию. Он говорит, что это — обычное следствие отказа от дуэли; доказывала и раньше, и теперь, что вступаться за распространение неблагоприятных слухов он не имеет *полномочий* и действует как раз вопреки интересам всех и даже своим. На это он возражал, что для таких выступлений, как дуэль, не требуется полномочий. Он удивляется тому, что я могу осуждать его поступок. Прямо не знаешь, как быть. К тому же он еще постоянно переходит от крайнего *самоуверенности* к крайнему *унынию* и отчаянию, которое, весьма возможно, не замедлит появиться и теперь, после того как он одумается»⁵⁷.

В тот же день, 7 декабря, писал Иванову и Скалдин:

«...Хочу радовать Вас, но приходится огорчать. Раньше моего письма Вы получите от Сережи вырезку из «Биржевых ведомостей» с описанием учиненного им скандала. <...> Сережа дал обещание Александре Николаевне <Чеботаревской. — К.А.>, что против К<узмина> он уже больше ничего не предпримет, но, к сожалению, слова своего не сдержал.

Очень гнетет меня то, что я знал намерение Сережи отправиться в театр с целью встретить М<ихаила> А<лексеевича> и мог бы предупредительные меры принять, но... просто за разными делами забыл об этом. <...> Могу добавить, что учиненный им скандал был более безобразным, чем это изложено в газете»⁵⁸.

Уже через несколько дней стало ясно, что пощечины, прозвучавшие в театре Рейнеке, не произвели того резонанса, на какой, возможно, рассчитывал Сергей Шварсалон. Эффект был сиюминутный, и происшествие очень скоро забылось. Об этом рассказывала В.Иванову Ал.Н.Чеботаревская в письме от 9 декабря:

«В городе событие не вызвало никаких толков. Поговорили буквально несколько часов (вот до чего Петербург одервенел) на другой день, и то как-то равнодушно, сказав (кроме друзей К<узмин>а, конечно): «Этого надо было ожидать, К<узмин>н давно это заслужил», и умолкли. <...> Вот уже третий день, и *ни в одной газете* не было об этом ни строчки и не будет теперь уже. Только и было в одной окаянной Биржевке (на другой день), из которой Сергей имел несчастную мысль, в виде повинной, послать Вам вырезку. А то я не написала бы Вам этих 2-х писем. Немножко раньше или немного позже Вы узнали бы об этом, уже, право, не так важно»⁵⁹.

Как воспринял этот инцидент сам Иванов? Мы затрудняемся — за отсутствием конкретных свидетельств — ответить на этот вопрос. Да и само это обстоятельство, — повторим слова Чеботаревской, — «уже, право, не так важно».

Интереснее другое: отношение В.Иванова к «слухам», источником которых оказался Кузмин.

Все, что рассказывал Кузмин о нем и о Вере, Иванов без колебаний и во всеуслышанье объявил «клеветой». При этом он не желал в чем-либо обвинять своего бывшего друга или объясняться с ним — он занял, так сказать, «олимпийскую» («башенную») позицию умудренного поэта-провидца, готового к примирению, умеющего все понять и простить, снисходительно и как бы равнодушно взирающего на «суету мира». Из написанного и составленного им летом 1912 г. стихотворного сборника «Нежная тайна» Иванов не считал даже нужным изъять (в разделе «Лепта») трехчастное стихотворение «Соседство», посвященное Кузмину. А в ответ на недоумение и негодование Скалдина, который осенью 1912 г. готовил издание этого сборника в Петербурге, Иванов одним из завершающих книгу стихотворений поставил «Мирные иамбы», целиком навеянные достигшими его вестями (дата под стихотворением — 23/10 октября 1912):

МИРНЫЕ ИАМБЫ

А.Д. Скалдину

Я был далече. Этих песен ты вверял
Станку печатному листы;
А друг, смутясь, и враг, ликуя, повторял
Ползучий шепот клеветы.

Моей чужбины гул достиг. Спокоен я...
Нет, ничего не изменю
В том, что слагал. Открыта в песнях жизнь моя.
И никого не обвиню!

Ты негодуешь? Презирать придет пора;
Пора другая — сострадать.
Впервые ль видишь искаженным лик добра
И в грязных тернах Благодать? ⁶⁰

Но была ли действительно клевета в тех «слухах», что сообщал Кузмин? О чем, собственно, мог говорить Кузмин после отъезда Иванова их общим знакомым? О том, по-видимому, что Вера Шварсалон предлагала ему жениться на ней. И что Вячеслав, со своей стороны, склонял его к тому же. Описывая Иванову «низость» Кузмина, Ал.Н.Чеботаревская передает содержание распространившейся в Петербурге «клеветы» такими словами: «...обращение к нему <то есть Кузмину. — К.А.> двух лиц, с именами и всеми деталями»⁶¹. Слова «двух лиц» подразумевают, конечно, В.Иванова и его падчерицу.

Но ведь это «обращение к нему двух лиц» вовсе не было измышлением Кузмина! Его дневник — абсолютно надежный в данном случае источник — отразил и своеобразную «просьбу» Веры Шварсалон, и отзвуки бесед такого же рода с Вячеславом Ивановым.

Размышляя над тем, что произошло между Кузминым и Ивановым весной 1912 г., можно с уверенностью сказать, что их отчуждение друг от друга, начавшееся, возможно, еще ранее, обострилось именно тогда — в связи с драматической (прежде всего для Иванова) ситуацией на Башне. Легко можно вообразить, какое раздражение вызывали у женоненавистника Кузмина настойчивые уговоры, склонявшие его к вступлению в фиктивный брак. Нет, Кузмин вовсе не «клеветал», он скорее «злосло-

вил» — «мстил» Вячеславу, рассказывая о том, что следовало сохранять в тайне. И в своем столкновении с Сергеем Шварсаломом он поплатился не столько за «клевету», сколько за свою болтливость или несдержанность.

Так не лукавил ли Вячеслав Великолепный, слагая свои «Мирные иамбы»? Не пытался ли он, теоретик и адепт мифотворчества, конструировать миф из обстоятельств собственной жизни? Не случайно «потрясенный» Кузмин удивлялся в апреле 1912 г., что к запутанной истории Веры Шварсалон «приплетена» еще и тень Лидии Дмитриевны⁶²: мистическая подоплека, которой Иванов пытался скрепить свои реальные отношения с Верой, была ему также чужда. И последний вопрос: кто более виноват перед Кузминым в этом случае? Сергей Шварсалон, пытавшийся неумело, но искренне вступить за фамильную честь, или же сам Иванов, столь искусно игравший чужими судьбами?!

4. СПОР О ПУШКИНЕ

7 июля 1913 г. Фидлер навестил М.М.Гаккебуша (издателя, журналиста, редактора газеты «Биржевые ведомости»)⁶³, а вечером того же дня занес в свой дневник:

«Сегодня — часок у Гаккебуша <...> Он рассказывал, что в нынешнем марте, путешествуя по Италии вместе с Сергеем Городецким⁶⁴, они встретились в Риме с Вячеславом Ивановым⁶⁵. На какой-то выставке, которую они посетили, Городецкий сказал, что понимает Пушкина. Иванов возразил, что он, Гор<одецкий>, — либо мерзавец, потому что лжет, либо безумец. Гор<одецкий>, глубоко обидевшись, вызвал его на дуэль. Но вскоре конфликт был улажен за двумя бутылками шампанского»⁶⁶.

Смысл высказывания Городецкого о Пушкине в данной записи — вне контекста — не вполне ясен и дает возможность для различных толкований. Тем не менее, зная литературную ситуацию 1911-1913 гг., нетрудно догадаться, что имя Пушкина использовалось как один из наиболее веских доводов в дискуссиях о современной поэзии (акмеизм, футуризм), что велось в Риме между Ивановым и Городецким. «...Не относись к акмеизму так болезненно, — писал Городецкий Иванову из Равенны 7 апреля 1913 г. — Нет гнусности, которой бы ты в нем не заподозрил! Нехорошо! (Когда кто-то сердится, он неправ). Я не знаю, могу ли простить тебе твои ругательства. Кажется, не могу уже. В зале футуристов ты напал из-за угла, как член мафии, и употребил во зло все, что нас связывает. Ты взял потом обратно свои термины. Это возвращает тебе право участвовать в полемике, но и только. И так это все было некстати именно в Риме!»⁶⁷ Наконец, 19 апреля (по русскому стилю) Городецкий пишет ему же из Петербурга: «У меня досадное чувство, что мы римские дни проспорили далеко не прекрасно, и только от немногих мгновений, когда шаги наши звенели ночью о камни, есть светлое ощущение»⁶⁸.

Вопрос о «понимании» Пушкина был не случайным и не раз обсуждался именно в кругу акмеистов. Это подтверждает, например, И.Одоевцева в статье «О любви к Пушкину», приводя следующие слова Гумилева:

«Если читатель говорит: «Я люблю Пушкина», — не верьте ему, это чаще всего значит, что он не любит и не понимает поэзии. А помнит только сентиментальной памятью то, что когда-то учил в гимназии. <...> Эти «любители Пушкина», браня Бальмонтов, Брюсовых «и прочих Мая-

ковских», прикрывают свое непонимание, как щитом, вечным «Пушкин так не писал» <...> По-настоящему любят Пушкина только пушкинисты и поэты. Остальные притворяются»⁶⁹.

Реакцию Иванова на легковесное (как ему казалось) заявление Городецкого может отчасти прояснить одно из его собственных суждений о Пушкине, высказанное в беседе с М.С.Альтманом 26 января 1921 г.:

«Я <то есть М.С.Альтман. — К.А.> сказал:

— В<ячеслав> И<ванович>, на Вас мне вчера жаловались, что вот Пушкина легко понять, а Вас приходится тщательно комментировать.

— Но и Пушкина, — сказал В<ячеслав>, — не так-то легко, как кажется, понимать. Так, строка «Служив отлично благородно» во всех почти изданиях пишется с запятой после слова «отлично», что искажает весь пушкинский замысел, ибо Пушк<ин> в данном случае цитирует некую реляцию старинную о чиновниках, и «отлично — благородно» означает отменно-благородно, отлично (от других, бравших, например, взятки: он же жил только долгами: в этом «отлично» юмор Пушкина, ибо велико ли отличие: и там и здесь люди живут на чужой счет и благородного не очень-то много). Другой пример. Говоря о завещании Овидия, Пушкин пишет:

И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли —
Не успокоенные гости⁷⁰.

Так-то, гладкость Пушкина не так-то уж вседоступна»⁷¹.

И все-таки не вполне ясно, что именно могло послужить поводом к еще одной предполагавшейся дуэли: разность мнений о Пушкине или резкость отзывов друг о друге, что позволили себе русские спорщики в Риме?

Примечания

- 1 На эту запись первыми обратили внимание Г.Г.Суперфин и Р.Д.Тименчик, опубликовавшие большую ее часть еще в 1972 г. при комментировании писем Ахматовой к Брюсову (см.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Вып. 33. М., 1972. С.247). С уточнениями та же работа перепечатана в журнале: *Cahiers du monde russe et soviétique* (Paris). Vol. XV № 1-2. 1974. P.185-200.
- 2 См. Vjačeslav Ivanov. *Russischer Dichter-europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums Heidelberg 4.-10. September 1989.* Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993. S.35-57.
- 3 *Годин Яков Владимирович (Вульфович; 1887-1954)* — поэт, принимавший в те годы деятельное участие в литературной жизни столицы, входивший в организованный С.Городецким (в начале 1906 г.) «Кружок молодых» и охотно посещавший разного рода вечера и собрания. О «Кружке молодых» см.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. (Лит. наследство. Т.92). М., 1981. С.21 (примеч. В.П.Енишерлова и Р.Д.Тименчика к публикации переписки Блока с А.А. и С.М.Городецкими); там же. С.198 (примеч. З.Г.Миц к публикации переписки Блока с Вл.Пястом).
- 4 Имеется в виду созданное в марте 1907 г. С.-Петербургское Литературное общество (существовало до 1911 г.). Фидлер входил (с сентября 1907 г.) в Совет Общества.

- 5 *Кремлев Анатолий Николаевич* (1859-1919) — драматург, критик, журналист, театральный и общественный деятель.
- 6 *Оскар Норвежский* (наст. имя и фамилия — Оскар Моисеевич (Ошер Мовшевич) Картожинский; 1882-1933) — журналист, критик, переводчик. См.: *Роман Тименчик*. Заметки на полях именных указателей. VIII. — НЛО. № 8. 1994. С. 204.
- 7 *Аничков Евгений Васильевич* (1866-1937) — критик, историк литературы, прозаик.
- 8 *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855-1920) — историк русской литературы и общественной мысли, библиограф.
- 9 «Газета Шебуева» — петербургский журнал, выходявший в 1906-1907 гг. (№ 1 — ноябрь 1906 г.) дважды в неделю. *Шебуев Николай Георгиевич* (1874-1937) — писатель и художник; издатель. В 1905-1906 гг. издавал в Петербурге сатирический журнал «Пулемет». Неоднократно подвергался судебным преследованиям, главным образом, — «за клевету в печати».
- 10 ИРЛИ. Ф.649. Оп.1. № 11. Л. 327-328.
- 11 *Вакх*. Оргиасты. Новая симфония. (Плагиат из Андрея Белого и др.). — Газета Шебуева. 1906. № 3 (ноябрь). С.5.
- 12 *Вакх*. Оргиасты. — Газета Шебуева. 1906. № 4 (ноябрь). С. 4-5.
- 13 Имеется в виду получившая шумную огласку история о состоявшемся на Башне обыске (в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г.), во время которого у Мережковского пропала меховая шапка (см.: *Бердяев Н.* «Ивановские среды». — Русская литература XX века. 1890-1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1918. Т.3. Кн.8. С.99-100; *Пяст Вл.* Встречи. М., 1929. С.96-102).
- 14 РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. № 51. Л. 184. Упоминаются поэты *Андрусон Леонид Иванович* (1875-1930), *Гофман Виктор Викторович* (1882-1911) и *Потемкин Петр Петрович* (1886-1926), а также *Судейкин Сергей Юрьевич* (1882-1946), живописец и театральный художник, выполнивший позднее несколько рисунков к «Курантам любви» Кузмина.
- 15 *Маска*. Литературный мир. У Федора Сологуба. — Газета Шебуева. 1906. № 2 (ноябрь). С. 4.
- 16 РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. № 51. Л. 250. Среди названных лиц: *Бакст* (наст. фамилия — Розенберг) *Лев Самойлович* (1866-1924) — живописец, театральный художник; *Нувель Вальтер Федорович* (1871-1949) — чиновник канцелярии Министерства Императорского двора, близкий к литературно-артистическим и музыкальным кругам Петербурга; *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884-1967) — поэт, критик и беллетрист.
- 17 *Тетерникова Ольга Кузьминична* (1865-1907) — сестра Ф. К. Сологуба; по профессии — акушерка.
- 18 ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 188. Л. 1-1 об.
- 19 Там же. Л. 6 (записка на отдельном листе; судя по содержанию, — постскрипту к письму от 29 декабря 1906 г.).
- 20 РГБ. Ф. 109. Карт. 16. № 27.
- 21 Единственным откликом в «Газете Шебуева» на статью Година была анонимная заметка, помещенная в разделе «Почтовый ящик»: «И. А. Антоновой. — Ваша критика сурова, но неосновательна. Напрасно Вы думаете, что это плохая пародия на хорошие стихи. Клянусь Вам, что все стихотворные отрывки, приведенные в статье «Оргиасты», взяты целиком, без изменений, из подлинных произведений гг. Валерия Брюсова, Александра Блока, Вячеслава Иванова и др. И Недотыкомка не факт, а истинное происшествие» (Газета Шебуева. 1906. № 11 (декабрь). С. 8) Ясно, что редакция «Газеты...» решительно не желала дезавуировать ни статью «Оргиасты», ни ее автора.
22. ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 188. Л. 3.
- 23 См. письмо к М. А. Кузмину, в котором Годин просит у него «стихов и прозы» для первых номеров журнала «Скэттинг-Ринк» и попутно сообщает: «Мне уже

дали свое согласие и, частью, вещи: А. А. Блок, А. М. Ремизов, Г. К. Лукомский, Тэффи, М. В. Добужинский и мн<огие> другие имена, среди которых, я надеюсь, Вы не сочтете неудобным выступить» (РНБ. Ф. 124. № 1199). Упомянут, среди прочих, *Лукомский Григорий Крескентьевич* (1884-1952) — архитектор, художник, историк искусства и архитектуры.

24 ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. № 15. Л. 279.

25 *Годин Я.* Памятные встречи. — Лит. Удмуртия. Лит.-худож. альманах. № 1. Ижевск, 1958. С. 119.

26 *Котылев Александр Иванович* (?—1917) — издатель и журналист, один из ближайших друзей Куприна. Весной и летом 1912 г. он сопровождал Куприна и его семью в их заграничной поездке. «...Мой друг А. И. Котылев, опытный, умный и честный журналист, хочет писать о городском хозяйстве <...> — рекомендовал его Куприн 6 сентября 1916 г. В. А. Бонди, одному из редакторов «Биржевых ведомостей», — если бы я был руководителем газеты, я бы положился с закрытыми глазами на его вкус, внимание и такт» (РНБ. Ф. 9. № 16. Л. 1). В архиве В. И. Иванова хранится письмо к нему А. И. Котылева от 5 октября 1909 г. (РГБ. Ф. 109. Карт. 27. № 95).

27 *Ялгубцев Михаил Петрович* — журналист, репортер «Петербургской газеты»; друг Куприна.

28 *Трозинер Федор Федорович* (?—1919) — фельетонист, друг Куприна.

29 *Катун Александр Иванович* — дамский портной; приятель Куприна. Описывая похороны Куприна (август 1938 г.), М. К. Куприна-Иорданская, первая жена писателя, вспоминала: «У гроба с нами сидел старик Александр Иванович Катун, портной, с которым Куприн еще до эмиграции был дружен и часто останавливался у него, приезжая из Гатчины в Петербург» (*Куприна-Иорданская М.* К Годы молодости. М., 1966. С. 329).

30 ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. № 16. Л. 160-161. Запись М. Пепенина (воспроизведенную со всеми особенностями оригинала) см. также в альбоме Фидлера («В ресторане. II») за 1911-1912 гг. (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 2. № 20. л. 49).

Выходка Куприна, описанная в цитированном фрагменте, была вызвана не только типичным для него состоянием, но и, скорее, его добродушно-покровительственным отношением к Фидлеру. Подобные экстравагантные шутки над «немцем» Куприн позволял себе неоднократно. Ср., например, запись в дневнике Фидлера, датированную 29 августа 1914 г.: «Я зашел в ресторан Соловьева (на углу Невского и Николаевской). За одним из столов сидели: актер Судьбинин, «Яша» Бронштейн, Кранихфельд и Куприн. Увидев меня, Куприн воскликнул: «А, наш любезный немец! Давай-ка сюда быстрее свой альбом, я впишу в него какую-нибудь похабину!» — «Ну, нет, ведь этот альбом читают моя жена и дочь. Но я заведу для тебя особый альбом и назову его «Куприана».

Перед ним стоял полупустой «фужер» с пивом. Куприн был совершенно трезв. (Остальные тоже) <...>» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. № 20. Л. 79).

Упомянуты: *Судьбинин Серафим Николаевич* (1867-1944) — артист, позднее скульптор; *Яков Адольфович Бронштейн* — инженер; друг Куприна в 1910-е гг.; *Кранихфельд Владимир Павлович* (1865-1918) — литературный критик и публицист. Слово, выделенное курсивом, написано в оригинале по-русски.

31 Об отношениях В. И. Иванова с Хлебниковым (их знакомство состоялось в 1908 г.) см.: *Парнис А.* Новое из Хлебникова. — Даугава. 1987. № 7. С. 106-113. *Его же.* Хлебников в дневнике М. А. Кузмина. — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 156-165. *Его же.* Вячеслав Иванов и Хлебников. К проблеме диалога и о нищевском подтексте «Зверинца». — De Visu. 1992. № 0 (нулевой). С. 39-45. О встречах В. Иванова с Хлебниковым в 1911 г. в этих публикациях не упоминается, как и о знакомстве последнего с М. Пепениным.

32 *Чапыгин Алексей Павлович* (1870-1937) — писатель. Сохранилось три письма Чапыгина к В. И. Иванову за 1910-1911 гг. (РГБ. Ф. 109. Карт. 36. № 19). Ни Хлебников, ни М. Пепенин в этих письмах не упомянуты.

- 33 РГБ. Ф. 109. Карт. 32. № 86. Л. 1. Письмо было отправлено на Таврическую, 25 Вячеславу Александровичу <так!> Иванову.
- 34 Там же. Л. 2, 3.
- 35 См.: Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публ., примеч. и перевод К. М. Азадовского. — Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. (Лит. наследство. Т. 92). М., 1993. С. 353.
- 36 РГБ. Ф. 109. Карт. 46. № 11. Л. 8, 21. Отметим также приписку, сделанную М. Пепениным к стихотворению «Былъ золотая! Клятвы, обеты...» (дата — 24. XII. 1911): «Не мог не поделиться, Вячеслав Иванович. Тема давно меня волновала. Но если и здесь — Блок, брошу писать. Забежал бы сам, да простудился. Сижу. Ваш М. Пепенин. 27. XII. 1911 г.» (там же).
- 37 ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1345. Л. 18 об. Приблизительно в то же время Пепенин послал несколько своих стихотворений и В. И. Иванову для публикации их в журнале «Русская мысль». Сохранился конверт, в котором эти стихи были отправлены из с. Кубенского Вологодской губернии в Москву и оттуда пересланы в Петербург (РГБ. Ф. 109. Карт. 46. № 11. Л. 25. Дата на конверте — 18. 2. <19> 14).
- 38 *Пепенин М.* Родине <стих.>. — Военные ведомости (Ново-Николаевск). 1918. № 29. 26 дек. С. 3. Первая строка этого стихотворения: «Кто любит родину — к оружию!...».
- 39 «Знаете ли Вы последние новости о Вячеславе Иванове? — спрашивал, например, С. К. Маковский у М. А. Волошина 19 августа 1912 г. — Он «совсем» уехал за границу вследствие... семейных осложнений со своею падчерицей, которая собралась... Впрочем, Вы или догадываетесь, или уже знаете. Признаться, эта история мне не нравится. Есть вещи слишком житейские, чтобы могли позволить их себе такие люди, как Вячеслав. Вообще, башенный корабль потерпел, по-видимому, крушение. Одни круги остались» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 812. Л. 37 об.).
- 40 Об отношениях Венгерова с В. Ивановым см.: Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ. О. А. Кузнецовой. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 72-100.
- 41 В. Иванов покинул Россию в конце мая — начале июня 1912 г.
- 42 12 июля 1912 г. у Иванова и В. Шварсалон родился сын Димитрий.
- 43 ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. № 18. Л. 100-101.
- 44 См.: *Иванов В.* Собр. соч. Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введением и примечаниями О. Дешарт. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 138-139; Т. 2. Брюссель, 1974. С. 734-736; Т. 3. Брюссель, 1979. С. 701-702.
- 45 *Богомолов Н. А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина. — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15-17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 166.
- 46 РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 38. Л. 71.
Ср. также «конфиденциальное» письмо А. Д. Скалдина к М. М. Замятниной, другу семьи Ивановых: «Дорогая Мария Михайловна! От Вячеслава Ивановича Вы, быть может, узнаете о крайне низком поступке Кузмина. Я нисколько теперь не жалею, что К<узмин> у меня не живет. Даже радуюсь этому» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 39. Л. 8. Дата письма — 7/20 октября 1912 г. После отъезда Ивановых за границу Кузмин лишился своего местожительства в доме на Таврической и, видимо, полагал одно время поселиться у Скалдина, однако, в конце концов, переехал к С. Ю. Судейкину).
- 47 *Залеманов (Зельманов) Александр Михайлович* (1891 — после 1929) — чиновник Отдела периодических изданий Министерства финансов, близкий в начале 1910-х гг. к литературным кругам столицы. В советское время — инструктор Ленгубсуда, арестованный в 1929 г. (см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. Воспоминания / Вступ. ст., составл., примеч. и аннотиров. указатель имен А. И. Добкина. М.,

1992. С. 229-230, 477). Был дружен с С. К. Шварсаломом; осенью 1912 г. проживал с ним совместно в квартире на Васильевском острове. Художница Анна Михайловна Зельманова, автор портретов Ахматовой и Мандельштама, жена (с осени 1912 г.) критика из журнала «Аполлон» В. А. Чудовского, была, согласно предположению Р. Д. Тименчика, сестрой А. М. Залеманова (см.: *Тименчик Р. Д.* Заметки на полях именных указателей. — НЛО. № 4.1993. С. 157).

Знакомство Залеманова с С. К. Шварсаломом состоялось летом-осенью 1912 г. «С<ергея> К<онстантиновича> приходится пожалеть, — писал Скалдин к В. К. Шварсалон 6 ноября 1912 г., — он попал в довольно дурную компанию Залеманова. И одно меня утешает, что Залеманов при всех его отрицательных качествах не лишен значительного благородства» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 40. Л. 4 об).

48 РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 38. Л. 72.

49 *Шварсалон Сергей Константинович* (1887-?) старший сын от первого брака Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Учился в Англии, Швейцарии; с 1906 г. — в Юрьевском университете. В 1912-1913 гг. — чиновник Кассационного департамента Правительствующего Сената. В 1914 г. был призван в действующую армию, легко ранен. В 1915-1917 гг. служил в Горном департаменте Министерства финансов и в Цензурном комитете; работал в редакции Торгово-промышленной газеты (см. его письма к сестре, В. К. Шварсалон. — РГБ. Ф. 109. Карт. 39. № 14). После революции занимался случайной литературной работой (см.: *Барановский М. И., Шварсалон С. К.* Что нужно знать о Китае. М.-Л., 1927; 3-е изд. — 1928; см. также ряд переводов с английского, выполненных им для книги: В социалистическом отечестве. Сборник очерков иностранных ударников, работающих в СССР. М.-Л., 1932).

В. Иванов относился к своему пасынку с большой теплотой. «Я знаю: Вы его любите, да и я люблю», — писал Иванову А. Д. Скалдин 7 декабря 1912 г. (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 38. Л. 73 об.).

О последних годах жизни и обстоятельствах смерти С. К. Шварсалона сведений не обнаружено.

50 Отдельные фрагменты из писем Ал. Н. Чеботаревской к В. Иванову за 1912 г. использованы Н. А. Богомоловым в упомянутой выше статье «К одному темному эпизоду в биографии Кузмина».

51 Имеется в виду: *Дурасов В.* Дуэльный кодекс. СПб., 1908.

52 РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. № 1. Дата на машинописной копии протокола — 17 октября 1912 г.

53 Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля. — Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 10. Париж, 1990. С. 137.

54 *Рейнеке Арнольд Конрадович* — антрепренер и артист Русского драматического театра (б. Панаевского), открытого осенью 1912 г. Главным режиссером театра был Е. П. Карпов.

55 См.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». — Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983 г. Л., 1985. С. 199.

56 <Б.п.> Возмутительное нападение. — Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. № 13285. 6 дек. С. 3; То же. Утр. вып. № 13286. 7 дек. С. 5. В том же № 13286 на с. 6 — рецензия на спектакль «Изнанка жизни» (подп. — *Смоленский*).

Несколько иной текст был помещен в газете «Биржевые ведомости» (второе издание). 1912. № 287. 6 дек. С. 6 (раздел «Театр»). Текст заметки из вечернего и утреннего выпуска «Биржевых ведомостей» был перепечатан ежедневной газетой «Театр» (1912. № 100. 8(21) дек. С. 2. Раздел — «Театральный дневник»).

57 РГБ. Ф. 109. Карт. 36. № 22. Л. 34-35.

58 РГБ. Ф. 109. Карт. 34. № 38. Л. 73.

59 РГБ. Ф. 109. Карт. 36. № 22. Л. 36-37.

60 *Иванов В.* Собр. соч. Т. 3. С. 59.

61 См.: Богомолов Н. А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина. С. 167.

62 То есть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Там же. С. 166.

Ср. фрагмент из недатированного (конец 1912 — начало 1913 г.) письма Веры Шварсалон к С. К. Шварсалону: «Тебе же мое намеренье было, и теперь я его осуществляю, рассказать мою интимную жизнь, так как она теперь определена. А именно в двух словах: что так же, как я для него как переданная Мамой, чтобы в извечном смысле представлять ее на земле, и он для меня, по моему убеждению, назначен Мамой и единственный мужчина на свете, с которым я могу быть и давший мне с тех пор, как мы соединились, счастье после годов бесконечной тоски». В этом же письме В. К. Шварсалон высказывалась и по поводу недавнего скандала: «Что касается до вопроса о Кузмине, то я могу тебе только сказать «спасибо» за то, что ты защитил мою честь и рисковал для этого своей жизнью. Я была совершенно согласна со всем, что Вячеслав писал тебе в своем последнем письме. Скажу только, что для *меня* Кузмин не мужчина, а баба последней подлости и низости, но баба, к которой я относилась как к другу и больше чем <к> другу, но которая, предав меня, кроме того заведомой ложью осложнила предательство» (РГБ. Ф. 109. Карт. 37. № 38. Л. 22 об. — 24. Упомянутое письмо В. Иванова к С. К. Шварсалону неизвестно).

63 С Михаилом Михайловичем Гаккебушем (изменившим в годы войны свою фамилию на русскую — Горелов) В. Иванов познакомился, в октябре 1910 г. Письмо М. М. Гаккебуша к Иванову от 16 октября 1910 г. (с приглашением посетить его вечером 17 октября), несомненно, — первое обращение (подпись: «Давнишний Ваш почитатель»). Это подтверждается и припиской И. И. Ясинского: «У Мих. Мих. Гаккебуша, главного редактора «Биржевых ведомостей», соберутся вечером с 9 ч<асов> писатели послушать композитора Гречанинова, положившего на музыку стихи Бальмонта, Блока, Городецкого и Ваши <...> И г. Гаккебуш, и жена его, Юлия Алексеевна, очень просят Вас приехать к ним, люди они милые, простые, и будут Вам очень рады. Если Вас это заинтересует, приезжайте, пожалуйста...» (РГБ. Ф. 109. Карт. 40. № 21).

Что касается Фидлера, то он еще ранее поддерживал отношения с Гаккебушем, «жертвовавшим» литературные материалы для его собрания. Поздравляя Фидлера с днем рождения 4 ноября 1910 г., Гаккебуш также писал ему: «Прилагаю нечто для Вашего музея» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 3. № 13).

64 Поездка Городецкого вместе с М. М. Гаккебушем по Италии состоялась в марте-апреле 1913 г. До этого, летом 1912 г., Городецкий уже посетил Венецию и Флоренцию, откуда посылал Гаккебушу восторженные открытки. Оба итальянских путешествия оставили глубокий след в душе Городецкого. В недатированном письме к Г. И. Чулкову <май 1914?> он писал: «Город <то есть Петербург. — К. А.> пустынен и прекрасен. Вчера бродил под дождем, ждал рассвета. Все мне болезненно напоминает Италию. Соловьевский пер<еулок> — пизанские улочки, Балтийский вокзал — тоже вокзал, в Риме, Мойка — Венецию. Чуть не символистом становлюсь — ужас какой! — в этих „соответствиях“» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. № 322. Л. 1; Соловьевский переулочек — ныне ул. Регина на Васильевском острове).

В 1912-1915 гг. Городецкий был связан с Гаккебушем достаточно тесно (в частности — своим сотрудничеством в «Биржевых ведомостях»). Он нередко посещал дом Гаккебушей, рекомендовал ему начинающих писателей. Так, 14 марта 1912 г. он просил его отнестись с вниманием к С. А. Клычкову, а 22 апреля 1915 г. направил к нему С. Есенина с запиской: «Пригрейте молодого нашего поэта Сергея Есенина как талантливого, по-моему, очень. <...> Выберите что-нибудь» (РГАЛИ. Ф. 157. Оп. 1. № 36. Л. 4, 9).

65 Встреча Городецкого с В. Ивановым в Риме состоялась между 22 марта и 6 апреля 1913 г. (по новому стилю).

66 ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 1. № 19. Л. 63-64.

67 РГБ. Ф. 109. Карт. 16. № 53. Л. 14.

68 Там же. Л. 15.

Ср. также запись в дневнике Блока от 20 апреля 1913 г.: «Позвонил Горо-

децкий <...> Я спрашивал его о Вяч. Иванове, об Италии. Он опять привез «итальянские стихи». Вяч. Иванов еще более ругал его (в Риме), чем я. <...> В акмеизме будто есть «новое мироощущение», лопочет Городецкий в телефон. Я говорю — зачем хотите «называться», ничем вы не отличаетесь от нас. Он недоволен тем, что было столько «шуму и злобы». Я говорю: главное, пишите свое. Он согласен» (*Блок А. Дневник / Подготовка текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 198.*)

69 Цит. по комментарию Р. Д. Тименчика в кн.: *Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 327.*

70 Из поэмы «Цыганы» (1824).

71 Цит. по: *Альтман М. С. Разговоры с В. И. Ивановым. Сост. и подготовка текста В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Общая ред., статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. [Машинопись]. С. 34. Тот же отрывок в другой редакции приведен в публ.: *Альтман М. С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым (Баку, 1921 г.) — Труды по русской и славянской филологии. XI. (Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 209). Тарту, 1968. С. 309.**

ПЕРЕПИСКА В.И.ИВАНОВА С С.К.МАКОВСКИМ

*Подготовка текста Н.А.Богомолова и С.С.Гречишкина,
вступительная статья Н.А.Богомолова,
комментарий Н.А.Богомолова и О.А.Кузнецовой.*

Сергей Константинович Маковский (1877-1962) был весьма заметной фигурой «на Парнасе серебряного века», если воспользоваться заглавием его собственных воспоминаний. Поэт, искусствовед, мемуарист, он, однако, предстает в публикуемой нами переписке прежде всего в своей редакторской ипостаси. Едва ли не главное дело Маковского, которым он запомнится и современникам, и потомкам, — создание журнала «Аполлон», и вокруг «Аполлона» вращается большинство сюжетов, возникающих в письмах.

Условно их можно разделить на три группы: первая относится к подготовительному этапу создания журнала, вторая — к начальным его номерам, и, наконец, третья (пожалуй, наименее интересная) — к сотрудничеству Иванова в журнале 1911-1915 годов.

Маковский задумал журнал (или, как иногда проскальзывает в документах того времени, — альманах), который должен был называться «Аполлон» или «Акрополь», еще в конце 1908 года. Однако одному ему не удалось бы, конечно, сделать ничего. На первых порах он искал поддержки у Александра Бенуа, но, как ему вспоминалось позже, решающим моментом явилось знакомство с Гумилевым в самом начале 1909 года. Гумилев познакомил его с И.Анненским, ставшим одним из центров будущего журнала, а где-то вскоре

возникла мысль привлечь к работе в создаваемом журнале и Вячеслава Иванова.

Конечно, познакомились Маковский и Иванов гораздо раньше. Сам Маковский вспоминал: «Вячеслава Иванова я знал с 1903 года, когда из Италии он приехал в Петербург и выпустил “Кормчие звезды”»¹. Однако всегда между двумя людьми оставался некий холодок. Он очевиден всякому, прочитавшему воспоминания Маковского об Иванове, где почти нет личного начала и эпизоды, опирающиеся на собственную память, приходится буквально выискивать. Нельзя не почувствовать этого и по публикуемым письмам.

Но новая идея Маковского должна была прийти по сердцу Иванову, на довольно долгое время лишенному журнала, где можно было бы не только печататься, но на который можно было бы серьезнейшим образом влиять. 7 ноября 1908 года он писал Брюсову по поводу планов уже умиравших «Весов»: «Серьезный, объективно-спокойный тон, отказ от полемических «красот», строгий вкус, устранение всего того, что может быть истолковано учениками и толпой как симптомы междоусобной войны и соревнования между *maître*’ами — вот что сделало бы «Весы» тем, чем они должны в настоящее время быть, — органом *der Meister*. Голос всех тех, кого «Весы» признают как «Meister» совре-

менной нашей словесности, должен раздаться на страницах журнала, и противоречия не должны служить соблазном: каждый имеет право на внимание и на объективное рассмотрение, без всякой тенденции его опровергнуть»².

Подобное существование в «Весах» было невозможно, а в планировавшемся «Аполлоне» Маковский именно и предлагал всем потенциальным «идеологам» (Анненскому, Иванову, Бенуа и Волынскому) чувствовать себя относительно независимыми, мэтрами, чтобы лишь самые общие, почти ни к чему не обязывающие рассуждения скрепляли позицию журнала. Потому Иванов столь охотно подхватил стремление Маковского сделать его одним из ведущих сотрудников, не просто посещал организационные собрания, но был одним из активнейших инициаторов аполлоновских выступлений, деятельным автором первого номера... Но затем сотрудничество это довольно резко приостановилось, хотя и не прекратилось совсем.

Причин подобного охлаждения доподлинно мы не знаем, но публикуемые письма, как кажется, дают основания кое о чем гадать с большим основанием. Очевидно, Иванова не слишком устраивали и отдельные статьи первых номеров, и, прежде всего, сама двусмысленная ориентация редактора: подерживая на словах Иванова, называя его подлинным мэтром, учителем и прочими гордыми именами, Маковский в то же время явно отдавал предпочтение в практической работе авторам из другого лагеря. Одновременно с подчеркнутую почитательными письмами Иванову он восторженно пишет Брюсову (и оказывается поддержан в этом всей «молодой редакцией»), конфликт которого с Вячеславом Ивановым в начале 1910 года уже назрел и был готов прорваться. За внешним преклонением Иванов, очевидно, чувствовал внутренний скепсис, почти цинично разъяренный Маковским в письме к Брюсову: «...в России всего два-три писателя, с мнением которых о поэзии приходится считаться, и если кто-нибудь из этих писателей, хотя бы наиболее близких редакции, не дает статей журналу, то журнал не имеет возможности отклонять статей других писателей, хотя бы они шли вразрез с мнением первого. Иначе — можно остаться совсем без статей и сотрудников. Место — всегда тем, которые работают. Фатально — так»³.

И едва ли не самый значительный фрагмент публикуемых писем как раз и относится к выяснению отношений меж-

ду Маковским и Ивановым по поводу первых номеров «Аполлона». Вероятно, Иванов был весьма резок, так что редактору пришлось столь подробно описывать обстановку в журнале, изъясняя и свою позицию, и точку зрения ближайших сотрудников, регулярно работающих, в отличие от Иванова, на почерке журнальных баталий. Это письмо с точностью фиксирует решительную эволюцию журнала после смерти Анненского, ухода Бенуа и практического отказа Иванова от сотрудничества, когда все более и более определенно пальма первенства отдавалась в руки Гумилева, Кузмина, Ауслендера, Ал.Н.Толстого и других, для которых имя Иванова уже не значило так много, как прежде. И не случайно в месяцы серьезнейшей полемики о судьбах символизма и Маковский, и Гумилев, и Кузмин оказались не на стороне Иванова.

Тогда эта позиция не была особенно замечена и оценена: на переднем плане были сражения громовержцев, а что думали при этом практически не высказывавшиеся публично молодые поэты — мало кого интересовало. Но постепенно именно из этой позиции вырисовывались те вкусы, которые, по мнению Мандельштама, и стали основой акмеизма.

Статья «Заветы символизма» была едва ли не последней попыткой Иванова выразить свою позицию на страницах «Аполлона». Она потерпела явную неудачу, выяснять отношения с Маковским было бесполезно, и Иванов постепенно все более и более стал отходить от журнала. Последняя группа писем носит чисто деловой характер и более всего интересна для текстологов и хроникеров творчества Иванова.

При подготовке публикации мы сочли возможным максимально (на основании документов московского архива Иванова и печатных материалов) попробовать восстановить канву его сотрудничества с «Аполлоном», поэтому в комментариях приводятся также письма к нему двух секретарей редакции журнала: Е.А.Зноско-Боровского и М.Л.Лозинского.

С сожалением приходится говорить о том, что переписка сохранилась далеко не полностью. Если письма Маковского отложились в неуплохо сохранившейся московской части архива Иванова (РГБ, ф. 109, карт. 22, ед.хр. 52; впрочем, и среди них есть лакуны. Так, в недатированном письме Е.А.Зноско-Боровского к Маковскому [начало 1911] читаем: «Только что Вяч.Иванов спрашивал о судьбе своего письма к Тебе по

поводу лекции Волконского, — это очень спешно, Волконский скоро уезжает, а они ничего не знают» [РНБ, ф. 124, № 1770. Л. 25 об], — но никаких следов отклика Маковского в публикуемых письмах нет), то, несомненно, большая часть писем Иванова пропала при отъезде Маковского за границу. Сохранились лишь два письма в его архиве (СР ГРМ, ф. 97, оп. 1, ед. хр. 104), да еще одно (письмо 4) было скопировано М. М. Замятниной и печатается по этой копии (РГБ, ф. 109, карт. 10, ед. хр. 17). Большой фрагмент еще одного письма Иванова, до нас не дошедшего, был опубликован

Маковским в 1911 г. (см. прим. 1 к письму 9). Отрывки некоторых писем были использованы составителями раздела «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» (Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3) Н. В. Котрелевым и Р. Д. Тименчиком, а также А. Б. Шишкиным в статье, названной в прим. 2 к письму 15.

Письма, хранящиеся в Петербурге, приготовлены к печати С. С. Гречишкиным, в Москве — Н. А. Богомоловым. О. А. Кузнецовой принадлежит часть комментария, опирающаяся на петербургские архивы.

Примечания

1. *Маковский Сергей*. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 272. Впрочем, не исключено, что память изменила ему и на самом деле знакомство произошло в 1905 г.
2. Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 514
3. Письмо от 30 июля 1910. — РГБ, ф. 386, карт. 93, ед. хр. 27. Л. 8 об—9. Не полностью опубликовано: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 370.

1

С. К. МАКОВСКИЙ — В. И. ИВАНОВУ

6 мая 1909

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

В субботу, 9-го мая, состоится первое собрание (и последнее до осени) «Аполлона» — в помещении редакции — Мойка 24, кв. 6. Помня Ваше любезное согласие участвовать в журнале, я надеюсь, что Вы не откажете прийти на собрание к 8 ½ ч. вечера. Соберется небольшой круг сотрудников для окончательного обсуждения программы журнала и первых осенних выпусков¹.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

Сергей Маковский.

2

С. К. МАКОВСКИЙ — В. И. ИВАНОВУ

19 мая <19>09

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Только что я получил телеграмму от Ин. Фед. Анненского: он очень рад будет видеть нас у себя в пятницу. Итак, я надеюсь, что мы встретимся в

этот день, в 2 часа, на Царскосельском вокзале. Я уверен, что Вы не пожалеете об этом маленьком путешествии, а мне — доставите настоящую радость!

Жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

Сергей Маковский.

3

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

Июля 29 1909 г.

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Пишу Вам на тот случай, что не застаю Вас дома, т.к. завтра около 6 зайду к Вам, чтобы просить Вас приехать в редакцию «Аполлона» в среду (5-го августа) к 8 часам вечера. Соберется небольшой кружок сотрудников (Ал.Бенуа, Добужинский, Сомов, Анненский — и, м<ожет>б<ыть>, еще кое-кто) для обсуждения ближайшей программы журнала¹. Ведь все зависит от первых шагов, и надо их делать с большою осмотрительностью! До сих пор я был так завален работой, что не мог известить Вас, а хочется об очень многом услышать Ваше мнение...

Искренно Вас уважающий и преданный Вам

Сергей Маковский.

4

В.И.ИВАНОВ — С.К.МАКОВСКОМУ

2 окт<ября> <19>09

Мн<огоуважаемый> Сер<гей> Конст<антинович!>

На мой взгляд, Ваши изменения в статье Бенуа слишком далеки и подчас излишни¹: они уменьшают остроту *личного* элемента в этой статье, кот<ор>ая может быть принята только к<a>к личное исповедание автора в его индивидуальной окраске, с его индивидуальными особенностями формы и я сказал бы — запала. Ибо иначе к<a>к личное, лирическое заявление (кстати, вовсе уже не аполлинийского рода и стиля, а именно марсийского, плясового, смутно-хмельного, неупорядоченного, неустроенного) — *как* ее, статью эту, принять и понять?

С моей точки зрения, все, что говорится в ней о религии, в своей скользкой запутанности и смутности стоит на границе между каким-то стихийным вещаньем и кощунством*. Конечно, я не приписываю уважаемому мною Ал<ександру> Ник<олаевичу> никакой male voluntas** и вижу только в религиозно-историческом его aretus*** некий дилетантизм, а во всем, что касается искусства в пределах статьи, истинный энтузиазм, — но энтузиазм того порядка, который переплескивает содержание искусства в сферу Тайны и Действа, т.е. энтузиазма не аполли-

* Что я называю кощунством, видно из моей миньятюрной полемики на полях корректуры. - *Прим. Вяч.Иванова*²

** Злой воли (*лат.*).

*** Очерке (*франц.*).

нийского типа творчества. Ввиду всего вышесказанного, не советуя изменять его прописные буквы на малые. Это существенно изменяет его перспективы <так!>. Он хочет говорить именно о *религии*. Я очень, повторяю, не согласен с такою трактовкой религиозной проблемы и проблемы эстетической, очень не согласен с таким конфузным смешением обеих проблем, но уважаю и ценю голос Бенуа и даже самый факт, что он пожелал быть откровенным и восторженным. Само собой разумеется, что ничего *личного* мне неприятного я не вижу в статье. Простите, если я сказал о своем впечатлении почему-то больше слов, чем хотел, раз взялся за перо. Пред<анный> Вам —

В.И.³

5

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

2 февраля 1910

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Только что я получил от Евг<ения> Алекс<андровича> письмо, в котором он подробно пересказывает Ваш последний разговор с ним об «Аполлоне»¹. Этот разговор так близко меня касается, что я чувствую непреодолимое желание, не дожидаясь моего возвращения в П<е>т<ер>б<ург>, сказать Вам — с тою безусловной искренностью, с какой я привык относиться к Вам, — все, что я думаю по поводу Ваших укоров редакции «Аполлона». Я не буду касаться заметки Гюнтера о Блее²: ведь слова его об «умных людях», разумеется, не имеют *никакого* касательства к русским писателям. В своих «хрониках» Гюнтер говорит только о немецкой литературе; в этом — его право. Согласитесь сами, сколько поводов к недоразумениям создалось бы, если бы мы стали толковать замечания наших многочисленных заграничных корреспондентов как относящиеся к русским авторам! Я настаиваю на этом утверждении, т.к. иначе считал бы себя обязанным вычеркнуть Гюнтера из числа сотрудников³.

Чтобы не мучить Вас слишком длинным письмом, я попытаюсь разделить на пункты все те «укоры» Ваши, о которых пишет мне Евг<ений> Алекс<андрович>. Ответы на них так ясны для меня! И мне так хотелось бы, чтобы никакой неясности впредь между нами не было, Вячеслав Иванович. Извиняюсь вперед, если я неверно понял из передачи Евг<ения> Алекс<андровича> то, что Вы имели в виду. В теперешнем моем положении — полубольного, пишущего спешно художественно-критическую статью в снежной деревенской глуши⁴, так далеко от литературной атмосферы П<е>т<ер>б<урга> — я могу только полагаться на Вашу снисходительность и желание помочь мне. Не правда ли? Итак — 1-ое)

«Аполлон» пренебрегает завоеваниями модернизма (говоря обще) последних годов, обращаясь по преимуществу к молодым, ничего особенно нового не несущим писателям, а не к метрам, и хочет, чтобы у этих молодых, которым самим еще надо учиться, учились другие...⁵

Я считаю это самым серьезным обвинением и был бы в восторге, если бы Евг<ений> Алекс<андрович> просто неточно передал мне смысл Ваших слов. Дело в том, что в течение четырехмесячного существования журнала я только и делал, что обращался к метрам, и за это меня по преимуществу почти единодушно и укоряла критика. Я начал с привлечения Вас, Анненского, Брюсова, Бальмонта, Бенуа и, наконец, Волинского, которого ведь тоже нельзя причислить к «молодежи». Именами этих вождей начался «Аполлон». Не моя вина, конечно, что между ними

с первого же номера началось внутреннее несогласие. Вы остались довольны статьями Бенуа и Анненского⁶, Вольтинский вышел из состава редакции⁷, Брюсов остался в выжидательном положении⁸. Тогда мы условились с Вами о постоянном Вашем отделе «Борозды и межи», идея которого, в частности, чрезвычайно близка мне лично (хотя ни разу я не считал себя вправе считаться исключительно с моим мнением и вкусом... в выборе статей).

После смерти Ин<нокентия> Фед<оровича>, который, действительно, целиком отдавал себя делу «Аполлона»⁹, — Ваше постоянное сотрудничество в журнале, разумеется, стало только более настоятельным, но... тут не Вы, а я, Вячеслав Иванович, вправе упрекать. «Борозды и межи» так и оборвались на первом номере¹⁰; на все мои просьбы Вы всегда говорили о Вашей занятости (и я должен был принять справедливость этой фогсе тајеуре); наконец, я попытался воспользоваться уже готовой работой Вашей — переводом Новаллиса <так!>, и вот до сих пор Вы не исполнили обещания, хотя мне пришлось изменить программу двух книжек журнала в ожидании Вашего глубоко-ценного дара¹¹. Что же другие? Ин<нокентий> Фед<орович> скоропостижно умер. Бенуа отказался наотрез от деятельной работы в журнале — по той же причине, не от недостатка сочувствия, а от недостатка времени (каких усилий мне стоило добиться от него нескольких виньеток для Ренье¹², а история с предисловием к каталогу выставки — целиком на его ответственности, т.к. он отказался написать его *за два дня* до открытия выставки: казните меня, не могу ничего написать и т.д.). Не говорю уже о том, что я безуспешно предлагал Бенуа редактирование отдельных номеров: в ответ — только ласковые слова: устал, дела по горло и т.д. Брюсов, Вы сами знаете, тоже очень занят; вот уже два месяца обещает статью, но пока прислал лишь короткое стихотворение¹³.

При этих обстоятельствах, к кому мог обратиться я за деятельною помощью, за постоянной работой, без которой ни один журнал существовать не может? Неужели не к тем *молодым* писателям, которых люблю и которых Вы сами ставите так высоко? В частности, не Вы ли называли Кузмина «метром»? Я был бы осторожнее в данном случае, но дело не в литературном ранге. Кузмин действительно показал себя самоотверженным работником в журнале, взяв на себя совершенно безвозмездно чтение бесчисленных рукописей, присылаемых в редакцию, не говоря уже о том, что его дарование развивается с каждым днем и, благодаря отчасти «Аполлону», я надеюсь, будет крепнуть и совершенствоваться. Разве это не Ваше мнение? Если нет, то, значит, я абсолютно не понял того, что Вы говорили мне столько раз именно о Кузмине...

2) Но является ли Кузмин выразителем «символа веры» «Аполлона»? Я думаю, что он сам очень далек от этой претензии. Пущенное им словечко «кларизм»¹⁴ — метко характеризует его личную эволюцию и совпадает с одним из тех вечных идеалов искусства (ясность, простота), от которых, конечно, не может отказаться журнал, носящий имя «бога меры и строя», и от которого и Вы, конечно, не отказываетесь. Но значит ли это, что «кларизм» исчерпывает задачи литературы, хорошей литературы? С моей стороны было бы, во всяком случае, наивно прибегать к такому ненужному ригоризму. Ибо искусство — всегда многолико, и любит искусство только тот, кто умеет ценить в нем многообразие очарований. В моих редакторских силах — только проводить в жизнь это положение, и мне кажется, что программа первых №№ журнала — лучшее доказательство моей искренности. Ауслендер, Ос. Дымов, Ал. Толстой, Блок, Кузмин и т.д. — какие разные подходы к творчеству¹⁵. Разве можно мерить их одной меркой, одним каким-то «символом веры», как бы звучно ни назвать этот символ. Имя «Аполлона» покрывает все подлинно художественное именно потому, что не может быть определено с точностью

математической формулы <так!>. Разумеется, я, как всякий, могу ошибаться в выборе и, наверное, ошибусь не раз. Но в таком случае — пусть друзья «Аполлона» указывают на мои ошибки в каждом отдельном случае. Это вопрос вкуса, Его Величества вкуса, а никак не «объединяющего лозунга». Мои постоянные обращения за советами — к Вам, в особенности — снимают с меня упрек в том, что свой вкус я считаю безапелляционным. Наоборот, я всегда внимательно выискиваю тонкую грань, отделяющую вкус (вкус редакции, журнала — как чего-то неувидимого и, тем не менее, реального) от личного каприза, личной идиосинкразии. Но именно ввиду этого я протестую против всякого доктринерства, в особенности коллективного. Или Кузмин — или Ремизов... На каком основании? Уверяю Вас, мне дороги и тот, и другой. Никто не может помешать Кузмину быть кларистом (слава Богу, если он нашел для себя точную формулу), но в следующей же книжке «Аполлона» пойдет сочувственная статья Ал.Толстого о сказках Ремизова¹⁶. Городецкий? Я не принял его скучнейшей и длиннейшей поэмы, в свое время возвращенной ему и «Весами», но всегда готов поместить его хороший рассказ или стихотворение (и убежден, что мы вряд ли вполне разойдемся в оценке; до сих пор, по крайней мере, этого не случилось!). Ремизову до сей поры редакция не отказала в помещении ни одного предложенного произведения. Почему Вы как бы вступаетесь за него? Из-за замечаний «хроники»? Но Кузмин пишет сдержанно, а Гумилеву я уже давно собираюсь сделать целый ряд увещаний, прося его быть менее резким и «личным» в оценках¹⁷. А.Белый? Вот, казалось бы, единственный повод для несогласия между нами. Но и тут (странно, если это случайно!) наши мнения совсем уже не так далеки друг от друга. На прошедшем собрании «Академии» Вы сказали о «Серебряном Голубе»: «Ужасно, но... гениально!» Пока А.Белый ничего не предлагал в «Аполлон». Если бы он предложил «Серебрян<ого>Голубя», я не спорю, весьма вероятно, что весы мои покачнулись бы в сторону «ужасно», но это далеко не априорное решение, а отдельный случай, по поводу которого опять-таки Вы как сторонник «борозд и межей» вряд ли стали бы со мною особенно спорить¹⁸.

3) Судя по письму Евг<ения> Алекс<андровича>, сначала Вы укоряете меня в пренебрежении к метрам, но в результате — как будто выдвигаете ряд *малодых имен*, с которыми журнал будто бы недостаточно почтителен. Мне кажется, что из всего сказанного явствует, насколько укор несправедлив ни в первом, ни во втором случае. Ибо кроме уважения, признания и искреннего желания привлечь «вождей модернизма» к деятельному сотрудничеству и самого внимательного и непредвзятого отношения к «молодым», на которых Вы ссылаетесь, я ничего не хочу.

4) Да, журнал должен быть беспартийным, оставаясь глубоко принципиальным, не потакая ни грубым вкусам публики, ни личным самолюбиям отдельных сотрудников. Да, между творчеством самых противоположных индивидуальностей, между Брюсовым и Вяч.Ивановым, Гиппиус и Кузминым, никаких *противоречий* с точки зрения «Аполлона» нет, поскольку им всем дороги интересы искусства и культуры, независимо от личного характера их мировоззрения, этики, религиозных убеждений и т.д. Искусство — многолико, но едино в корне своем. Осуществление этого единства, конечно, всегда выпадает в каждом отдельном журнале на долю кого-нибудь одного, но в конце концов это единство воли — только фикция: оно создается солидарностью редактора с ближайшими сотрудниками и друзьями дела и их взаимным уважением. Вас, Вячеслав Иванович, я привык считать старшим между нами и Ваше слово — особенно веским. Если же до сих пор Ваше участие в деле было менее деятельным, чем бы я желал, то виновен, конечно, не я — *je le dis en toute franchise!** Вот почему меня глубоко огорчили Ваши укоры «Аполлону», в

* Говорю это с полной искренностью (франц.).

которых звучит какой-то непонятный мне ультиматум: или — или... Или «кларизм» — или «я». Но ведь большего «клариста мысли», чем Вы, и представить себе невозможно. «Кларизм» не есть лозунг, исключаящий «свободную кафедру», а просто старая, часто забываемая в наши дни истина, что надо стремиться к совершенству мысли и слова. Кларизм побуждает к строгости в выборе — что необходимо как школа вкуса — но гениальность и даже просто яркий художественный темперамент сплошь да рядом ломают все перегородки «вкуса»: тогда остается только «снять шапку». Более чем кто-либо, я всегда готов преклониться перед всем неожиданно-гениальным, вызывающе-смелым, брызжущим неизведанной силой — но не во имя лозунга, а потому что убедительнее всех человеческих перегородок чары вдохновенной личности. С этой точки зрения и Вы для меня не только «кларист мысли», но — Вяч.Иванов, и с этой точки зрения я предоставил Вам самостоятельный отдел в журнале. Мало того, я всегда искал и ищу Вашего влияния, т.к. глубоко сознаю неокончателность моих литературных desiderata*. Мне будет очень радостно, если Вы откликнетесь на это письмо несколькими словами по следующему адресу: ст. Бологое Никол<аевской> ж.д., имение «Лидино»¹⁹.

Искренно Вас уважающий и душевно преданный Вам

Сергей Маковский.

6

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

3 марта 1910

Дорогой Вячеслав Иванович,

Только что я получил письмо от Ф.Ф.Зелинского, в котором он сообщает «Академии», что никак не может прочесть обещанного доклада *раньше осени*. Что предпринять на ближайшее время? И на какой день назначить следующее собрание? Это, разумеется, целиком зависит от Вас, т.к., пока не приехал Брюсов (кот<орый>), судя по его последнему письму, собирается прочесть в «Академии» две-три разрозненных лекции¹), все мы, «академисты», уповаем на Вас одного. Крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю за «Венок сонетов»².

Искренно Ваш

Сергей Маковский³.

7

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

16 августа 1910

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Случайно нашелся между моими бумагами листок, принадлежащий Вам: начало письма Брюсова¹. Спешу отослать его Вам, извиняясь за невольную неаккуратность, и пользуясь случаем, чтобы еще раз горячо поблагодарить Вас за то заступничество Ваше, благодаря которому история с сотрудниками «Весов» разрешилась так благополучно...² Но теперь я боюсь, как бы не началось нового «инцидента» после ответа Брюсова —

* Желаний (*лат.*).

Вам и Блоку, написанного в очень полемическом тоне!³ Надо ли продолжать полемику? Как Ваше мнение? Мне бы этого очень не хотелось. Я не мог отказать Брюсову; не напечатать его ответ немедленно — значило бы совсем разорвать с ним... Но продолжение спора заставило бы редакцию «Аполлона» примкнуть к той или другой точке зрения... а это несомненно вызвало бы принципиальный *раскол*, который я продолжаю считать очень нежелательным. Теперь, когда существование «Аполлона» обеспечено на несколько лет, — в особенности⁴. Больше, чем когда-либо, теперь, вступая во второй год издания, «Аполлон» должен быть журналом, объединяющим «модернистов» разных оттенков, — а не партийным органом с узкой «кружковой» программой...

Впрочем, обо всем этом, я надеюсь, мы скоро поговорим с Вами в Петербурге, где я буду в первых числах сентября. Выходит ли «Сог Арденс»?⁵ С волнением жду. Крепко жму Вашу руку.

Искренне и душевно Вам преданный

Сергей Маковский⁶.

8

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

20 сентября 1910

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Только три дня назад вернулся я в Петербург и разобрал корреспонденцию, которую мне не пересылали из редакции, т.к. последние две недели я переезжал с места на место. Вот — чем объясняется опоздание моего ответа на письмо Ваше от 1 сентября. Извините мне эту невольную неаккуратность и позвольте, прежде всего, объяснить, как случилось «возражение» Брюсова было напечатано в «Аполлоне» без Вашего ведома. Находясь в Екатерин^ос^{лавской} губ., я совершенно не знал, что Вы за границей! Когда Зноско-Боровский запросил меня письмом о «возражении» Брюсова, то я ему ответил: печатать, *предварительно показав Вам*. Пришлось спешить, т.к. № 9 был уже накануне выхода в свет. Я познакомился со статьей Брюсова только в верстке. Вам же написал совершенно предположительно, зная о «возражении» лишь из письма Зноско-Боровского и, повторяю, совсем не подозревая, что оно появится без Вашего просмотра и что будет иметь такой острополюемический характер. Теперь обстоятельства изменились, и я вполне согласен с Вашим желанием продолжать интересный спор. Настолько согласен, что отвечать Брюсову в «Аполлоне» предоставил и Андрею Белому, когда он запросил об этом редакцию¹. Есть еще один повод, который — я уверен — и Вам покажется не менее серьезным, чем бугада Брюсова: — только что появившийся фельетон Мережковского в «Русском Слове»². Конечно, нельзя не отозваться и на него.

Я надеюсь, дорогой Вячеслав Иванович, что Вас удовлетворит мое чистосердечное объяснение и что в следующем № «Аполлона» — 11-м — читатели прочтут не Ваше «письмо в редакцию» (хотя и такое дружеское), а то, что Вы найдете нужным возразить на нападки на Вас и Блока — в интересах русской поэзии и журнала, который считает Вас по-прежнему самым нужным и дорогим сотрудником³.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь скоро увидеть в Петербурге, где все без Вас давно соскучились.

Душевно Вам

Преданный

Сергей Маковский.

P.S. № 9 посылаю в Рим⁴.

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

17 мая 1911

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,
Искренно благодарю Вас за несколько интереснейших страниц о Чурлянисе... и поздравляю себя avec la bonne idée de m'être adressé a Vous*. Конечно, все будет напечатано дословно — в виде цитаты из Вашего письма, как мы условились. То, что Вы написали, — очень хорошо и *проникновенно*: это слово по отношению к Вашему письму я позволил себе вставить в статью¹. Впрочем, я пошлю Вам, если успеется, всю корректуру целиком. Еще раз спасибо!

Душевно Ваш

Сергей Маковский.

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

13 июня 1911

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,
Только теперь, по возвращении из Москвы, прочел я Ваше, такое милое, письмо и благодарю Вас сердечно за похвалу моей статье: я рад, что Вы считаете ее достойной оправой для Ваших глубоко-интересных мыслей о Чурлянисе. Оттиски, конечно, будут Вам посланы...** Пользуюсь случаем, чтобы напомнить Вам о письме Гумилева, которое Вы, должно быть, недавно получили, и просить Вас и от себя не отказать в его просьбе относительно стихов Ваших. А стихи Гумилева Вы получили? Нравятся ли они Вам?¹ Я уезжаю из Петербурга (на месяц — за границу) около 20 июня; до этого очень бы хотелось повидаться с Вами. Когда? Буду ждать нескольких слов ответа.

Искренно Ваш

Сергей Маковский².

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

6 августа 1912

Дорогой Вячеслав Иванович,
Где Вы? Адрес, оставленный Вами при отъезде, я случайно узнал от Кузмина, но этот адрес кажется мне недостаточно надежным для отправки заказной корреспонденции...¹ А между тем, давно уже получена мною *корректур* Вашей статьи о Чурлянисе, и я не знаю, как быть². Пожалуйста, откликнитесь открыткой, и я сейчас же вышлю ее вместе с рукописью. Кстати, в этой рукописи не оказалось *одной страницы*. Не осталась ли она случайно у Вас?

О многом хотелось бы написать Вам, но у меня нет уверенности, что Вы прочтете! Грустно и пусто без Вас на петербургском Олимпе... И бедному Аполлону очень одиноко.

Жду с нетерпением вестей.

Ваш душевно

Сергей Маковский.

* с прекрасной мыслью обратиться к Вам (*франц.*).

** Не забудьте, что Вам причитается и гонорар за Вашу вставку.
- Прим. С.К.Маковского.

В.И.ИВАНОВ — С.К.МАКОВСКОМУ

4 сент<ября>/22 авг<уста> 1912

Дорогой

Сергей Константинович,

Благодарю Вас за дружеские строки. Я, несмотря на безнадежно дурную погоду этого года, веду интимные разговоры с природой этих привычных мне мест и тихо работаю. Чтобы обеспечить себе большую свободу передвижений, я сосредоточил переписку в Лозанне, где часто бываю, так, что не удаляюсь от берегов Лемана, — и потому прошу прислать корректуру — без опасения, что она заблудится, — на Лозаннскую почту. Собираюсь в Италию только в октябре. Был бы весьма благодарен за высылку гонорара авансом. Меня огорчает потеря странички моей рукописи и даже прямо пугает. Как восстановлю я связь, где найду нужное слово? А если были там цитаты или примеры, я просто пропал. Рукопись продиктована. Манера моя писать статьи близка к стихотворчеству, как вижу сам: ибо мне кажется, что придется восстановить лирическое стихотворение, и притом *чужое*.

Итак, не найдется ли все же, если поискать, затерянный листок у Валериана Адольфовича¹, — которому посылаю дружеский привет, — или, скорее, в типографии? Как бы там ни было, ожидаю корректуры.

Не забывайте, дорогой Сергей Константинович, наших ревнителей². Я надеюсь, что будут собрания. Надеюсь на ревность Н.В.Недоброво³ и В.А.Чудовского. Произведите в мое отсутствие нужные реформы по организации общества. Устройте положение Чудовского, чтобы он работал. Что до Недоброво, вношу и горячо отстаиваю предложение: кооптировать его в члены нынешнего совета.

Быть может, Вы напишете мне при случае обо всем, что нам обоим дорого. Если да, спасибо заранее и до свидания заочно.

Сердечно Ваш

Вяч.Иванов.

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

3 октября 1912

Дорогой Вячеслав Иванович,

Ваше милое письмо от 22 августа я прочел только сегодня, т.к. весь последний месяц был в отъезде — в Крыму, на полном отдыхе, и не читал корреспонденции, чтобы не терзаться журнальными делами... Произошло это по совету врача, нашедшего у меня неврастению и переутомление в крайней степени. Теперь я совсем «отошел», чувствую себя бодро и готов снова «зарыться с головой» в свои обязанности и в волнения наступающего литературного года.

Одна из этих обязанностей, конечно, — «Общество ревнителей художественного слова»... Боюсь только, как бы оно не оказалось после Вашего отъезда совсем сиротой беспризорной или чем-то вроде «Академии без Ломоносова». Во всяком случае, одной кооптацией в совет Недоброво горю не поможешь. На мой взгляд, надо решиться, — чтобы дело не завяло, как цветок без росы небесной, — на полную реорганизацию. Я предполагаю собрать общее собрание, которому и предоставить выбор

временного (хотя бы на год) совета из 6-8 членов. Только такая «администрация», свободно избранная, может получить необходимый авторитет для дальнейшего ведения дела. Аристократический принцип был хорош при Вас, но в Ваше отсутствие неизбежна демократизация, ибо власть духовная не передается одним полномочием... Итак, я прошу Вас дать мне на осуществление этого проекта согласие; без него я не предприму, разумеется, ничего¹.

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи о Чурлянисе — увы — все-таки без недостающей страницы. Где она? Знаю только, что я потерять ее не мог, а передал всю рукопись, даже не раскрыв ее, Билибину². Пожалуйста, напишите мне, кстати, — имели бы Вы что-либо против, если бы статья Ваша появилась не в издании «Огней», а в издании Бутковской?

Искренно и сердечно Ваш

Сергей Маковский.

P.S. Получаете ли Вы «Аполлон»?

14

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

10 ноября 1913

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Очень радостно мне было получить от Вас весть. К моему великому сожалению, будучи нынче в Москве на очень короткий срок, я не мог выкроить часа, чтобы повидать Вас, — если позволите, я сделаю это непременно в следующий мой наезд, недели через три.

Простите, что я не сразу исполнил Вашу просьбу о корректуре «Чурляниса»: никак не мог добиться оттиска у Голике¹, где набор куда-то «завалили». Не печатал же я статью, уступленную мне издательством «Огни» (которое отказалось этой осенью от мысли издать книгу о Чурлянисе), потому что встретились затруднения с репродукциями². Февраль — не будет ли слишком поздно по отношению к сроку выхода Вашей книги?³ Пожалуйста, сообщите мне. Если не поздно, я бы немедленно выслал Вам гонорар за статью по расчету 150 рублей за лист, как прежде. Если же я не сделал этого раньше, то потому, что ведь не аполлоновской была статья, пока «Огни» не отказались от своей затеи. Теперь мне бесконечно хотелось бы считать ее аполлоновской, но совсем не знаю, как быть в случае скорого (хотя бы к январю) выхода в свет Вашей книги. Разве нет никакой возможности задержать ее для *следующего* сборника статей? В редакции часто сердечно все мы вспоминаем Вас и грустим, что Вы предпочли Москву петербургской «башне»...

Искренно Вам преданный

Сергей Маковский⁴.

15

В.И.ИВАНОВ — С.К.МАКОВСКОМУ

*Москва. Зубовский б. 25
23 июля 1915*

Многоуважаемый Сергей Константинович.

Благодарю Вас за высылку «Аполлона»¹. Хотелось бы мне быть ему чем-нибудь полезным. Если это желание взаимно, напишите мне, что

именно было бы Вам наиболее желательно иметь от меня. Я же, со своей стороны, имею изложить Вам нижеследующее предложение, которое, в виду некоторой его исключительности, требует принципиального рассмотрения, посему не решаюсь выслать прямо рукопись, не заручившись Вашим согласием в принципе. Ибо столько стихов «Аполлон» вообще не печатает. Дело вот в чем.

За июнь и начало июля написал я лирический цикл «Человек», состоящий из 44 стихотворений и архитектурно построенный наподобие больших музыкальных произведений. Вот его схема²

I часть (12 стихов)

I	Мелос α	VII	Антимелос α
II	Эпод	VIII	Эпод
III	Мелос β	IX	Антимелос β
IV	Эпод	X	Эпод
V	Мелос γ	XI	Антимелос γ
VI	Эпод	XII	Эпод

II часть (17 стихов)

Мелос:

$\alpha \beta \gamma \delta \epsilon \zeta \eta \vartheta$

Акмэ:

ι

Антимелос:

$\vartheta \eta \zeta \epsilon \delta \gamma \beta \alpha$

то есть:

IX
VIII ϑ ϵ ϑ X
VII η η XI
VI ζ ζ XII
V ϵ ϵ XIII
IV δ δ XIV
III γ γ XV
II β β XVI
I α α XVII

III часть (15 стихов)

Венок сонетов

Под «анти-мелосом» я разумею стихотворение, написанное в тех же метрико-ритмических формах и том же числе строк, как соответствующий «мелос» (относящееся к нему антифонно или антистрофически). Кстати, поясню, что эти греческие термины я употребляю лишь для выяснения структуры целого Вам — стихотворения сами по себе современные и рифмованные, ритмы и строфы разнообразные.

I часть может быть озаглавлена:

«Денница» (Люцифер), или

«Аз есмь».

II часть — «Эрос», или

«Ты еси».

III часть — «Два Града»,

с эпиграфом из блаженного Августина: «Две любви построили два града: любовь к себе до презрения Бога — град земной; любовь к Богу до презрения себя — град Божий»³. Тон этой последней части (венок сонетов) — апокалиптический. Эти настроения навесяны, конечно, войною.

Все вместе должно слагаться в мистерию «Человек».

Если бы «Аполлон» захотел напечатать этот цикл, долженствующий войти первой частью в большую книгу стихов, печатаемую с осени «Скорпионом» (заглавие всего тома, предположительно, также «Человек», объем больше 200 стихотворений⁴), — то это заняло бы листа два с половиной (число строк:

I часть = 214

II часть = 491

III часть = 210

915) — расчет мог бы быть произведен по листно, а именно *по 150 рублей* за лист, но с уплатою гонорара авансом. В ожидании Вашего ответа, крепко жму Вашу руку и прошу верить в глубоководное и душевную преданность Вашего старинного товарища

Вячеслав Иванов.

16

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

1 августа 1915

Самара. Дровяная пристань.

Имение «Рождествено» М.К.Ушкова

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Ваше любезное письмо я получил с большим опозданием. Редакция «Аполлона» сейчас пустует, а я гощу в самарском имении Ушкова, на Жегулях <так!>, а почта пересылается мне не всегда аккуратно... Я горячо приветствую Ваше предложение быть «чем-нибудь полезным» «Аполлону». В частности, стихи — это именно то, к чему у меня наибольший голод в настоящую минуту, и я с наслаждением углублюсь в Ваш «лирический цикл». Пришлите его сюда! Два с половиной листа стихов для книжки журнала, конечно, — много... но все-таки позвольте мне не предрешать вопроса до прочтения рукописи. Что касается гонорарных условий, то я считаю их приемлемыми.

Когда-то удастся мне увидеть Вас и услышать Ваше мнение о всем текущем?¹ Так хотелось бы поделиться мыслями и о будущем «Аполлона». Ведь как бы ни кончилась современная трагедия, все *должно измениться*... и на отечественном Парнасе.

Благодарю Вас от всего сердца за память и жду с большим нетерпением «Человека».

Душевно Вам преданный и почитающий Вас

Сергей Маковский.

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

26 августа 1915
«Рождественно». Самара.

Глубокоуважаемый

Вячеслав Иванович,

С великой грустью заклеил я сегодня бандероль с Вашим «Человеком». Надо ли говорить, что пришлось решиться на это не по соображениям редакционного характера? Ваши стихи, столь вдохновенные, я перечитывал в течение многих дней, каждый раз все более очаровываясь их инструментовкой и стихией вложенной в них мысли...¹ Но горе быть редактором и издателем одновременно! Когда я ответил Вам принципиальным согласием на предложенные Вами условия, я не обратил достаточного внимания на пункт о *сроке* напечатания. Вы говорите категорически об осенних книжках, а этого я никак не могу больше. Двойной № август-сентябрь давно отпечатан и ждет лишь последних новостей; следующий же — выйдет не ранее ноября. Да и то — можно ли быть нынче уверенным в чем бы то ни было? Мое мнение о текущих событиях, как было с самого начала, так и осталось крайне пессимистическим. В настоящее время больше всего вероятней за то, что вообще этой зимой продолжать журнальную работу не будет физической возможности. При этих условиях, окончательно выяснившихся для меня недавно, — Вы сами понимаете, — как издатель я не могу принять рукописи, которую с таким волнением читал как редактор и ваш ревностный почитатель.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь глубоко уважающий Вас и душевно преданный

Сергей Маковский.

С.К.МАКОВСКИЙ — В.И.ИВАНОВУ

3 сентября 1915

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

Простите меня великодушно за недоразумение с отправкой Вам рукописи Вашей. Одновременно было мною послано объяснительное письмо, но я только что узнал, — к моему ужасу, — что письмо это не попало в почтовую сумку, а пролежало больше недели в буфетной. Деревенские не порядки — ничего не поделаешь! Позволяю себе направить это запоздалое «объяснение» по Вашему адресу и еще раз прошу извинить мне невольную вину.

Ваш искренно

Сергей Маковский.

Примечания

1

1. О первом организационном собрании «Аполлона», действительно состоявшемся 9 мая, см. подробный комментарий А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика (*И.Ф.Анненский. Письма к С.К.Маковскому* / Публ. А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 224-226, 231-232). Однако Иванов на собрании не был. См. об этом в письме Маковского к И.Ф.Анненскому от 12 мая 1909: «Как удачно вышло, что не было Иванова. А Вы еще хотели, чтобы он председательствовал! Нам нужно создать *свою* атмосферу, свое дружное и авторитетное *сredo*, и пока оно действенно в Вашем лице, я верю абсолютно в наш успех» (Там же. С. 226).

2

Почт. бумага С.К.Маковского.

1. На следующий день после этого письма Маковский писал Анненскому: «Я предвижу интересный обмен идей с В.Ивановым. <...> Мне бы очень хотелось, чтобы Вы очаровали и его, как всех будущих «аполлонистов». Он может быть чрезвычайно полезен: не правда ли? Весь петербургский молодой писательский мир с ним очень считается. Сделать его «своим» — было бы настоящим приобретением. Но *своим* в кавычках, разумеется» (Там же). Приблизительно в это же время было решено, что Иванов становится «ближайшим сотрудником» журнала. 10 июня (или июля — дата написана крайне неразборчиво) О.Дымов откликнулся на неизвестное нам сообщение Маковского: «Чем занят Анненский? Я его полюбил. Он прекрасен! Вяч.Иванов очень мил и симпатичен. Как *ближайшего* сотрудника его надо бояться» (РНБ, ф. 124, № 1599. Л. 2об-3).

3

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. 5 августа состоялось второе редакционное собрание «Аполлона», на котором присутствовал и Иванов. Во время этого собрания произошел конфликт Анненского с А.Л.Волыным, после которого Иванов уже безоговорочно стал одним из ведущих теоретиков журнала. 5 августа он записал в дневнике: «Вечером был на редакционном собрании «Аполлона». Встретил, кроме Маковского и Анненского, Бенуа, Добужинского, Мейерхольда, Судейкина, Врангеля. Приехал с Гумилевым. Говорил с Волошиным, который был забавен, — по поводу его бранного фельетона обо мне» (*Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель, 1974. С. 783*). В последующие дни тот же дневник фиксирует несколько контактов с Маковским. 17 августа: «Гумилев по просьбе Маковского читал мне и Кузмину стихи Анненского и Волошина, чтобы выбрать интереснейшие. Мы по обыкновению совпали в приговоре» (С. 791). 24 августа: «Судейкин, Гумилев, С.Маковский. Первый просит прочесть перевод жены; второй зовет в Ц. Село в воскресенье; последний — все об Аполлоне, аполлонийстве, аполлонийцах журнала. Просил дать стихи для 1-го №, и я набросал потом проект того, что придумал во время скучноватых толков» (С. 795; по предположению А.В.Лаврова и Р.Д.Тименчика, речь идет о репликах в «Пчелы и осы Аполлона»). 30 августа Маковский и Иванов должны были быть у Гумилева, но из-за болезни Маковского и занятости Иванова встреча не состоялась (См.: *И.Ф.Анненский. Письма к С.К.Маковскому. С. 236-237*).

Записи в дневнике Иванова продолжают 3 сентября: «Был у Маковского, меня встретила его *garde-malade*; у него плевроит; он невидим. Оставил у него книжку Бородаевского, письмо, стихи свои и Верховского» (С. 799). С этим посещением связано письмо Е.А.Зноско-Боровского к Иванову от 4 сентября: «Милостивый Государь Вячеслав Иванович. С.К.Маковский поручил мне написать Вам, что ему очень жаль, что болезнь лишила его удовольствия видеть Вас, но он все же

очень просит Вас заехать к нему на этих днях пораньше, до 2-3 часов, и тогда он сможет поговорить с Вами. Он очень благодарит Вас за стихи Ваши и Юр.Верховского, а также за книгу Бородаевского, которые, конечно, с радостью будут использованы «Аполлоном». С совершенным уважением Евгений Зноско-Боровский, секретарь редакции» (РГБ, ф.109, карт.24, ед. хр. 66; в письме упоминаются стихи Иванова «Apolini» [Аполлон. 1909. № 1. Литературный альманах. С. 4], стихотворения Ю.Верховского, опубликованные в третьем номере журнала, и книга стихов В.Бородаевского «Стихотворения» с предисловием Иванова, отрецензированная Гумилевым в первом номере).

Получение этого письма зафиксировано в дневнике Иванова 5 сентября: «Секретарь Маковского пишет, что «Аполлон» благодарит за доставленное (значит, я устроил стихи Верховского туда?) и что больной просит заехать к нему. Собираюсь завтра, чтобы передать стихи Бородаевского и устроить комнату для Мандельштама, о чем просил сегодня Ауслендер» (С. 801). 6 сентября — запись о визите к Маковскому: «Был у больного Маковского. Он благодарил за стихи, которыми очень доволен. Просил позировать (Для коллективного портрета сотрудников «Аполлона», который должен был писать Головин — *Комм.*). Говорил о поэтической академии. Устроено тотчас дело Мандельштама <...> Рассказывал о том, что явился Макс с «Венком Сонетов». Иронически я сказал, что рассчитываю на деликатность Макса и считал бы опубликование «Венка» раньше моего не вполне корректным» (С. 802-803).

4

1. Речь идет о статье А.Н.Бенуа «В ожидании гимна Аполлону» (Аполлон. 1909. № 1. С. 5-11 первой пагинации). Исправления, сделанные в корректуре С.К.Маковским, нам неизвестны. Дальнейшее содержание этого письма, как представляется, опровергает мнение И.В.Корецкой о том, что статья Бенуа была написана под сильным влиянием суждений Иванова (Русская литература и журналистика начала XX века 1905-1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 216-217),

2. Эта «миньютюрная» полемика также скопирована М.М.Замятниной. К словам Бенуа «Пора начать молитву и служить» (в печатном тексте такой фразы нет. Наиболее близка к ней по смыслу фраза: «Нужно поверить и молиться» на с. 11, но подобных суждений в статье Бенуа несколько) следует примечание Иванова: «Кому? Чему? Дионис состояние в Боге, Аполлон — форма его? Где же Бог? И Бенуа, к<a>к отчасти Аннеский <так>все о религии да о религии — но *какой?* Я не хочу горящих жертвенников перед Неант и литургических хороводов вокруг пустого места. Лучше принципиально будет заниматься просто и специально (а не к<a>к «Зол<отое> Руно») *художеством* для художества. Ненавижу вожделеющую импотентность in rebus divinis (кстати, это вчерашний день!) Религия — так религия! Искусство — так искусство! Люблю искусство для искусства (оно уже втайне религиозно — но втайне). Призываю религиозное творчество, — если *есть религия*. Искусство нарочито как суррогат религии — презираю и в таковое не верю». Следует отметить, что последняя фраза записана рукою самого Иванова.

3. Приведем еще одно письмо Зноско-Боровского, от 16 октября 1909 г.: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович. Письмаю Вам Вашу статью о театре и очень прошу Вас сегодня же исправить корректуру и, если Вас это не затруднит, прислать ее в редакцию. Напоминаю Вам, что первой буквой Вы хотели сделать В (вместо Т, для которой нет клише). С совершенным почтением Евгений Зноско-Боровский». Первая буква статьи Вяч.Иванова действительно была заменена. В печатном варианте она начинается: «В теме о возможности театра...»

5

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Евгений Александрович — Зноско-Боровский (1884-1954), драматург, секретарь редакции «Аполлона». Письмо Е.А.Зноско-Боровского к Маковскому не сохранилось, но о его содержании дает представление ответ Маковского, чрезвычайно важный также и для понимания направленности его письма Иванову: «Меня очень позабавил инцидент с Вяч.Ивановым, в особенности когда выяснилось, что, в конце

концов, нападки на «Аполлон» с его стороны просто — досада на то, что как-то слишком без него обходятся. Ведь, положи руку на сердце, разве журнал хуже оттого, что нет в нем «идеологии»? Кому нужны эти русские вещания, эти доморощенные рации интеллигентского направления? Разве искусство, хорошее подлинное искусство, само по себе — не достаточно *объединяющая* идея для журнала? Символизм, неореализм, кларизм и т.д. — все эти французско-нижегородские жупелы, право же, приелись и публике, и нам, писателям. Вкус, выбор, общий тон — вот что создает «физиономию», о которой так беспокоится Вяч.Иванов. И эта «физиономия» у «Аполлона» есть, и — кто знает — *может* б^ьзг^ь, именно за нее нас и не любят разные хулиганы вроде Аничкова... Но против более пространных выступлений нашего обиженного метра я, в конце концов, ничего не имею (хотя совершенно не согласен, что его уход мог бы «убить» журнал). Пусть напишет принципиальную статью, хотя бы в целый лист — в защиту символизма, что ли! Я никогда не назвал бы «молодую редакцию» безыдейной, но наша молодежь прежде всего *деловая*, а не праздничноболтающая о литературе, и мне чрезвычайно нравится это деловое настроение без философических эквилибристик. Пишу это, чтобы поддержать в Вас мужество и веру. Я прекрасно знаю, куда веду журнал, Евгений Александрович; моя «идея» для меня совершенно ясна! Но Вы, конечно, правы, заботясь о дальнейшем участии Вяч.Ивановича (я написал ему вчера длиннейшее письмо и надеюсь, что в результате он даст нам Новалиса — будьте настойчивы!). У меня даже мелькнула мысль — попросить его взять на себя редактирование одного из летних номеров, например майского. Что Вы об этом думаете?» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 3 - 3об; с сокращениями процитировано в ст.: *Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова»* (Обсуждение доклада Вяч.Иванова). — Русская литература. 1990. № 1. С. 200-201).

2. Франц Блей (1871-1942) — немецкий писатель. Имеется в виду пассаж в хроникальных «Заметках о немецкой литературе» И. фон Гюнтера, когда при обсуждении «Nuregion-Almanach auf das Jahr 1910» он писал: «Самое интересное в этом Альманаче — статьи. Здесь <...> Франц Блей с 4-мя статьями — глубочайшее и, вместе с тем, изящнейшее из всего, что было когда-либо написано в Германии. <...> В достаточной степени удивительно, что наш тончайший мыслитель в настоящее время так мало известен. <...> это Блей в 90-тых годах п е р в ы й указал на Новалиса, а потом уже явились умники, открывшие Новалиса и сделавшие вид, будто вовсе не знали никогда Блея. Ах, эти умные люди! Хотя бы один из них так восхитительно писал, как Блей! Но все они пророчесвуют, проповедуют и критикуют все вокруг и не подозревают вовсе, что этот насмешник опрокидывает их всех одним своим словом для того, чтобы затем дрожащими и трогательными звуками показать нам действительно тайну, в своей собственной красоте раскрывая нам чудо» (Аполлон. 1910, № 4. С. 44 второй пагинации). Переводивший тогда Новалиса Иванов явно принял слова Гюнтера на свой счет и обиделся.

3. Об отношении Маковского к регулярно печатавшимся на страницах «Аполлона» хроникам И. фон Гюнтера см. в его письме к Е.А.Зноско-Боровскому от 4 июля 1910 г.: «Гюнтера я порядочно сократил, и все-таки — мало. Поражает меня самый *выбор* книг: кроме стихов и романов, почти ничего. Но именно в Германии издается множество книг по общим вопросам искусства, эстетики, музыки, отдельные монографии художников и т.д. Об этих книгах у нас ничего нет, зато печатаются остроты Гюнтера по поводу совсем второстепенных стихотворцев. Уладь как-нибудь этот вопрос! Попроси Гюнтера ограничиваться отмечанием только *выдающихся* произведений немецкой прозы и стиха; с другой стороны, надо было бы хотя бы перечислять заглавия интересных книг по другим отделам и для этого найти кого-нибудь в Германии, если Гюнтер не может» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 9).

4. Какая статья имеется в виду — неясно. О ней Маковский неоднократно извещал Зноско-Боровского в феврале 1910 года.

5. Ср. в письме Маковского к В.Я.Брюсову от 19 февраля 1910 г.: «Я слышал от Вяч.Ив.Иванова, что Вас не удовлетворяет петербургская «молодежь», у которой нечему «научиться». Не происходит ли это оттого, что аполлоновская «молодежь» сама хочет *учиться*, а не *учить*? Лично я не сетую на эту скромность, глубоко убежденный в том, что именно в ней — залог успеха того нового литературного движения, которое несомненно намечается за последние годы. В «Академии» Вам придется говорить в среде учеников, а не самозванных новаторов. Это — наше *новое*, может быть, очень *временное*, но в настоящее время — так. Впрочем, я не думаю, чтобы Вы серьезно ждали учителя от тех, которые ждут Вас как учителя... Не правда ли?» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 5).

6. См. письмо 4.

7. Первоначально А.Л.Волынский предполагался едва ли не ведущим теоретиком «Аполлона». Маковский вспоминал: «Идее аполлонизма в искусстве гораздо ближе <чем Иванов и Анненский — *Комм.*> был другой мыслитель, в то время уже терявший свою популярность, — Аким Львович Волынский. Он считался членом редакции «Аполлона» до выхода первой книжки, когда этот неукротимый идеолог аполлонизма (в то время) выступил против всех сотрудников журнала с принципиальным «разоблачением» их декадентской порчи. После этого инцидента мне пришлось расстаться с Волынским: он сам поставил условие: или он, или «они»...» (*Маковский Сергей*. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 281). Конфликт А.Л.Волынского с редакцией «Аполлона» начался еще в августе 1909 г. 2 сентября он писал Маковскому: «Что же касается вопроса о ближайшем моем участии в редактировании «Аполлона», то я должен окончательно просить Вас не рассчитывать на меня в этом отношении. Мои впечатления последних дней, атмосфера, собравшаяся уже вокруг «Аполлона», сама постановка всего дела, не совсем литературная, мало идейная и, во всяком случае, не гармонирующая с некоторыми моими заветными убеждениями, заставляют меня стать в выжидательное положение» (*Анненский И.Ф.* Письма к С.К.Маковскому. С. 227; дата исправлена по автографу: РНБ, ф. 124, № 979). Окончательно покинул журнал Волынский в конце 1909 г.

8. В конце 1909 и начале 1910 г. Маковский неоднократно обращался к Брюсову с просьбами о деятельном сотрудничестве. См., напр., в письме от 24 августа 1909: «Позвольте мне напомнить Вам о нашей беседе, еще весною, относительно возможности Вашего сотрудничества в «Аполлоне». Вы отнеслись тогда с сочувствием к нашему начинанию, но не захотели ничего *обещать* для первых номеров журнала... Тем не менее, мне очень хочется еще раз просить Вас дать «Аполлону» не только право упомянуть Ваше имя в числе сотрудников, но хоть что-нибудь более реальное. В первом номере будут напечатаны стихотворения многих любимых нами поэтов: Вяч.Иванова, Бальмонта, Сологуба, Волошина, Гумилева. Было бы просто непонятно, если бы между этими именами отсутствовало Ваше имя, тем более, что статья Анненского «О современном лиризме», которую мы начинаем ряд критических статей о русской поэзии, посвящена главным образом Вам. Из всех современных поэтов Вы, конечно, наиболее дороги нам (пишу от имени редакции), — вот почему моя просьба, обращенная к Вам, приобретает совсем исключительный смысл» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 2-2об). 17 декабря просьба была повторена: «Мне хочется верить, Валерий Яковлевич, что Ваша помощь журналу, Ваше близкое участие в нем, повлияет, именно в этом смысле, самым лучшим образом на наше дело. Мне хотелось бы, чтобы Вы считали «Аполлон» *своим* журналом! Я вполне уверен, что Ваш взгляд на задачи современной литературы не разойдется с писательскими устремлениями ближайших сотрудников «Аполлона», из которых уже составилось ядро редакции. Присылайте Ваши стихи! Так важно было бы ими начать новый год (в «альманахе») будут: повесть гр. Ал.Н.Толстого, переводы из Ренье и стихи Блока), и это нисколько не может помешать напечатать Вашу статью в отделе критики того же номера...» (Там же. Л. 4-4об). Однако постоянного деятельного сотрудничества не получилось: Брюсов действительно остался в выжидательном положении. Отчасти это определялось невозможностью занять в журнале ведущую позицию, о чем см. ниже.

9. Имеется в виду смерть И.Ф.Анненского 30 ноября 1909 г. О позиции Анненского по отношению к «Аполлону» и его участии в деятельности журнала см. в не раз упоминавшейся публикации его писем к Маковскому.

10. См.: *Иванов Вячеслав*. Борозды и межи. I. О проблеме театра. — Аполлон. 1909. № 1. С. 74-78 первой пагинации.

11. Еще 24 ноября 1909 г. Маковский сообщал Брюсову: «Мне *очень* хотелось бы получить от Вас что-нибудь для январского № «Аполлона»: стихи, рассказ или статью — что хотите. Вот состав этой новогодней книжки: статьи Гумилева, Кузмина (литературная) критика, моя (о монументальном искусстве) и Оссовского (об «Орфее» Глюка); рассказ Ал. Толстого, стихи Ал. Блока с (иллюстрациями) Рериха) и Вяч.Иванова (перевод Новалиса)» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 3). В январском (по общей нумерации четвертом) номере журнала перевод напечатан не был. 5 февраля Маковский осведомился у Зноско-Боровского: «Что говорит Иванов по поводу моего послания (т.е. комментируемого письма — *Комм.*)? Надеюсь, что уже Новалис у Вас?» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 4), а день спустя замечал: «Если не Новалис, запасные стихи» (Там же. Л. 5). Переводы из Новалиса так и не были напечатаны в «Аполлоне».

12. Имеются в виду фронтиспис и иллюстрации к «Рассказам о маркизе д'Амеркёр» А. де Ренья в переводе М.Волошина (Аполлон. 1910, № 6).

13. См. в письме Маковского к Брюсову от 24 августа 1909 г.: «...если стихов у Вас все-таки нет, то не дадите ли Вы нам рассказ или критическую статью? У меня есть тема, которая, я уверен, должна Вас заинтересовать: «О возможностях русского стиха». Впрочем, я предоставляю Вам полную свободу выбора» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 2об). 19 февраля Маковский писал ему же: «Позвольте мне сердечно поблагодарить Вас за серию Ваших стихотворений для февральской книжки «Аполлона». Эта книжка случайно запаздывает, и это дает мне возможность напечатать «Пляску смерти» на подобающем ей первом месте «Альманаха». Но почему так медлите Вы прислать обещенную Вами статью? Так хотелось бы, чтобы именно Вы сказали в «Аполлоне» о задачах русского стиха — и чем скорее, тем лучше» (Там же. Л. 5).

14. Слово «кларизм» (кстати, выдуманное Ивановым) было употреблено Кузминым в статье «О прекрасной ясности» (Аполлон. 1910, № 4).

15. В первых четырех номерах журнала были напечатаны рассказ С.А.Ауслендера «Ночной принц» (№1), повесть Осипа Дымова «Влас» (№ 1-3), цикл стихотворений А.Н.Толстого «Хлоя. Весенние стихи» (№ 2) и повесть «Неделя в Туреневе» (№ 4), «Итальянские стихи» Блока (№ 4), два стихотворения (№ 1) и фрагменты из поэмы «Новый Ролла» (№ 4) М.Кузмина.

16. А.Н.Толстой не рецензировал в «Аполлоне» произведения Ремизова.

17. Имеются в виду оценки творчества А.М.Ремизова, данные в рецензиях М.Кузмина. В специальном отзыве о его «Рассказах» Кузмин писал: «“Сказочки” слишком незначительны и похожи на остатки от «Посолони», место им - разве в посмертном издании сочинений. Отдельно стоящая «Бедовая доля», местами поражающая яркостью красок, чаще напоминает не «парки бабье лепетанье», а просто бессмысленное бормотанье старухи, несколько выжившей из ума» (Аполлон. 1909, № 3. С. 23 второй пагинации). Рецензируя стихи А.Н.Толстого во втором номере журнала «Остров», он же говорил: «Если мы вспомним А.Ремизова и С.Городецкого, то сейчас же отбросим эти имена по существенной разнице между ними и гр. Толстым. Грань А.Ремизову, более выразившемуся поэту, это — несомненно книжное происхождение его вдохновений...» (Там же. С. 47). В «Аполлоне» Н.Гумилев не рецензировал произведений Ремизова, однако возможно, что он высказывал мнение, выразившееся в его рецензии на ремизовские «Часы»: «Манера, в которой написан весь роман, утомляет и раздражает. Многие страницы невозможно прочесть <...>Иногда он унижается даже до размеренной прозы — самого позорного изобретения бездарных людей» (Речь, 1908, 7 августа; цит.по: *Гумилев Николай*. Соч. в трех томах. М., 1991. Т. 3. С. 171-172).

18. 15 июля 1910 Маковский писал Зноско-Боровскому: «Читаю «Серебряного Голубя» и очень бранюсь» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 11 об).

19. Лидино - имение И.А.Торлецкого, дяди жены Маковского М.Э.Рындиной.

6

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. См. в письме Маковского Брюсову от 19 февраля: «Я не знаю также, когда Вы собираетесь приехать в Петербург. Это очень осложняет распределение докладов в нашей «Академии» на будущие месяцы. Можно ли рассчитывать на Ваши лекции в марте? Собираемся мы по средам, но, разумеется, Вы могли бы назначить Ваши дни и, соответственно с этим, я извещил бы членов «Общества ревнителей худ<ожественного> слова» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 5). См. также письмо Иванова к Брюсову от 3 января 1910 и комментарии С.С.Гречишкина, Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова к нему (Литературное наследство. Т. 85. С. 523-524).

2. «Венок сонетов» Иванова из книги «Любовь и смерть» напечатан в пятом номере «Аполлона».

3. Приводим письмо Е.А.Зноско-Боровского от 28 апреля: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, посылаю Вам корректуру Ваших статей в хронике № 7 и очень прошу Вас, исправив, завтра днем вернуть мне ее в редакции. М<ожет> б<ыть>, Вы дадите ее и М.Кузмину, чтобы он прочитал свои статьи. — Корректура статьи о Кузмине будет послана Вам завтра непосредственно из типографии, и очень прошу

поскорее и туда же вернуть ее. Посылаю еще книгу Городецкого и свою. А Белому написал, ответа пока не имею. Преданный Вам Евгений Зноско-Боровский. На днях позволю себе заехать к Вам прочитать мою заметку о Кальдероне и поговорить об «Алмазе». Вероятно, на следующий день была послана недатированная записка на визитной карточке: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, посылаю Вам корректуру статьи Вашей о Кузмине, очень прошу Вас теперь же и с тем же посланным вернуть ее в типографию. Дело очень спешное, и только так можно не задержать №».

7

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Судя по всему, это начало письма Брюсова от 4 июня 1910 г. не сохранилось (см.: Литературное наследство. Т. 85. С. 530).

2. В седьмом (апрельском) номере «Аполлона» за 1910 год была напечатана статья Г.И.Чулкова «„Весы“». Некролог», возмущившая Брюсова и ближайших сотрудников «Весов», отправивших Маковскому протест против статьи (текст см.: Литературное наследство. Т. 85. С. 526-527). В конце мая Иванов обменялся с Брюсовым письмами, которые должны были способствовать исчерпанию инцидента (Там же. С. 527-530). 16 июня Маковский отправил большое письмо Брюсову, в котором объяснял случившееся: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, Вы знаете, конечно, как должно было огорчить меня письмо в редакцию «Аполлона», подписанное Вами и несколькими сотрудниками «Весов». Я только что вернулся из Парижа, где устраивал русскую выставку, и весь еще — под впечатлением жизнерадостной «столицы мира»... Как невесело у нас! Русская действительность точно сплетена из недоразумений, обид, ссор... даже между людьми немногими, которые могли бы дружно беречь общее дело и защищать его от вражды и глумлений улицы... В журнальном мире я в достаточной степени человек «новый», чтобы не всегда разбираться во всех недружелюбиях, которые меня окружают. Чистосердечно сознаюсь в этом. Если бы я мог себе представить, что доставляю Вам такую неприятность, пропуская статью Г.Чулкова (если бы кто-нибудь из читавших эту статью предупредил меня), то, конечно, она бы не была напечатана. Но... позвольте же мне, прежде всего, откровенно рассказать Вам, как случилось, что эта статья появилась в «Аполлоне» — несмотря на горячее сочувствие «Весам» со стороны сотрудников «Аполлона».

Предполагалось посвятить «Весам» ряд статей: Кузмин — проза, Сюннерберг — ильдейные течения, Гумилев — стихи, бар. Врангель — художественные иллюстрации. Эти статьи должны были появиться одновременно после выхода последней, 12-й, книжки «Весов». Я совершенно уверен, что между этими статьями заметка Чулкова не показалась бы Вам какими-нибудь односторонне-недоброжелательным попреком со стороны «Аполлона», а только личным мнением Чулкова (как это и есть на самом деле), испытавшего на себе всю тяжесть полемической страстности, характеризующей, по его мнению, «Весы» 2-го периода. Давая право Чулкову высказаться о «Весам» наравне с другими (как постоянному сотруднику), я не мог помешать ему коснуться и того явления, которое он называет в конце концов невинным словом «истерика» (а параллель с кн<язем> Мышкиным еще смягчает это выражение). Я мог только настаивать на том, чтобы никто из его бывших «обидчиков» не был назван. И действительно, он никого не назвал, хотя укоры его очевидно направлены против Ант. Крайнего, А. Белого и др., жестоко расправлявшихся с ним несколько лет назад. Избрав метафорический способ изложения — чтобы не называть имена — Г<еоргий>И<ванович> не удержался и от других, уже совсем добродушных, намеков. Собирательный тип «стихотворца конца XIX века», конечно, должен напоминать о Вашем влиянии, Валерий Яковлевич, на молодое поколение поэтов; «салонный оккультизм» — относится к Волошину, «не рыцарь» — к Ант. Крайнему и т.д. Разумеется, весь этот метафоризм, проникнутый quand même et malgré tout глубоким преклонением перед Вами, не есть оскорбление, нанесенное «Весам», за которое надо меня казнить! Мои намерения всегда были и останутся самыми лучшими по отношению к «Весам». Не моя вина, если в мое отсутствие никто из авторов обещанных статей не доставил к сроку (они появятся только осенью) и была напечатана одна статья Чулкова. Я очень скорблю об этом, очень! Однако — вся ответственность в случившемся — на мне: могу ли я дать место в журнале письму, где

один из сотрудников называется косвенно «льстецом» (кому?) и не косвенно «хулителем», когда я сам допустил его статью к печати? Согласитесь, Валерий Яковлевич, что с этической точки зрения это... невозможно. Вы знаете, как я дорожу Вашим участием в «Аполлоне»; это участие на будущей 1911 год представлялось мне особенно деятельным, т.к., по моему глубокому убеждению, именно Вы и только Вы могли бы дать «Аполлону» то, чего ему пока недостает. И все же поступить не по-товарищески с писателем, вверившим мне свою рукопись, воля Ваша, я не в силах. Позвольте же мне думать, что, приняв во внимание мое длинное и покаянное объяснение, Вы примете за «удовлетворение» со стороны «Аполлона», если в следу<ующем> № появится заметка от редакции, в которой будет еще раз подчеркнуто, что о «Весах» будет напечатан в «Аполлоне» ряд статей и что редакция, признавая выдающиеся заслуги «Весов», не хотела бы, чтобы статья Чулкова, случайно появившаяся первой, была понята как оценка «Аполлона». Я пишу это письмо наспех, но точную формулировку этой оговорки я пришлю Вам» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 6-7об). Получив это письмо, Брюсов откликнулся на него посланием, известным нам по очень неразборчивому черновику: «Я прочел то замечание от редакции, которое Вы нашли возможным написать... Если признаваться откровенно, оно меня несколько не удовлетворило. Из того, что статья Чулкова «не редакционная», еще никак не следует, что редакция с ней не согласна.

Я должен сказать, что вообще мое положение в «Аполлоне» довольно двусмысленно. С одной стороны, некоторые <?> из сотрудников, по-видимому, ко мне расположенные, сравнивают в своих статьях меня с Петром Великим <?> (что более комично, чем почетно). С другой, все серьезные руководящие статьи журнала решительно направлены против меня (я считаю таковыми статьи Анненского, Чулкова, Иванова)» (РГБ, ф. 386, карт. 71, ед.хр. 76. Л. 2; недописанные слова раскрываются без оговорок).

2. В процитированном в предыдущем примечании письме Брюсова содержится рассуждение о возможности его дальнейшего сотрудничества в «Аполлоне», которое имеет смысл привести полностью: «Мое сотрудничество в «Аполлоне» возможно двояко. Во-первых, я могу «числиться» среди сотрудников как не лишенное ценности имя и от времени до времени давать в журнал стихи или безобидные статьи. Таково было мое положение до сих пор.

Если «Аполлон» хочет, чтобы такое положение продолжалось и впредь, я, в конце концов, могу на то согласиться. Я должен буду потребовать только одно <зачернение?>, чтобы в журнале статьи, подобные Чулкову, то есть явно отрицающие значение лично мое и всего сделанного <?> мною, в журнале не печатались. <Далее следуют две неразборчивые фразы>.

Во-вторых, я могу принять участие в журнале как самостоятельная величина, высказывать <?> свои определенные идеи. Именно так вы приглашали меня. Но теперь я более чем когда-либо затрудняюсь ответить на это приглашение, потому что вижу, что руководящие статьи журнала так резко расходятся с моими взглядами.

Если бы вы повторили мне свое предложение, я должен бы прежде всего написать решительный протест против статьи В.Иванова, напечатанной <?> в последнем <?> №. Вы знаете, что многое из вошедшего в эту статью он читал у нас в Москве в «Свободной Эстетике». Тогда же я возражал ему, и очень резко. Кое-что он в своих выражениях сменил <?>, может быть, не без влияния моих возражений, но основной взгляд, конечно, остался <Чтение последних четырех слов предположительно> — взгляд, который я считаю *губительным* для судьбы русского искусства. Статья же Блока только подчеркивает взгляды Иванова. <Чтение последней фразы — предположительно>».

Обмен письмами между Маковским и Брюсовым по поводу возможности написать такую статью нам неизвестен, но 29 июля Маковский получил (очевидно, через Зноско-Боровского) письмо Брюсова с сообщением о том, что статья написана, и на следующий день откликнулся обрадованным письмом к нему: «К сожалению, я — не в Петербурге, а на отдыхе, в Екатеринославской губернии и потому — немного вдаль от «Аполлона». Вашей статьи я еще не прочел... Но получив Ваше письмо (вчера), я немедленно телеграфировал секретарю редакции, прося его *заменить*, если еще возможно, одну из предназначенных к № 9 статей — Вашим «ответом» В.Иванову. Верьте мне — не из простой любезности или из признания за Вами «права голоса» на страницах «Аполлона» в интересном и волнующем вопросе, поднятом В.Ивановым, но потому что именно Ваше мнение о роли поэта и символизма мне кажется, в данном случае, особенно ценным. Совсем независимо даже от мнения В.Иванова и А.Блока... Об этом, насколько я помню, я несколько раз писал Вам... я писал о том, что группа молодых писателей, составляющая теперь

редакцию «Аполлона», тяготеет именно к тому литературному *credo*, которое закреплено Вашим авторитетом... Это настолько *так*, что когда была уверенность в Вашем приезде в Петербург прошедшей зимой, предполагалось обратиться к Вам с просьбой взять на себя руководство литературным отделом «Аполлона». И это предположение, в форме совета мне, я слышал из уст самого В.Иванова. Вы видите, насколько отношение «Аполлона» к Вам было и остается более чем... дружеским. С моей стороны, я только горячо бы приветствовал такое решение вопроса, если бы Вы на него согласились, так как (повторяю в который раз?) все симпатии молодой редакции на стороне тех взглядов на поэзию и литературу, которые Вы высказываете. Так было и при чтении В.Ивановым последнего реферата о судьбах символизма... И все-таки, оставаясь беспристрастным до конца, я напечатал и реферат В.Иванова, и доклад А.Блока!» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 8-8об; недатированный ответ Брюсова на это письмо — РНБ, ф. 124, № 676). Получив недатированное письмо Зноско-Боровского с извещением: «Брюсов прислал статью в ответ на Иванова и Блока. Я отправил ее в набор, корпусом, ибо он хочет видеть ее в августе. Она — боевая, восславляет «поэта» в противовес — теургу» (РНБ, ф. 124, № 1770. Л. 39), Маковский 1 августа отвечал: «Очень любопытно прочесть статью Брюсова. Цензурна? Не случилось бы беды со стороны В.Иванова. Покажи ему, если он в СПб» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 15 об. Вероятно, именно на эти слова Зноско-Боровский отвечал в недатированном письме: «Брюсова печатать необходимо; по мне — он очень хорош, и мы должны радоваться этой статье и воспользоваться ею, чтобы разорвать с религией» [РНБ, ф. 124, № 1770. Л. 22]). Статья была набрана очень быстро, и уже 6 августа Маковский сообщал Брюсову: «Только что получил присланную мне из Петербурга корректуру Вашего «ответа» и спешу отправить ее Вам, хотя не знаю, успеет ли редакция внести Ваши исправления, т.к. статья пойдет в следующем же № 9. Я очень рад, что удалось так устроить. Ваш ответ я готов подписать обеими руками: я нахожу только, что в его тоне звучит пренебрежительность, на которую В.Иванов может обидеться... Впрочем, это Ваше дело. Я боюсь только одного: В.Иванов захочет продолжать спор, и... получится немножко семейная полемика, мало «доступная» читателю» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед.хр. 27. Л. 12). С этими размышлениями Маковского связано и комментируемое письмо.

4. Первоначально финансовую основу существования роскошного журнала, каким был «Аполлон», составляли денежные средства издательства Ефронов, которое отказалось от издания после ухода А.Вольнского из «Аполлона», а также «спонсорство» промышленника М.К.Ушкова (см.: *Маковский Сергей*. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 197-198). К середине 1910 года вопрос о материальной основе журнала возник снова, и 15 июля Маковский писал Зноско-Боровскому о состоянии денежных дел: «Ты, конечно, понимаешь, что не так легко, после убытка в 40 000 рублей, убедить издателя на *продолжение* дела» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 11об). Однако уже 21 июля Маковский удовлетворенно извещал его: «...дальнейшая судьба «Аполлона» окончательно определилась. М.К.Ушков берет на себя расходы по изданию и на 1911 год, однако по уменьшенной, новой смете. <...> Таким образом, мы безусловно существуем!» (РНБ, ф. 124, № 2645. Л. 12). Примерно о том же сообщалось в цитированном письме к Брюсову от 1 августа: «В настоящую минуту мне особенно приятно говорить с Вами об этих общих программных вопросах журнала, т.к. именно теперь окончательно выяснился вопрос о его дальнейшем материальном существовании. Журнал обеспечен еще на два-три года во всяком случае, а в случае максимального прогрессивного успеха — и на дальнейший срок. Следовательно, приходится думать о многолетнем существовании «Аполлона». Это, конечно, большая, очень большая задача!»

5. Сборник стихов Иванова готовился очень долгое время. Первое известное упоминание о нем относится еще к середине 1905 г. (Литературное наследство. Т. 85. С. 476). В 1910 году ожидания приобрели особо острый характер. Так, 18 января Брюсов уверял Иванова: «„Сог Ardens“ более чем необходимая для нас книга. Отсрочка каждого дня ее появления — есть твое преступление перед русской литературой...» (Там же. С. 525). 14 апреля В.В.Бородаевский сообщал Иванову: «С нетерпением ожидаю выхода Сог ardens» (РГБ, ф. 109, карт. 13, ед.хр. 70. Л. 11). Однако книга вышла лишь в 1911 г.

6. 31 августа Зноско-Боровский сообщил Иванову: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, мы получили от Louis Laloi из Парижа письмо такого содержания: «Je serais disposé a traduire dans la *Revue des études franco-russes* et peut être aussi dans la *Grande Revue* le bel article de Вячеслав Иванов, *Заветы символизма* que vous avez publié dans votre № 8 de cette année. Mais je tiens d'abord a m'assurer que ni vous ni l'auteur n'y

verriez d'inconvénient...» <Перевод: «Я хотел бы перевести в «Revue des études francorusses» и, может быть, также в «Grande revue» прекрасную статью Вячеслава Иванова «Заветы символизма», которую вы опубликовали в восьмом номере нынешнего года. Но я полагаю необходимым сперва убедиться, что ни вы, ни автор не сочтете это неуместным...»>. Мы, конечно, не только ничего не имеем против этого, а, напротив, очень рады предложению Laloï и очень надеемся, что и Вы не найдете препятствий к переводу, который, можно думать, будет хорош. Может быть, Вы были бы так любезны написать непосредственно Laloï (Paris, rue de Constantinople, Le Grande Revue)? Или — напишите нам, а мы уже сообщим ему».

8

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Имеется в виду статья Андрея Белого «Венок или венец» (Аполлон, 1910, № 11). 4 сентября Зноско-Боровский уведомлял Маковского, что статья Белого поступила в редакцию (РНБ, ф. 124, № 1770. Л. 3об).

2. *Мережковский Д.* Балаган и трагедия. — Русское слово, 1910, 14 сентября.

3. После появления статьи Брюсова Иванов хотел ответить на нее письмом в редакцию, от которого и Маковский, и Зноско-Боровский старались отделаться всеми способами. В недатированном письме (помечено «вторник 1910») Зноско-Боровский писал Маковскому в очень резком тоне: «Будешь Ты держаться за Сологуба и Иванова? Я ничего по этому поводу посоветовать не умею; но полагаю, что письма Иванова печатать не следует. А если они оба и после Твоих писем (Ты ведь им напишешь — они оба народ покладистый) уйдут, — то мы можем, думаю, иметь смелость делать свое дело и без них. Едва ли они нам во многом помогали» (РНБ, ф. 124, № 1770. Л. 4 - 4об). Белое письмо, о котором пишет Маковский, опубликовано не было, однако еще в середине ноября Иванов планировал написать полемическую статью, о чем сообщил Брюсову: «Отвечать буду и тебе и Мережковскому, обстреливающим меня с двух противоположных сторон, — потом» (Литературное наследство. Т. 85. С. 530).

4. 7 октября письмо Иванову отправил Зноско-Боровский: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, не получая долго письма от Вас, мы очень беспокоимся, дошли ли до Вас письмо Серг<ея> Конст<антиновича> и отправленная им статья Мережковского из «Русского Слова», ответная на Ваши «Заветы Символизма». Вы, конечно, понимаете, как мы взволнованы Вашим заявлением, посланным Серг<ею> Конст<антиновичу>, и как нам хочется как-нибудь уладить это дело. И это особенно теперь, когда спор перешел в общую прессу, и «Вестник Европы» целую статью посвятил ему, не выходя из рамок литературы. В такое время Ваше уклонение — пуская нами вынужденное — было бы тягостно не только для нас, но и для всех других, которые ждут разрешения спора. И вот нам кажется, что последние обстоятельства — серьезность спора, несомненная значительность и интересность его — может явиться той причиной, которая должна побудить Вас принять дальнейшее участие в его течении, тем более, что мы готовы дать сколько можно места на страницах «Аполлона» для всестороннего <?> освещения его. И, как мы имеем основание думать, и Андрей Белый готов принять участие в нем и хочет нам дать ответ на статью Брюсова. А на статью Мережковского — кто лучше Вас может ответить? Белому сделать это неудобно, т.к. как раз недавно Мережковский дал статью о самом Белом (о его «Серебряном Голубе»). Хочется надеяться, что Вы согласимся ответить на это письмо, ибо — хотя я не знаю содержания письма <1 слово нрзб> к Вам Серг<ея> Конст<антиновича> — но факт предоставления мною места дальнейшему развитию спора — может примирить Вас с нами. В ожидании Вашего — верю, хорошего — ответа остаюсь с совершенным уважением преданный Вам Евгений Зноско-Боровский».

9

Почт. бумага журнала «Аполлон», адрес исправлен от руки С.К.Маковским.

1. Речь идет о статье: *Маковский Сергей*. Н.К.Чурлянис. — Аполлон, 1911, № 5. С. 23-28. На с. 25 в ней есть фраза: «По этому поводу Вячеслав Иванов, проникновенно понимающий искусство Чурляниса, пишет мне (в письме, которое я сооб-

щаю читателям с разрешения автора) следующее», — и далее следует значительный фрагмент из письма.

10

Почт. бумага журнала «Аполлон», адрес исправлен от руки С.К.Маковским.

1. Имеется в виду письмо Н.С.Гумилева к Иванову от 3 июня 1911 (Неизвестные письма Н.С.Гумилева / Публ. Р.Д.Тименчика. — Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 64; там же приведены стихотворения Гумилева, о которых говорит Маковский, и сообщено, что в стихах альманаху «Аполлона», о которых просил Гумилев, Иванов отказал за отсутствием свободных).

2. К 28 августа 1911 относится последнее из известных нам писем Зноско-Боровского к Иванову, содержащее любопытные сведения о нереализованном плане редакции «Аполлона»: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, позвольте обратиться к Вам с одной просьбой, которую Сергей Константинович сказал мне передать Вам, не дожидаясь Вашего возвращения в Петербург. Просьба эта деловая и касается она «Аполлона». Ее суть в том, что с прошлого года выходят и уже вышли полные собрания сочинений таких писателей, о которых нельзя ограничиваться нам только белым, кратким отзывом в хронике, но которые уже можно рассматривать целиком в более серьезной статье. И вот мы хотели просить Вас взять на себя этот труд: дать нам не очень длинные статьи или очерки, для начала о полных собраниях сочинений Ф.Сологуба, А.Ремизова и Д.Мережковского. Это будут уже статьи, для которых хорошо воспользоваться и такими книгами, как «Сборник критических статей о Сологубе», как прежние отзывы о Мережковском и др. Нам кажется, что такой просмотр очень нужен и интересен и может открыть очень много нового. Ожидая Вашего письма и надеясь на согласие, мы очень рассчитываем, кроме того, получить от Вас для нашего первого Альманаха стихи, о которых Вам уже писали Н.Гумилев и С.Маковский».

11

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Летом 1912 г. Иванов жил за границей: в Швейцарии, Франции, Италии.

2. Имеется в виду статья «Чурлянис и проблема синтеза искусств», которая была напечатана в «Аполлоне» лишь более чем через полтора года. Как видно из последующих писем, первоначально она предназначалась для некоего сборника, который должен был выйти в издательстве «Огни», но из плана ничего не вышло.

12

1. В.А.Чудовский (1891-1938?) - литературный и художественный критик, стиховед, принимавший активное участие в издании «Аполлона».

2. Имеется в виду «Общество ревнителей художественного слова», переживавшее в это время серьезный кризис, от которого так и не оправилось.

3. Николай Владимирович Недоброво (1884-1919) - поэт, прозаик, литературный критик, активно участвовавший в деятельности «Общества ревнителей художественного слова».

13

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. О состоянии дел в «Обществе ревнителей...» 30 октября Иванову сообщал А.Д.Скалдин: «Первое дело — Академия. Она спит и неизвестно, когда проснется. Чудовского в Петербурге нет, вернется он к половине ноября и не сразу, вероятно, сможет принять участие в академических делах. Недоброво сидит дома и, кажется, ничего не предпримет, очевидно, рассчитывая на меня. Но что могу я, будучи столь

неопытен в этой области?» (РГБ, ф. 109, карт. 34, ед.хр. 39. Л. 67 об.) Уже в начале 1913 года Н.В.Недоброво повествовал: «Ничего утешительного нельзя сказать об Обществе. До сих пор не удается создать его по причине полной неработоспособности комитета. Судите сами: Блок пишет драму и поклялся не переступить порога «Аполлона»; Зелинский уж конечно уклонится от всякого административного действия; Маковский едва ли особенно обрадовался бы возрождению Академии; Кузмин едва ли чувствует себя призванным производить таковое возрождение. Я тогда выдумал план созыва Академии помимо комитета, пользуясь спасительной силой навывок. Я стоворился с Чудовским, чтобы он попросту разослал повестки, а когда народ соберется, я полагал, что удастся, никого не обижая, сделать комитет работоспособным, предложив увеличить его состав на 2—3 лица, выбрать туда подходящих людей и затем уже с их помощью вести дело. Чудовский на эту комбинацию согласился, но потом стал тянуть дело и до сих пор никаких повесток не разослал, объясняя это неустройствами с помещением в «Аполлоне», вытекающими из болезни Маковского. Я же думаю, что это попросту один акмеизм» (РГБ, ф. 109, карт. 31, ед.хр. 55. Л. 9-10; частично опубликовано: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 410). Вскоре после этого Академия распалась, уступив свое место Новому Обществу поэтов (т.н. «Физе»).

2. Билибин Иван Яковлевич (1876-1942) — художник. Как следует из контекста, должен был принимать участие в планировавшемся сборнике.

14

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Типография Голике и Вильборг, одна из лучших в Петербурге, где печатался «Аполлон».

2. См. письмо 11, прим. 2.

3. Речь идет о предполагаемом появлении сборника «Борозды и межи», который на самом деле вышел лишь в 1916 году.

4. Далее на протяжении года от имени «Аполлона» Иванову пишет его секретарь М.Л.Лозинский. Приводим его письма, связанные с деятельностью журнала. 8 февраля 1914: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, номер «Аполлона», посвященный Чурлянису, выходит 1 марта. Весь материал уже налицо, кроме второй части Вашей статьи, которую Вы пожелали дать для этого номера и которая, как Вы говорили, уже написана. Поэтому редакция позволяет себе напомнить Вам о Вашем любезном обещании и с нетерпением будет ждать присылки Вашей рукописи». 11 марта: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, посылаю Вам корректуру всей статьи, с покорнейшей просьбой вносить исправления, если таковые окажутся, с таким расчетом, чтобы они не меняли верстки». 26 марта: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, позднее получение Вашей корректуры несколько задержало выход в свет мартовской книжки, но редакция надеется, что Вы останетесь довольны тем, как Ваша статья напечатана и иллюстрирована. Редакция надеется также, что Вы не откажете дать Ваше согласие на то, чтобы статья Ваша, вместе со статьей В.А.Чудовского, была издана отдельной книгой, в ограниченном числе экземпляров. Книгу предполагено иллюстрировать всеми когда-либо появлявшимися в «Аполлоне» воспроизведениями картин Чурляниса. В продажу она должна поступить осенью. — За возможно скорый ответ редакция была бы очень признательна». Наконец, 3 ноября 1914 г.: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович, печатая в первой осенней книге «Аполлона» несколько стихотворений, так или иначе откликающихся на события наших дней, редакция, к своему искреннему сожалению, не имела возможности обратиться к Вам, так как материал пришлось собрать очень спешно. Имея в виду поместить в ноябрьской книжке новый ряд стихов, объединенных темой войны, редакция, особенно ценя Ваше участие в настоящем случае, надеется, что Вы не откажете предоставить в ее распоряжение несколько стихотворений, за возможно скорую присылку которых она была бы Вам чрезвычайно благодарна».

15

1. О том, что в 1915 г. журнал будет высылаться Иванову, сообщил в письме от 30 марта этого года М.Л.Лозинский (само письмо не связано с деятельностью «Аполлона» и потому не публикуется).

2. В завершеном своем виде «Человек» представляет собою более обширное произведение (последняя, четвертая, часть и эпилог написаны в 1917-1918 гг.) и был издан лишь в 1939 году. Об истории создания и публикации «Человека» см. примечания О.А.Дешарт в третьем томе «Собрания сочинений» Иванова, а также: *Шишкин А.Б.* К истории поэмы «Человек» Вяч. Иванова. — Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2.

3. В окончательном варианте текст блаженного Августина включен в состав эпиграфа.

4. План издания новой книги стихов не был осуществлен. Впрочем, он был, очевидно, весьма мимолетным, ибо, по сообщению О.А.Дешарт, в том же 1915 году «Человек» должен был печататься издательством М. и С.Сабашниковых.

16

1. Желание обменяться мнениями о нынешнем положении дел у Маковского возникло, вероятно, в связи с активной публицистической деятельностью Иванова именно в эти годы.

17

Почт. бумага журнала «Аполлон».

1. Очевидно, говоря о своем восхищении «Человеком», Маковский кривил душой, ибо в книге своих воспоминаний он дает этому циклу совсем противоположную оценку: «Это собрание очень головных, очень отвлеченно-выспренных строф мало кого увлекло; тяжесть стиха, надуманность образной выразительности вызвали даже недоумение: „Разве цель поэзии — какой-то умозрительный герметизм?“» (*Маковский Сергей.* Портреты современников. С. 272).

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ <Н. БРЫЗГАЛОВА> «СИМВОЛИЗМ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ»

Предисловие Г. В. Обатнина и К. Ю. Постоутенко

Публикация и комментарий Г. В. Обатнина

Статья, побудившая В. И. Иванова к созданию публикуемого «Ответа...», была написана не позднее начала 1913 г. Хотя ее наборная машинопись, сохранившаяся в фонде книгоиздательства «Мусагет»¹, не содержит даты, первая из сохранившихся корректур «Символизма и фальсификации», предназначавшаяся для печатного органа «Мусагета» — журнала «Труды и дни» — помечена типографским штампом от 9 февраля 1913 г. На ней содержится помета редактора-издателя «Мусагета» Э. К. Метнера, адресованная одному из участников издательства: «Труды и дни. Григорию Алексеевичу <Рачинскому>. Спросить Григ<ория>Алекс<еевича>, почему он был (кажется) *против* этой статьи, и, если он не настаивает на *ненапечатании*, то поместить»². Не удовольствовавшись согласием Рачинского, Метнер направил другой экземпляр той же корректуры³ Иванову. В сопроводительном письме от 11 марта 1913 г. секретарь редакции В. Ф. Ахрамович писал Иванову: «Эмилий Карлович очень просит Вас сказать свое мнение относительно уместности помещения в «Трудах и днях» статьи Брызгалова. Алексей Сергеевич <Петровский>против — считает неуместным Брызгалову говорить о символизме таким тоном и к тому же «учить символизму» — Андрея Белого, против которого, собственно, и направлена статья»⁴. В архиве В. Иванова сохранилось ответное — неоконченное — письмо к Ахрамовичу от 7 апреля 1913 г.: «Я присоединяюсь относительно статьи «Символизм и фальсификация» к мнению о неуместности этой скрытой полемики — с А. Белым? Вопрос, затронутый автором, — я бы формулировал так: как относиться» (текст обрывается)⁵. В результате этого обмена мнениями статья оставалась

1 ОР РГБ. Ф. 190. Карг. 52. Ед. хр. 5.

2 ОР РГБ. Ф. 190. Карг. 55. Ед. хр. 3. Л. 1. Вероятно, Г. А. Рачинский проявил в этом вопросе привычную ему лояльность — слово «против» рукой неизвестного лица зачеркнуто.

3 ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 275.

4 ОР РГБ. Ф. 109. Карг. 11. Ед. хр. 64. Л. 5.

5 ОР РГБ. Ф. 109. Карг. 9. Ед. хр. 4.

неопубликованной еще два с половиной года и была напечатана лишь в последнем, восьмом выпуске «Трудов и дней», содержащем «немногочисленные разнородные рукописи, скопившиеся в редакционном портфеле»⁶.

Камнем преткновения для «мусagetцев» явился следующий недвусмысленный пассаж статьи: «Ведь если ужасом современности является «штемпелеванная культура», то что может быть ужаснее «штемпелеванной мистики», застывшей в рациональных схемах, лишенных вечного внутреннего динамизма, дарующего им вечную юность»⁷. Отвечая на этот выпад, Иванов подверг анализу волновавшее его соотношение искусства и мистической догматики. Неоконченный «Ответ на статью «Символизм и фальсификация» публикуется по черновому автографу, сохранившемуся в архиве Иванова»⁸.

6 Лавров А. В. «Труды и дни». — Русская литература и журналистика начала XX века (1905—1917). Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 211.

7 Соловецкий Н. <Н. Брызгалов>. Символизм и фальсификация. — Труды и дни, 1916, тетр. 8. С. 90. (Речь идет о статье: Бугаев Б. <А. Белый>. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура. — Весы, 1909, № 9. С. 72—80).

В гранках восьмого номера «Трудов и дней», готовившегося к печати В. В. Пашуканисом в конце 1915 г., Брызгалов смог беспрепятственно расшифровать свой намек, обращенный в сторону покинувших «Мусaget» приверженцев антропософии — А. Белого, Н. П. Киселева, А. С. Петровского и Эллиса (Л. Л. Кобылинского): «Эту небольшую заметку справедливо можно было бы обвинить в чистом теоретизме, но странная, для всякого любящего искусство и не потерявшего свободы вкуса и суждения своеобразная действенность мистерий Штейнера разве не является блестящим примером, освобождающим от этого упрека» (Там же. С. 91).

8 ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 182.

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ
«СИМВОЛИЗМ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ»

Когда символисты заговорили о «внутреннем каноне» художника¹, они испугали и оттолкнули многих. «Художник и человек должны быть разделены, как государство и церковь в некоторых европейских государствах: так хочет искусство и его свобода». В этом смысле высказались все противники и прибав<или?>: «Коли у вас на уме *такое*, мы не хотим вовсе символизма». В сущности, в возражении просвечивает *reservatio mentalis*: «Если человек в художнике внутренне анархичен, мы не имеем ничего против его слияния с художником, ибо тогда он не опасен свободному искусству; если же человек подчинен некоему закону, поставленному им выше себя самого, он опасен свободному искусству, как государству опасна церковь, служащая не власти государственной, а велениям абсолютным». Поэтому Валерий Брюсов замечает, — «по мне уж лучше пей, да дело разумей»²; с подразумеваемым дополнением: «Не то, чтобы трезвение всегда лишало художника разумения его дела; разуметь его он будет, пожалуй, и трезвясь <?>, если вообще понимает; но самое дело, поставленное на чуждую ему основу — нравственную или религиозную, как-то изменится, становится почти другим делом, оно перестает быть *ars profana*, а свободное искусство есть *ars profana*».

Утверждая *ars profana* теор<етически> и практи<чески>, я тем не менее нах<ожу, что> отождествление свободного искусства с *ars profana* было бы, очевидно, несостояте<льным>. Никто не сомневается, что Божеств<енная> Комедия, Сикстинская Капелла или Бетховенова «Месса» суть творения искусства свободного, хотя, в то же время, это творения искусства религиозного и подчиненного в существ<е> догматическ<ому> и символич<ескому> канону церкви и традиции.

Вся история искусств учит нас, что искусство остается свободным как искусство, когда делается всецело *ancilla religionis*, и легко теряет свою свободу, когда художник ищет какой-то собственной религии, когда он хочет быть «свободным» глашатаем, напр<имер>, религии обществен<ного> равенства и братства, или морали; или других «идей». «Братья Карамазовы», роман православно-доктринальный, более принадлежит сфере свободного искусства, чем творения Л. Толстого из эпохи его религи<озно>-нравств<енных> исканий³.

В чем же дело? В том, что искусство есть форма, и всякое содержание для него, как такового, хорошо под условием, что<бы> художник мог <?> органич<но> перевести его в форму. Искатель удваивает художника и нелегко с ним единится; [обретший или взявший содержание готовым без труда сливается] с художником. Тот, кто окончательно обрел свою веру, или мирозерцание, свой закон, или подчинился всецело <?>, может не бояться за свободу своего *искусства*. Он будет постольку свободен, постольку талантлив. Фидий не ищет своего божества, подобно Ксенофану или Анаксагору⁴. Он находит описание Зевса у Гомера, вдохновляется им, как это было бы невозможно неверующему, и соединение гения с верой делает то чудо, что простой исполнитель заказа из Олимпия, он создает прототип Зевса равно для искусства и для религии⁵. Это ли не свобода искусства? Это нечто большее, нежели свобода: это его самодержавная власть.

Мы исходили из возражений противников; теперь речь обращается к

друзьям. Статья «Символизм и фальсификация» затрагивает вполне назревший в лоне символизма вопрос: Умещается ли в нем символика?

Под символикою я разумею запас статич<еских> и как бы кристаллиз<ованных> символов, исторически связанных с известными величинами определ<енной> догматической системы. Таковы, например, крылья Божествен<ной> Премудрости, рыба, лодк<a> и т.д. в символике христианской. Это не просто эмблемы, или иероглифы, вместо которых можно подставить извест<ное> значение, напр<имер>, Рыба — Христос. Нет, Рыба — некая Христова тайна, напр<имер>, тайна эвхаристическая. Кроме своего эмблемат<ического> <1 нрзб.> эти знаки приобретают еще⁶.

Символика относится к свободному мистическ<ому> символизму, как священство к пророчеству⁷. То и другое имеют дело с тайнами, но тогда как первое их хранит, другое надеется <?> овладеть ими; то глядит назад, это вперед. Между ними не мыслимо только восполнитель<ное> соеди<нение>, но и желательно. Об этом свидетельств<вуют> все великие произведения мистико-символ<ического> искусства; напр<имер> Божественная Комедия, на которую ссылается автор названной статьи.

Итак, последний погрешает <?> в смешении символ<изма> с фальсифи<кацией>. Я не знаю, кого обличает; догадываюсь, что метит он в тех из наших собратьев, которые провозгласили себя за после<днее> вре<мя> приверженцами некоторой знам<енитой> мистико-догматической доктрины. Но упреков с его стороны заслужил бы и тот символист, кот<орый> бы, подобно, напр<имер>, Гюисмансу⁸ или Достоев<скому>, заявил бы себя всецело примкнув<шим> к церкви и ей подчинившимся. Это несправедливо. Если церковь или данная доктри<на> дают тем или иным художникам догматы и символику, даже, наконец, налагают на них начало догматико-символического авторитета, они могут сочетать эту символику со своим свободным символизмом, не изменяя <?> искусству. Все дело в том, как они это сделают. И фальшь будет сказываться только в дурном худ<ожественном> выполнении, в неорганич<еском> слия<нии> формы и содержания. Как будто искусство пострадает от изобра<жения>, напр<имер>, Зодиака или Атлантиды по Штейнеру. Столь же мало, как если [бы] потоп изображен по Библии⁹. Условие художественной удачи в обоих случаях одинаково. Только элементов <?> символики будет всегда тем больше в произв<едении> символ<ического>, чем программнее <?> оно в смысле изображ<ения> той или иной догматики.

Символика не есть фальсификация символа. Фальсификация символа есть его извращение. Фальсифи<кация> в символизме есть кощунство. Черная месса — максимум <?> символической фальсификации. Всякая же мертвенность худож<ественного> созда<ния> не есть фальсификация символа, а просто плохое искусство.

Хотелось бы видеть <?> больше любви и свободы, кот<орых> иногда недостает и защит<никам> свободн<ого> искусства, и более веротерпимости. Во что кто верит, — это не может составлять предмета заботы для критика искусства. Художеств<енно> ли осуще<ствляет> художник свое задание, вот вопрос. Оставим содержание в покое; будем требовать одного: органич<еского> синтеза формы и содержания. Искусство — обо всем, но не всячески <?>, а только художественно. Между тем, везде выдвигают <?> в споре о поэзии вопрос о содержании отдельно от формы. Так, несколько молодых поэтов, поспешно назвавшихся «акмеистами» (т.е. людьми в силе или расцвете творчества), требуют, чтобы

содержание поэзии было непременно наивно-реалистическим, позитивным и свободным от взлетов в область непостижимо<го>¹⁰ (что также смешно, как писание стихов без р¹¹ или не столь дав<нее> искоренение негражданств<енных> стихотворений) и, никак не желая взять в толк, о чем говорят символисты, воображают, что последние требуют непременно мистического содержания. Автор названной выше статьи хочет исключить из содерж<ания> поэзии все догматическое. Так судить о поэзии — варварство или ребячество. Так дети требуют картинок, где непременно были бы солдаты, книжки об индейцах и т.п. Поэтому тем же «акмеистам» так мн<ого> хлопот с символизм<ом>: все, что поталантливей, выходит у них самих как будто символично. «Гони природу в дверь, — она влетит в окно».¹²

Примечания

- 1 Понятие «внутреннего канона» введено Ивановым в статье «Заветы символизма» (СС, II, 601), послужившей началом известной полемики 1910 г. в лагере символистов. Противники новой платформы символизма, предложенной Ивановым и Блоком — в первую очередь, Брюсов, Мережковский и Городецкий — отдельно это понятие не обсуждали, однако оно появляется в печатных работах единомышленников: вскользь упоминается в статье А. Белого «О символизме» (Труды и дни, 1912. № 1. С. 14) и служит предметом специального рассмотрения в статье В. Пяста «Нечто о каноне» (Там же. С. 25—35). Последняя вызвала оживленные прения после чтения ее в качестве доклада в «Обществе ревнителей художественного слова» 29 октября 1910 г. и появилась в «Трудах и днях» по настоянию Иванова и Блока (Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 394, 397). Кроме того, «внутренний канон» и связанная с ним проблематика свободы/несвободы искусства обсуждались на заседании «Общества ревнителей» 1 апреля 1910 г. (см.: Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова). — Русская литература. 1990. № 1. С. 200—207). Таким образом, в комментируемом фрагменте Иванов имеет в виду дискуссию на заседаниях «Общества» либо 1 апреля, либо 29 октября 1910 г.
- 2 Имеются в виду следующие слова Брюсова из статьи «О «речи рабской» в защиту поэзии» — его отклика на статьи Иванова и Блока: «Дедушка Крылов предостерегает от таких певцов, главное достоинство которых в том, что они «в рот хмельного не берут». Вместе с Крыловым и я от певцов требую прежде всего, чтобы они были хорошими певцами. Как относятся они к хмельным напиткам, право, дело второстепенное. Подобно этому, и от поэтов я прежде всего жду, чтобы они были поэтами» (цит. по: Валерий Брюсов. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 320—321). Переложение Ивановым высказывания Брюсова совпадает с полемическим выпадом Белого в статье «О символизме»: «... совершенно неуместную реплику подает В. Я. Брюсов: «По мне уж лучше пей, да дело разумей». Как будто А. Блок и В. Иванов дела своего не разумеют...» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 20). Как известно, первый, программный, номер «Трудов и дней» был перестроен под давлением Иванова (см. его письмо к Метнеру и Белому от 3 февраля 1912 г.: В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. Вступительная статья и публикация В. Сапова. — Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 326—328), в частности, был сориентирован на полемику 1910 г. и приобрел «антибрюсовский» характер. Опосредованное — через Белого — обращение Иванова к статье Брюсова отсылает к моментам идеологического самоопределения группы «Мусагета» и «Трудов и дней».
- 3 Не исключено, что Иванов подает реплику в его споре с Брюсовым после чтения доклада, легшего в основу «Заветов символизма», в «Обществе свободной эстетики» 17 марта 1910 г.: ср. запись Брюсова в дневнике: «Его основная мысль — что

искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размовка» (*Валерий Брюсов*. Дневники. 1891—1910. М., 1927. С. 142). В письме к С. Городецкому от 10 ноября 1910 г. Иванов более подробно пояснил свою концепцию взаимоотношений религии и искусства: «Внимательное отношение к моей статье <<Заветы символизма» — Г. О.» рассеяло бы тотчас подозрения, весьма наивные также, твое и Брюсова — будто я *подчиняю* искусству *религии*. Слово «религия» употребляется в статье в смысле внутренней *связи*, находимой художником в своей личности и символической в мире своих символов, а не в смысле извне принятого культа; но и в объясненном смысле религия принимается не как закон, сверху наложенный на творчество, а как *имманентная* искусству вообще, в символизме же еще и определено *выявленная душа* художественного творчества» (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 24. Л. 5 об., копия рукой М. Замятниной).

- 4 Ксенофан (конец IV — начало V в. до н.э.) — греческий философ, родом из Колофона, считается основоположником элеатской школы, известен своим монотеизмом (Бог — один, и все — божественно), был поэтом-рапсодом. Все эти характеристики, разумеется, импонировали кругу «Мусагета», в серии «Орфей» планировался том Ксенофана Колофонского в переводе В. Нилендера (см. объявление на фронтисписе кн.: *Гераклит Эфесский*. Фрагменты. Пер. Владимира Нилендера. М., 1910, ср. также воспоминания Б. Пастернака о занятиях «древнегреческой досократовской философией» в «молодом «Мусагете» — *Борис Пастернак*. Об искусстве. М., 1990. С. 213). Анаксагор (500 г. до н.э. — 428 г. до н.э.) — греческий философ, в космологической и космогонической части своей системы разрабатывал концепцию организующего начала космоса («Нус» — Ум, разум), был ученым-профессионалом, т.е. по типу философствования противоположностью Ксенофану.
- 5 Иванов имеет в виду одно из «семи чудес света» — статую Зевса для храма Зевса в Олимпии (Элида) работы Фидия (490—485 гг. до н.э. — 431 г. до н.э.). По преданию, донесенному до нас Страбоном, Макробием и Валерием Максимом, при создании образа Зевса Фидий вдохновлялся тремя строками из «Илиады» (1, 528—530). Фидий создал не только канон для изображения Зевса, но «стремился воплотить в красоте само божественное начало» (*Лукьянов С. С.* Олимпийский Зевс Фидия. СПб., 1910. С. 17).
- 6 Предложение не закончено.
- 7 Иванов использует терминологию «теократии» В. Соловьева. О соотношении «трех энергий» — священственной, царственной и пророческой — см. статью Иванова «Из области современных настроений. 1. Апокалиптики и общественность» (Весы. 1905. № 6. С. 35—39).
- 8 Имеется в виду предисловие Гюисманса к сборнику стихотворений Верлена «Poésies religieuses» (Париж, 1904), которому Иванов посвятил рецензию (Весы. 1904. № 12. С. 63—64) и «экскурс» «О Верлэне и Гейсмансе» (СС, II, 562—565).
- 9 Этот отзыв Иванова о Штейнере несколько отличается от известных периода осени 1912 г. Философская оценка «штейнерянства» в письме Иванова к А. Скалдину от 5 ноября/23 октября 1912 г. («от Канта через *Гегеля* до натурфилософии наших дней» — Минувшее. Исторический альманах. СПб., М., 1992. Т. 10. С. 138) повторяет его более ранние размышления, зафиксированные М. Замятниной в дневнике: «За обедом Вячес<лав> выяснял свое отношение к Штейнеру. Вячес<лав> выводит из Гегеля вытекающими три разветвления: Тюбингенское Христианство, Марксизм <1 нрзб.> Соц<иал>-демократией и Штейнерьянство. Другой поток <?> от Гегеля: Шопенгауэр — Достоев<кий>, Нитше, Соловь<ев> и Вячесла<в>» (запись от 3 января 1909 г. — ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 86). После увлечения Андрея Белого (с которым Иванов встречался осенью 1912 г. в Базеле) идеями и личностью Штейнера возникла опасность превращения антропософии в идейную платформу «Трудов и дней». Иванов, при сохранении расположения к Штейнеру, решительно высказывался против такой возможности: «...синтеза между оккультизмом и символизмом я не признаю», «Символизм же мешать с штейнерьянством не хочу» (письма к Метнеру от

5 октября/22 сентября и 15/2 ноября 1912 г. — В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. С. 287, 291). Возможно, что изменение позиции Иванова было вызвано решением Метнера закрыть журнал с 1913 г. из-за разногласий с Бельм (см.: *Лавров А. В.* «Труды и дни». — Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 209).

- 10 Иванов был едва ли не главным объектом критики со стороны поэтов-«акмеистов» (об ориентации их на поэтику и позицию Брюсова см. в предисловии к публикации: *Габриэль Г. Суперфин, Роман Д. Тименчик.* Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову. — *Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* 1974. Vd. XV. Nos. 1—2. P. 194). Напряжение в их отношениях, нараставшее с 1911 г. (см. об этом: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. III. — *Russian Literature.* 1981. № IX. P. 175—190), с приходом С. Городецкого зимой 1912—1913 г. стало явным. О его выступлениях этого периода (в частности, на вечере в «Бродячей собаке» 19 декабря 1912 г. с докладом «Символизм и акмеизм»), полных личных и литературных нападок, Иванову сообщала Ал. Чеботаревская (см.: *Литературное наследство.* Т. 92. Кн. 3. С. 409, 413), подтверждая свою информацию газетными вырезками (ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 23). Весной 1913 г. Городецкий, гостя у Иванова в Риме, обсуждал с ним новое литературное течение — резко негативный отзыв Иванова восстанавливается по письму Городецкого к нему от 7 апреля 1913 г. (текст см. в публикации К. М. Азадовского в наст. издании, а упоминание его и анализ реакции Блока на разговоры Иванова с Городецким, переданные им по возвращении из Италии, см. в статье: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. — *Russian Literature.* 1974. № 7/8. P. 25). Можно предположить, что отрицательная реакция Иванова на «акмеизм» (не исключено, что он мог иметь также первый номер «Аполлона» с манифестами Гумилева и Городецкого) в 1913 г. — реакция на поведение Городецкого.
- 11 Классический пример липограмматического произведения — стихотворение Г. Державина «Соловей во сне», где отсутствует буква «р» (см.: *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 144). Однако Иванов может иметь в виду также стихотворение Д. Бурлюка «Без Р». Если последнее правильно, то это смещает датировку публикуемой статьи с весны на осень 1913, т.к. сборник «Дохлая луна», где было напечатано стихотворение, вышел в августе 1913 г. (см.: *Катанян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 68), а Иванов вернулся в Россию 23 сентября (см. дневник М. Замятиной: ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 104).
- 12 Смысл высказывания еще больше проясняется при сопоставлении с отзывом Иванова 1916 г., зафиксированным в дневнике П. А. Журова, — см. в публикации С. И. Субботина в наст. изд., с. 213—214.

Москва. Зубовский бульвар 15, квартира Вяч. Иванова.

Вера Проскурина

РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ «БУЛЬВАР И ПЕРЕУЛОК»

(Вячеслав Иванов и его московские собеседники в 1915 году)

Появление рукописного журнала «Бульвар и Переулок» тесно связано с культурно-исторической ситуацией первой военной зимы 1914—1915 года. Начавшаяся война, с одной стороны, обнажила всю разность взглядов, всю глубину противоречий, имевших место внутри московской интеллектуальной элиты, вызвав и шумные публичные заседания, и темпераментные журнально-газетные схватки. С другой стороны, ситуация слома, катастрофы как никогда усилила взаимное притяжение, привела в действие центробежные силы, почти подсознательное желание объединиться перед лицом надвинувшейся опасности. Этот парадокс и нашел свое отражение в стихийно возникшем журнале, объединившем и укрывшем под сенью идеи Дома нескольких философов и литераторов, связанных узами дружеских, семейных отношений.

Война обозначила конец петербургского периода русской культуры. Само переименование города было воспринято в эсхатологическом плане. Этот конец почувствовала З. Гиппиус, определившая новую расстановку сил в своем стихотворении «Петроград» (написано 14 декабря 1914 года): «славянщина убогая» (то есть Москва) победила «прекрасно-страшный Петербург», и вся надежда теперь возлагается на знаменитый петербургский символ:

На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей!

Москва в эти годы делается явным средоточием русского философского движения, притягивая к себе все новые и новые лица. Из Петербурга «бегут» — в Москве поселяются прочно, обосновываются семейно. Так произошло, например, с Н. А. Бердяевым, уехавшим в 1907 году из Петербурга сначала в деревню, потом в Париж (заграница здесь зачастую выступает как некое «чистилище») и наконец оказавшимся в Москве (с 1908 года). В Москве он обретает свой круг общения, с Москвы начинается «религиозный» этап жизни и творчества Н. А. Бердяева. Характерен и симптоматичен переезд в Москву в 1913 году Вяч. Иванова: в 1912 году он покидает Петербург и едет за границу, а оттуда (не без влияния жившего в Москве и близко сошедшего с Ивановым в Риме В. Ф. Эр-на) — в Москву.

Семантика пространственного перемещения была очевидна: это и прощание с Башенным «дионисийством», и сознательное погружение в сферу «любомудрия». Именно так осознал свой «исход» из Петербурга Н. А. Бердяев, бессменный председатель на ивановских «средах». Описывая свою дружбу с В. Ивановым, он все же счел необходимым добавить: «У меня нарастало глубоко разочарование в литературной среде и желание уйти из нее. Мне казался Петербург отравленным»¹. Нечто сходное было и в чувствах Иванова, покинувшего Петербург. Его дочь, Л. В. Иванова, прощательно угадала значение переезда в Москву: «Башенный период кончился. Наступила совершенно новая пора жизни. У меня было ощущение, точно рассеялась та туча и тот морок, которые висели над нами в Петербурге даже и в радостные минуты. Точно наступило утро»².

Как и для Бердяева, для Иванова приезд в Москву был одновременно и возвращением к старым друзьям. 26 января 1913 года М. О. Гершензон, дружеские отношения с которым у Иванова завязались еще с 1908 года, писал поэту: «Дня 4 как приехал в Москву Бердяев, все такой же молодой и славный; не стареет, не замыкается, не черствеет; я его очень люблю. Старые приятели все Вас с любовью помнят, и сходясь мы каждый раз вспоминаем Вас. Не забывайте же и Вы нас»³. Большинство будущих участников «Бульвара и Переулка» входило в более широкий круг — издательства «Путь», московского Религиозно-философского общества и т. д. Однако теперь, в канун войны, сложился особый, так сказать, интимный кружок философов и литераторов, спянных не столько общностью взглядов, сколько личными, домашними связями. Так, например, показательно сообщение Гершензона (в письме к брату, А. О. Гершензону, от 13/26 января 1914 года): «А вчера вечером шумно спорили у нас до третьего часа Вяч. Иванов, Булгаков, Жуковский, Эрн, — крик стоял»⁴. Непременным членом дружеских посиделок и организатором собственных *jeux fix'ov* был Н. А. Бердяев. К ним вскоре присоединился и давний знакомец всех, приехавший из-за границы в октябре 1914 года Л. И. Шестов. Сюда, конечно же, необходимо добавить и сестер Герцык — поэтессу, переводчицу А. К. Герцык-Жуковскую, жену Д. Е. Жуковского, философа, участника сборника «Проблемы идеализма», а также Е. К. Герцык, переводчицу, автора критических статей и талантливых мемуаров. Постоянными участниками собраний были и жены — Вера Шварсалон, жена Вяч. Иванова, Л. Ю. Бердяева (обе — авторы «Бульвара и Переулка»), М. Б. Гольденвейзер, супруга М. О. Гершензона, писавшая талантливую прозу (см. ее рассказ «Призывы» в «Русской мысли» за 1917 год, кн. 3—4).

Печатным источником сведений об этом неофициальном сообществе являются известные воспоминания Е. К. Герцык. Она пишет о том, что в кругу московских философов (она называет их «наш старый кружок») резко обозначилось «двойное отношение к событиям на войне и в самой России: одни старались оптимистически сгладить все выступавшие противоречия, другие сознательно обострили их, как бы торопя катастрофу». Первые, как выяснилось, «жительствоют на широких бульварах», это «оптимисты» — Вяч. Иванов, Булгаков, Эрн. Другие же, «предсказывающие катастрофу, лоящие симптомы ее Шестов, Бердяев, Гершензон — в кривых переулочках, где редок и шаг пешехода». Квартира сестер Герцык «символически объединяла переулок и бульвар: вход с переулка, а от Новинского бульвара отделял всего только огороженный двор, и окна глядели туда»⁵. В этой же главе воспоминаний, символически названной «Кречетниковский переулок (1915—1917)», Е. К. Герцык пишет: «Посмеялись. Поострили. Затеяли рукописный журнал «Бульвары и Переулки». ...Собрались через неделю читать написанное у нас»⁶. Она же указала на то, что был подготовлен первый номер, она же выразила надежду, что эти «листки» у кого-нибудь сохранились.

В воспоминаниях Герцык много неточностей, однако главное она запомнила. Центральная дефиниция — «бульварники» и «переулочники» — указана была точно. Действительно, общение этого содружества имело отчетливые пространственные рамки. Арбат и примыкающие к нему бульвары — вот тот новый культурный локус, в котором разворачивался сюжет московской жизни. Это прежде всего Зубовский бульвар, где проживали Ивановы, у которых в то время остановились В. Ф. Эрн с женой Е. Д. Векиловой и дочерью Ириной (дом 25). Здесь же по соседству обитали Булгаковы (Зубовский бульвар, дом 15). С другой стороны — Никольский переулок (дом 13), место проживания семьи Гершензона («декадентский», как называет его Е. Герцык, особнячок Е. Н. Орловой), Новокопешенный переулок, где в доме № 14 снимали квартиру Шестов и его семья, Большой Власьевский переулок (дом 14), где в 1915—1922 годах снимали квартиру Бердяевы. Впрочем, в начале 1915 года Бердяевы временно остановились у Жуковских-Герцык — в Кречетниковском переулке (дом 13), месте, промежуточном между бульварной и переулочной частью Арбата.

Арбатский локус с его антиномией бульвара и переулка послужил основой для создания московского топографического мифа. Результатом этого мифотворчества и стал домашний рукописный журнал «Бульвар и Переулок», замысел которого возник, судя по всему, зимой 1915 года. Материалы этого журнала — те самые «листки» — действительно сохранились в фонде М. О. Гершензона Российской государственной библиотеки. Здесь имеется и неопубликованная пояснительная записка жены Гершензона, М. Б. Гершензон (урожденной Гольденвейзер): «Зимой 1915—1916 года в небольшом кругу московских писателей возникла мысль о шутилом домашнем журнале. Первый номер этого журнала, названного «Бульвар и Переулок», действительно был составлен и прочитан на одном *jeu fixe*. Каждый автор читал свое произведение»⁷. Здесь же имеется другой вариант того же сообщения: «В 1915 году писатели, жившие в районе Арбата и бульваров (Новинского, Смоленского, Пречистенского), затеяли шуточный рукописный журнал «Бульвар и Переулок»⁸. Гершензон, признанный собиратель неопубликованного в истории русской культуры, отвел себе роль хранителя этого журнала. Автографы содержат следы его помет — везде проставлены имена авторов сочинений, проведена нумерация в каждой статье, добавлены некоторые примечания.

Среди материалов журнала имеется объявление о выходе «Бульвара и Переулка», написанное Ю. Балтрушайтисом, близким Иванову и его семье поэтом⁹. Выразительна двойная дефиниция издания: оно, с одной стороны, названо «критико-догматическим органом самообозрения», а с другой — «журналом для семейного чтения». Первая дефиниция целила в полемический характер журнала, становящегося ареной для взаимных шутилых «разбирательств» и автопародий. Вторая — говорила об эзотеризме издания, о его духе «für Wenige», о его сугубо внутреннем пользовании. Здесь же указывались имена участников: Вяч. Иванов, Н. А. Бердяев, В. Ф. Эрн, М. Гершензон, С. Н. Булгаков, Л. Шестов, Жуковский; последним в списке упомянут сам Ю. К. Балтрушайтис. Среди текстов действительно имеются сочинения Иванова, Бердяева, Эрна, Гершензона; однако сочинений Булгакова, Шестова и Жуковского обнаружено не было — вероятно, они и не были написаны.

Семантика названия журнала — «Бульвар и Переулок» — многозначна. С одной стороны, в названии отразилась реально-бытовая ситуация — в издании участвовали писатели и философы, жившие в переулках Арбата (Бердяев, Гершензон, Шестов) и на примыкавших к ним бульварах (Иванов, Эрн, Булгаков). С другой стороны, противостояние бульвара и переулка отражало полемическое противостояние позиций

участников журнала, разность точек зрения в разгоревшейся на страницах периодики схватке.

* * *

Событием, которое послужило точкой отсчета «бульварно-переулочного» мифа, стал вечер в Политехническом музее, устроенный 6 октября 1914 года московским Религиозно-философским обществом. Помимо прочих, с докладами выступили С. Н. Булгаков — «Русские Думы», Вяч. Иванов — «Вселенское дело» и В. Ф. Эрн — «От Канта к Круппу». Последнее выступление сделалось сенсацией — размах обсуждения, шквал откликов в печати были отчасти сопоставимы с полемикой вокруг сборника «Вехи». Общая антигерманская направленность заседания в словесных эскападах темпераментного полемиста получила заостренно-парадоксальную форму. То, что Иванов именовал кризисом германской культуры («натяжение сил без их внутреннего высветления», желание «устроиться» при отсутствии высших ценностей¹⁰), у Эрна превращалось в единый — ложный — путь развития, заданный всем ходом германской цивилизации. Реформация, протестантизм, философия Канта оказывались виновниками современного милитаризма: произошло «убиение Сущего в воле» и «убиение Сущего в разуме», как назвал это Эрн¹¹. Для убежденного антикантианца Эрна, еще в 1910 году выступившего против журнала «Логос»¹², современная история представляла в виде арены битвы между Ratio (Запад) и Логосом (Россия), и здесь на помощь России мобилизовывался весь арсенал славянофильской риторики. «Время славянофильствует», — прокламировал Эрн в своей одноименной лекции на закрытом заседании Религиозно-философского общества 29 января 1915 года¹³.

Позиция Иванова была тоньше, сдержанней, содержала она и ряд существенных корректив по отношению к воззрениям В. Ф. Эрна. Осенью 1914 и в начале 1915 года в его лире зазвучали славянофильские ноты; обращаясь к России, он писал:

...И на вселенские веса
Бросая подвиг достославный,
Своей стыдишься ты красы,
Своей не веришь правде явной¹⁴.

Стихотворения, подобные этому («Недугующим»), дали повод Н. А. Бердяеву упрекнуть Иванова в письме от 30 января 1915 года: «Вы стали прекладывать в стихи прозу Эрна»¹⁵.

Однако славянофильство Иванова всегда побеждалось внутренним эстетизмом, и эта укорененность в толщах мировой культуры, это «очарование отраженных культур», по выражению Бердяева, оттеняли эрновскую публицистическую одноплановость. Особое качество ивановского славянофильства не могли не почувствовать критики. Характерно, что, ругая Эрна, ему неизменно противопоставляли Иванова. Так, критик Евг. Адамов в ненавистной Эрну газете «День», резко отозвавшись о «гелертерско-шовинистических изысканиях г. Эрна» (в связи с его докладом «От Канта к Круппу»), не без иронии, но и с нескрываемым восхищением написал об Иванове (по поводу его доклада «Вселенское дело»): «Бесподобна была речь Вяч. Иванова. Он весь в ней: тончайшим образом отточенное лезвие сарказма и пышное великолепие торжественной пафоса, грустный аромат ладана...»¹⁶. В той же газете, весьма важной для будущего «бульварно-переулочного» мифа, критик Петр Рысс в статье «От Владимира Соловьева к Владимиру Эрну» не без злорадства предлагал Эрну «учиться» у Вяч. Иванова¹⁷.

И во «Вселенском деле», и в «Славянской Мировщине», и в «Живом предании», и в очень показательной статье «К идеологии еврейского

вопроса» Иванов продемонстрировал, что обладание такой, как у него, культурной памятью может служить противоядием от националистического или шовинистического соблазна славянофильства. Для него «тело христианства» никогда не было равно одному лишь православию. Он внес существенную поправку и к воззрениям старого славянофильства, и к суждениям Эрна, говоря о России не как о «ретроспективной утопии», а как о «Руси умопостигаемой», высвобождаящей свою «сокровенную реальность» «из плена опутавших ее чар» («Живое предание»)¹⁸. Россия Иванова — «мистическая личность», а не «эмпирический характер народа»¹⁹. Христианство для Иванова — это не один мир (православие), противостоящий всем другим. Христианство Иванова — это православие + католицизм, противостоящие как единое реформаторскому, протестантско-германскому миру. Это особенно ясно прозвучало в его статье «Шекспир и Сервантес», где «неостывшей» испанской душе Сервантеса («плод испанской верности католической церкви») противопоставлялась фигура шекспировского Гамлета, «загадочного принца», «пришедшего... из протестантского университета Германии!»²⁰

К голосам Эрна и Иванова присоединился и голос С. Н. Булгакова (см.: Война и русское самосознание. М., 1915), однако его выступления не сыграли той провоцирующей роли, какова была роль Эрна и Иванова. Главным же в этом определившем расстановку сил в «Бульваре и Переулке» сюжетном треугольнике оказалось противостояние Иванова и Эрна, с одной стороны, и Н. А. Бердяева — с другой.

Н. А. Бердяев немедленно поднял перчатку, брошенную «неославянофилами». Сначала, в статье, посвященной В. В. Розанову и его книге «Война 1914 года и русское возрождение», он язвительно высмеял эту «женскую» готовность славянофилов склониться перед грубой военной силой («О «вечно-бабьем» в русской душе»); здесь он слегка задел всех троих — Иванова, Эрна, Булгакова, предупредив об опасности возрождения «слишком временного» и «старого» в славянофильстве, не служащего делу мира, а лишь разжигающего страсти и злобу²¹. Затем, в ожидании своего скорого приезда в Москву (январь он провел в Харьковском имении — Люботине), он 30 января 1915 года пишет письмо Вяч. Иванову, выдержанное в характерном для него стиле энциклики: «Вы все хотели, чтобы я сказал Вам откровенно, что я мыслю о Вас. И вот я скажу Вам, хотя и недостаточно пространно. Думаю я прежде всего, что Вы изменили заветам свободолюбия Лидии Дмитриевны, ее мятежному духу. Ваш дионисизм, Ваш мистический анархизм, Ваши оккультные искания, все это, очень резкое, было связано с Лидией Дмитриевной, с ее прививкой...»²² Обвинение в измене «заветам» умершей жены Иванова — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — было жестоким, однако Бердяев здесь, в частном письме, продолжал развивать ту же мысль о «женском» начале славянофильства, уже апробированную на Розанове: «О Вас я очень сильно чувствую вот что: тайна Вашей творческой природы в том, что Вы можете раскрываться и творить лишь через Женщину <...> Вы слишком любите легкое, отрадное, условное, в Вашей природе есть оппортунизм <...> У Вас нет религиозного дара свободы <...> И в Вашей природе есть робость, которая лишь внешне прикрывается дерзованием. Вы всегда нуждаетесь во внешней санкции. Сейчас Вам необходима санкция Эрна или Флоренского. <...> В православии Вы ищете теперь легкой и приятной жизни, отдыха, возможности все принять. И это усталость в Вас, духовное истощение от ложных опытов дерзания. <...> Я не люблю в Вас религиозного мыслителя. <...> В Вас слишком много было всегда игры, Вы необычайно даровиты в игре. И сейчас Вы очень привлекаете и соблазняетесь в минуты игры. Но думаю мне, что Вы никогда не пережили чего-то существенного, коренного в христианстве. Я чувствую Вас безнадежным язычником, язычником в самом правосла-

вии Вашем. И как прекрасно было бы, если Вы оставались язычником, не надевали на себя православного мундира. <...> Вашей природе чужда Христова трагедия, мистерия личности, и Вы всегда хотели переделать ее на языческий лад, видели в ней лишь трансформацию эллинского дионисизма. <...> Вы совсем не могли бы жить и религией Христа <...> Но культ Богоматери очень Вам подходит, сердечно нужен Вам для жизни, для мистических млений. И свое языческое чувство жизни Вы теперь прилагиваете к церкви, как к женственности и земле²³. Резко противопоставив себя Иванову, Бердяев заключал: «Я — «еретик», но в тысячу раз больше христианин, чем Вы — «ортодокс». <...> Я объявляю себя решительным врагом Ваших нынешних платформ и лозунгов. Я не верю в глубину и значительность Вашего «православия»²⁴.

Полемический запал Бердяева оттеняется финалом письма — с предвкушением скорых дружеских встреч, «поцелуями» и пр.! Само это письмо Бердяева Вяч. Иванову — свидетельство как серьезных расхождений двух мыслителей, так и глубокой внутренней общности, основанной на единстве культурного кода, с помощью которого и велся диалог.

Между тем полемика разгоралась. Аrenoю ее стала газета «Биржевые ведомости», где 30 января 1915 года была опубликована статья В. Ф. Эрна «Налет валькирий» — ответ на помещенную ранее здесь же статью Бердяева о Розанове. Работа Эрна строилась под девизом: «Н. А. Бердяев мне друг», но «истина» дороже! Защищая себя (а заодно Иванова с Булгаковым) от обвинений в «женственности» «русской души», якобы культивируемой славянофилами, Эрн использует все средства — от откровенной издевки над «мужественной душой» Бердяева до патетических заклинаний: «В то время как русская душа в титанической борьбе с колоссальными армиями трех государств являет один за другим величайшие подвиги беззаветного мужества...»²⁵

Бердяев не оставил Эрна без ответа: 18 февраля 1915 года на страницах «Биржевых ведомостей» появляется его отповедь «Эпигонам славянофильства». Парируя обвинения Эрна и отделив позицию Иванова от остальных «неославянофилов» («Должен оговориться, что В. Иванов, как поэт и теоретик искусства, стоит выше всего этого, вне всех этих направлений»²⁶), Бердяев продолжает настаивать на опасности возрождения старого противостояния славянофильства и западничества, видя в их реставрации «национальную незрелость»²⁷. Полемизирует он и с Булгаковым, усматривая в его «теократии белого царя» «путь религиозного сервизма»²⁸. Бердяев в эти месяцы как никогда темпераментен — одна за другой летят в печать пылкие филиппики в адрес «неославянофилов» — в ответ на статью Иванова «Живое предание» (18 марта 1915 года) полетит гневная работа Бердяева — «Омертвевшее предание» (8 апреля 1915 года)...

Другие участники кружка, например, Гершензон и Шестов, в разгоревшейся полемике были на стороне Бердяева. Так, Гершензон печатно выступил против Эрна, хотя и отметил ряд «странных соответствий» между «материализмом» немецких властей и современной немецкой философией²⁹. 7 февраля Гершензон писал брату, А. О. Гершензону: «Не я один: вижу, так же томится Шестов, да и другие. Война поглотила все мысли и желания. Ходят друг к другу без дела, сидят подолгу, хотя о войне редко говорится. Шумят только кое-кто из славянофильствующих философов, напр<имер> Эрн, затеяли газетную полемику вульгарного тона и тем оживляют себе существование»³⁰.

В начале февраля 1915 года в Москву приезжает Бердяев с женою и останавливается в доме Жуковских-Герцык в Кречетниковском переулке. Близость всех троих в этот момент — Бердяева, Шестова, Гершензона — очевидна. Их частые визиты друг к другу фиксирует в своих письмах-дневниках Гершензон. Так, например, 15 февраля 1915 года он

записывает: «Вчера вечером у нас были Бердяевы и Шестов, сидели до 1 ½ ч. ночи»³¹.

Позиция Шестова была вполне очевидной, хотя прямого участия в этой полемике он не принимал. Однако характерен его рассказ о сильном впечатлении, которое на него произвела редкостная схожесть русской и немецкой печати в это время: «Начало войны застало меня в Берлине, я возвращался из Швейцарии в Россию. Пришлось ехать кружным путем, через всю Скандинавию до Торнео и потом через Финляндию в Петербург. В Германии, конечно, я читал только немецкие газеты. И до самого Петербурга я, собственно, принужден был питаться немецкими газетами, так как не знаю ни одного из скандинавских наречий. И только когда стал приближаться к России, мне попались русские газеты. И каково было мое удивление, когда я увидел, что слово в слово русские газеты повторяют то, что писали немцы. Только, конечно, меняют имена. Немцы бранили русских, упрекали их в жестокости, своекорыстии, тупости и т. д. Русские то же говорили о немцах. Меня это поразило неслыханно, и я вдруг вспомнил библейское повествование о смешении языков»³². Война подтвердила самые скептические предчувствия мыслителя — он увидел крушение «гигантской башни европейской культуры», общий и России в том числе, кризис. Его нежелание видеть «особость» России и ее «вселенское дело» дало основание для полемической клички, которую он получил в «бульварно-переулочном» кружке: «беспочвенник» (с новым наполнением иронически переосмысленного названия его старой книги «Апофеоз беспочвенности»).

Итак, в начале 1915 года оформился круг участников домашнего журнала «Бульвар и Переулок», а внутри его — две антагонистические «партии». Причины складывания этой «неформальной общности», этой домашней академии (наподобие общности итальянских гуманистов с их «академиями»³³) пыталась проанализировать Е. К. Герцык: «Но что же объединяло таких несхожих мыслителей, как Вяч. Иванов и Гершензон, Шестов и Бердяев? Это не группа идейных союзников, как были в прошлом, например, кружки славянофилов и западников. И все же связывала их не причуда личного вкуса, а что-то более глубокое. Не то ли, что в каждом из них таилась взрывчатая сила, направленная против умственных предрассудков и ценностей старого мира, против иллюзий и либерализма, но вместе с тем и против декадентской мишуры, многим тогда казавшейся последним словом?»³⁴ Только большой запас прочности, основанный на не объявленном, но ясно ощущавшемся всеми участниками кружка единстве культурного языка, позволил осуществиться столь экстравагантному предпрятию, как «Бульвар и Переулок», затеянному в самый разгар полемики начала 1915 года.

* * *

Бульварно-переулочный миф нашел свое воплощение в рисунке Е. С. Кругликовой, предназначенном для обложки журнала: под сенью дерева, на углу дома, от которого лучами разбегаются в противоположные стороны бульвар и переулок, встречаются Кот и Собака. Изящный рисунок тушью и карандашом отразил всю полноту символики названия журнала. Прежде всего, урбанистический пейзаж с изображенными бульваром и переулком закреплял то, что сами участники хотели продемонстрировать: провозглашалось создание некоего литературного «урочища» с четкой арбатской локализацией³⁵. Во-вторых, противостояние Кота и Собаки должно было символизировать противостояние внутри кружка. С одной стороны, это общее, «родовое», обозначение «бульварников» и «переулочников», с другой — это обозначение двух конкретных представителей тех двух полюсов полемики, о которой шла речь выше.

Кот — всегдашний символ Вяч. Иванова. «Кот был тотемом нашей семьи», — писала Л. В. Иванова, рассказывая о домашних творческих «предприятиях» Ивановых. В их числе — содружество с девизом «Лапа об лапу» и гербом, где, помимо прочего, два кота подавали друг другу лапу³⁶. Сама Л. В. Иванова в письмах к родным часто подписывалась «Курлыков»³⁷. В шуточной домашней газете «Пуля Времени» (изготавливаемой уже позднее, в 1926 году, в Италии) Л. В. Иванова помещала портреты Иванова с собственной подписью «Курлыков», а одно из «стихотворений» в той же газете (будто бы взятое из переводов Ивановым Алкея) звучало таким образом:

«— Брысь...»³⁸.

Вообще, стихия шуточной игры, имен-тотемов, взаимного пародирования, характерная для дома Ивановых, во многом повлияла и на атмосферу «Бульвара и Переулка».

Собака — не менее очевидный и легко узнаваемый символ Н. А. Бердяева. Известно, что Бердяев нежно любил своих собак³⁹ и в самом себе находил нечто «собачье», например, «исключительную чувствительность к миру запахов»: в «Самопознании» он писал: «Я хотел бы, чтобы мир превратился в симфонию запахов»⁴⁰. Сходство самого внешнего облика философа с собакой обострялось во время болезненных тиков. А. Белый выразительно описывал эту ситуацию: «...не удержавшись, с головою бросался он (Бердяев — В. П.) в разговорные пропасти; разрывался тогда его красный рот (он страдал нервным тиком); блистали в отверстии рта, на мгновение ставшего пастью, кусаяся, зубы его... сжимал истерически пальцы под разорвавшимся ртом; чтобы спрятать язык, припадал всей кудлатою головою к горошиком задрожавшим пальцам...»⁴¹ Агрессивно-наступательный характер Бердяева в сочетании с этими внешними особенностями его облика послужил «материалом» для полемического «имени» — Собака, — неоднократно обыгрываемого в текстах «Бульвара и Переулка»: так, в частности, в статье Эрна «Бульварная Пресса и Переулочные Точки Зрения» местом обитания Бердяева названа «Собачья Площадка» (в действительности Бердяев там не жил).

Наконец, древо в центре картинке Кругликовой — это своего рода *Arbor Mundi*: ясно, что всему изображенному придавался универсально-космический характер. Кот и Собака — это пародийное переосмысление известного противостояния позиций; в бульварно-переулочных текстах происходила перекодировка «серьезных» вопросов в иронический и намеренно сниженный план. Тем самым как бы снижался накал полемического противостояния, растворявшегося в домашних, шуточных терминах кружкового метаязыка.

Известный мастер портретных силуэтов, Е. С. Кругликова и здесь, на обложке «Бульвара и Переулка», воспроизвела силуэты символов — Бердяева и Иванова. Хорошая осведомленность в ситуации кружка объясняется ее довольно тесными связями со всеми участниками домашнего журнала⁴².

* * *

Хроника событий, связанных с возникновением журнала, может быть восстановлена с достаточной долей вероятности. Н. А. Бердяев, приехавший с супругой Л. Ю. Бердяевой в Москву в первых числах февраля 1915 года, останавливается у сестер Герцык, предполагая пробыть там несколько недель. Однако в середине февраля, на улице, он падает и ломает ногу — результатом чего стало то, что Бердяевы застревают в Москве на два месяца. Е. К. Герцык вспоминала: «В один из первых дней Николай Александрович, возвращаясь с какого-то собрания, поскользнулся и сломал ногу. Когда его вносили в дом, он доспаривал с сопровождавшим его знакомым на какую-то философскую тему. Потом два

месяца лежания, нога во льду, в лубках, сращение перелома затянулось. Друзья и просто знакомые навещают его. Телефонные звонки, уходы, приходы, все обостряющиеся споры между ним и Булгаковым, Вяч. Ивановым, которых захватил шовинистический угар»⁴³. Вот тогда-то, скорее всего, и намечаются контуры «Бульвара и Переулка» с «нейтральной» зоной в доме сестер Герцык, объединивших противостоящие стороны. Тогда и сочиняется объявление о выходе журнала со списком участников: характерно, что отнюдь не все лица, перечисленные Балтрушайтисом, оказались реальными авторами журнала. Первоначальная схема потом несколько видоизменилась. Косвенные данные могут служить подтверждением того, что это объявление относится к числу первых сочинений «Бульвара и Переулка». Балтрушайтис упоминает «сорный ящик», служащий заменой «почтового». Однако в статье В. Ф. Эрна «Бульварная Пресса и Переулочные Точки Зрения» уже всю функцию выполняет этот «сорный ящик», из которого им извлекается заключительная шарада. Статья же Эрн датируется в связи с упоминанием конкретной даты: на Столбе помещено «новое московское издание» от 16 февраля 1915 года! Видимо, сочинение Эрн относится к одному из ближайших дней после этого числа. Поскольку там же идет речь и об обложке журнала «Бульвар и Переулок» (об изображенном там Коте), можно с уверенностью сказать, что и рисунок Кругликовой к середине февраля 1915 года был уже сделан.

Вероятно, что и стихотворение Вяч. Иванова «Бедный Викинг» было написано в числе первых «бульварно-переулочных» сочинений: в нем отразилось «свежее» восприятие полемики вокруг доклада Эрн «От Канта к Крупну». Скорее всего к февралю-марту 1915 года можно отнести и сочинение М. О. Гершензона «Теория словесности», построенное на обыгрывании уже сложившейся оппозиции Бердяев — Иванов. Во всяком случае, оно было написано до отъезда Бердяева (апрель 1915 года), поскольку сама стилистика статьи свидетельствует об ее ориентации на произнесение (см. такие ораторские приемы, как апелляция к явно слушающим текст Булгакову и Шестову). С другой стороны, трудно предположить, что Гершензон зачитывал этот текст в отсутствие его главного персонажа — Бердяева, которому были адресованы достаточно иронические сентенции автора.

Рассказ В. Шварсалон «Самсон и Далила» был написан в марте 1915 года: в нем запечатлелся рассказ о том, как «в первых числах марта» «человек на костылях» вышел из дома № 13, т. е. речь идет о выздоровлении и одном из первых выходов из дома Н. А. Бердяева.

Статья самого Н. А. Бердяева «Бульвар и переулок (Размышление о природе слов)» имеет точную дату — «Лета 1915, апреля 27 дня». Она и по внутренней установке является завершающей, подводящей итоги и вскрывающей некую философию сложившейся оппозиции «бульвара» и «переулка». Сочинения Л. Ю. Бердяевой написаны тоже уже не в Москве, а в Люботине; сохранилось ее письмо, адресованное М. О. Гершензону и датированное, как и статья Бердяева, 27 апреля 1915 года: «Посылаю Вам, дорогой Михаил Осипович, мои «труды» для «Бульвара и переулка»...»⁴⁴. Таким образом, хроника создания журнала несколько корректирует и воспоминания Е. Герцык, и мемуарную запись М. Б. Гершензон: история «Бульвара и Переулка», растянутая в пространстве и во времени, не являлась продуктом одного «*jour fix*»; скорее, это был достаточно протяженный этап, общий для всех участников журнала и оказавший заметное влияние на творческий путь большинства из них.

* * *

Одним из первых, как выше было отмечено, появилось стихотворение Вяч. Иванова «Бедный Викинг». Стихотворение это не было опублико-

вано и прошло почти незамеченным в истории культуры начала XX века. В своих воспоминаниях Л. В. Иванова по памяти приводит из него одно четверостишие, замечая, что в стихотворении Иванов «в шутку» «применил» к В. Эрну поэму А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»⁴⁵.

Выбор источника для пародического использования был не случаен. «Бедный рыцарь» Пушкина — одно из наиболее актуализированных в сознании мыслителей начала XX века сочинений поэта. О нем в эти годы размышлял С. Н. Булгаков, давший анализ двух вариантов «Бедного рыцаря» в статье «Вл. Соловьев и Анна Шмидт»⁴⁶. Для Вяч. Иванова это стихотворение Пушкина было ключевым: о нем он писал в статье «Шекспир и Сервантес», и в работе «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика», и в статье «Два маяка»⁴⁷.

Надо сказать, сама личность В. Эрна каким-то образом коррелировала с пушкинским героем. Благодаря религиозной одержимости и полемическому темпераменту, Эрн воспринимался современниками с удивительным стилистическим однообразием. «Воинствующий рыцарь веры и убеждений» — формула Аскольдова из его некрологической статьи здесь наиболее репрезентативна⁴⁸. Любопытно, что самая внешность Эрна вызвала «рыцарские» ассоциации. Так, например, в воспоминаниях Е. Я. Архиппова, друга Эрна, глава, посвященная философу, носит заглавие «Крест и Лилия». Мемуарист пишет: «Вглядываясь в скандинавски-светлые черты его лица, уже тогда можно было различить два определивших его облик начала: светлая суровость рыцаря-крестоносца и сила тонкого духовного благоухания, идущего от лилий его чистого сердца»⁴⁹. Этот же рыцарский ореол был закреплен за Эрном и в кружке московских философов. Об этом писал, в частности, в своей бульварно-переулочной статье и Бердяев, намекая на скандинавское происхождение Эрна: «Вспомни, сколь бесстрашно выступили вы в защиту материализма <...> обнаружив при сем истинно рыцарскую отвагу, происхождения явно не русского».

Легкий сдвиг в названии стихотворения — «Бедный Викинг» вместо «Бедного рыцаря» — переключал стихотворение в сферу комического. Однако ни пародически использованный текст Пушкина, ни сама фигура Эрна не подвергались комическому снижению. Иванов и не собирался осмеивать своего ближайшего друга, столь значимого для него. Известно, как оценивал Иванов роль Эрна в собственной жизни: «...больше, чем Владимир Соловьев, на меня влиял Владимир Эрн»⁵⁰. Влияние Эрна на Иванова не прошло незамеченным: вспомним упреки Бердяева Иванову в том, что тот живет теперь «под санкцией Эрна»⁵¹. Напротив того, жизнь и духовная биография Эрна, зашифрованная в строках стихотворения, берутся под защиту, а осмеянию подвергаются враги Эрна.

Некоторые детали контекста позволяют точно расшифровать этот эзотерический текст, рассчитанный на узкий круг домашних друзей, без труда понимающих, о чем идет речь.

Приват-доцентская судьба Эрна взрывается неким «умозреньем» — о нем говорится в первых строках стихотворения. Иванов имеет в виду концепцию Логоса, страстным адептом коей и был Эрн, «положивший» много лет на «борьбу за Логос». Появление в 1910 году на горизонте отечественной философии нового альманаха «Логос», ориентированного на германскую традицию, вызвало бурный протест Эрна, усмотревшего кощунство в использовании некоторых столь близких ему символов⁵². Само название альманаха — Логос — казалось Эрну невозможным, оно связывалось с восточной, православной традицией. Вся теория Логоса в понимании Эрна противоречила западной, в первую очередь, германской школе философии. В 1910 году Эрн выступил с резкой статьей против германфильского «Логоса» — «Нечто о Логосе, русской философии и научности (По поводу нового философского журнала «Логос»)»⁵³.

Именно отсюда, от борьбы с «кангианами» (неокантианцами «Логоса»), ведет Иванов начало духовной биографии Эрна.

В стихотворении есть и прямые реминисценции из этой антикантианской статьи Эрна. Иванов упоминает «пески гносеологий», заключая в эту фразу двойную отсылку. Во-первых, — к выразительнейшему пассажи из вышеупомянутой статьи против «Логоса». В самом ее начале Эрн писал: «Логос, так Логос, — не все ли равно? Что касается до меня, то если бы мне насыпали между зубов целую горсть песка и заставили его жевать, то эту операцию я бы перенес с бóльшим спокойствием, чем священное имя Логос на обложке нового альманаха»⁵⁴.

«Кегельбан», вроде бы неожиданно появившийся в следующей строфе, являл собой также изысканную реминисценцию:

И в песках гносеологий,
Где, устроив кегельбан,
Метил шаром Метод строгий
В «данности» фата-морган...

Взята она была Ивановым уже из арсенала противников Эрна. Представители «Логоса» объявляли себя последователями «строго научной» философии («Метод строгий» у Иванова!). Выступление Эрна с критикой сильно задело «кангиан»: практически без острого выпада против Эрна не выходило ни одного тома «Логоса». Одним из обвинений в его адрес было утверждение, что он сражается не с реальными мыслителями «Логоса», а с фантазиями, не имеющими к ним никакого отношения. Так, в рецензии на книгу Эрна «Борьба за Логос» Б. Яковенко, упрекая автора в недобросовестности его инсинуаций, писал: «Своих противников создает себе он (Эрн. — В. П.) сам: это все какие-то манекены. А борьба с ними производит впечатление игры в кегли: сам он сделал их, сам расставил и сам же расстреливает, «надаживая грудь»⁵⁵.

Слова о «данности» фата-морган — с взятым в кавычки термином «данность» — тоже отсылают к статье Эрна «Нечто о Логосе, русской философии и научности». Протестуя против оксюморонного, с его точки зрения, выражения «научная философия», Эрн писал: «Можно очень разное *понимать* как науку, так и философию, но *данность* их как объектов не подлежит сомнению. Нас поражает *соединение* этих двух понятий, и мы утверждаем, что *нет* реального объекта, соответствующего этому сложному, искусственно составленному понятию...»⁵⁶ Таким образом, «данность» объекта изучения представителей «Логоса» оказывается иллюзией, или «фата-морганой», как метафорически выразил это Вяч. Иванов.

Строки стихотворения об Эросе и Сквороде, запомнившиеся Л. В. Ивановой, отсылали к вышедшей в 1912 году в издательстве «Путь» монографии Эрна «Григорий Саввич Скворода. Жизнь и учение», — к той ее главе, где излагалось учение Сквороды об Эросе в связи с его книгой «Наркисс». В жизненном пути и учении Сквороды Эрн обнаруживал зарождение философии истинного логизма, заключавшейся в постепенном восхождении, в постоянном «напряжении воли» и «устремленности к Истине». Иванов буквально в деталях передал один фрагмент из эрновского описания философии Сквороды: «Но такова была устремленность этого великого чудака к Истине, *так высоко он взбирался в своих постижениях*, что издала ему рисовалась неясными контурами небесная мудрость святых...»⁵⁷ Интерес Эрна к Сквороде был обусловлен и его своеобразной переработкой учения Платона об Эросе. «И влюбленность Платона, — писал Эрн, — превращается у Сквороды в *самовлюбленность*, и мудрый, которого посетил Эрос, становится блаженным самолюбом, Наркиссом»⁵⁸. Таким блаженным самолюбом, по Эрну, и был Скворода.

Таинственные буквы на шите Викинга — А. U. — вводят уже новую грань творческих исканий В. Эрна. Ближайшие друзья знали, что Эрн

напряженно работает над книгой об Афродите Урании (отсюда А. У.) — над замыслом, лишь отчасти реализовавшимся в его статье «Верхование постижение Платона»⁵⁹. С. Н. Булгаков назвал свой некрологический очерк об Эрне «Афродите-Деметре. Памяти В. Ф. Эрна», где рассказал, что «самой интимной мечтою» философа «была книга об Афродите Небесной, лике Вечной Женственности, открывшемся эллинизму»⁶⁰. В кругу Иванова этот замысел был предметом постоянных бесед, о чем, в частности, свидетельствуют письма Эрна Иванову; так, например, в письме от 8 июля 1914 года Эрн с иронией пишет: «Анапа — прескверный городишко с очаровательным морем, очень способствующим размышлению об Афродите Урании...»⁶¹

Неудивительно, что наиболее адекватное толкование букв А. У. принадлежит, как явствует из комментария к стихотворению, некоему р. Firenze. Firenze — это Флоренция. А «первый астроплатоник и иерософист нашего времени» — это отец (padre — р.) П. Флоренский, мастер изощренных толкований, тонкий знаток и ценитель Платона⁶².

Два следующих «толкования» актуализируют два пласта культурно-философской полемики, участником которой был Эрн. Упоминание редакции «Логоса», якобы интерпретирующей буквы А. У. как нетерминологическое «междометие», — ироническая отсылка к известной полемике Эрна с «кантианами». Имя же профессора Кизеветтера и латинская транскрипция все того же доклада «От Канта к Круппу» вновь переносят сюжет к событиям последних месяцев 1914 года и начала 1915-го: А. А. Кизеветтер в статье «Россия и Европа» выступил против «славянофильствующих сирен», задев Эрна и его на шумевший доклад⁶³.

Таковы были детали культурно-исторического контекста, послужившего основой для стихотворения Вяч. Иванова. Однако вся ситуация полемики в преломлении домашнего журнала иронически остраивается: стихотворение «Бедный Викинг» объявляется Ивановым «не подлинным историческим документом», а одним из «ядовитых порождений» литературы «памфлетов». Иванов укрылся здесь за двойной маской. Само стихотворение «сообщила Фрина» — знаменитая «гетэра», прославленная, по преданию, Апеллесом, изобразившим ее в виде Афродиты, выходящей из моря (для храма Асклепия в Колосе). Комментарий же к самому стихотворению представил «поверенный в делах Фрины». Но цепь опосредований, «белкинская» игра с отсылкой к одухотворенной античности на этом не заканчивались.

Гетэра Фрина — это анаграмма, заключающая имя персонажа, которому и было посвящено само стихотворение: Эрн. Великолепный знаток греческой анаграмматической поэзии, один из первых поэтов, активно использовавших этот прием, Иванов таким образом внес заключительный штрих в создание шугливой аполлогии Эрна.

* * *

Своеобразным дополнением к стихотворению Иванова служило сочинение самого В. Ф. Эрна «Бульварная Пресса и Переулочные Точки Зрения». Здесь была развернута своего рода «картина мира», описанная с позиции «бульварочника». Эрн прочерчивал и явную, по его мнению, традицию, к которой возводился сам замысел журнала «Бульвар и Переулок»: «С Башни я спустился на Бульвар...» Друзья-«переулочники» объявлялись им представителями «совсем другой Породы» (развитие оппозиции Кота и Собаки!). Вся «переулочная» тема в его сочинении проходит под знаком агрессивного и «угрожающего» индивидуализма — сплошных Точек Зрения, «дерзаний». Последний термин адресовался Бердяеву, постоянно упрекавшему Иванова в отсутствии в его мироощущении прежней дионисийской «дерзости», а также и Л. Шестову, вся филосо-

фия которого была разоблачением «покорностей» и защитой «дерзновенный» (см. цикл его афоризмов «Дерзновения и покорности»⁶⁴).

Однако не только полемика с «переулочниками» была зашифрована в тексте статьи Эрна. В качестве персонажей пародийных «объявлений» выступали все его литературно-философские оппоненты. В первую очередь — в первом «объявлении» — фигурируют противники Эрна в «германской» теме. «Дживелеговский пер<еулоч>» — указывает на А. К. Дживелегова, историка, литературоведа, театроведа. В контексте того времени, однако, важны оказались другие его заслуги. Дживелегов — крупнейший знаток Германии, автор двухтомной «Истории современной Германии», вышедшей в 1908—1910-м годах. В 1915 году он выпустил брошюру «Немецкая культура и война» (в серии «Война и Культура»), где — в противовес эрновским слишком прямым схемам (от Канта к Круппу) — дал детальный, построенный на конкретных фактах, анализ политической, исторической, культурно-философской ситуации в Германии последнего столетия. Он указал на реальные причины и предпосылки тоталитарной и милитаризованной идеологии, приведшей к войне. Либерально-кадетский взгляд на столь «огненные» для Эрна вопросы, пафос объяснения, а не проклятия в адрес Германии, — все это было чуждым и враждебным, с точки зрения Эрна.

Другой антагонист — Е. Адамов, постоянно выступавший на страницах петроградской газеты «День» с разоблачением «грехов национализма» в серии статей «Московские письма»⁶⁵. Это — откровенный враг В. Ф. Эрна, не скупившийся на брань и издевки в его адрес. Именно поэтому в «седьмом объявлении» появляется упоминание газеты «День» с пометой «Тут же: Первый русский словарь ругательств». Эрн был просто «мальчиком для битья» в этой газете, его обвиняли и в «шовинизме» (все тот же Евг. Адамов⁶⁶), и в «научно-детской надменности» в сочетании с неумением «осилить» Канта (статья Петра Рысса «От Владимира Соловьева к Владимиру Эрну»⁶⁷).

В эту же группу «врагов» попадает и «Александр Александрович Донерветтер»: речь идет об А. А. Кизеветтере. Пародийная кличка (от немецкого ругательства «Donnerwetter!» — «черт возьми!») историка и публициста, члена ЦК кадетской партии связана с его выступлениями против Эрна на страницах «Русских ведомостей». В статье «Россия и Европа» (8 января 1915 года) он обрушился на Эрна: «Мы боремся не с Европой, а с Германией, мы боремся не с Германией Канта, а с Германией Круппа (теперь находятся шутники, утверждающие с высоты философских кафедр, что Кант и Крупп — родные братья по духу...)»⁶⁸. Затем позднее, в статье «Литературные отголоски войны. Мечты о Царьграде» (15 февраля 1915 года), он снова разразился филиппикой против «книжной абстрактно-мистической идеологии и фразеологии», неизбежно приводящей к «глухому тупику» и «византийщине»⁶⁹. Адресат обличений, Эрн, не желая отвечать в печати «шестидесятнику» Кизеветтеру, «засидевшемуся гимназисту», по его едкой формулировке (см. «Налет валькирий»), дал пародическую отповедь противнику в своей «бульварно-переулочной» статье. В «седьмом объявлении» наряду с газетой «День» речь идет и о газете «Русские ведомости», редакция которой находилась в Чернышевском переулке. Обе ненавистные Эрну газеты — «День» и «Русские ведомости» (где помимо Кизеветтера против философа выступали и другие авторы⁷⁰) объединены общим титулом — «Краткое руководство для составления либеральных доносов».

Все «объявление второе» — с выразительным адресом «1-ый Ильинский пер<еулоч>», с «д<омом> Фрейда» и указанием «спросить Ивана Александровича» — отсылает к еще одному оппоненту Эрна и «ненавистнику» всего арбатского кружка писателей и философов И. А. Ильину. Философ И. А. Ильин, всю жизнь занимавшийся немецкой философией,

Гегелем, сам «неогегельянец», страдал нервным расстройством, психозом, от которого лечился в Вене у знаменитого психоаналитика. Е. К. Герцык, рассказывая о контактах Ильина с кругом ее философских друзей, писала о странных припадках ненависти, которую изливал Ильин на ту или иную жертву, она же сообщала: «Знакомство с Фрейдом было для него (Ильина. — В. П.) откровением: он поехал в Вену, провел курс лечения-бесед, и сперва казалось, что-то улучшилось, расширилось в нем. Но не отомкнуть и фрейдовскому ключу замкнутое на семь поворотов»⁷¹.

Фраза этого же объявления «Только устно!» адресует к ситуации также вполне угадываемой: 29 января 1915 года В. Ф. Эрн прочел свою первую лекцию цикла «Время славянофильствует» на закрытом заседании Московского Религиозно-Философского общества, где Ильин выступил против докладчика с яростной критикой. К нему же, судя по всему, относится и «объявление четвертое»; на это, в частности, указывает (помимо общей атрибутики — «немецкая улица», «исконно-русский тупик») фраза: «Обезвреженные (по известному методу «денационализации») вытяжки из Канта и Гегеля». В 1915 году Ильин выпустил брошюру «Духовный смысл войны» (в ней, вероятно, отразился общий пафос его устного антиэрновского выступления), где соединились патристическое морализаторство, бесконечные цитаты из Гегеля и предложение селекции германской культуры: «...выбрать из немецкой культуры то, что в ней общечеловечно, глубоко или просто здорово...»⁷²

«Героем» «пятого объявления» стал Н. А. Бердяев. Описывая его «вегетарианскую столовую», Эрн комически сопрягает творчество и быт. Так, в меню «духовного стола» входят «душа России всмятку» (прямая отсылка к названию известной брошюры Бердяева «Душа России», выпущенной в серии «Война и культура» в начале 1915 года), а также «салат из антиномий» (излюбленный прием построения ряда сочинений философа и в особенности актуальный для вышеупомянутой брошюры). Адрес «столовой» — «Собачья Площадка, что у Николя-на-Ямах» — был понятен только узкому кругу ближайших друзей Бердяева. Выше уже было сказано о кружковом топосе, запечатленном наименованием «Собачья площадка». Вторая часть адреса — «Никола-на-Ямах» —отсылает к ряду эпизодов биографии философа.

Прежде всего Эрн намекает на посещения Бердяевым трактира «Яма», где тот, как известно, встречался с народными мыслителями⁷³. Но не только это. Не случайно «Ямы» упомянуты во множественном числе. Здесь Эрн имел в виду и пресловутое падение Бердяева — событие, ставшее одной из главных «мифологем» «бульварно-переулочного» творчества. К Бердяеву, конечно, относится и фраза из «объявления шестого»: «ортопедируем хромые доказательства».

Само же «объявление шестое» — собирательный образ «переулочников». Помимо Бердяева, здесь можно обнаружить и зашифрованного посредством фразы «помогаем выходить из калош» М. О. Гершензона. Речь идет о дружеской помощи Гершензона А. Белому, оказавшемуся в тяжелом моральном положении после публикации статьи «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5), злобно нападавшей на идеи мистического анархизма, исповедуемые петербургскими символистами — и Ивановым в том числе. В то время к практически подвергнутому общественному остракизму писателю обратился Гершензон с предложением участвовать в журнале «Критическое обозрение» и писать рецензии в духе «Штемпелеванной калоши»⁷⁴.

Стрелы метились здесь и в Л. Шестова: «безболезненно извлекаем оставшиеся корешки и осколки». Шестов фигурировал в сочинениях журнала как человек «без корней», без «почвы». Не случайно в списке «врачей» у Л. Ю. Бердяевой также обыгрывалась эта же метафора —

Шестов там имеет характерную профессию: «Зубной врач. Специальность: вырывание корней». Указание на «швейцара» в том же «объявлении» Эрн — с намеком на недавнее швейцарское место жительства Шестова — лишь дополняет и подкрепляет созданный Эрном пародийный образ.

Сочинение Эрн — продукт эзотеричной кружковости, плод домашних, овеванных «местным» колоритом, шуток. Ситуация интеллигентских вечеров подчеркивается шарадой, приведенной в конце сочинения. Ее разгадка — Котляревский⁷⁵ — вновь обыгрывает идею журнальной заставки Кружковой — антиномию Кота и Собаки, основного мифа журнала.

* * *

Оппозиция Иванов — Бердяев оказалась в центре статьи М. О. Гершензона «Теория словесности», опыте шутилкой, но вместе с тем удивительно тонкой философии языка⁷⁶.

Эпиграф из «Письма о пользе Стекла» М. В. Ломоносова задавал тон всей статье, отсылая к традиции филологических «забав», шутилок азбук, персонифицирующих буквенные значения, вроде ломоносовской сценки «Суд российских писем, перед Разумом и Обычаем, от Грамматики представленных». Восходящая к античным образцам и имевшая массу европейских подражаний, традиция шутилок грамматик была, без сомнения, учтена Гершензоном. Само же имя Ломоносова должно было придать новой, кружковой «теории словесности» иронический оттенок высокой учености, повысить статус разговора о «словах» до статуса разговора о «естествах».

Следуя пародийно-игровой установке журнала «Бульвар и Переулок», Гершензон насыщает текст домашней семантикой, легко узнаваемыми в кругу друзей намеками. «Рискуя навлечь на себя церковное осуждение С. Н-ча», то есть С. Н. Булгакова, он рассматривает «стекло» — реальность слова и фразы, их имманентное бытие — как ничуть не меньшую ценность, нежели «минералы» — их трансцендентный смысл⁷⁷. Гершензон берет себе в союзники «Л. И.» — Л. И. Шестова, проведя тонкую параллель между ним и последователями древнегреческого мыслителя Евгемера, связывавшего возникновение культа богов с обожествлением реальных древнейших царей. Эта короткая отсылка к «эвгемеристам» вскрывала, по всей видимости, целый пласт дискуссий в кругу московских мыслителей. Именно Шестов в своих «дерзновениях» пытался заглянуть «за» сказанное в Священном Писании, увидеть «там» «величайшую тайну», не «придуманную» евреями, а «доставшуюся» им каким-то иным способом, не доступным современным теориям познания⁷⁸.

Вся преамбула к дальнейшему развертыванию сюжета носила, конечно, чрезвычайно эзотерический характер: сжатые в несколько намеков отсылки к имевшим место спорам внутри кружка будут впоследствии изъяты Гершензоном из второй редакции статьи послереволюционного времени: в новой ситуации они уже не могли быть вполне понятны⁷⁹.

В качестве формулы описания стиля Гершензон берет фразу, рассматривая ее как семью со своим укладом, особой логикой внутренних связей и отношений. В идее семьи и связанной с ней идее жизнестроительства писатель видел спасительное начало, противостоящее как хаосу внешних событий, так и раздирающему личность хаосу внутреннего «дионисийства». Этот акцент на идее семьи был адекватен общей установке «Бульвара и Переулка» — журнала «для семейного чтения», объединившего под предполагаемой обложкой семейные пары.

Образцовая грамматика не обходится без латинского примера. Гершензон тоже приводит латинское изречение, чтобы проиллюстрировать со-

ответствие между стилем и нравами: лапидарность и простота этой фразы, где нет «ни одной глагольной osoby», свидетельствует о тогдашней «чистоте нравов»¹⁸⁰

В этом контексте и развертывается сопоставление стиля писаний Иванова и Бердяева. За описанием «холостяцкой» фразы Бердяева встает личность самого автора. Говоря о «сухости», «бедности внутренней задушевностью», Гершензон имеет в виду не только стиль автора, но и саму личность. Любопытно, что характеристика Гершензона совпадает с автометаописанием, данным Бердяевым в «Самопознании»: «Многие замечали эту мою душевную сухость. ...В эмоциональной жизни души была дисгармония, часто слабость... Самая сухость души была болезнью»⁸¹. Отсюда — попытка выйти из собственных душевных невзгод: «оттого одно и то же речение пытается чрез две строки завести себе новую фразу, и также не с большим успехом, и чрез пять строк оно же, уже с некоторым остервенением, в третий раз повторяет ту же попытку, и так без конца».

Описание фразы-семьи Иванова тоже глубоко иронично. Фраза Иванова — это античный симпозион, где гости и хозяева «вкушают поэзию и мудрость». Апелляция к античному началу предвосхищает три опыта характеристики мира Иванова в статьях трех его ближайших друзей, участников «бульварно-переулочного» сообщества — С. Булгакова, Н. Бердяева, Л. Шестова. Так, С. Булгаков увидел в Иванове прежде всего «живого вестника из античного мира», указав на заслугу Иванова в «раскрытии христианского смысла эллинской религии»⁸². О тяготении к эллинской культуре, преломленной культурой «упадничества», писал и Л. Шестов, не без иронии почти повторяя слова Гершензона о культуре «избранных слов» у Иванова⁸³. Н. Бердяев, явно отталкиваясь от мнений всех троих — Гершензона, Булгакова, Шестова — будет уточнять: Иванов — «человек эллинистической», а не эллинской эпохи (то есть «вторичного», а не «первичного бытия») ⁸⁴.

Гершензон дает описание поэтического языка Иванова, и здесь важнейшим является взятое в своей неповторимой обособленности Слово. Если фраза Бердяева — функция мысли, то фраза Иванова — свободное единение самодостаточных Слов. Если в характеристике стиля Бердяева Гершензон сосредоточился на описании взаимоотношений между членами фразы, то на «пиру» у Иванова он занят их восторженным разглядыванием: «именитый символ», «благородная метафора», «ветхие мнихи». Каждое Слово здесь — гость на пиру, прибывший из дальних стран; оно овеяно ароматом далеких и разных культур. В то же время каждое слово не случайно, оно отобрано в соответствии с «тайным замыслом».

Однако в картину античного симпозиона Гершензон вносит иронические штрихи, смещая характеристику в сторону пародии: гости на пиру у Иванова способны поддержать разговор «о Логосе и о матерях важных». Примечательна здесь введенная в текст перефразировка цитаты из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» — реплики Репетилова, — описывающей собрания «секретнейшего союза» в Английском клубе:

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерях важных.

Эта ироническая отсылка, конечно, не случайна. В изысканном и высокоумудром симпозионе проступают черты некоей «говорильни», в которой Слово превращается в самоцель, в предмет любовного смакования. Такое «пиршественное» отношение к культуре, при всем его обаянии, не могло уже устроить Гершензона, ощущавшего в словесных яствах привкус яда⁸⁵.

Знаменательна в этой связи еще одна цитата в финале гершензоновской статьи: «...каждое существительное — не существительное, а Глагол,

именно «глагол времен, металла звон...» Формула взята из знаменитой оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского». Гершензон явно рассчитывал на то, что эта цитата позволит соотнести описание пира у Иванова с содержанием державинской оды, посвященной торжеству смерти:

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.

Тема смерти достигает семантической остроты в картине прерванного пира:

Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Так сквозь пиршественное веселье, явленное в ивановском симпозионе, Гершензон прозревает грядущую катастрофу, конец культуры. Эта маленькая статья в журнале «Бульвар и Переулок» окажется прологом к тому известному спору о культуре, который выльется в скором времени в «Переписку из двух углов».

* * *

Сочинение Бердяева «Бульвар и Переулок (Размышление о природе слов)» — опыт изощренной пародийной стилизации. Взяв эпиграфом знаменитый афоризм Козьмы Пруткова «Смотри в корень!» и повторив его в тексте статьи («Сию нить, любезный читатель мой, даю я тебе...»), он недвусмысленно указал на значимость выбранного образца. Назидательно-фамильярный рассказчик, от лица которого ведется все повествование, также заставлял вспомнить именно традицию прутковской игры, чрезвычайно высоко оцененной и явно любимой другим русским философом — Вл. Соловьевым, отдавшим дань симпатии литературной личности Козьмы Пруткова⁸⁶.

Однако афоризм был не только знаком литературной традиции, на которую опирается автор: Бердяева действительно интересуют исторические корни философии «Бульвара». Здесь он вырисовывает некий собирательный образ русского мыслителя рубежа XVIII—XIX веков, достаточно ветреного, переходящего от одного увлечения к другому — с «духом легкомысленным и раболепным», как он сам выражается. Отсюда — нарочитая стилизация языка, первого метафизического языка, зарождавшегося у истоков «русской идеи»: «уединенные доли», «воображение, сий услужливый раб», «вретница всемирного Вавилона» и т. д. Отсюда и соответствующая фамилия, выбранная Бердяевым в качестве литературного псевдонима — Любомудров — также ориентированная на истоки русского «любомудрия».

Любопытно, однако, что, рисуя картину умственных исканий на заре XIX столетия, Бердяев придает ей те черты, которые вызывали его постоянные критические оценки. Несамостоятельность русской мысли, ее «покорность» западным влияниям, ее переменчивость, — все те же упреки звучат в его работах, посвященных «русской идее»⁸⁷.

В духовной биографии героя Бердяева возникает новый этап — меняется стилевой регистр повествования, подчеркнутый цитатой; Бердяев пишет: «Вспомни, как вчера почитал каждую строку Вольтера за новую скрижаль завета, а завтра целовал туфлю его Святейшества папы». Иронически перефразированная строчка из стихотворения Н. М. Языкова «К Чаадаеву» (1844) («Ты лобызаешь туфлю пап») отсылает читателя к эпохе полемики западников и славянофилов.

Отсылка к последним служит переходом к событиям недавнего времени, и здесь появляется фигура нынешнего «бульварочника» — «эрноподобного». Бердяев не скупится на перечень грехов, свойственных современным «обитателям бульваров». Однако нынешним далеко до «широты» прежних. Современный «обитатель бульваров» увлечен лишь «идеей отечества» и с пафосом отстаивает «голубиную чистоту и преданность отечеству русской полиции и интендантов». В своем «исступлении» он «обрушивается» на «сограждан», «осмелившихся возражать против столь опасных и бурных проявлений патриотических чувств...». Использует Бердяев и известный упрек славянофилам в «нерусском» происхождении их патриотизма, искусно и ядовито намекая здесь к тому же на скандинавское происхождение Эрна.

Однако и философия «Переулка» не выглядит у Бердяева более привлекательной. Переулок, противостоящий Бульвару, — символ дерзкого индивидуализма. Здесь собрались ниспровергатели в лице определенно очерченных Шестова, Гершензона и самого Бердяева. В Переулке «можно провозгласить «нет» всем «да»: Бердяев имеет в виду Л. Шестова, борца с «самоочевидностями», создателя «отрицательной философии». Показательно, что позднее Гершензон применит к Шестову ставшую расхожей в кружке формулу: «Твои статьи говорят только «нет» людской мысли; ты должен пояснить, что в них напрасно стали бы искать изложение твоего положительного мировоззрения, оно не ищет положительной формулы...»⁸⁸

В Переулке, как повествует далее Бердяев, можно «обозвать Прекрасную Даму — бабой». Это — автометаописание, отсылающее к собственной статье «О вечно-бабьем в русской душе». Там Бердяев не без сарказма замечал: «В самых недрах русского характера обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье»⁸⁹.

Вспоминая это время, Бердяев писал в «Самопознании»: «...У меня не было того, что называют культом вечной женственности и о чем любили говорить в начале XX века, ссылаясь на культ Прекрасной Дамы, на Данте, на Гете. ...Но мне чуждо было внесение женственного и эротического начала в религиозную жизнь, в отношение к Богу. Мне ближе была идея андрогина Я. Беме, как преодолевающая пол. Одно время у меня была сильная реакция против культа женственного начала»⁹⁰. Вероятно, и суждение о «распылителе космоса» также относится к самому Бердяеву, как и сентенция о потрясении «основ человеческого благополучия». Первое — о «космосе» — связано с отрицанием Бердяевым идей «космизма». В своей книге «Смысл творчества» он писал во «Введении»: «Мир сей» не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии»⁹¹. Идеи свободы и бунтарства (см. главу II «Самопознания», где есть специальный раздел «Бунтарство») Бердяев всегда понимал как важнейшие для его жизни и философии.

Наконец, в Переулке можно «провозгласить, что во всем мире есть, был и пребудет один лишь писатель — Пушкин». Речь идет здесь о М. Гершензоне, в эти годы вырабатывающем свою концепцию «мудрости Пушкина»⁹². За свое пушкинство Гершензон уже тогда получил прозвище «Пушкинзон»⁹³.

В финале статьи оба «проспекта жизни» — Бульвар и Переулок — Бердяевым решительно отвергаются. Истинным же признается бегство «на лоно природы» в согласии с «естеством». Последний призыв к друзьям последовать его совету заставляет предположить еще один вероятный источник для столь изысканной стилизации, какую предпринял Бердяев в своей статье. В 1914 году факсимильным способом была переиздана книга В. Г. Вакенродера, переведенная еще в 1826 году С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым под названием «Размышления от-

шельника, любителя изящного». Идея мудрого отказа от жизни в кругу философов — «разумников», как называет их автор, стремящихся пере-создать мир по «умственным законам», создание некоего «завета жизни мудреца», переданное в форме разговора с друзьями, — все это романти-ческое жизнетворчество сказалось и в сочинении Бердяева. Утонченное изящество старинного языка философской прозы, колоритность «старо-модного» стиля, возможно, оказались притягательны и для Бердяева, безусловно знакомого с этой книгой.

* * *

Некоторые материалы журнала строились на пародийном обыгрыва-нии тем и жанров прессы военного времени: это была игровая сублима-ция газетных впечатлений 1915 года.

Особенно показателен «рассказ из военного времени» В. К. Шварсалон, жены Вяч. Иванова⁹⁴. Рассказ озаглавлен «Самсон и Далила в генеральс-ком мундире», а посвящен неназванному, но легко узнаваемому Бердяе-ву. Смысл названия рассказа становится понятным лишь при сопостав-лении с газетной продукцией того времени: так, в «Биржевых ведомос-тях» (для всего московского кружка это была «своя» газета — не прохо-дило недели без печатного выступления там кого-либо из них) за 1 марта 1915 года появилась статья «Самсон и Далила», посвященная умершему графу С. Ю. Витге. Нелепость названия статьи (за подписью Vox), не-уместная мифологичность, видимо, и привлекли внимание сочинитель-ницы. Повернув его в нужную сторону, В. Шварсалон создала образец комического травестирования, где язык газеты оказывался кодом для изображения внутренней жизни кружка.

За анекдотическим случаем, описанным сочинительницей, встают реал-ии вполне реконструируемой ситуации. «В первых числах марта из дома № 13, одного из небольших переулков по Новинскому бульвару вышел человек на костылях, в пальто защитного цвета...», — начинает свой рассказ В. Шварсалон. Дом № 13 — это дом сестер Герцык, где в эти месяцы проживал сломавший ногу Бердяев. Сам он описан сочинитель-ницей с почти портретной точностью. «Густые черные кудри», сверкание «черных глаз», костыли, а главное — «в пальто защитного цвета, но не совсем определенно формы». Это пресловутое пальто Бердяева запечат-лел в своих воспоминаниях и Андрей Белый, рассказавший о частных встречах с «Николаем Александровичем, шествующим по Арбату в своем обычном сером пальто»⁹⁵. В. Шварсалон обыгрывает и заикание Бердяе-ва. В ответ генералу, принявшему Бердяева на костылях за раненого и спросившему о месте ранения, Бердяев произносит: «в пере... в пере...», имея в виду злосчастный переулок. Генерал же понимает иначе: «в Перемышле!» Именно в эти месяцы шла осада форта Перемышль, и название его не сходило с газетных страниц. В. Шварсалон спародирова-ла и военную цензуру, из-за которой газеты выходили с белыми страни-цами или с точками, обозначающими цензурное изъятие. В ее рассказе кульминация столкновения генерала с Бердяевым заменена многочислен-ными точками. Появляющаяся в финале рассказа «жена человека в пальто защитного цвета» — это, конечно же, Л. Ю. Бердяева, жена Н. А. Бердяева.

* * *

Газетный жанр послужил моделью и для сочинения Л. Ю. Бердяевой «Врачи и лечебницы», где в качестве врачей человеческих душ фигуриро-вали московские философы (за исключением антропософа Р. Штейнера и петербуржца П. Д. Успенского). Само название адресовало к постоян-

ному рекламному отделу ряда газет. Тонкая диагностика философских методов комическим образом накладывалась на газетное клише. Так, например, открывающий список Эрн характеризуется «методом онтологическим» (в связи с его полемикой против гносеологизма «кантиан»); ироническое упоминание «народной медицины», бань, трав отсылает к его неославянофильским выступлениям. «По всем специальностям» — звучит издевкой над широтой его увлечений — от Платона и В. Джебурти до Розмини и Сквороды.

«Вольнопрактикующий» и не служивший тогда Бердяев обрисован вполне в соответствии с «бульварно-переулочной» спецификой: он «секуляризирует» болезни. Поскольку же в качестве «болезни» в списке выступает погруженность в религиозную проблематику («одержимость» и «беснование» Флоренского означают в контексте всего сказанного высокую степень этой «погруженности»), Бердяев, выступавший за свободу творчества, в том числе и религиозного, против клерикализма, оказывается специалистом по «секуляризации».

«Гипнотизм», «магнетизм» Иванова обыгрывают, вероятно, и его оккультные увлечения, и его редкий дар притягивать к себе людей, неоднократно отмечаемый мемуаристами. Увлечение концепциями ритма, собственные поэтические изыскания (поэзия вообще здесь, видимо, зашифрована терминами «пар», «эфир») объясняют дальнейшую «специализацию» Иванова.

Д. Е. Жуковский, философ-ученый, с «естественнонаучной подкладкой» всех его сочинений, назван «доктором Гейдельбергского университета»: он действительно несколько лет прожил в Германии.

Характеристика Шестова как человека без почвы и без корней — общее место кружкового языка. Не случайно и в другом сочинении Л. Бердяевой «Мысли и недомысли мудрых людей» (гораздо менее удачно!) Шестов определен следующей сентенцией: «Гм! Почва... Зачем им почва? Я и без почвы проживу... Предрассудок...»

Флоренский и его «ассистент» С. Булгаков — специалисты по «одержимости» (см. выше) — метафора религиозности. Однако Булгакова отличают «более хозяйственные» методы — намек на его «Философию хозяйства».

Две сестры Герцык отмечены своими личностными характеристиками — «истонченность» Е. Герцык и «задушевность» А. Герцык-Жуковской. Личные качества А. Белого, его «сумасшедшее» поведение и манера выступать дали повод для иронической характеристики.

Любопытна «специализация» Г. А. Рачинского, «директора гидропатической лечебницы», «председателя общества Спасения на водах». Философ Рачинский являлся председателем московского Религиозно-философского общества; Л. Бердяева в данном определении имеет в виду шутовское наименование общества как места протития «воды» — словесных диспутов. С другой стороны, здесь обыгрывается и библейское толкование воды как очищающей от скверны и воды крещения — в связи со связанностью почти всех перечисленных философов с деятельностью Религиозно-философского общества.

Теософ и оккультист П. Д. Успенский назван «гомеопатом», исцеляющим от «мании чудесного». Л. Бердяева ценит в его многочисленных мистических сочинениях, которые, по ее шутовской характеристике, способны произвести обратное воздействие — отлучить от интереса к тому, о чем они сами написаны.

М. О. Гершензон — специалист по психической хирургии. Свойственный ему «психологизм» (как в творчестве, так и в личном общении) и морализаторство (отсюда — «выпрямление искривлений характера») порой раздражали Н. А. Бердяева. Так, в частности, в письме к Гершензону от 29 сентября 1917 года он писал: «Я считаю совершенно недопустимым

суд над моей нравственной личностью и сыск в душе моей, которые ты признаешь для себя возможным публично производить. ...Ты это делаешь уже не в первый раз...»⁹⁶ Л. Ю. саркастически зафиксировала это личное свойство мыслителя и писателя.

Сочинения Бердяевой, видимо, одни из последних текстов «Бульвара и Переулка»: написаны они, как известно, уже в имении под Харьковом. Псевдоним сочинительницы — Филантропов — также согласуется с псевдонимом Н. Бердяева (Любомудров) в апелляции к традиции значащих фамилий.

* * *

Журнал «Бульвар и Переулок» — чрезвычайно выразительный памятник культурного быта 1910-х годов. Введение материалов журнала в научный оборот позволяет восстановить домашний, неофициальный пласт литературно-философского движения эпохи. До последнего времени это движение воспринималось главным образом в своих публичных, обращенных к читателю формах — где «последние вопросы» обсуждались с предельной серьезностью, подчас с полемическим запалом и одноплановой патетичностью.

Между тем, в атмосфере домашней литературной игры происходило то, что не было возможным на публичном ристалище. Серьезные вопросы переключались в игровой план, происходило их своеобразное ироническое остранение. Тем самым снималось конфронтационное напряжение и обнажались связующие основы, позволяющие арбатским философам и литераторам, при всех их внутренних расхождениях, ощущать и осознавать себя единой культурной средой, говорить с разных позиций, но на одном языке.

Примечания

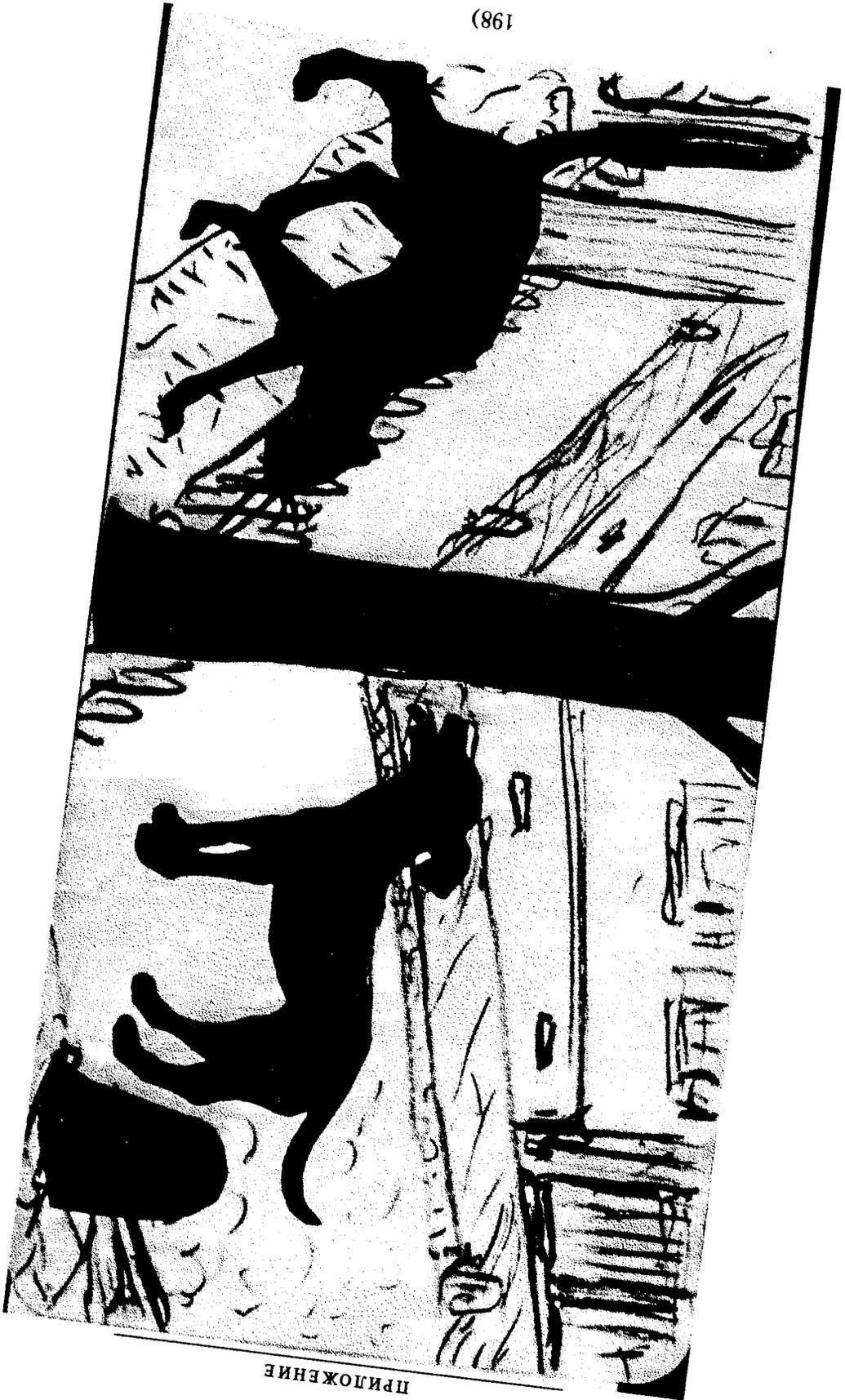
- 1 Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 157.
- 2 Иванова Лидия. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 47.
- 3 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 109. К. 16. № 9. Л. 9.
- 4 ОР РГБ. Ф. 746. К. 20. № 21. Л. 2 об.
- 5 Герцык Евгения. Воспоминания. Paris, 1973. С. 161—162.
- 6 Там же. С. 161.
- 7 ОР РГБ. Ф. 746. К. 46. № 39. Л. 2.
- 8 Там же. Л. 1.
- 9 Ю. К. Балтрушайтис в это время завсегда да дома Ивановых. Дружба особенно укрепилась после пребывания летом 1914 года в Петровском, где они были соседями (см. стихотворение Иванова, посвященное Балтрушайтису и его жене, Марии Ивановне, — «Петровское на Оке»; см. также ему же посвященное стихотворение «Певец в лабиринте» — *Иванов Вячеслав*. Собрание сочинений. Т. III. Брюссель, 1979. С. (соответственно) 528—529 и 497—499). Иванов посвятил Балтрушайтису статью «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» (в кн.: Русская литература XX века. 1890—1910, под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. II. М., 1915. С. 301—311). 14 сентября 1915 года Л. В. Иванова сообщила В. К. Шварсалон об обычном вечернем круте: «К сему приходит часто Балтрушайтис (и сейчас с Верховск<им> сидячий в столовой), Эрны, Верховск<ий> и иногда посторонний элемент» (ОР РГБ. Ф. 109. К. 26. № 7. Л. 34). Сам Балтрушайтис

- жил тогда на Покровке (дом 10); см.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год. М., 1915.
- 10 Цит. по: *Иванов Вячеслав*. Родное и вселенское. М., 1918. С. 11, 13 (статья «Вселенское дело»).
- 11 *Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 312 («От Канта к Круппу»).
- 12 См.: *Эрн В. Ф.* Нечто о Логосе, русской философии и научности (по поводу нового философского журнала «Логос») — «Московский еженедельник». 1910. № 29—32; затем вошло в его кн.: Борьба за Логос. М., 1911.
- 13 Эта и вторая одноименная лекция составили книгу Эрн «Время славянофильствует». М., 1915.
- 14 Стихотворение Иванова «Недугующим» впервые было опубликовано в: «Отечество». 1916. № 6. Цит. по: *Иванов Вячеслав*. Собрание сочинений. Т. IV. 1987. С. 25.
- 15 ОР РГБ. Ф. 109. К. 13. № 14. Л. 18.
- 16 «День». 10 октября 1914 года. С. 3.
- 17 «День». 27 ноября 1914 года. С. 3.
- 18 «Биржевые ведомости». 18 марта 1915 года. С. 2 (утр. вып.).
- 19 Там же.
- 20 «Утро России». 24 апреля 1916 года. С. 2.
- 21 Цит. по: *Бердяев Николай*. Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Paris, 1989. С. 355.
- 22 ОР РГБ. Ф. 109. К. 13. № 14. Л. 16.
- 23 Там же. Л. 16—18 об.
- 24 Там же. Л. 17.
- 25 *Эрн В. Ф.* Сочинения. С. 367.
- 26 «Биржевые ведомости», 18 февраля 1915 года. С. 2 (утр. вып.).
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 *Эрн В. Ф.* Сочинения. С. 320 («Сущность немецкого феноменализма»).
- 30 ОР РГБ. Ф. 746. К. 20. № 25. Л. 14.
- 31 Там же. Л. 16.
- 32 *Шестов Лев*. Что такое русский большевизм. Берлин, 1920. С. 35—36.
- 33 *Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.
- 34 *Герцык Евгения*. Воспоминания. С. 162.
- 35 См.: *Топоров В. Н.* К понятию «литературного урочища». — Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллин, 1988. С. 61—73.
- 36 *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. С. 48.
- 37 Там же. С. 68. См. также письмо Л. В. Ивановой к Вяч. Иванову и В. К. Шварсалон от 15 июня 1915 года (ОР РГБ. Ф. 109. К. 25. № 56. Л. 6).
- 38 *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. С. 70. Домашнее имя Иванова — Кот, — видимо, стало столь употребительно в обиходе участников кружка, что уже 11 апреля 1915 года Эрн, описывая свое путешествие в Пятигорск, как ни в чем не бывало пишет: «Расставшись с милым задушевным котом и очаровательной барышней...» (ОР РГБ. Ф. 109. К. 40. № 1. Л. 12).
- 39 *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 38.
- 40 Там же. С. 31.

- 41 *Андрей Белый*. Между двух революций. М., 1990. С. 415.
- 42 См., например, ее письма Вяч. Иванову: ОР РГБ. Ф. 109. К. 28. № 7; см. также ее письмо М. О. Гершензону: ОР РГБ. Ф. 746. К. 35. № 33.
- 43 *Герцык Евгения*. Воспоминания. С. 132—133.
- 44 ОР РГБ. Ф. 746. К. 28. № 32. Л. 1.
- 45 *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. С. 51.
- 46 См.: *Булгаков С.* Тихие думы (Из статей 1911—1915 гг.). М., 1918.
- 47 См.: «Утро России». 24 апреля 1916 года; книга о Достоевском впервые по-русски в изд.: *Иванов Вячеслав*. Эссе, статьи, переводы. Брюссель, 1985; «Современные записки». 1937. Т. 63.
- 48 *Аскольдов С. А.* Памяти Владимира Францевича Эрн. — «Русская мысль». 1917. № 5—6. С. 131.
- 49 РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. № 38. Л. 41.
- 50 Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 209. Труды по русской и славянской филологии. XI. Тарту, 1968. С. 309.
- 51 ОР РГБ. Ф. 109. К. 13. № 17. Л. 18 об.
- 52 По этому поводу Эрн писал: «Из-под греческой маски, наскоро и неловко одетой, всюду красуется знакомое: Made in Germany» (*Эрн В. Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 72).
- 53 См. в этой связи прекрасную статью М. В. Безродного «Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы). — «Лица. Биографический альманах». Т. I. М.—СПб., 1992. С. 372—407.
- 54 *Эрн В. Ф.* Сочинения. С. 74.
- 55 *Яковенко Б.* Владимир Эрн. Борьба за Логос. Опыт философии и критические. — «Логос», 1911—1912. Кн. 2—3. С. 297.
- 56 *Эрн В. Ф.* Сочинения. С. 101.
- 57 *Эрн В. Ф.* Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. С. 43.
- 58 Там же. С. 253.
- 59 «Вопросы философии и психологии». 1917. Т. 2—3. С. 102—173.
- 60 «Ветвь». М., 1917. С. 264.
- 61 ОР РГБ. Ф. 109. К. 40. № 1. Л. 11.
- 62 Пародийная «кличка» Флоренского, произведенная от итальянской транскрипции его фамилии, повторится в позднейшей домашней газете Ивановых «Пуля Времен», где «культурной частью» ведал бывший семинарист Фьоресценский (*Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. С. 69).
- 63 «Русские ведомости». 8 января 1915 года. С. 2.
- 64 См.: «Современные записки». 1922. № 13 и 1923. № 15; «Окно». 1923. № 1 и № 2.
- 65 «День». 13 февраля 1915 года. С. 2.
- 66 «День». 10 октября 1914 года. С. 2.
- 67 «День». 27 ноября 1914 года. С. 2.
- 68 «Русские ведомости». 8 января 1915 года. С. 2.
- 69 «Русские ведомости». 15 февраля 1915 года. С. 2.
- 70 См., например статью П. Рысса («День». 27 ноября 1914 года) и статью М. Рубинштейна («Русские ведомости». 1915. № 33).
- 71 *Герцык Евгения*. Воспоминания. С. 154.
- 72 *Ильин И. А.* Духовный смысл войны. М., 1915. С. 36.

- 73 Бердяев вспоминал: «В то время в московском трактире около церкви Флора и Лавра (недалеко от Мясницкой) происходили по воскресеньям народные религиозные собеседования разного рода сектантов. ...Это была бродячая Русь, ищущая Бога и Божьей правды. Я принял очень активное участие в религиозных спорах и с некоторыми сектантами вступил в личное общение. ...Народные собрания в трактире назывались Ямой» (*Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 196—197*).
- 74 См. письмо М. Гершензона А. Белому от 6 января 1909 года (ОР РГБ. Ф. 25. К. 14. № 3).
- 75 С. А. Котляревский первоначально написал две диссертации по окончании историко-филологического факультета Московского университета: магистерскую в 1901 г. — «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV вв.», докторскую в 1904 г. — «Ламенне и новейший католицизм». Затем — в 1907 и 1909 году — он защитил две диссертации, связанные с юриспруденцией, — «Конституционное право. Опыт политико-морфологического обзора» и «Правовое государство и внешняя политика».
- 76 В начале 1920-х годов Гершензон решил, видимо, издать старую статью. В измененной редакции, переписанной рукой М. Б. Гершензон, она хранится в ОР РГБ (Ф. 746. К. 10. № 61).
- 77 В рассуждениях Гершензона о трансцендентности и имманентности смысла «фразы», возможно, содержится намек на волновавшие в это время многих участников философско-религиозного движения споры об имяславии, особенно затронувшие С. Н. Булгакова, посвятившего впоследствии этой проблеме книгу «Философия имени» (Paris, 1953).
- 78 В особенности это сказалось в трактовке Л. Шестовым мифа о грехопадении; Шестов писал: «Легенда о грехопадении была принесена евреям откуда-то извне, досталась им «по наследству» и потом уже передавалась из поколения в поколение» (*Шестов Лев. На весах Иова. Paris, 1975. С. 230; афоризм «Sola fide»*). «Эвгемерическая» трактовка некоторых мифов Ветхого Завета печатно зафиксирована позднее. Однако ясно, что споры на эту тему, сама логика шестовской мысли, ищущей добраться до «корней вещей», обнаружить за авторитетной истиной неразгаданную и не поддающуюся рационалистическому познанию тайну, — все это дало основание Гершензону в одном полунамеке обозначить «узловую» идею исканий Льва Шестова.
- 79 Безусловно, сняв отсылки к Булгакову и Шестову, Гершензон в этой поздней редакции ощутил деструктуризованность статьи: пропал «хор», разрушался диалог, при котором непонятна становилась домашняя семантика самого сопоставления Бердяева и Иванова.
- 80 Гершензон приводит латинскую фразу «Effectus stultorum magister» («Опыт дураков учит»), возводя ее к Титу Ливию. На самом деле изречение Тита Ливия звучит иначе: «Stultorum eventus magister est» (*Ливий Тит. История. Кн. XXII. Гл. 39*). Воспроизводя фразу явно по памяти, Гершензон несколько изменил ее и опустил важнейшую связку «est» — пресловутый «глагол», возводимый им к женскому началу. Однако возможно, что он имел в виду более употребительную форму той же пословицы, которая принадлежала Тациту и в которой не было этой связки: «Experientia stultorum magistra» (*Тацит. История. Кн. V. Гл. 6*). Ироническое комментирование латинских крылатых фраз — характерная черта русской классической образованности. Не исключено, тем не менее, что использование латинской цитаты, да еще особый интерес к связке «est», отсылали к известному разбору фразы «Pater est bonus» (где «est» — знак сакральности) в статье Вяч. Иванова «Заветы символизма» («Аполлон». 1910, май—июнь; вошла в кн.: *Иванов Вяч. Борозды и межи. М., 1916. С. 128*).
- 81 *Бердяев Н. А. Самопознание. С. 37.*
- 82 *Булгаков С. Сны Геи (впервые: «Утро России». 30 апреля 1915 года). Цит. по: Булгаков С. Тихие Думы. М., 1918. С. 135.*
- 83 См.: *Шестов Л. Вячеслав Великолепный (К характеристике русского упадочничества) — «Русская мысль», 1916. № 10. С. 80.*

- 84 *Бердяев Н. А.* Очарование отраженных культур (В. И. Иванов) (впервые: «Биржевые ведомости». 30 сентября 1916 года). Цит. по: *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 518.
- 85 Так, 21 октября 1913 года Гершензон писал брату о вечерах у Иванова: «...вокруг него говорильня, а я этого не люблю» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 20. № 19. Л. 11 об.).
- 86 См. об этом воспоминания В. Л. Величко; в кн.: Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 57—61. Знарок поэзии этого круга, В. Соловьев был автором статьи о Козьме Пруткове в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона.
- 87 См. в первую очередь книгу Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века».
- 88 «Минувшее». Т. 6. М., 1992. С. 262 (письмо от 26 июня 1922 г.).
- 89 *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 351.
- 90 *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 79—80.
- 91 *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 254.
- 92 Работы Гершензона о Пушкине стали появляться в печати еще в конце 1900-х годов, однако с середины 1910-х годов историко-литературные работы с установкой на разыскательский аспект сменяются серией философских интерпретаций (см. «Умиление», «Вдохновение и безумие»), все более определяющих характер увлечения писателя Пушкиным. Статья 1917 года «Мудрость Пушкина» придала законченность пушкинским штудиям — стала той основой, которая очертила облик будущей книги «Мудрость Пушкина» (1919). Поздние статьи Гершензона о Пушкине были собраны и изданы уже после смерти писателя в книге «Статьи о Пушкине» (1926).
- 93 См. письмо Л. В. Ивановой Вяч.Иванову и В. К. Шварсалон от 21 сентября 1916 года (ОР РГБ. Ф. 109. К. 25. № 56. Л. 19).
- 94 Черновая редакция статьи «Самсон и Далила» хранится в архиве Вяч. Иванова (ОР РГБ. Ф. 109. К. 47. № 25).
- 95 *Андрей Белый.* Между двух революций. М., 1990. С. 414.
- 96 ОР РГБ. Ф. 746. К. 28. № 31. Л. 32.

ПРИКОСНЕНИЕ

Приложение

<Ю. К. Балтрушайтис.>

[Титульный лист журнала «Бульвар и Переулок»].

Вяч. Иванов Н. А. Бердяев В. Ф. Эрн М. Гершензон С. Н. Булгаков Л. Шестов Жуковские Ю. К. Балтрушайтис	БУЛЬВАР и ПЕРЕУЛОК <i>журнал для семейного чтения</i> критико-догматический орган самообозрения	Платные читатели Н. П. Ульянов Н. Н. Прейс А. Н. Скрябин Г. А. Рачинский
---	---	--

Вместо «Почтового ящика»
Сорный ящик

<Вяч. Иванов.>

Бедный Викинг

Жил в России викинг бедный,
Как приват-доцент простой,
С виду тихий и безвредный,
Духом смелый и прямой.

Он изведал умозренье,
Непостижное уму,
И навеки впечатленье
В сердце врезалось ему.

По хвосту одной Идеи
Раз взобравшись на звезду,
Видел он, как в Эмпиреи
Вел Эрот Сковороду.

С той поры, сгорев душою,
Он на Канта не смотрел,
Из трех Критик ни с одною
Молвить Слова не хотел.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. У. рыцарскою кровью
Начертал он на щите.

И в песках гносеологий,
Где, устроив кегельбан,
Метил шаром Метод строгий
В «данности» фата-морган, —

«Lumen Coeli, Sancta Rosa» —
 Воскликнул он, дик и рыан,
 И, как гром, его угроза
 Поражала кантиан.

В факультет провинциальный
 Министерством заключен,
 Стан грома трансцендентальный,
 «Заслуженным» кончил он.

Этот новооткрытый вариант «Бедного Рыцаря» сообщила *Фрина*.

За изъяснением таинственных букв А. У., начертанных на щите викинга, мы обратились к первому астроплатонику и иерософисту нашего времени, р. Firenze. Его толкование: «Aphrodite Urania», или «Ave Urania». В редакции «Логоса» думают, напротив, что ими изображается русское междометие «ау»: платонический викинг аукается, тщетно ожидая сочувственного отклика из темных дебрей всеобщего, как ему кажется, умопомрачения. Историк г. Кизеветтер, с своей стороны, усматривает в загадочных инициалах начальные буквы всеместно прогремевшего трактата:

A Kantio
 Usque ad Kruppium.

Последняя гипотеза, шаткость которой, впрочем, очевидна, — давала бы ключ к уразумению сообщенного Фриною стихотворения, если бы безусловное доверие, которое мы питаем к знаменитой гетэре, не исключало мысли о том, что перед нами не подлинный исторический документ, а одно из ядовитых порождений той литературы памфлетов, которая возникла за последнее время вокруг одного досточтимого и глубоко-внушительного имени.

Поверенный в делах Фрины.

<В. Ф. Эрн.>

БУЛЬВАРНАЯ ПРЕССА И ПЕРЕУЛОЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ¹

С Башни я спустился на Бульвар, чтобы совершить свою обычную прогулку. От долгого сидения у меня застоялись все четыре стопы. Я шел и думал о многих вещах. Дойдя до Переулка, мне захотелось повидать нескольких друзей своих переулочников, — друзей, хотя и совсем другой Породы. Но увы! дорога к друзьям была «прекращена». Когда я взглянул как следует на заграждения, у меня хобот и хвост опустились от смущения. Весь Переулоч был густо уставлен Точками Зрения. Они угрожающе вздымали свои открытые дула к небу. Встречались, переплетались угрозами вызовов, дерзаний и темнеющих бездн.

Мой мирный нрав не выдержал этого страшного зрелища. Я круто повернул и с грустью побрел домой. Но только что я прошел шага три, как внимание мое остановил свежепоставленный Столб. Он вырос за последнюю ночь. Еще кругом были не убранны щепки, и на столбе уже красовалось за витриною новое московское издание: № 1 «Бульварной

¹ Писано четырехстопной прозой. — Прим. ред. [М. О. Гершензон].

Прессы» от 16-го февраля 1915 года. К сожалению, «Пресса» была повернута прямо последней страницей, я не мог хорошенько узнать, какого направления мой новый жолтый собрат. Мне пришлось тщательно заняться объявлениями. Я стоял и читал:

Объявление первое.

У г. Э. родился ребенок, — сильный, здоровый биологический тип национального направления, — с двумя правыми руками, сжатыми в огромный кулак. Приглашаются: 1. Слесарь, ничего не боящийся, для разжата кулака и приведения новорожденных рук в нормальное положение. 2. Хиромантка, умеющая предсказать безошибочно блестящую будущность новорожденного. Предложения адресовать: Бюро интеллигентных инсинуаций. Сволая горка, Дживелеговский пер., кв. Е. Адамова, спросить Александра Александровича Донерветтера.

Объявление второе.

Автентичные цитаты из разных малоизвестных авторов собственного производства по усовершенствованной германской методе. Дюжина от рубля и дороже. Только устно! Остоженка, 1-ый Ильинский пер., д. Фрейда. кв. 666; спросить Ивана Александровича.

Объявление третье.

Всеобщая транспортная контора либеральных лозунгов. Важно для лекторов и начинающих авторов. Дешевая электризация публики. Аглодисменты за бесценок. Заказы доставляются на дом. Тел. 2-0-00 (Два, ноль, два ноля).

Объявление четвертое.

Колониальная торговля бр. Моралиных. Получена большая партия свежепросоленного германофильства. Тут же разнообразные консервы из немецкой философии. Обезвреженные (по известному методу «денационализации») вытяжки из Канта и Гегеля. Авторизованные самоопровержения. Немецкая улица, Исконно-русский тупик, вторая щель налево.

Объявление пятое.

Вегетарианская столовая, вновь открытая. Вполне духовный стол на чистом коровьем масле. Примерное меню: 1. Разварной тезис. 2. Антигезис с горьким миндалем. 3. Душа России всмятку. 4. Салат из антиномий. 5. Пастеризованный синтез. К обеду полагается по рюмочке трагического пафоса на персону. В столовую допускаются только избранные. Собачья Плошадка, что у Николы-на-Ямах, левая подворотня. Ломиться в открытую дверь.

Объявление шестое.

Универсальная механическая мастерская. За приличное вознаграждение: ортопедируем хромые доказательства, сушим промоченные репутации, впрыскиваем остроумие, помогаем выходить из калош, массируем языки после прений, вставляем стекла и зубы после моралистических обличений, безболезненно извлекаем оставшиеся корешки и осколки. Очень важно в военное время. Подвал в доме Сутуловых. Спросить у швейцара.

Объявление седьмое.

Краткое руководство для составления либеральных доносов. Изд. 24-ое. 75 коп. Склад издания. Москва. Чернышевский пер. Петроград, газета «День». — Тут же: Первый русский словарь ругательств.

Я читал эти объявления и смутился духом. Что за стиль! Ужасно стало неприятно на душе. Я бросил читать и пошел. Но прежде чем очутиться дома, я, проходя мимо сорного ящика, заметил странную шарату, скомканно лежавшую между окурками.

«Мое первое — животное, изображенное на обложке «Бульвара и переулка».

Мое второе — нота, не дипломатическая.

Мое третье — *idem, sed aliter*.

Мое четвертое — инициалы знаменитого русского философа.

Мое пятое — орудие, коим загоняется «желтый в угол», — а в целом:

«Я дипломатический автор четырех диссертаций».

Гуляющий Слон.

<М. О. Гершензон.>

ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ

*Не право о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов;*

и неверно мыслит о литературе тот, кто считает слова менее живыми, чем людей. Ибо на самом деле слова в фразе живут чрезвычайно деятельной, часто даже страстной или суетливой жизнью, и не только слова, но и знаки препинания; каждое имеет свою физиономию и свой особенный характер. Руководящие наблюдения над ними будут здесь сообщены. Прежде всего, ошибочно думать — как то делают публицисты дурного тона, — будто цель фразы лежит вне нее, будто фраза предназначена быть лишь шрапнелью слов, расстреливать глупость читателя. Рискую навлечь на себя церковное осуждение С. Н-ча, скажу, что смысл фразы не трансцендентен, а имманентен ее бытию, т. е. что фраза живет сама по себе и для себя. Только с этой точки зрения могут быть правильно поняты ее быт и нравы и индивидуальные особенности ее обитателей. Скорее можно утверждать вместе с Л. И., подобно тому, как утверждали эвгемеристы о богах, — что, наоборот, глупость читателя и порождена, собственно, бесчисленными фразами мировой словесности. Но исследование этого интересного вопроса завело бы нас слишком далеко в сторону наших собственных писаний.

Вообще население фраз делится на три разряда: на обывателей, чиновников и прислугу. Обыватели живут, разумеется, семьями, и обычно фраза — *отдельная квартира*, населенная одной семьей; подлежащее — *отец семейства*, сказуемое — *хозяйка*, прямые дополнения — их *дети*; тут есть и *племянницы* — прилагательные, спящие в одной комнате с детьми, и нередко какая-нибудь старая вдова — *тетка* в виде причастия, или старый вдовец *дядя* — деепричастие, которым отведены отдельные комнаты за запятой; по праздникам является на сутки *племянник-кадет*, маленькое стриженое наречие в мундирчике, или его долговязый *брат-гимназист*, 2-й год в седьмом классе, с утрями на лице, говорит басом, какое-нибудь «чрезвычайно», «невероятно». У хороших писателей, т. е. в солидных фразах, семейная жизнь идет мирно и складно, каждый спокойно делает свое дело, нет ни многолюдства, ни шума; напротив, в неряшливых фразах вы найдете даже не одну, а две *тетки-причастия*, 5—6 прилагательных *племянниц* от разных родителей, и все это суетится, до полудня ходит нечесаное и неодетое, *хозяйка-сказуемое* сбивается с ног, и нередко случается, что в такой семье *муж-подлежащее*, наскучив рано состарившейся женою, приближает к себе какую-нибудь кругленькую отглагольную гувернантку к немалому соблазну для читателя.

Прислуга в хороших фразах немногочисленна, в дурных же и челяди много. Юридический быт обывателей регулируется этимологией и син-

таксисом, из коих первая исполняет полицейские, вторая — политические функции. Чиновники того и другого ведомства часто входят в дом по разным взысканиям, для разбора спорных прав и пр. Так, например, «не только, но и», судебный следователь по особо важным делам, вечно в разезде, пресекает способы уклонения от законной ответственности. «Однакож» — мировой судья; он толст, с мясистым носом и лысиной во всю голову, в просторном сюртуке, любит покой и редко вылезает из дому. «Дабы» когда-то служило в кавалерии, лихо танцевало на губернаторских балах и неотразимо покоряло сердца девиц и дам; позднее он умирал бунт военных поселян, но, оказав в этом деле чрезмерное усердие, был обойден чином, состоит теперь в полицейской службе, стар и злобен, сухошав и лицом похож на гермофродита, потому что по старой привычке не носит ни усов, ни бороды. Его единственный друг, еще со времен военной службы, — «ибо», вкрадчивое и учтивое, доносчик по профессии, некогда служивший по квартирмейстерской части, выгнанный за казнокрадство, теперь тоже, как и «дабы», «озлобленный на новый век и нравы». Из прислуги следует упомянуть, прежде всего, точку. Это швейцар, упрямый и тупой самодур, вечно сидит на табурете у дверей; он женат на горничной, *запятой*, которая весь день занята по хозяйству, ходит в затрапезном платье, чрезвычайно верна мужу и очень довольна, когда может побыть с ним вместе; но это ей редко удается, — а он, от сытой праздности, волочится то за *восклицательным знаком*, востроносой и восторженной девчонкой на побегушках, то за ее двоюродной сестрою, *вопросительным знаком*, домашней портнихой, уже немолодой, но хорошо сохранившейся, в красной шелковой кофточке, с тонкими крашенины губами. В доме шныряют и всем услуживают глухонемые предлоги «в», «к», «с», появляются иногда, боннами по публикации, частицы «бы» и «ли», два погибших, но милых создания, всегда готовых повиснуть на любой руке, кто бы им ее ни подставил крендельком; кавычки, наподобие городских, справа и слева конвоируют в участок речение, пойманное с поличным, а когда вся фраза в целом отправляется на дачу в туманную даль, собираются точки-швейцары из соседних домов и выстраиваются в ряд у подъезда, провожая.

В настоящее время фразы у нас большей частью многолюдные, не то что в старину. Тогда жизнь была трудна, мысль и пергамент стоили дорого, и родителям не под силу было содержать ни такое количество прилагательных, ни столько знаков препинания. У Фукидида или Тацита вы не найдете во фразах ни племянников, ни старых теток, и какая-нибудь скромная точка над строкою обыкновенно была единственной прислугою.

Возьмите для примера изречение Ливия: *Effectus stultorum magister*. В этой фразе только трое мужчин. Хозяин фразы — *effectus* — родом из знатной и древней фамилии *facio*, родоначальник которой едва ли не был выходцем из санскрита; со своей коренастой фигурой, со своими двумя *f*, *effectus* — еще мужчина в соку; он был женат на *est*, но она, хрупкая от природы, запуганная его крутым нравом, рано умерла, оставив ему сына, худенького и бледного *magister*. Теперь *magister* уже подросток и вытянулся; он унаследовал от матери узкое и впалое *st*, грозящее чахоткой; для воспитания его отец, на щадя родительских забот, держит при нем гувернера по найму, откормленного *stultorum*. И характерно, что вся эта фраза — в одном этаже; можно сказать уверенно, что теперь в подобном случае квартира была бы двухэтажная, *effectus* жил бы в нижнем этаже, чтобы не стесняться в своих маленьких развлечениях, а сына с учителем держал бы в мезонине, сообщаясь с ними по лифту тире; здесь же никакого тире нет, и разделение *effectus*'у не нужно, ибо он «монашеским известным поведением». И вообще во всей фразе нет ни одной глагольной особы; так велика была тогда чистота нравов.

Даже у нас в старые времена не редкость было встретить вовсе холостую фразу, например «Бди!». Теперь и бумага недешева, да и подлежащее со сказуемым мало заботятся о сохранении строгого порядка во фразе; народят дополнений, называют причастий, деепричастий, наречий, прилагательных, часто даже и не родных, — и вовсе не думают о великом долге, который тем возлагают на себя, — о долге воспитать дополнения и определения в страхе логическом и в почтении к старшим, но и сами живут безнравственно, и им предоставляют недолжную свободу бить баклуши, ссориться или заводить между собою амур, как то можно наблюдать и в предлагающей фразе, более похожей на гарем, нежели на благопристойное предложение.

Иные писатели, правда, и теперь имеют склонность к малосемейным фразам. Известен, например, как убежденный сторонник тацитовского лаконизма Николай Александрович. Но такие попытки запоздалого подражания древним следует признать решительно противосущественными, что и удостоверяется непосредственным наблюдением. Ибо фраза Н. Ача более похожа на деловое товарищество, нежели на любящую семью; у него члены фразы находятся между собою в юридических, но не в душевных отношениях; каждая фраза замкнута, не желает знать своих соседей; живет сухо и скупно для себя, бедна внутренней задушевностью и лишена социальности. Отсюда проистекает впечатление, что слова, употребляемые Н. А-чем, в сущности прирожденные холостяки, или междомятия, им бы и вовсе не следовало вступать между собою в брак, и те немногие определения, которые родились у подлежащего со сказуемым, кажутся лишними, нелюбимыми; ни одно слово не чувствует себя уютно в своей фразе, оттого одно и то же речение пытается чрез две строки завести себе новую фразу, и также не с большим успехом, и чрез пять строк оно же, уже с некоторым остервенением, в третий раз повторяет ту же попытку, и так без конца. Очевидно, природе не следует ставить преград искусственных. Был бы лишь брак между подлежащим и сказуемым по избранию сердца, да был бы их союз освящен стремлением к высшей цели, и многочадие дополнений и эпитетов будет родителям на радость, смысл и читателю на пользу.

То ли дело патриархальная фраза Вяч. Ив.! Здесь много детей, в большинстве уж взрослых и самостоятельных, но еще больше гостей; ибо здесь царит радушное и приветливое гостеприимство, дверь для всех открыта и стол повсечасно уставлен яствами. Фраза Вяч. Ив. — многолюдная трапеза, где за непринужденной беседою сотрапезники неспешно вкушают поэзию и мудрость, коих к концу и вовсе не остается. Власть домохозяев — подлежащего и сказуемого — почти не чувствуется, но все совершается по их тайному замыслу; всякий член фразы чувствует себя свободно, все — домочадцы и гости — настроены любовно и радостно, нет никого в рабочей блузе, но все облечены в одеяния праздничные. И кого только не встретите вы здесь! Разумеется, сюда не войдет какой-нибудь неуч, грубый труженик, конкретное существительное; здесь только избранные слова, которые способны поддерживать разговор «о Логосе и о матерях важных»; здесь вокруг стола что ни слово, то именитый символ, или благородная метафора, каждое существительное — не существительное, а глагол, именно «глагол времен, металла звон», здесь дальние странники, выходцы из грек и из латин, ветхие мнихи, слова иератические, речения выпрненные и торжественные. Так, важно, но и не без пристойного веселия ведется беседа с взаимною ласковостью, идет трапеза в 10, 12, 15 блюд или строк; ни нестройного шума, ни увлечения, но сплошь непроходимое глубокомыслие.

<Шварсалон В. К.>

САМСОН И ДАЛИЛА В ГЕНЕРАЛЬСКОМ МУНДИРЕ

(Рассказ из военного времени)

В первых числах марта из дома № 13 одного из небольших переулков по Новинскому бульвару вышел человек на костылях, в пальто защитного цвета, но не совсем определенной формы. Человек быстро проковылял через двор, лихо потряхивая густыми черными кудрями и сверкая белками черных глаз, и вышел на улицу. «Гляди, вот еще раненый», — равнодушно заметил проходящий мимо пригостишка. В это время с бульвара свернул лихой рысак, причем лошадь чуть не упала на все четыре ноги, скользя по льдистой поверхности переулка. Толстый кучер без старого генерала в отставке. Генерал был очень дряхл, полуглухой и полуслепой, но по случаю военного времени весьма воинственно и распорядительно настроен. Окинув начальственным взором весь переулок, генерал подметил фигуру с костылями и, ткнув пальцем спину кучера, приказал ему остановиться. Кряхтя и скрипя он вылез из саней и дряхлыми, но яростными шажками направился прямо на костыли. — «Куда ранен?» — крикнул он отрывчатым фальцетом, просверливая злыми и воинственными глазенками человека в пальто защитного цвета. — «В ногу». «Где?» — Не опомнившись тот отвечал машинально: «В пере... в пере...» — «В Перемышле! Так-с, а одет не по форме, так-с! держишься не по форме, таак-с! глядишь не по форме, таак-с! обрит не по форме!!! Ага! распустились, откормились, избаловали московские барыньки!» «Семен! — взвизгнул вдруг генерал, — сажай его на козлы, вези в казарменную цирюльню!..» Но здесь человек на костылях пришел наконец в себя, и из уст его раздалось дикое рычанье, он поднял костыль — и.....

Дальнейшие следствия этого без сомнения печального недоразумения рассказчик, к сожалению, совершенно лишен возможности сообщить почтеннейшим читателям «Бульвара и Переулка». Причина лежит исключительно в условиях военной цензуры. Он принужден даже молчать о том животрепещущем вопросе, был ли приведен в исполнение приказ грозного генерала. Только одно сообщение свободно пропущено военной цензурой, вероятно, благодаря своей кажущейся незначительности: именно автору доподлинно известно, что на следующий день после печального происшествия женою человека в пальто защитного цвета была приобретена отличная пара новых и прочных костылей.

<Н. А. Бердяев.>

БУЛЬВАР И ПЕРЕУЛОК (РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПРИРОДЕ СЛОВ).

«Смотри в корень!»
Козьма Прутков

Что есть бульвар и что переулок? Любезный читатель, поразмысли о сем на досуге, и, поверь мне, размышления сии будут высоко поучительны не токмо для тебя, но и для потомков твоих. Посему дай мне бестрепетно руку твою и пойдем гулять по благоуханным лугам назидательных размышлений сих.

Бульвар... Что слово сие в корне своем знаменует? Какое мироощущение пробуждает? Какие понятия в тебе слово сие напрягает? Корень слова оного, как ты и сам усмотреть можешь, иноземный, а посему и ветви от корня оного, сиречь понятия, из корня оного произрастающие,

должны пониматься нами допрежь всего, как таковые. Ибо сказано: «Смотри в корень». Сию нить, любезный читатель мой, даю я тебе, дабы ты, следуя за ней, мог неуклонно и рачительно распутать клубок размышлений наших. Пойдем же смело вперед. Итак, бульвар слово иноземное, не наше, не русское. Какие же помышления оно слово в душе твоей пробуждает, какие образы из недр оной исторгает? Тихие ли селения? Уединенные ли доли? Мечтательные ли прогулки в нежном содружестве с музой? Отнюдь нет. Произнеси слово сие, и тотчас же воображение, сей услужливый раб наш, изобразит пред тобой шумные стогны и вретича всемирного Вавилона, где мы с тобой (вспомни, читатель!) расточили — увы! — немало благоуханнейших дней юности нашей, обрывали и топтали невиннейшие цветы духа нашего. Вспомни, как носились мы с тобой по главным проспектам великого града, именуемым «les grands boulevards», смешиваясь с многоголосой толпой, сей гидрой в чешуе хамелеона. Вспомни, сколь властно гидра сия овладевала помыслами нашими, мучила чистые воды духа нашего, заставляя слепо покорствовать суетным и корыстным вождениям своим. Вспомни, как ты носился в мутных волнах сих и, вместе с гидрой, кричал вчера: «Vive la république!», яростно размахивая при сем красным колпаком, а завтра, столь же усердно: «Vive l'empereur!» Вспомни, как вчера почитал каждую строку Вольтера за новую скрижаль завета, а завтра целовал туфлю Его Святейшества папы. Вспомни, как, вернувшись в отечество твое, с духом, зараженным бульваром, духом легкомысленным и раболепным, ты переходил от предрезостных волнений, франкмасонства и прочих учений карбонариев и иллюминатов к почитанию и восхвалению Домостроя как в быту семейственном, так и в государственном. Вспомни, как ты и тебе подобные (или Эрноподобные — зри Энциклопедию Брокгауза и Ефрона, буква Ч-Э, стр. 1433) обитатели бульваров, в исступленном увлечении своим идеей отечества (в России доселе мало насаждаемой) и восхвалением оного, с пафосом, достойным удивления, отстаивали голубиную чистоту и преданность отечеству русской полиции и интендантов. Вспомни, сколь бесстрашно выступили вы в защиту матери-земли (на невинность коей, впрочем, никаких покушений не наблюдалось), обнаружив при сем истинно рыцарскую отвагу, происхождения явно не русского. (Институт рыцарский в России неизвестен. Зри о сем учебник Иловайского.) Вспомни, наконец, обитатель бульвара, как в ряде молодецких вылазок ты обрушивался на сограждан твоих, осмелившихся возражать против столь опасных и бурных проявлений патриотических чувств твоих, русским людям доселе чуждых. Вспомни и скажи: «О сколь опасен путь, ведущий по бульварам!». Но не унывай, не говори: «Где же сокрыть сокровища? Есть ли на земле пристанище для духа?..».

Есть, отвечу я тебе, есть... И ты, минуя соблазны бульваров и площадей, можешь избрать местом для произрастания духовного сада твоего один из тихих и укромных переулков. «Переулок? — скажешь ты. — Какую же природу вы понятию сему приписываете?». Выслушай же меня, терпеливый и любознательный читатель.

Переулок — это хранилище духовных плодов наших, сокровищница созерцаний и суждений наших. Переулок, куда не доносится докучный шум улицы, есть то место, где человек, осознавши себя, отрешившись от узды религии и нравственности и сбросив иго государственности, собственности, семейственности и пр. основ человеческого существования, предрезко и вольно предается порывам творческих дерзаний своих, покорствуя одному лишь прегродному господину своему — Я.

О! Сколь светозарно зрелище мужей сих! Сколь назидательно житие их, столь мирное вовне и столь предрезкое и разрушительное внутри! Ибо где, как не у обитателей переулка, можно обрести столь опасные и разрушительные силы? Где, как не в переулке, можно провозгласить «нет» всем «да», распылить космос, распалить костры неугасимого гнева

против всех основ человеческого благополучия, обозвать Прекрасную Даму — бабой! Где, как не в переулке, можно провозгласить, что во всем мире есть, был и пребудет один лишь писатель — Пушкин? Где как не там возможно услышать глубокомысленное изречение о том, что музыка должна стать беззвучной... Где? Ответь мне, читатель. А теперь поразмысли о преимуществах жития там, на шумных бульварах, и здесь, в укромных переулках. Размышляй глубоко и рачительно, ибо чем глубже вникнешь ты в оные преимущества, тем скорее дашь мне ответ на вопрос мой: что бы ты избрал из двух сих проспектов жизни? А ответишь ты мне, думается мне, так: из двух сих проспектов жизни выберу я себе третий. Сиречь: жить я предпочитаю не на бульваре и не в переулке, а на лоне природы, сообразно с правилами и законами природного естества моего. И ответ сей, о любезный читатель и вопрошатель мой, будет сильным и сладким плодом прозорливой мудрости твоей.

Фаддей Любомудров

Лета 1915, апреля 27 дня.

<Л. Ю. Бердяева.>

ВРАЧИ И ЛЕЧЕБНИЦЫ

(На обложке:) В редакцию журнала «Бульвар и переулок». От подписчика Филантропова.

М. Г. Господин Редактор!

Желая прийти на помощь многочисленным подписчикам и читателям журнала «Бульвар и переулок», нуждающимся во врачебной помощи, прилагаю при сем список наиболее известных врачей, профессоров, лечебниц, санаторий и адреса их для напечатания на страницах уважаемого журнала Вашего.

Подписчик Филантропов

Врачи и лечебницы.

Эри В. Ф., профессор. По всем специальностям. Народная медицина... Баня, травы, заговоры. Метод онтологический.

Бердяев Н. А., вольнопрактикующий. Болезни духа. Диагнозы кризисов. Секуляризация болезней. Рентгеновский кабинет. X-лучи.

Иванов Вяч. Ив., приват-доцент. Гипнотизм, магнетизм. Ритмическая гимнастика. Лечение парами и эфиром.

Жуковский Д. Е., доктор Гейдельбергского университета. Естественные методы лечения по системе Бирхера, Ламанна и др.

Шестов Л. И., зубной врач. Специальность: вырывание корней.

Флоренский, профессор, лейб-медик. Невропатолог. Специальность: одержимость, беснование.

Герцык-Жуковская А. К. Женщина-врач. Специальность: болезни женского сердца. Бесплатный прием дам и девиц во всякое время.

Рачинский Г. А., профессор. Директор гидропатической лечебницы. Председатель общества Спасения на водах.

Успенский П. Д. Гомеопат. Специальность: излечение от мании чудесного.

Гершензон М. О. Хирург; специальность: психическая хирургия, выпрямление искривлений характеров.

Булгаков С. Н., приват-доцент, ассистент проф. Флоренского. По тем же болезням. Методы более хозяйственные.

Белый Б. Н. Психиатр. Собственная лечебница для всех форм психических заболеваний. Специальность: буйное помешательство.

Герцык Ев. Каз., женщ<ина>-врач. Заболевания от истонченности. Метод прострации.

Штейнер, докт. Берлинского университета. Председатель общества «Скорая помощь». Адрес: Швейцария, Дорнах. Пространство значения не имеет. Переговоры с пациентами по методам психических эманаций. Карета Об<щества> к услугам пациентов во всякое время.

<Л. Ю. Бердяева.>

МЫСЛИ И НЕДОМЫСЛИ МУДРЫХ ЛЮДЕЙ

I.

Человек имеет два глаза. Почему не один? Ах, тогда имел бы он и одну точку зрения.

Вл. Эри

II.

Говорят, что лабиринт — это такое место, откуда трудно выбраться. Не верьте. Лабиринт помогает человеку выбраться. Сие нужно понимать трансцендентально и онтологически.

Вяч. Иванов.

III.

Гм! Почва... Зачем им почва? Я и без почвы проживу... Предрассудок...

Лев Шестов.

IV.

Два шага вперед, три назад. Авось так и до Св. Софии доберусь!

Серг. Булгаков.

Подслушал Бобчинский...

Источники:

Кругликова Е. С. [Рисунок обложки журнала «Бульвар и Переулок». Тушь и карандаш.] — ОР РГБ. Ф. 746. К. 51. № 26.

Балтрушайтис Ю. К. [Титульный лист журнала «Бульвар и Переулок»] — Ф. 746. К. 50. № 45. Л. 1.

Иванов Вяч. И. «Бедный Викинг». — Ф. 746. К. 51. № 6. Л. 1—2.

Эри В. Ф. «Бульварная Пресса и Переулочные точки Зрения». — Ф. 746. К. 52. № 40. Л. 1—2.

Гершензон М. О. «Теория словесности». — Ф. 746. К. 10. № 59. Л. 1—4.

Шварсалон В. К. «Самсон и Далила в генеральском мундире». — Ф. 746. К. 51. № 11. Л. 1—2.

Бердяев Н. А. «Бульвар и Переулок» (Размышление о природе слов) — Ф. 746. К. 50. № 1. Л. 1—8.

Бердяева Л. Ю. «Врачи и лечебницы». — Ф. 746. К. 50. № 2. Л. 1—4.

Бердяева Л. Ю. «Мысли и недомысли мудрых людей». — Ф. 746. К. 10. № 60. Л. 1.

* * *

Материалы журнала публикуются по автографам за исключением сочинения Н. А. Бердяева, имеющегося в копии, переписанной и присланной Гершензону Л. Ю. Бердяевой. Пунктуация и орфографические особенности авторов сохраняются.

С. И. Субботин

«...МОИ ВСТРЕЧИ С ВАМИ НЕТЛЕННЫ...»

*Вячеслав Иванов в дневниках,
записных книжках и письмах П.А. Журова*

Имя Петра Алексеевича Журова (1885—1987) хорошо известно биографам и исследователям творчества А. Блока и С. Клычкова — прежде всего по публикациям 70-х годов.¹ В те же годы П.А.Журов передал в теперешний РГАЛИ некоторые материалы своего архива; среди них оказались свидетельства его довольно близкого знакомства с Вяч. Ивановым.² В 1987 году появилось и первое публичное подтверждение этому — по автографу из римского архива Иванова было напечатано его стихотворение «Молодому поэту» с посвящением П.А.Журову (IV, 56³). В комментариях к этому тексту указано лишь, что его адресат является автором статьи «Смысл слова», оттиск которой был подарен им Вяч.Иванову в 1924 году (IV, 717).

Стихотворение «Молодому поэту» написано, однако, семью годами ранее (6 марта 1917 года). Обстоятельства, сопутствовавшие его появлению, до сих пор не были известны. Восстановлению (по архивным материалам) некоторых вех развития дружеских отношений П.А.Журова с Вяч.Ивановым, своего рода венцом которых стали стихи «Молодому поэту», и посвящена данная работа.

Прежде всего следует сказать несколько слов о самом П.А.Журове. В 1908—1913 годах он был студентом сначала Московского, а затем — Петербургского университета (историко-филологический факультет). Бу-

1 Журов П.А. 1) Две встречи с молодым Клычковым. — Русская литература. 1971. № 2. С. 149—152; 2) Шахматовская библиотека Бекетовых-Блока / Публикация З.Минц и С.Лесневского. Вступ. статья З.Минц. — Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 358: Труды по рус. и славян. филологии, 24. С. 396—417; 3) Впервые в Шахматове: Лето 1924 года. — Revue des études slaves. 1982. Т. 54. Fasc. 4. P. 745—752.

2 См.: РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31 и ед. хр. 56 (л.2). Подробно об этих документах будет сказано ниже.

3 Здесь (и по всему тексту работы) римская цифра обозначает один из томов «Собрания сочинений» Вяч.Иванова (Брюссель, 1971—1987), а арабская — страницу тома.

дучи студентом второго курса последнего, Журов в феврале-марте 1910 года подготовил реферат «Поэзия Александра Блока». ⁴ Он и сам пробовал силы в стихосложении, однако свет увидели лишь два его стихотворения — «Восход» и «Улыбнись». ⁵ Через год после окончания университета Журов переехал в Сочи и в 1914—1920 годах преподавал русскую словесность в тамошней мужской гимназии.

Именно в Сочи и состоялось его знакомство с Вяч. Ивановым, который вместе с женой и сыном поселился там в пансионате «Светлана» ранней осенью 1916 года и провел «на своем любимом юге целый год». ⁶ К сожалению, о самых первых встречах Иванова и Журова сведений не сохранилось, ибо дневники последнего (фрагменты которых будут публиковаться и комментироваться ниже) за сентябрь — почти весь декабрь 1916 года неизвестны. Можно лишь предположить, что Журов пришел представляться Иванову сам — в архиве поэта сохранилась его визитная карточка. ⁷

Во всяком случае, 25 декабря 1916 года поэт и педагог встречаются в городском парке уже как добрые знакомые. Через день после этого Журов делает в дневнике такую запись:

«Пошел с Пичей ⁸ на Верещагинский парк, там встретился с Вяч. Ивановым — поговорил с ним. Узнал, что Блок не любит заниматься анализом стихосложения... Узнал, как его — Иванова — Бел<ый> и Бр<юсов> признали — настоящим — и стали они друг друга называть по именам.

Но все это было не то. Мне хочется слушать его с торжественным застенным вниманием, а выходит как-то недоуменно — контакта нет.

Нет контакта и с Блоком.

Оттого я и тоскую...

В тот же день был у Е.П. ⁹, попал на дам. <...> Они ахали над Распутиным, ругали Вяч. Иванова <...>. Ученики тоже заявили <...>, что они в Иванове разочарованы». ¹⁰

По-видимому, белло изложенные здесь впечатления дам и гимназистов — это отклики на какое-то публичное выступление Иванова в Сочи, сведениями о котором мы пока не располагаем. Напротив, дневниковая запись Журова от 30 декабря 1916 года о другом выступлении поэта чрезвычайно подробна и обстоятельна:

«Литературный кружок. Вячеслав Иванов читает свой перевод «Агамемнона». ¹¹

4 Автограф — РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 3 (не опубликовано).

5 Свободным художествам. СПб., 1911/1912. № 2 (декабрь). С. 28.

6 *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и комментарий Джона Мальмстада. М., 1992. С. 67.

7 РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 1. Л. 7.

8 Имеется в виду Вера Александровна Журова (р. Рябчикова; 1883—1969), жена П.А. Журова.

9 Речь идет о Екатерине Павловне Майковой (р. Калига; 1836—1920), вдове одного из братьев Майковых — Владимира Николаевича (1826—1885); близким другом этой семьи в свое время был И.А. Гончаров.

10 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 10, об. Многочисленные сокращения, имеющиеся в дневнике П.А. Журова, в дальнейшем раскрываются с использованием угловых скобок лишь в тех случаях, где это раскрытие не является очевидно безоговорочным.

11 Трагедию Эскила «Агамемнон» Вяч. Иванов читал в своем переводе публично и ранее; так, 4 февраля 1916 года это чтение прошло в девятом собрании московского Общества Свободной Эстетики: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 9 (печатная повестка).

Без четверти четыре в холодной и пустой гимназии были только двое — я и Волощенко.¹² Мы переговаривались о том, что мало придет учеников (а ведь это обидно), запасали воду в графин.

Зал наш в порядке. 2 ряда массивных, каштанового дерева скамей — по две 4 в ряд, два стола, лампы, зеркала.

Пусто, — но это наполнится светом.

Я вышел на улицу. Зашел домой. Видел вдаль, от Удельного — характерную фигуру в черном пальто, шляпе в группе женщин.

Пришел — народу еще мало. Прибежал Волощенко:

— П.А., пришел В.И.! Идите, встречайте.

— Сейчас приду.

Внизу застаю его, его жену¹³, двух незнакомых дам, Фатова.¹⁴ В.И. благодарит меня за цветы.

Высокий, сутуловатый, немного нетвердый на ногах; пышные мелкие поседевшие волосы ореолом. Выпуклый лоб. Красноватое, четкое — скульптурное лицо — и маленькие светлые острые глаза. В глазах много холодной пронизательности, они спрашивают, но не говорят. Он очень любезен и мил. Спрашивал — не готовлю ли я свой доклад о Блоке для печати...

«Я расскажу Александру Александровичу, как мы занимались им в Сочи...»

Я сказал ему — мы шли по лестнице, дамы впереди — что я восхищен тем, что буду иметь его своим слушателем и буду читать с трепетом.¹⁵

Публика набиралась. В.И. перездоровался с учениками за руку. Я попросил его немного обождать.

Во вступительном слове В.И. говорил о классической культуре, о ее исходном значении в нашей европейской культуре, о Возрождении, о Фаусте, возрождающемся в любви к Елене.

Потом он говорил о греческой трагедии, о ее культовом обрядовом происхождении — трагедия была обрядом в честь страдающего Бога Диониса, Бога жертвенного, Воскресающего.¹⁶ Герои эллинов, приводящие в трагедии, рассматривались как ипостаси Диониса. Греческая трагедия не определялась напрасною борьбой с Роком. Страдающий и гибнущий герой — вот зерно трагедии. Театры назывались храмами Диониса, представления ставились в дни празднования Диониса.

Дионисийская сущность древнегреческой трагедии сохранилась в нашей литургии. Отдельные точки алтаря и амвона соответствуют главным точкам древней оркестры (проскиния...).

Эсхил изображал не только образы богов, он в своих трагедиях изображал и чисто человеческие движения, душевную жизнь человека¹⁷ — с тем же знанием сердца и правдоподобием действия, с каким — чтобы не обидеть современников — изображал их Шекспир...

Потом он приступил к чтению «Агамемнона».

Первое явление¹⁸ — страж, получающий огненную весть о взятии Трои —

12 Вероятно, один из педагогов гимназии.

13 Вера Константиновна Шварсалон (1890—1920).

14 Возможно, Николай Николаевич Фатов (1887—1961) — впоследствии советский критик и литературовед.

15 Доклад П.А.Журова «Поэзия Александра Блока», на котором был и участвовал в обсуждении Вяч. Иванов, состоялся на собрании литературного кружка Сочинской гимназии 14 января 1917 года (подробнее см. ниже).

16 Ср.: *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога. — В кн.: *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 310—311. Ниже эта книга обозначается сокращенно — Эсхил: ЛП.

17 Ср.: *Ярхо В.Н.* На рубеже двух эпох. — Эсхил: ЛП. С. 489—490.

18 Эсхил: ЛП. С. 76—77 (точнее, пролог).

великолепно. Прекрасные стихи, несомненность образа.

Хор слушается с меньшим интересом. Песни его¹⁹ очень сложны, требуют общей ориентировки в событиях.

Красива сцена возвращения Агамемнона, пререкания с толпой, роковой шаг по пурпурному ковру.²⁰ Красив рассказ о жертвоприношении Ифигении.²¹

Увлечательна и прекрасна сцена пророчествующей Кассандры, и страшное разрешение действия.²²

В объяснении с хором Клитемнестра несколько вульгаризована.²³ Непонятно отчасти — как ее зловецкие замыслы не вырвались с торжеством из ее души при вести о возвращении Агамемнона (она говорит что-то намеками, но без силы).²⁴

В перерыв В.И. спрашивал, нравится ли перевод, я ответил — «мастерский». Он рассказывал мне, что греки в VI <веке> уже знали ипостасиод, что христианство лишь монотеизмом восходит к еврейству, а все остальное уже было в греческой религии и было усвоено оттуда (жертвенный бог «Я лоза» — из Евангелия — несомненно, дионисийское²⁵). В древности был спор о личности Христа, а не о существовании религии, которая одинаково принималась и христианами и новоплатониками и т.д. (Юлиан...²⁶), не признавшими Христа.

На заседании кружка были преподаватели с женами. Была Лапка.²⁷

На последующем заседании ученики почти единодушно (-1) голосовали — просить В.И. продолжить чтение „Орестей“.²⁸

Кроме того, в дневнике П.А.Журова отдельной записью зафиксировано мнение одного из гимназистов, не разделившего общего восторга перед Вяч.Ивановым:

«Антон о В.И. — „теоретик искусства, вообразивший себя поэтом“; „самовлюбленный“; „окружен дамами, которые все для него делают“».²⁹

Очевидно, автор дневника (скорее всего, в тот же вечер 30 декабря) был приглашен Вяч.Ивановым побывать у него на квартире. Эта встреча состоялась на следующий день и тогда же была детально описана Журовым:

«31. XII. День я проводил беспокойно. Вспоминалось, как я шел, как был близок к достижению и падал стремглав. Я не мог творить, не став чем-то особенным, не достигнув какой-то всеобщей великой вершины. Блок пишет и поет свои изумительные песни всегда, в самых бурных падениях, но, видно, потому, что некогда он достиг того рождения, какого искал я. Оно навсегда, оно — некое перевоплощение души, которое остается.

При своем всем <так. — С.С.> влечении к творчеству я не мог писать, потому что душа была в разрухе, в противоречиях, не нашел я великого общего, что дает подлинность, необходимость, простор.

19 Там же. С. 79—83.

20 Там же. С. 97—102.

21 Там же. С. 81—82. Дочь Клитемнестры Ифигения в переводе Вяч. Иванова по имени не названа.

22 Там же. С. 104—113.

23 Там же. С. 114—116.

24 Там же. С. 98—99.

25 Ср. об этом: *Иванов В.* Эллинская религия страдающего бога. — Эсхил. ЛП. С. 349—350.

26 Неясно, о ком идет речь. Впрочем, этого не понял и сам автор дневника — многоочие после имени означает, очевидно, что он не успел записать его полностью.

27 См. примеч. 8.

28 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед.хр. 22. Л. 12, об. — 14.

29 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед.хр. 22. Л. 14, об.

Это были какие-то тесные сады, закоулки, извивы³⁰ — прекрасные, но мучительно неполные, неосуществленные, а не чистый и ясный полевой простор.

К вечеру я отправился к В.Иванову. Он играл с дочкой³¹ в шахматы, партия была почти кончена.

Расселись. Разговорились. Он тут же встал и большую часть беседы расхаживал по комнате или стоял. На ноги его вздернули мысли. Говорил он о символизме, спросил — читал ли я полемику за символизм в «Аполлоне» (1912? г.³²)... Он называл символистами лишь троих — Блока, себя и И. Анненского. Брюсов отошел от символизма. Он позитивен и не тонок, — электик. Основы символизма он <Иванов. — С.С.> объясняет так: художественный образ — подобно звуку — имеет свои обертоны (обертоны). Под влиянием вытворенного образа в душе читателя возникает добавочный как бы образ, идея, — раскрывающий реальнейшее в реальном. Но этой раскрывающейся реальности в самом художественном произведении нет, она возникает в сознании читателя; она, вероятно (?), имела и в душе автора. Идея-образ неким образом преобразует душу так, что она постигает раскрывающиеся сверх за этим образом дали и выси всереального.³³

Я спросил:

— Что же, дополнительный образ, — это общее постижение, возникающее (восчувствование) находится в генетической связи с образом поэта?

— Да, он-оно в нем заключено.

— Но, — добавляю я от себя, — заключено в скрытом виде, как растение заключено в зерне-семени.

Он говорил о французском символизме (и раннем русском: Минский, Мережковский, ранний Брюсов) — это передача субъективных настроений подчеркнутыми или необычными образами, необычными сочетаниями их — но в том символизме была лишь симпатическая сигнализация поэтической настроенности к другой.

Символизм их — это поэтическое творчество, которое в переживании своем, в своей душевной актуальности становится выявлением сущностей мира, реальнейшего в реальном, истинно сущего.

Когда я заговорил о статье Жирмундского «Преодоление <так. — С.С.> символизма»³⁴ — он сказал, что о «преодолении» символизма не может быть речи — символизм не временное течение, не школа, не группа, а всегдашнее выявление сущего в искусстве, <он> был и будет: это теория искусства, истолкование искусства.

Молодые петербургские кружки он определил как парнасцев или даже декораторов (романтический декоратизм Гумилева). Они ушли от их концепции искусства-образа, попытались выставить свои психопоэтические отправные позиции и бессильно запутались в попытках — (акмеизм — адамизм) — (ущерб поэтического духа — по-моему). Из молодых

30 Перифраза начальной строки стихотворения Блока «В кабаках, в переулках, в извивах...»

31 Лидия Вячеславовна Иванова (1896—1985) оставила несколько слов о своем пребывании в Сочи зимой 1916—1917 гг. (см.: *Иванова Л. Воспоминания... С. 67*).

32 Эта полемика прошла (не в 1912, а в 1910 году) на страницах журнала «Аполлон», где были опубликованы следующие статьи: *Иванов В. Заветы символизма* (№ 8); *Блок А. О современном состоянии русского символизма* (№ 8); *Брюсов В. О «речи рабской», в защиту поэзии* (№ 9); *Белый А. Венок или венеч* (№ 11).

33 Ср.: *Иванов В. Мысли о символизме. — Труды и дни. 1912. №1. С. 3—10.*

34 *Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм. — Русская мысль. 1916. Кн. 12. С. 25—56* (вторая пагинация).

он хвалит Ахматову — с ее «своим маленьким стаканчиком».

Разговор зашел о мистической основе искусства.

Мистика — это вера в действительное бытие Бога, души; трансцендентного. Действительное признание реальности (не идеализм, не метафизика). Мистика — в корне всякого поэтического творчества... Ни одного великого поэта нет — не мистического по существу души... Я сказал, что лишь двое могут вызвать вопрос — Чехов и Бунин. Бунина он отверг как поэта, он ценит его как стилиста-прозаика. Чехов — да... Но в нем есть тоска по иному миру и приятию мира, и наконец обретение («Вишневый сад»).

Он говорил, — что многие чужды мистическому чувствованию мира — пока они не поэты: «Пока не требует поэта...». Но они — мистики в творчестве (Бальзак, Флобер) — откуда и когда творят. Мистицизм — и есть то состояние, когда интуитивно раскрываются в образах и ритмах знания о мире и человеке.

И он и я одинаково признали в Шекспире мистический опыт.

— А Пушкин?

— В Пушкине этот опыт ясен.

Он особенно рад, что я люблю Блока («как мило вы тогда выразились»³⁵). Я <т.е. П.А. Журов. — С.С.>, должно быть, тоже поэт. Есть поэты потенциальные и активные. Они лишь и отзываются на поэзию. В этом могут быть ограничения, но (к лучшему) это, может, и хорошо.

Он поговорил о Блоке.

Блок и он — антиподы. Он говорит — да, Блок — нет. Блок иногда не выносит его, чуждается его долгими временами... Он весь сыпучий, переменчивый.

Вот он в Москве не побывал у него,³⁶ а прислал лишь букет алых роз в знак любви.³⁷ Он посещает общественные собрания, слушает Милюкова³⁸ — хотя, как поэт, ничего в этом не может. Он думает о России. Это его постоянная дума — о будущем России, о судьбе России. Он болеет этой думой. Он иногда очень откровенен в своих стихах... Он — Иванов — не может рассказывать. Нельзя сказать.³⁹ (Что за тайна? Тайна,

35 Отклик на неизвестные нам слова П.А.Журова.

36 Последняя перед этим разговором по времени поездка Блока в Москву состоялась в марте—апреле 1916 года. Согласно записи Блока, утром 5 апреля он «завез к Вяч. Иванову» одну из статей своего друга В.А. Пяста (*Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 294*). Впрочем, это вовсе не означает, что поэты в тот день встретились лично.

37 По отношению к Блоку собеседник П.А.Журова поступал так же: по словам О.Дешарт (О.А.Шор), несомненно восходящим к рассказу самого Вяч. Иванова, «каждый раз, как В.И. возвращался в Петербург, он прежде всего заходил в цветочный магазин и посылал Блоку букет роз. Розы — в знак духовного общения» (II, 731-732).

38 Скорее всего Иванов в свое время был свидетелем реакции Блока на лекцию Павла Николаевича Милюкова (1859—1943) «Вооруженный мир и сокращение вооружений», произнесенную 28 апреля 1911 года (<Объявление>. — Речь. 1911. 27 апр. (№113) С. 1.): ведь даже восемь с лишним лет спустя (в предисловии к публикации третьей главы поэмы «Возмездие») поэт назвал эту лекцию интереснейшей (*Блок А. Собр. соч. Т. 3. М.-Л., 1960. С. 296*).

39 О тайне блоковской «песни» Иванов размышлял и позже. В наброске статьи о Блоке (начатой, по-видимому, после его смерти) читаем: «Блок спел нам единственную длинную, причудливо-странную, сердце щемящую песню. Она умолкла, — эта песнь всепобеждающего благозвучия, подчиненного внутренним, глубоко скрытым законам, тайна действия которых играла сердцами слушателей, как волшебная скрип».

которую я знаю!⁴⁰⁾

О Клычкове я его спросил.

«Это который из народа?» — спросил он с неприятным и сухим оттенком в лице. — «Хорошо, но не помню отчетливо», — мнение его о стишках С<ергея>.

Он советует мне работу о Блоке⁴¹ приготовить к печати. Я говорю — истолков<ыв>ать поэта — неблагодарная задача. Хорошее истолкование — счастливая случайность. А он придает большое значение истолкованию поэтов: «Если б нас, поэтов, не истолковывали...»

О Клюеве он знает только раннем («ему повредил Блок»).

О Есенине не слыхал.

Городецкий — очень неровен, невыдержан.

Он допытывался о моих стихах, я признался, что есть стишки, но читать в них нечего — они грубы. «Я их сам не люблю».

Он убеждал прочесть. «Форма — это пустяки», — говорил он, — «это всегда можно приобрести».

Я взял у него корректуры книги «Родное и вселенское».⁴² Подарил он мне еще оттиск стихов из «Р<усской> м<ысли>».⁴³

Комната его (светлая) бедна и проста. Стол — на нем оттиски, листки, газеты, бумаги в хаосе... Две кровати с простыми байковыми одеялами... На окне — мой букет роз.

Он <одно слово нрзб.> большой — с лицом, похожим на маску, с горячими острыми глазами, дрожащей ногой или пальцами».⁴⁴

Как бы по контрасту следующая запись в дневнике П.А. Журова (от 3 января 1917 года) предельно лаконична:

«Литературный кружок. Вячеслав Иванович читает «Плакальщиц» и «Евменид».⁴⁵ Мне показалось — трагедии (в одном случае) христианизированы».⁴⁶

О ее краткости можно пожалеть — ведь чтение 3 января 1917 года почти наверняка было первым публичным ивановским исполнением «Плакальщиц» и «Эвменид». Кое-что, впрочем, добавляют к этой записи конспективные заметки П.А.Журова в его записной книжке, сделанные непосредственно при чтении Вяч. Иванова:

«Эсхил — Евмениды.

Локсий⁴⁷ — Аполлон пророчествующий.

ка. Это было стоном поющей боли, и ранила эта песнь как усладная, жадная боль» (РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 53). У нас нет сведений о том, развернул ли Иванов этот фрагмент в самостоятельную статью.

40 Реплика П.А.Журова. К сожалению, он не пояснил, что же означает тайна поэзии Блока в его понимании...

41 См. примеч. 4.

42 *Иванов В.* Родное и вселенское. Статьи (1914—1916); книга вышла в московском издательстве Г.А.Лемана и С.И.Сахарова (1917, на обл. — 1918).

43 Последними по тому времени стихотворными произведениями Иванова, помещенными в этом журнале, были десять стихотворений, объединенных в мистический цикл «Мой дом». — Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 1-8 (первая пагинация). Скорее всего, отдельный оттиск этого цикла и получил от автора П.А.Журов. Его местонахождение неизвестно.

44 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 15—17.

45 Отмеченное П.А.Журовым «двухчастное» чтение в Сочи (30 декабря 1916 г. и 3 января 1917 г.) перевода всей трилогии Эсхила целиком подтверждает слова Вяч. Иванова из «Предисловия переводчика...» 1926 года: «...в 1916 г. вся «Орестея» была готова к печати» (Эсхил: ЛП. С. 196).

46 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 17, об.

47 Культурное имя Аполлона, означающее «двусмысленный» из-за загадочности его прорицаний (Эсхил: ЛП. С. 534).

«Пусть все будут врагами —
был бы другом Бог»
Пилат⁴⁸

Око за око —
«Боги не запрещают платить за зло злом»⁴⁹
Идея *добра за зло* в греческой культуре.
Аполлон — вешает волю Зевса (!)
(христианский аспект).⁵⁰

Лапидарность журовских записей от 3 января легко объяснима — ведь именно тогда Вяч.Иванов уговорил-таки молодого поэта почитать ему свои стихи. Специальная встреча по этому поводу, состоявшаяся на следующий день, безусловно, стала для П.А.Журова чрезвычайно важным событием. В его дневнике читаем:

«4 янв. Когда-то я собирался к Вячеславу Ивановичу за посвящением, неким утверждением в творчество. Сегодня иду по его приглашению читать ему стихи свои. Что же будет: таинство пресуществления моих жалких стихотворений в стихи, в поэзию прекрасную?»

В 4 ½ стучу в дверь с фиалками от Пичи.⁵¹ Дочка⁵² стоит у шахматного столика (подросток, а консерваторка, с умным, но слишком умным, пожалуй, лицом). В.И. отворяет дверь. Девочка уходит, окна широко раскрыты, в комнате весело.

Просит говорить о книге.⁵³ «Мудрая и прекрасная»... Говорю о «Все-ленском деле».⁵⁴

— Вот как, мне так приятно...

Он начинает говорить о кантианстве и неокантианизме с последовательными выводами из него: раз все определяется самой личностью, все идеализм — то все крайние проявления личного и национального эгоизма — идеализм — и провозглашается девиз: «Все хорошо, что хорошо для каждого». Он рассказывает о лекции Эрна⁵⁵ «От Канта (кантианства) к Круппу»⁵⁶ — какую бурю негодования вызвал, и только один он, В.И., нашел достаточно мужества поддержать его. А немцы признали Эрна правым. Коген в одном письме⁵⁷ говорит, что немецкие полководцы —

48 Источник цитаты не установлен.

49 Очевидно, запись слов Вяч. Иванова. Об этической проблематике Эсхила в указанном аспекте ср.: *Ярхо В.Н.* На рубеже двух эпох. — Эсхил: ЛП. С. 477—480.

50 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 135. В первой сцене пролога «Эвменид» (монолог пифии) в переводе Вяч. Иванова читаем: «Вступил четвертым Локсий во святилище. // Пророком Зевса: отчее вешает сын» (Эсхил: ЛП. С. 162). В том, что бог-сын (Аполлон-Локсий) вешает волю бога-отца (Зевса), и усмотрел П.А.Журов христианизацию «Эвменид».

51 См. примеч. 8.

52 См. примеч. 31.

53 «Родное и вселенское»; см. текст, сопровождаемый примеч. 42.

54 Эта статья, включенная в «Родное и вселенское», была написана на основе речи Вяч. Иванова на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 года; первая публикация — *Русская мысль*. 1914. Кн. 12. С. 97-107 (вторая пагинация).

55 Владимир Францевич Эрн (1882—1917) — философ, близкий друг Иванова.

56 Эта речь Эрна была произнесена на том же заседании 6 октября 1914 года, что и речь Вяч. Иванова, и опубликована в той же книге «Русской мысли» (С. 116—124); ср. примеч. 54. Новейшее переиздание речи Эрна — в кн.: *Эрн В.Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 308—318.

57 Речь идет о неизвестном нам письме философа-неокантианца Германа Когена (1842—1918).

ученики кантовских учеников. Так сильна у нас немецкая идеология.

В этой войне сталкиваются разные интересы — и ее ведут не только на земле — здесь борьба таинственных сил, борьба философий — неокантианства с платонизмом... Прав Чхеидзе⁵⁸, говоря, что война затеяна капиталистами — это его одна, узкая правда. Константинополь — как бы аккумулятор разных энергий, разных стихий.

Жена его⁵⁹, в голубом, молчаливая и как-то скорбная, приходила, посидела, спросила, откуда я (из какого университета), — о профессорах.

В.И. говорил — что идет борьба с античностью немецкого духа.⁶⁰ Романские народы выросли, воспитались на античности. По словам Ростовцева⁶¹, славяне эллинизировались еще через скифов. В обоих народах есть слияние с античностью, восприятие античности в недра духа (православие — платонизм). Германцы воевали с античным миром: они усердно усваивали, изучали античность, но то было только изучение, а не приятие и внутреннее перерождение на античности...

Наконец, дошло дело и до стихов. Он запер дверь и стал слушать. Нерадостно было мне читать свои стишки перед большим поэтом, да еще первый раз в жизни читать. Только лапонька⁶², а она не в счет.

— Читайте, как раскроется...

Я говорю ему: «Знаю сам, стихи не настоящи, не богодухновенны».

Прочел «Над городом...»⁶³ («ему недостает яркого оживляющего пятна...»).

«Молитва».⁶⁴ «Вы сами портите свои стихи дурным чтением... Слишком вы удаляетесь от них, стесняетесь их. Надо быть влюбленным немного в свои стихи, хотя бы внутри, не показывая. Как не любить своих детей... Не любить — и дети будут несчастными и бедными. Читайте звучнее, пойте их... Скажу на ушко, (надо) имейте больше смелости в себе... Помните об этой влюбленной работе над стихом, дающей высшее наслаждение, самоудовлетворение художника... «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» Будете любить их — будете совершенствовать их... В этой радостной любви к своему творению, любовной работе и освобождается скрытая гармония слова... Художник выявляет идею, <которую он видит с любованием, в красках на холсте>,⁶⁵ скульптор чувствует прекрасный образ в мраморе, в глыбе мрамора и освобождает его — так и поэт выявляет певучую стихию слова, его образный смысл.

«Молитва» хороша, строфы две надо выбросить, оно длинно, заключительная строфа, пожалуй, не нужна. Аллегоричность допустима». Он взял книжку и попробовал ее читать («Молитву»).

«Улыбнись — и ангелы заплещут...» понравилось ему особенно. Он

58 Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864—1926) в то время был лидером меньшевистской фракции 4-й Государственной думы.

59 См. примеч. 13.

60 Т.е. борьба немецкого духа с античностью.

61 Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952), историк и филолог-классик, один из друзей Иванова.

62 См. примеч. 8.

63 Тексты этого и почти всех других стихотворений П.А. Журова, упоминаемых в данной дневниковой записи, входят в машинописный сборник, сохранившийся в архиве автора (РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 1), который ниже будет обозначаться сокращенно (Сб.). Стихотворение «Над городом...» см.: Сб. Л.5, под заглавием «Вдова», с датой: 1908.

64 Сб. Л.10. Это и некоторые другие стихотворения П.А. Журова, прокомментированные Вяч.Ивановым, помещены в Приложении к работе (см. ниже).

65 В оригинале искажение: «Художник выявляет идею красках и холста <так. — С.С.>, которую он видит с любованием...»

говорил — очень нежные образы (васильки, поздний след), слабые — «бледных роз» и «виденье — облака».⁶⁶

Больше других ему понравился стих «Я со всеми примирился...»⁶⁷, он нашел его подлинно мистичным и символичным. Немного старым (в хорошем смысле), но совершенно своим. Я прочитал его раза три. «Идут святители...»⁶⁸ — он заподозрил влияние Клюева. О «старушке» он отождествился с похвалой, но указал на недопустимое двойное «рада» (да еще «отрада») и четыре уменьшительных рифмы в последней строфе.⁶⁹

«Бесплодие»⁷⁰ — так себе. Похвалил, что я вовремя остановился (две последних строки последней строфы не читал).

«Каменеют улицы города...»⁷¹ (блоковские) — похвалил (рифма-ассонанс: колюю — недолгую).

В «Осени»⁷² — скушны первая и вторая строфы, хороша третья и вторая строка последней. «Неровное», — говорит, — «<то> так себе, а то очень хорошо».

«Я гнал и отогнал...»⁷³ — дурные рифмы: исполнить, волны, очи.

«Я схоронил ответные огни...»⁷⁴ — невольная аллитерация, последняя строфа нехороша.

«Отбушевала страсть...»⁷⁵ хвалил... Две последние строки хуже. «Прекрасно сделано».

Хвалил также «Я взошел на высокие горы...»⁷⁶, «Я нашел колодчик в поле...»⁷⁷

«Я блуждал...»⁷⁸ — осудил за ложную квадратуру: как говорят музыканты — за последние строчки (слишком закончено).

«Ищите строчку!» — говорит.

«Жизнь»⁷⁹ — похвалил кое-что. В «Госте» осудил кафтаны⁸⁰, но хвалил целое — «красиво».

Говорил он так:

66 Сб. Л. 48, об. (см. Приложение). Первая редакция стихотворения опубликована под заглавием «Улыбнись» (см. примеч. 5). Иванов комментирует здесь следующие его строки: 7, 12, 2, 6 (соответственно).

67 Сб. Л. 52. В Приложении печатается по автографу 1917 года (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 15).

68 Скорее всего, речь идет о стихотворении «Образ» («Стоят святители...») — Сб. Л. 33.

69 Сб. Л. 12, под заглавием «Вечерком». Иванов сделал замечание относительно строк 5, 10 и 12 («Али солнышку, старая, рада?»; «Так и то, что ни день, то отрада!»; «На тепло отойдешь себе, рада!»). Рифмы последней строфы стихотворения — «цветочки — щечки» и «березки — слезки».

70 Сб. Л. 15.

71 Сб. Л. 14, об., с датой: 1910 (см. Приложение).

72 Сб. Л. 28, с датой: 1910.

73 В архиве автора не сохранилось; текст неизвестен.

74 Сб. Л. 26.

75 Сб. Л. 50, об. В Приложении печатается по автографу 1917 года (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 6—6, об.)

76 Сб. Л. 18, об.

77 Сб. Л. 53, с датой: 1917. В Приложении печатается по автографу 1917 года (РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 16, об.).

78 Сб. Л. 16, с датой: 1909—10 (полная первая строка — «Я блуждал, я томился в плену...»). Заключительные строки — «Снова матерью стала земля // Возвращенному сыну навеки!»

79 Сб. Л. 31.

80 Сб. Л. 11, с датой: 1910. Первая редакция опубликована под заглавием «Восход» (см. примеч. 5). Осужденные Ивановым строки 9—10: «На зеленые кафтаны // Пала белая роса».

— Все, что он слышал, принадлежит поэзии. Он уловил и мое самобытное, хотя еще слабо, неуверенно намеченное. Поэзия входит за некую ограду — это вхождение за ограду в моих стихах есть. Форма средняя (чтобы не говорить хуже, добавлю я), но форма — дело практики. Надо упражнять стих и в металле, и в нежных дуновениях. Учиться скульптурности старых, утраченной молодыми — модернистами. «Любите свои стихи, совершенствуйте, сделайте их бессмертными».

Понятно — (он-то сказал это между слов) — я начинающий поэт. (Он прав, конечно). Советовал работать, говорит — <далее пропуск в тексте>.

«Бог с ними», — отвечаю я и прячу стишки в карман.

Я читал и вел себя точно перед судилищем, виноватым.

«Любите свои стихи, сделайте их прекрасными. Дайте им бессмертие», — говорил он.⁸¹

7 января 1917 года П.А.Журов вновь встретился с поэтом: «Вячеслав Иванович читал мне свою автобиографию. Она написана для истории русской литературы Венгерова⁸² (или словарь?) и начиналась несколько искусственным вступлением.

Детство его протекло в Москве. Он жил где-то в Грузинах — против зоологического сада, и (клетки) лев, слон, олень у грязной канавы воды были постоянными свидетелями его дней.

Отец его землемер — неверующий. Увлекался материализмом, запирался от попов и святой воды, соврачал в неверие мать⁸³ и умер христианином, а в атеизм он впал, получив чухотку (семья злой чухотки) и тогда принялся за книги, бросив службу. Поэт осиротел шести лет. С матерью он поселился в семье немецкой фон <Кеппенов>⁸⁴ — где мать была вроде чтицы или домоправительницы (?). Мать любила поэзию и с детства приучала к ней мальчика, внушая ему, что он будет поэтом. Она хотела этого. Мать любила Шиллера, Гете.

В.И. учился в первой гимназии. Он рано стал содержать себя и по необходимости был первым учеником. Способности его были блестящи, учителя никогда не спрашивали его на уроке заданное.

В поздних классах он был атеист и революционер. Его долго мучил вопрос о терроре, но он отверг его просто из инстинктивного отвращения.

Одно время он был близок самоубийству.

Два года провел в университете, а потом поехал за границу в Берлин. Учился у Моммзена⁸⁵ общественно-историческим наукам. Классицизм в России — значит реакция... Он как будто не может себе этого простить — столько было сделано усилий не на том пути, но он не раскаивается.

Первую работу его (по египтологии) Моммзен похвалил. Последующие разносил — но вот на этот раз суровый Моммзен похвалил.

Московские профессора видели в нем профессора. Но уже в Берлине Виноградов⁸⁶ сказал, что его призвание — филология.

Всего он пробыл за границей 18 лет.

Он очень хвалит Англию. Говорит о ее внутренней стройности при внешнем каком-то беспорядке.

81 РГАЛИ. Ф.2862. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 17, об. — 19, об.

82 Опубликована в 1918 году. Текст см.: III, 7—22 или в кн.: Иванова Л. Воспоминания... С. 301—318. Сравнение его с записью Журова показывает, что кое-где Вяч. Иванов сопровождал свое чтение устным комментарием.

83 О родителях поэта см.: Иванова Л. Воспоминания... С. 412.

84 В записи Журова — пропуск. Фамилия восстановлена по печатному тексту автобиографического письма Венгеру.

85 Теодор Моммзен (1817—1903) — немецкий филолог и историк.

86 Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925) — историк, в то время профессор Московского университета.

Читал мне стихи «Человек»⁸⁷, прекрасные — «золотые», как я определил. Я подсмотрел гримаску вдохновенья на его лице, ожелезившую черту его болью.

Говорил о Блоке, о его поэзии, о возрожденном в нем мифе о мужском влюбленном начале при Женском божестве (Венера и Адонис, *Μεγαλα* ...⁸⁸), о его обреченности на это страдание и «истекание кровью», <указывал> на его «параллелизм Христу» и трансцендентизм к народу.

Сам Иванов говорит: «Народ — это я, я — народ». Он не делит на народ — и что-то не народное. Блок — другое дело (кровь?).

Он пишет окталогию, где будет одна часть «Китеж».⁸⁹ Очень заинтересовался нашим путешествием.⁹⁰

Говорил о моем будущем — поэта и беллетриста — и находил условия моей жизни идеальными для творчества.

Я ответил, что разобщен с Россией.

— Пусть Россия будет в нас!

— Да, но русская природа, земля, народ, березка...

Он говорит, что русскому народу предопределен — кипарис.

«Кипарис — как мечтание», — отвечаю я.

«Нет», — говорит, — «Константинополь, вся земля...»⁹¹

Через неделю после этой встречи в гимназическом литературном кружке состоялся доклад П.А.Журова «Поэзия Александра Блока». В его тезисах, сохранившихся в архиве Вяч. Иванова, читаем:

«Два пути познания истины о мире-бытии-человеке: отвлеченно-логический и образный, реалистический.

Двойственная природа образа (идея и чувствование): в образном мышлении религий и искусства идея возникает в образе, и в этом образе почивает красота. Неприкосновенность религиозного и поэтического образа в полноте его сокровенного смысла.

Религиозным образам свойственно чувство совершенной красоты: полнота формы и содержания религиозного образа, при полноте творческих средств, дает чувство совершенной красоты.

Поэтическое творчество осуществляется в пределах религиозного творчества, оно есть как бы продолжение религиозного творчества. Религи-

87 Речь идет об одноименной «лирической трилогии» (так вначале был обозначен жанр этого произведения, написанного в 1915 году). 30 марта 1916 года Вяч. Иванов выступил в Религиозно-философском обществе с докладом «Человек. Размышления о существе и назначении, отпадении и Божественном возсыновлении человека», который сопровождался, как сказано в повестке заседания, «сообщением стихотворных отрывков из лирической трилогии докладчика „Человек“» (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 40). Позднее эта лирическая трилогия стала составной частью мелопои «Человек» (подробнее об этом см.: III, 737). Какой именно фрагмент этого пространного сочинения читал поэт П.А.Журову, неизвестно.

88 Слово не дописано. Ср. также примеч. 26, где комментируется сходная ситуация.

89 Об этом нереализованном замысле Иванова до сих пор не было известно (указано Н.В.Котрелевым). В записной книжке П.А.Журова есть еще одна заметка о нем: «Окталогия (В.Ив.). Острая Гора. Китеж» (РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 135, об.). Почти наверняка под «Острой Горой» имеется здесь в виду стихотворение «Виноградарь» («Островерхая Гора, поднебесная...») (IV, 48), написанное в Сочи в октябре 1916 года и опубликованное в газете «Раннее утро» 4 мая (21 апреля) 1918 года (IV, 716).

90 Это путешествие П.Журова и С.Клычкова на озеро Светлояр, предпринятое в июне 1913 года, описано в воспоминаниях Журова о Клычкове (см. примеч. 1).

91 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 19, об.—20, об.

озное восприятие мира-бытия определяет, формирует творчество поэта и отображается на его творчестве в чувстве красоты.

Александр Блок — художник-синтезист. Все поэтическое творчество Блока углубленно религиозно, мистично.

Все поэтическое бытие Блока представляется как бы одной трагедией, состоящей из трех действий. Все три действия отражают внутренний и внешний мир одной души, одного поэта, но в разных основных превращениях творческого «я», а значит, и всего внутреннего и внешнего опыта его.

Первое основоположительное действие раскрывается в книгах «Стихи о Прекрасной Даме» и «Нечаянная Радость»: в душе поэта открылся мир Божественных Сущностей. Все творчество этого периода определено новым сознанием поэта. Образы его: Бог — недостижимый, недоступный. Христос. Душа Мира, Владычица Вселенной — Прекрасная Дамы — образ исключительно близкий, таинственно родной поэту. К нему возносится все поэтическое служение его. Роковой близостью поэта к этому образу определяется трагедия творчества поэта. Но и Она имеет таинственное отношение к поэту: самая встреча с Нею представляется поэту встречей Жениха с Невестой.

В свете этой религиозной тайны воспринимается поэтом вся окружающая жизнь, природа, люди. Деревенская и городская лирика поэта.

Второй акт поэтического действия А. Блока заключает в себе падение поэта, помрачение образа Прекрасной Дамы и души поэта, выявление иной, обратной сущности божественного образа — страшного и злого, карающего образа Ее Двойника.

В третьем действии совершается последний момент возмездия и искупления: вместо Божественного синтеза — огромная пустота, вместо любви и муки — равнодушие испепеленной души, вместо радостной, исполненной смысла и любования жизни — бессмысленная всеобщая смерть.

Перейдя муки, искупление и наконец — состояние, близкое смерти, — поэт достигает умудренной успокоенности и тишины, в которой нарождаются новые глубины, новые постижения, новая „Нечаянная Радость“». ⁹²

Вяч. Иванов принял живое участие в обсуждении доклада П.А.Журова, о чем свидетельствует дневниковая запись последнего от 14 января 1917 года:

«Мой доклад о Блоке. Его возражения: а) Познание есть в искусстве, но в искусстве проверенном, соборном. Искусство узко понимается, если ставится ему цель — познание. Оно — красота.

Ответ: «Искусство вообще не ставит цели. Оно — невольное выражение, постижение, в котором всегда есть познание — и чувство красоты».

— Чувство (кра<соты>), эмоция — это опасно для познания. Познание д<олжно> б<ыть> незаинтересованным — Шопенгауэр — *безвольное*, незаинтересованное познание.

Ответ: «Познание рассудочное — да. Но постижение — в то же время и чувство прекрасного. Это не заинтересованность, а высшее чувство, не стремящееся обеспечить интересы личности».

Мысль, что искусство есть та же религия, но лишь в иной транскрипции... (мы одной веры) должна быть высказана с осторожностью, он бы затруднился сказать «да», — а может быть, и нет... Правда, что все крупные художники таковы...

...Основной миф Блока.

Если Прекрасная Дамы омрачилась, а позже представилась в образе России — то что же, значит, дурная религия у Блока, раз не предохраня-

92 РГБ. Ф. 109. Карт. 48. Ед. хр. 33 (автограф П.А.Журова).
Ошибочно описано архивистом как «[тезисы доклада] неустановленного лица [1906—1907]».

ла его от грехопадения. Он смешал, ошибся — Софию принял за Прекрасную Даму.⁹³

— Но Прекрасная Дама — Душа Мира — греховна (Вл. Соловьев)...

— Это заблуждение... Его <блоковская. — С.С.> Прекрасная Дама несовершенно, она мучит, увлекает поэта, появляется совсем не в подходящем обществе...⁹⁴ Он ревнует ее.

(В словах «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу» он видит предательство Прекрасной Дамы и России-С<офии?»⁹⁵)

Он считает, что никакого возрождения в «Ночных часах» не намечалось — что это очень мрачная скорбная книга⁹⁶, что судьба Блока — «истекать кровью».....⁹⁷

Спустя полмесяца П.А.Журов писал другу юности, поэту Д.Н.Семеновскому: «В гимназии есть литературный кружок, собрания, доклады, рассказы и стихи. Народ в большинстве — серый, но есть человек 5-6 ничего. Но самое замечательное, что с докладом и стихами выступал и членом почетным кружка состоит священный иерарх современной российской поэзии Вячеслав Иванович Иванов, с которым я подружился. Он очень внимателен, мил — старый поэт — с такой богатой идея<ми> поэтической культурой. Ядром наших бесед наиболее часто был Блок, которого он и я берем несколько по-разному. Но я все понуждаю его к какому-то согласию, а он все сопротивляется, обрекая его <Блока. — С.С.> на вечное мученичество, на томление по неверной и равнодушной Незнакомке»⁹⁸.

93 Возможно, с этим тезисом связано схематическое изображение (ипостасей Души Мира?), очевидно, сделанное Журовым (со слов Иванова) непосредственно на обсуждении доклада о Блоке:

«Род Девы
З<нак?> Д<евы?> Дева
Прекрасная Дама
Блудница
София (IV<-я> ипостась)».

Ниже — помета Журова: «14 янв. — о А.Блоке» (РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед.хр.33. Л.135,об).

94 Ср.: «Паладину Прекрасной Дамы приснилась она картонною невестой. Образ чаемой жены стал двоиться и смешиваться с явленным образом блудницы» (*Иванов В. Заветы символизма. — Аполлон. 1910. № 8. С. 16*).

95 В оригинале — «России С.». Наше предложение по раскрытию этого сокращения совершенно не претендует на бесспорность.

96 Впрочем, более ранняя оценка Вяч. Ивановым «Ночных часов» содержала не только негативное утверждение, аналогичное зафиксированному Журовым: «В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны <...>. Но, сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровый росток. Этот росток — страстная всепоглощающая религиозная любовь к стране. Это — сомнение верующего, не отчаяние безверья. Неудовлетворенность настоящим, ужас перед будущим скрывают мистическое семя, которое, когда оно умрет и прорастет в земле, принесет зерно освобождения духа, великого национального движения к святыням народным» (цит. по обратному переводу с английского, выполненному Н.В.Котрелевым с текста: *Ivanov Vyacheslav. Literary Chronicle. — The Russian Review. London, 1912. №2. P. 148-149*; перевод обнародован в предисловии Н.В.Котрелева к публикации переписки Блока с Вяч.Ивановым: *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 163—166*).

97 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед.хр. 22. Л. 20, об.—21.

98 Из письма от 2 февраля 1917 г. (Гос. архив Ивановской области. Ф. Р-2875. Оп.3. Ед.хр. 381. Л. 12—12, об.). Сообщение О.К.Переверзевым.

После этого, вплоть до конца февраля 1917 года, П.А.Журов вел дневник нерегулярно, а записи, которые он делал тогда, были краткими и отрывочными. Так, даже не из дневника, а из пометы в записной книжке мы узнаем о еще одной его встрече с Ивановым: «17 янв<аря> у В.Ив. в гостях».⁹⁹ Примерно в середине февраля он делает такую дневниковую запись: «В.И. верит в реальное существование некоторых эллинских богов».¹⁰⁰

Лишь 25 февраля 1917 года П.А.Журов дал более подробное описание визита к поэту: «Сегодняшний разговор с В.И. был преимущественно о политике. Сидел Ф<атов>¹⁰¹, пасмурный, распаренный приключениями и дурными вестями. В.И. говорил о возвышении престола, при котором (возвышении) осуществляются свободы и парламентаризм, о царе-кесаре, о народном суверенитете.

Кое-что горькое было сказано о нашем «обществе» — интеллигенции — пустом, распыленном, смешивающем идею с ее осуществлением, живущем без глубоких идеалов.

О «Возмездии»¹⁰² он сказал — «очень понравилась», но отметил и «беспорядочность»...

Удивило меня то, что его статью¹⁰³ редактор урезал.

В.И. весь налитан мыслью: глаза блестят, он говорит быстро, живо, с юношескою отчетливостью, мысли сочатся, как влага из пышной, богато налитанной губки.

В.К.¹⁰⁴ — по-прежнему грустна и мила, — несмеяна-царевна¹⁰⁵.

Через восемь дней П.А.Журов записывал: «5 марта. Совершились великие дела, определяющие судьбы России. <...> 28-го пало старое правительство...<...> 2 марта Государь отрекся от престола. <...> 3 марта Михаил отрекся от престола. <...> Слухи подтвердились: временное правительство.

Вечером я зашел к В.И. Говорили уже о составе правительства. Премьер — Годков, а некоторые поправляли: Гучков...¹⁰⁶ «Переворот имеет монархический характер», — заявил В.И.

Стати, «чтобы успокоиться», он прочитал несколько великолепных стихов: сонет «Весь исходив свой лабиринт душевный...»¹⁰⁷ и др.

<...> Так было 3-го марта»¹⁰⁸.

В этом месте из дневника вырвано по крайней мере два листа, так что продолжение записи от 5 марта отсутствует. В начале нашей работы

99 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед.хр. 33. Л. 135, об.

100 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед.хр.22. Л. 21, об.

101 См. примеч. 14.

102 Блок А. Возмездие. — Русская мысль. 1917. Кн.1. С.1—26 (первая пагинация). Другие высказывания Вяч. Иванова о поэме Блока см.: 1) Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т.1 М., 1980. С. 339—340; 2) II, 731; 3) Коган Ф.И. Записи высказываний В.И. Иванова на занятиях кружка поэзии [от 16 мая 1920 г.]. — Литературное наследство. М., 1982. Т.92. Кн.3. С. 496.

103 Иванов Вяч. Лики и личины России. К исследованию идеологии Достоевского. — Русская мысль. 1917. Кн.1. С. 16—43 (вторая пагинация). Редактором журнала был Петр Бернгардович Струве (1870—1944).

104 См. примеч. 13.

105 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед.хр. 22. Л. 24.

106 Александр Иванович Гучков (1862—1936) стал тогда военным и морским министром временного правительства; председателем Совета Министров являлся князь Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925).

107 Согласно III, 845, был написан 1 марта 1917 года. Опубликован под заглавием «Явная тайна» (III, 561).

108 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед.хр.22. Л. 25, об. и 27.

упоминалось уже, что под посвященным П.А.Журову стихотворением Вяч. Иванов поставил дату: «6 марта» (IV, 56). Но существует и другой автограф этого стихотворения. Оно было вписано автором в рукописный сборник стихов П.А.Журова «Обручение»¹⁰⁹, сохранивший, кроме того, и пометы Вяч. Иванова, и его прозаический отзыв о сочинениях молодого поэта (о них см. ниже). Наверное, мы не очень ошибемся в предположении, что стихотворение Вяч. Иванова было написано под непосредственным впечатлением от чтения рукописи П.А.Журова (принесенной мэтру, скорее всего, именно 5 марта).

Воспроизводим это стихотворение по автографу РГАЛИ:

П.А. Журову

Робким пальцем струны лада
 Непослушны;
 А душа подобна чаше,
 Полной песен.
 Что небесных странниц краше,
 Легких тучек, — Божья стада
 Кротких агниц? Их воздушный
 Край чудесен...
 Но не вечно им во сне
 Серебриться при луне,
 Красить зори изумрудами
 И рубинами венца:
 Час придет — скопиться грудами
 Шлака, пепла и свинца...
 И полна до края чаша станет
 Крупных слез и зрелых песен;
 И когда весенний цвет увянет,
 Будет колос лета полновесен.
 Дан закон художеству предельный:
 Только тот из гимнов долговечен,
 В коем сон лазури колыбельной
 Обескрылен и вочеловечен.

Вячеслав Иванов

Сочи, 10 марта 1917¹¹⁰.

П.А.Журов включил в свой сборник 28 стихотворений. При встрече 4 января он читал Вяч. Иванову лишь три из них — «Отбушевала страсть, и снова...», «Я со всеми примирился...» и «Я нашел колодчик в поле...» (тексты см. в Приложении). Все они удостоились тогда устной похвалы Иванова. Спустя два месяца в рукописи П.А.Журова около каждого из двух последних стихотворений он делает аналогичные пометы («Хорошо!»)¹¹¹.

Оба названных текста входят во вторую тетрадь «Обручения». Этой части рукописи П.А.Журова Вяч. Иванов уделил все свое внимание — его пометы имеются около текстов девяти стихотворений из 15-ти, вошедших в эту тетрадь¹¹².

Так, общая ивановская оценка стихотворения «Колдун» — «интересно, но не выдержано»¹¹³. Около первых двух строк «Кануна Пасхи» («Поля с

109 *Петр Костров* <псевдоним П.А.Журова. — С.С.>. Обручение. — РГАЛИ. Ф.225. Оп. 1. Ед.хр. 31. 19 лл. (две ученические тетради в линейку). Ниже этот сборник именуется сокращенно — Обручение.

110 Обручение. Л.1, об. — 2. Главные отличия этого текста от ранее напечатанного (IV, 56) — отсутствие заглавия, а также пунктуация в строке 6 (последнее, впрочем, носит не только интонационный, но и смысловой характер). Дата автографа РГАЛИ — это, очевидно, дата записи его текста в «Обручение».

111 Обручение. Л.15 и л. 16, об.

112 Заметим, что ни у одного из 13-ти текстов первой тетради «Обручения» Иванов помет не сделал.

113 Обручение. Л.10.

прозрачными березами, Блестящий обогретый снег») Иванов написал: «Живо и мило!», а в десятой строке («Пусть день намеренно хорош») подчеркнул слово «намеренно» и пометил рядом — «едва ли удачно?»¹¹⁴ Первая строка стихотворения «Весна поет, весна пророчит...» понравилась Иванову («мило!»), а у третьей строки («И негу дремную заносит») он пишет — «нехорошо и как выражение и как рифма»¹¹⁵. Стихотворению «Солнце днями обильно и жарко...»¹¹⁶ дана общая характеристика: «Не совсем ладно, а нравится», а к отдельным строкам его имеются конкретные замечания (см. их в Приложении).

Около стихотворения «Засыпал я сватов девушке...»¹¹⁷ — общая оценка: «Прелестное стихотворение, но тон не везде верен», и, очевидно, как пример, комментируется его пятая строфа (справа от текста — пометы Вяч. Иванова):

Ты люби любовью строгою, Перед небом не дрожи! Лягут светлую дорогою Ваши близкие межи.	} очень мило.
--	---------------

Кроме того, в Приложении целиком приведены еще два стихотворения — «Круг замкнулся. Снова песни...»¹¹⁸ и «Двое нищие: хроменький и слепенький...»¹¹⁹ (вместе с пометами Иванова к ним).

Резюмируя свои впечатления от стихов молодого поэта, Вяч. Иванов написал в конце второй тетради «Обручения»:

«Общий и преимущественный недостаток стихов — неточность и сбивчивость выражения, не-полное овладение словом.

Другой общий недостаток — отсутствие гармонии в большей части стихотворений. Каждое стихотворение должно являть единство строя, которому должны быть подчинены все его частности. Полноту, выдержанность и завершенность этого строя называю <t> гармонией. У Вас же обычно в каждом отдельном стихотворении несколько разных тональностей, не приведенных к единству.

Ведь в молитве Вы остерегались бы употреблять выражения сбивчивые, приблизительные, нестрогие, безответственные, нецеломудренны: поэт толь же свято относится к стихам, как верующий к молитве.

Все в обеих тетрадях очень лирично, взволнованно, убедительно, напевно — и все оживлено лишь наполовину и жалуется на поэта за незавершенность воплощения чего-то живого и предьявляющего свои права на полную жизнь.

В.И.»¹²⁰

Судя по тому, что свод стихотворений П.А.Журова, составленный им на склоне лет¹²¹, в некоторых случаях содержит другие редакции стихотворений, входивших в «Обручение», автор пытался последовать советам своего учителя в поэзии... Но результаты этой работы так и не были никогда обнаружены.

«Обручение» было возвращено Вяч. Ивановым автору не ранее 10 марта 1917 года. Вскоре после этого П.А.Журов выехал из Сочи в Гары и пробыл там несколько недель. 5 апреля он записывает в дневнике:

«Вчера вечером вернулся в Сочи. <...>

114 Там же. Л.10, об. —11.

115 Там же. Л.11—11, об.

116 Там же. Л.11, об.—12 (см. Приложение).

117 Там же. Л.13, об.—14—14, об.

118 Там же. Л.15, об.—16 (см. Приложение).

119 Там же. Л.16, об.—17 (см. Приложение).

120 Там же. Л.18, об.—19.

121 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп. 1. Ед.хр. 1.

По приезде сюрприз: письма, «Cor ardens»¹²², <...>.

Сегодня был у Вячеслава, <...>. Вячеслав процеживает жизнь через свои золотые сита и видит лишь великую муть. Безутешно¹²³ скептически (сомневается в том, что он русский), но это лишь каприз его мысли, печаль восприятий, а не безверие»¹²⁴.

На этом П.А.Журов прекратил регулярные записи в свой дневник, возобновив их лишь осенью 1917 года. За несколько месяцев до того семья Ивановых покинула Сочи. Но и после их отъезда молодой поэт продолжал вызывать в памяти дни своего общения с Вяч. Ивановым, ставшие для него необыкновенно значительными... Свидетельство этому — письмо П.А.Журова (июнь 1918 года):

«Милый Вячеслав Иванович.

В сердце накопилось достаточно любви, чтобы выйти ей из берегов и хлынуть волной... Уже давно, давно я лишен тайного счастья прикасаться к Вам слухом, зрением, бытием! Увы, в эту зиму не было места для меня, где бы сердце мое возгоралось бережно хранимым, таящимся и взыскующим огнем. И едва ли есть другой такой чародей, — человеческое солнце, таящий в себе столько пламени и лучистой рождающей теплоты...

Ваши книги отчасти, — увы, отчасти, — приближали Вас ко мне. Но они так обширны, что я уподоблялся пловцу в маленьком челночке, затерянному в величаво возставших волнах. Милый друг! Я лишен Вашей мудрости, Вашего вешего слова, Вашего неиссякаемого внимания. Не в жалобу пусть будут приняты мои слова, нет, а <в> благодарность, в сердечную дань за прошлое. Потому что прошлогодние мои встречи с Вами нетленны, они в моем сердце, в моей жизни, в неприкосновенном моем бытии. В мире живете Вы, и я знал¹²⁵ Вас, и то знание, что Вы существуете, до известной степени наполняет мир, вечно ненаполнимый, и делает его радостнее.

Я не буду делиться с Вами своим прошлым за этот год в этом письме. Все-таки когда-нибудь мы встретимся, и я с сыновнею верностью все расскажу, если спросите. Скажу только, что зима прожита глухо, связан<н>, в той почти щемящей тишине, за которой ожидается солнце...

Был связан я и в физическом смысле: имел растяжение связок, долго лежал и долго ходил на костылях. Впрочем, «несчастен» не был, потому что слишком невольно прислушивался к своей тишине...

Теперь живу в новом восстании, в новом движении — не знаю, надолго ли... Знаю только одно, что сердце мое восхищено, восхищено навсегда.

Это письмо я посылаю с оказией. Почты мы не имеем с марта.

Сочи — один из немногих городков, пощаженных до сих пор погромным¹²⁶ циклоном. Здесь жизнь идет с небольшими затруднениями, но в общем, так же гладко, как и в прошлом году¹²⁷.

Весна затянулась в месяц июнь, и только теперь новорожденный,

122 Очевидно, книга Вяч. Иванова, подаренная П.А.Журову. Ее теперешнее местонахождение неизвестно. П.А.Журов передал в РГАЛИ другой сборник поэта — «Нежная тайна» (СПб., 1912), на первом свободном листе которого имеется недатированная дарственная надпись: «Любимому Петру Алексеевичу Журову и в его лице дорогим друзьям моим в Духе с братским приветом Вяч. Иванов» (Библиотека РГАЛИ, № 18046-А).

123 Первоначально было: 1) Меланхолически; 2) Безрадостно.

124 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед. хр. 22. Л.26.

125 Первоначально было: знаю.

126 Первоначально было: революционным.

127 Как раз в день получения Вяч. Ивановым этого письма (почтовый штампель на конверте — 27.6.18) «циклон» доказался и до Сочи — город был взят Красной Армией. Описание этого и последующих сочинских дней имеется в дневнике П.А.Журова (РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед. хр. 22. Л.47—48, об.).

тонкий, как волос, месяц обещает прочное тепло, путь в горы...

Литературный кружок, имеющий честь считать Вас своим членом, просуществовал эту зиму хорошо. В оригинальном творчестве членов его преобладает поэзия.

За последнее время я подружился с Сергеем Петровичем¹²⁸ — мы часто вспоминаем Вас и читаем Ваши стихи. Шлю сердечный привет Вере Константиновне¹²⁹, Марии Михайловне¹³⁰, Лидии Ивановне¹³¹, а Вам и Вере Константиновне имею смирение поднести посвящения¹³², с просьбой меня <за>¹³³ то не бранить.

Вера Александровна¹³⁴ просит меня передать привет Вере Конст<антиновне> и Вам.

*Петр Журов*¹³⁵.

Надежда автора этого письма на новую встречу с Вяч. Ивановым сбылась лишь через шесть лет. К тому времени (еще в 1922 году) П.А.Журов перебрался из Сочи в Москву. По-прежнему оставшись педагогом, он стал (хотя и на скромных ролях рецензента и слушателя) участвовать в литературной и научной жизни столицы.

Продолжая размышлять над мифом Блока¹³⁶, — темой, захватившей его еще в юности, — П.А.Журов регулярно читает литературу о нем, в том числе воспоминания, появившиеся в печати после смерти поэта. Мемуарные сочинения А.Белого¹³⁷, очевидно, воскресили в его памяти зиму 1916—1917 г. в Сочи — своим выпискам из воспоминаний Белого, относящимся к Вяч. Иванову, П.А.Журов предпослал собственное раз-

128 Речь идет о С.П.Ситикове, чья фамилия установлена по описи фонда 109 (РГБ). В ней под шифром — «Карт.34. Ед. хр. 36» — значится: «Ситиков Сергей Петрович. Письма к Иванову В.И. 1918, б.д. Сочи. 2 пп. 6 лл. В письме без даты запись стихотворений С.П.Ситикова <следует перечисление их заглавий. — С.С.>. На л. 4 записка В.И. Иванова к С.П.Ситикову». К сожалению, ознакомиться с комплексом этих документов нам не удалось, ибо, по словам сотрудников отдела рукописей РГБ, в данный момент указанная единица хранения на месте не обнаружена. П.А.Журов почти наверняка имел в виду С.П.Ситикова, когда писал Д.Н.Семёновскому из Сочи 26 марта 1921 г.: «У меня собрались друзья <...>. Один из них — нежнейший и тонко чувствующий слово поэт в духе Вячеслава Иванова...» (Гос. архив Ивановской области. Ф. Р-2875. Оп.3. Ед. хр. 381. Л.1а. Сообщено О.К.Переверзевым).

129 В.К.Шварсалон; см. примеч. 13.

130 М.М.Замятнина (1862—1919), домоправительница Ивановых. Ранее считалось, что год ее рождения — 1865 (см.: Литературное наследство. Т.85. М., 1976. С.434). Согласно подлинной метрической выписи, М.М.Замятнина родилась 22 марта 1862 года (РГБ. Ф. 109. Карт.43. Ед. хр. 2).

131 Возможно, описка П.А.Журова; скорее всего, речь здесь идет о Лидии Вячеславовне Ивановой.

132 К письму приложены два стихотворения П.А.Журова — «Поэт» («В руне кудрей осеребренных...»; с посвящением: Вячеславу Иванову) и «Монашек» с посвящением: В.К.Ивановой (РГБ. Ф. 109. Карт.19. Ед. хр. 1. Л.3—6). Текст «Поэта» см. в Приложении. Кроме того, существует другое стихотворение П.А.Журова, посвященное Вяч. Иванову, с тем же заглавием и первой строкой — «Так просиявшая лампада...». Оно также приведено в Приложении.

133 В оригинале слово отсутствует.

134 В.А.Журова. См. также примеч. 8.

135 РГБ. Ф. 109. Карт.19. Ед. хр. 1. Л.1—2.

136 Тезисы П.А.Журова «Миф Блока (очерк образа и credo)», относящиеся к 1923—1924 гг., см.: РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед. хр. 34. Л.10—11.

137 *Белый А.* 1) Воспоминания о Блоке. — Эпопея. 1922. № 1. С.123—273; № 2. С.105—299; № 3. С.125—310; № 4. С.61—305; 2) Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — Записки мечтателей. 1922. № 6. С.5—122.

мышление о личности того, кого в 1918 году он назвал «человеческим солнцем»:

«В Иванове Вячеславе, действительно, есть тонкий и опасный (возбуждающий скрыто) языческий — жреческий соблазн. Ему подходила бы мантия восточного мага и жреца. Этот «обман» — его психологическое окружение и «крест», тонкая плененность и одержание. Святыня, — говорит он, и святое в его руках покрывается пластом дорожной пыли»¹³⁸.

Однако позднее (без сомнения, под свежим впечатлением от новых встреч с поэтом, в конце мая 1924 года приехавшим в Москву) П.А.Журов вписывает в записную книжку — сразу после вышеупомянутых цитат из А.Белого и других авторов — такую характеристику:

«Теперь В.И. более теоретик и схоласт. Он тверд и ортодоксален, и в то же время — сын Божий родился в Греции. Он стоит в огромном сосредоточии людей и литератур, духовных влияний. К нему приходят разные люди, он всех встречает зорко и спокойно, радушно и внешне-равнодушно и взвешивает, просматривает и каждому говорит то, что у него — осторожно-мудрого — главного»¹³⁹.

Одна из первых встреч П.А.Журова с Вяч.Ивановым в Москве могла произойти 9 июня 1924 года. В тот день поэт читал в литературной секции Государственной академии художественных наук доклад «Пушкин и формальная поэтика»¹⁴⁰, а П.А.Журов был в числе слушателей и законспектировал основные положения этого доклада¹⁴¹.

Несколько позже Журов зафиксировал (судя по характеру записи, почти дословно) одну из своих московских бесед с Ивановым:

«В особенности Вячес<лав> Ив<анович> был недоволен книгой Белого «После разлуки»¹⁴². «Ужас, падение, истерика, — говорил он. — Впрочем, у Белого никогда не было стихов, одно восклицание, один крик. У Белого нету формы. Форму можно чувствовать, почти ощупать. Стихи Белого не имеют формы (кроме тех, где он пользуется чужой формой, некрасовской, например). Вот у Блока (я не люблю его стихов) есть форма, очень организованный стих».

Это у Дегтяревского¹⁴³. По дороге В.И. говорил:

— Все незначительно, всем я недоволен. Ну скажите, кто есть в

138 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед. хр. 34. Л.4,об. (черные чернила).

139 Там же. Л.5 (карандаш, много позже обведенный чернилами).

140 Список присутствовавших на этом заседании и его протокол опубликованы (с купюрами): *Обатнин Г.В., Постолуенко К.Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме). — Русская литература. 1992. № 1. С. 181—182. Отсылка авторов к источнику этой публикации — ЦГАЛИ. Ф.941. Оп.1. Ед. хр. 4 (С.186) — искажена печаткой: следует читать не «Оп.1», а «Оп.6».

141 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед.хр. 34. Л.18, об—20 (к сожалению, эта карандашная запись с трудом поддается расшифровке). Заметим, что в листе регистрации участников заседания в ГАХН 9 июня 1924 года (РГАЛИ. Ф.941. Оп.6. Ед. хр. 4. Л.130) П.А.Журов не расписался.

142 Не исключено, что к тому времени П.А.Журов уже подарил Вяч. Иванову упоминавшийся в начале нашей работы отгиск своей статьи об этой же книге Белого (*Журов П.* Смысл слова. — Красная новь. 1923. № 7. С. 277—283). Дарственная надпись на нем гласит: «Сей веселый опыт по музозведению всегда любимому и высокочтимому Вячеславу Ивановичу Иванову на добрую память подношу / автор М. 21./VI 1924» (IV, 717). Слова «веселый опыт» здесь скорее всего являются аллюзией не столько на известное ницшеанское определение филологии, сколько на заглавие статьи Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» (1907): III, 61—77.

143 Иосиф Моисеевич Дегтяревский (Дегтеревский) — организатор московских лекций Вяч. Иванова в 1919—1920 гг., по определению О.А.Мочаловой, «верный оруженосец» поэта.

поэзии? Один Кузмин. Кузмина я люблю. Немного Мандельштам. Ходасевич прекрасно овладел пушкинской формой. Ахматову я уважаю. Вот Есенина я забыл — у него есть настоящее золото в куче шлака. Кое-что сказал Пастернак.

— Это по поэтической потенции?

— Нет, не только (у него есть какая-то своеобразность). А в общем — ничего, все плохо, как везде во всей России.

— Может, в технике чего-нибудь достигнут<о>?

— Нет, плохо, нет мужественности, нет силы, все дрябло, мелко, покорно, незначительно. М.Цветаева дала достижения в¹⁴⁴ песнях. Обра<зна?> и очень талантлива Меркурьева¹⁴⁵. <Несколько слов нрзб.>. Трудно — видишь все вперед, а потому не так радуешься. Блаженны спящие во гробе, только они блаженны и сладко спят¹⁴⁶.

Этим фрагментом завершаются сведения, которые можно было почерпнуть для нашей темы из записной книжки П.А.Журова 1923—1924 годов. Его дневники того же времени неизвестны — в РГАЛИ их нет. Тем не менее, оказалось, что сохранившиеся единичные документальные источники другого рода могут дать вполне отчетливое представление о характере личных отношений Журова с Вяч.Ивановым и его семьей, сложившихся летом 1924 года в Москве.

Так, П.А.Журов (наряду с детьми Иванова и О.А.Шор) принимал участие в оформлении многочисленных предотъездных документов, без которых выезд семьи Иванова за границу был бы невозможен. Об этом свидетельствует собственноручная доверенность поэта: «Доверяю Петру Алексеевичу Журову получить разрешение на вывоз за границу портрета <одно слово нрзб.> и двух вещей, выданных отд<елом> музеев на мое имя. Проф. Вячеслав Иванов»¹⁴⁷.

Совсем недавно в печати появился отрывок из письма П.А.Журова семнадцатилетнему сыну (июль 1924 года), где в шуточной форме повествуется о тогдашнем его повседневном общении с детьми поэта:

«Вечусь в Москве с Лидией Вячеславовной и Димой. Вчера осмотрели

144 В оригинале после предлога — пропуск в тексте.

145 О Вере Александровне Меркурьевой (1876—1943) и ее взаимоотношениях с Вяч. Ивановым см.: Письма В.И.Иванова В.А.Меркурьевой (вступительная заметка, публикация и примечания К.Г.Петросова). — Русская литература. 1991. № 1. С.176—180. На письме В.А.Меркурьевой Вяч. Иванову от 19 декабря 1917 года есть его помета, в которой поименованы «творческие сестры» поэтессы: «Общее с Ахматовой: женский психизм и «хромающие звонкие строки». Еще сестра, и еще похожее лицом: Аделаида Герцык» (РГБ. Ф.109. Карт.29. Ед. хр. 93. Л. 21). Источник цитаты, приводимой здесь Вяч. Ивановым, не разыскан.

146 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед. хр. 34. Л.25. Несколько месяцев спустя, мотивируя свой отказ писать статью о современных русских поэтах для журнала «Беседа», редактировавшегося М.Горьким, Вяч. Иванов писал последнему из Рима 10 декабря 1924 года: «К сожалению, о современной русской поэзии написать мне не то что трудно, а прямо невозможно. Материала столь изобильного под рукой, конечно, нет; следил я за некоторыми (и по-нынешнему важнейшими) ветвями ее лениво; действительно значительного в том, о чем кричат, не вижу. Дарование Есенина, скажем к примеру, очень любил бы, да весь он изломался и изолгался, и притом небрежно работает. Хулиган-неврастеник, и к тому же варвар — разумею Маяковского — не может быть поэтом-художником, как ни будь он в основе своей даровит... Милые «пролетарии», которым когда-то читал лекции, славные ребята, моря всё еще не зажгли. И так далее» (Архив М.Горького, КГ-П 30-2-6).

147 РГАЛИ. Ф.225. Оп.1. Ед. хр. 56. Л.2 (указано Н.В.Котрелевым).

Василия Блаженного, гуляли в Воробьеве и выпили там корову молока.

Произведен в очепчиста («бешеного жулика»)»¹⁴⁸.

Очевидны непринужденные, «игровые» отношения, сложившиеся у автора этих строк с «Вячеславовыми птенцами» (слова из того же письма). Вот почему такой неподдельной дружеской теплотой и любовью дышат дарственные надписи Вяч. Иванова и его детей на фотографиях, подаренных П.А.Журову:

«Любимому другу Петру Алексеевичу Журову на память перед новой разлукой Вяч. Ив<анов>».

«Славному, доброму и хорошему Апчепи Бабу́ на память от некоей Лидии Ивановой».

«Дорогому Апчипи <так. — С.С.> от Димы в память последнего вечера, проведенного вместе перед отъездом за границу.

Пусть Апчипи помнит, как мы с ним вместе жгли костры на берегу Москва-реки.

*Дима*¹⁴⁹

Фигурирующее в надписях детей Иванова прозвище «Апче(и)пи Бабу» по звучанию напоминает некое африканское имя (в отличие от упомянутого выше «бешеного жулика»-очепчиста). Судя по всему, «очепчист» позже трансформировался в «Апчепи Бабу»... Может быть, прочитав эти строки из своего детства, Димитрий Вячеславович Иванов вспомнит как самого П.А.Журова, так и обстоятельства, при которых тот был поименован столь экзотически?

Писал ли в дальнейшем сам П.А.Журов Вяч. Иванову в Италию, мы не знаем. Но некоторые «итальянские» сведения о поэте отложились в его архиве. Любопытен отрывок из письма искусствоведа Б.Н.Терновца от 18 апреля 1927 года из Милана, где сообщается о его встрече с Вяч. Ивановым:

«В Павии мы разыскали Вяч. Иванова, которого я посещал в Риме во время моей первой поездки в Италию. Отсутствие заработка заставило его взять себе место учителя иностранных языков в здешнем Collegio, причем, очевидно, его должность не столько приближается к должности профессора, сколько к должности «дядьки». Положение его малозавидное, если говорить по существу, но вполне приемлемое, если учесть все обстоятельства — невозможность постоянного заработка в Италии и т.п. Кроме жалованья, которое минимально, Иванов пользуется помещением и столом. За эти два года он поправился, потолстел и постарел. Мы не нашли Иванова дома и решились побеспокоить его у итальянских друзей, к которым он пошел на первый день праздника¹⁵⁰. Там мы застали и его семью: дочь его Лидию, окончившую Римскую консерваторию, и сына, учащегося во французской гимназии в Риме. Оба приехали к отцу на праздник. Он был, видимо, рад нашему приезду, о многом расспрашивал, заботился о напечатании своих сочинений (перевод Эсхила¹⁵¹ и т.д.). Дочь играла на рояле свои композиции — у нее очень большой компози-

148 Цит. по: Мисочник С. «В жизни был очень счастлив...». — Сенеж. Солнечногорск (Московская обл.), 1993. 25 ноября. № 139. По свидетельству С.М.Мисочник, в других письмах П.А.Журова сыну лета 1924 г. — они хранятся в Государственном историко-литературном и природном музее-заповеднике А.А.Блока — также не раз упоминаются Вяч. Иванов и его дети.

149 РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед. хр. 73. Л.1—2. Очевидно, фотографии надписаны 27 или 28 августа 1924 года, перед отъездом Ивановых за границу.

150 Пасхи. См. также рассказ дочери поэта о ее тогдашнем приезде в Павию (*Иванова*, 166—167).

151 О желании поэта издать свой перевод Эсхила на родине свидетельствуют и другие документальные материалы, опубликованные в статье: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила. — Эсхил: ЛП. С.514—519.

торский талант, большой и мужественный»¹⁵².

П.А.Журов сохранил также фотографию Вяч. Иванова, на обороте которой — две карандашные надписи разными (неизвестными нам) почерками: «Pavia 1928» и «Павия в саду Collegio <Воггомео> 30/III 1928 г.»¹⁵³.

Приложение

Петр ЖУРОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЛИТВА

Высоко, под небом прозрачным
Стоит мой хрустальный дворец.
Утес обнаженный и мрачный
С ним рядом поставил Творец.

И в утро, когда расцветает
Зари колосистый венок,
Туман закрутившийся тает,
Бледнеет в лесу огонек, —

Лишь в утро на острой вершине,
Средь темного камня, в лучах
Встает изваянье, в кручине,
С печалью в незрячих очах.

И белые руки подъемлет,
Сияя, как снежный цветок,
И небу высокому внемлет,
И слепо глядит на восток.

Лишь солнца струи золотые
В незрячие очи падут,
Утихнут страданья немые
И руки к земле отойдут.

И в злате, и в нежном сиянье,
Покорно, как колос зарей,
Оно пропадает в молчанье,
Темнея, сливаясь с землей.

1910

РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед. хр. 1 (машинопись). Л.10, с исправлением опечатки в строке 22 по черновому автографу (Там же. Ед. хр. 32. Л. 39, об.). Ниже этот машинописный свод стихотворений П.А.Журова обозначается сокращенно — Сб.

152 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед.хр.70 (в копии рукой неустановленного лица). Почти наверняка эта копия выполнена (с пропуском нескольких слов) по публикации приведенного фрагмента письма Б.Н.Терновца к Н.Б.Яворской в кн.: *Терновец Б.Н.* Письма. Дневники. Статьи / Сост., вступит. статья, тексты к разделам и комм. Л.С.Алешинной и Н.Б.Яворской. М.: Сов. художник, 1977. С.229. На этот печатный источник указала нам С.М.Мисочник.

153 РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед.хр. 73. Л.3; в последней надписи — искажение ("Вагопое"). Заметим, что той же рукой (и также с искажениями) внесен в записную книжку П.А. Журова первый римский адрес Вяч. Иванова (РГАЛИ. Ф. 2862. Оп.1. Ед.хр.34. Л.38).

* * *

Улыбнись — и ангелы запляшут,
Бледных роз воскреснет череда.
На заре предутренней замашут
Лебедей пролетные стада.

Улыбнись — и в густо-синем небе
Поплывут густые облака,
Васильки в душистом спелом хлебе
Разбросает тайная рука.

Улыбнись, — и яблонь цвет душистый
Отольется в сочные плоды.
И пройдет сквозь иней серебристый
Поздний след в поникшие сады.

1911—1912

РГАЛИ. Ф.2862. Оп.1. Ед. хр. 33. Л.2 (автограф 1912 г.), с уточнением строки 4 по
Сб. Л.48, об.

* * *

Я со всеми примирился,
Слезы буйные пролил,
В дом отцовский воротился,
Встретил старых из могил.

Снова тихий ветер тянет...
В доме бедно и темно.
Снова сердце вестью ранит
И безмолвствует оно.

Слышу странника иного,
Веткой стукнуло в окно.
Выхожу. Дорога снова.
Мне блаженно, но темно.

1911

РГАЛИ. Ф.225. Оп.1.Ед. хр. 31. Л.15 (автограф).

* * *

Каменеют улицы города.
Домов безысходен ряд.
Томительно тесно для взора,
Пока фонари не горят.

Вот вспыхнет глаз, отуманится...
Пропадет ординарность и грязь...
Теперь душа не изранится,
Вдоль улиц бешено мчась...

Люблю пустынность недолгую
Проспектов и темь этажей,
Луну с улыбкой колкою,
Вереницу тощих мужей.

Люблю я гул замирающий
В глухой полуночи час
И чувствую лик карающий
Уж здесь, недалёко от нас.

СПб., 1910

* * *

Отбушевала страсть, и снова
Душа — обитель без огней.
Тиха, намеренно-сурова
В блаженной праздности своей.

Я вышел в поле. Слабый месяц
Уже на небесах взыграл.
Над тишиною перелесиц
Сон очарованный летал.

Склонилось небо голубое
На опаленные поля.
Лежала в творческом покое
Плоды несущая земля.

И ты, душа, смотрела жадно
В поблекший, потемневший храм,
И было сладостно-отраднo:
Я — некий — здесь, — Ты — Вечный — там!

И, бестелесный, зыбкий, вешний,
Я плыл по призрачным полям.
Все ниже падал полог млечный
К земным серебряным струям!

1914

РГАЛИ. Ф.225. Оп.1. Ед. хр. 31. Л.6—6, об. (автограф).

* * *

Я нашел колодчик в поле,
Камнем ветхим позабитый.
Голубец с иконкой темной,
Покривившийся, забытый.

Как слеза, струя отраднa!
Холодна, полна, блаженна!..
Утомленный, я склонился:
Будь навек благословенна!

1917

РГАЛИ. Ф.225. Оп.1. Ед. хр. 31. Л.16, об. (автограф).

* * *

Солнце днями обильно и жарко,
По ночам над покоем луна. *неудобно*
Каждый день молодая татарка
Ворожит в глубине из окна.

Лунным медом окованы плиты. *не совсем уместно*
Хорошо обмануть в эту ночь!
Виноградом тяжелым овиты
Твои окна, Гиреева дочь!

∪ ≧ ≪ есть неудачное видоизменение анапэста; ≧ ∪ ≪ лучше (как в 1, 3, 5 стихе)

Стерегут меня очи-загадки...
Иль невинна, иль дико-робка?
Повелительны темные складки
Охватившего плечи платка!

Наломал олеандров пахучих,
Распугал мелодичных цикад;
В разметавшихся косами тучах
Золотой аравийский закат.

*Этот образ спорит с
впечатлением лунного света*

На руках обнаженных браслеты.
На очах вековая тьма...
Всюду ночь, всюду звездные светлы,
Присосавшейся зорьки тесьма...

*?! вместо «в»?
разве?*

↓
импрессионистически сильно, но неприятно

<1917?>

РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 11, об. — 12 (автограф).
Пометы Вяч. Иванова приведены на полях и между строк текста.

* * *

Круг замкнулся. Снова песни
Пронеслися вдалеке.
Снова голос: Сын, воскресни!
Свет вечерний на реке.

Обветшавших сновидений
Опадает пелена.
Озаренных снов и бдений
Тишина моя полна.

Хорошо

Вся земля в одной улыбке,
Труд, уста, плоды дая.
А над нею месяц зыбкий,
На устах — заря!

<1917?>

РГАЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 15, об. — 16 (автограф). Помета Вяч. Иванова
приведена на полях.

Почти хорошо!

* * *

Двое нищих: хроменький и слепенький
По дороге пыльной шли.
Жиденский лесок, сушняк, пеньки...
Тени предвечерние легли.

Говорит слепой: «Какие радости
Зрячим — вам на страннице-земле!
В темный гроб я заключен от младости.
И хожу, и ем, и сплю во мгле».

*Красиво,
но натянуто*

— Не тужи, товарищ! — молвил хроменький.
— В келье вековой слепоты
Ты — в родном, знакомом, миллом доме.
Не бродяга, не распутник ты!

хорошо!

Зрячим — нам дороги не заказаны.
Боже мой! А мир велик, велик!
И влекут, влекут соблазны разные
Покрывала на нетленный лик.

1917

РГАЛИ. Ф.225. Оп.1. Ед. хр. 31. Л.16, об.—17 (автограф).
Пометы Вяч. Иванова приведены на полях.

ПОЭТ

Вячеславу Иванову

В руне кудрей осеребрянных,
Стихийно-мудрый и простой, —
Он — первый посреди влюбленных
В девичий образ под фатой.

Он первый отыскал обеты
Во мгле не тонущих колец
И преломил дневные свету
В хрустальном имени: Отец!

На горнем море был слышан
Плывущий с гимнами пловец,
И океаном уколыван
Овитых розами овец.

И сколько песнею алмазной
Струился воздух золотой, —
Иосиф пел благообразный
В слезах пред Матерью Святой.

Сочи, 1917

РГБ. Ф.109. Карт.19. Ед. хр. 1. Л.3 (автограф).

ПОЭТ

В.И.

Так просиявшая лампада
Засветит золото икон —
Душа согласна зову лада,
А он смятен, преображен...

В очах пылает пламень острый,
В чертах мучительных лица,
Как вечные земные сестры,
Боль достиженья, скорбь венца.

В устах трепещущих и тонких,
Что брызги золота и льда,
Слов осиянных, полных, звонких
Взлетают легкие стада.

Погасят тихую лампаду,
Померкнет золото икон...
Смотри, он вышел за ограду,
Он беден, жалок и смешон.

Сочи, 1917

Сб. Л.56.

ТРИ НЕИЗДАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ В.И. ИВАНОВА

Публикация К.Ю. Постоутенко

1. <Рец.:> Б.В. ТОМАШЕВСКИЙ. ПЯТИСТОПНЫЙ ЯМБ ПУШКИНА (1919)

В первой, вступительной статье автор определяет задачу исследования. Донедавне изучение русского стиха уклонялось на ложные пути, вследствие перенесения на него метрических схем чужеродного, греко-латинского стихосложения. Необходимо иное его изучение, исто-эмпирическое и свободное от традиционных предпосылок. Одной из таковых является догмат о стопе, как простейшей составной части стиха. На самом деле, ритмический ряд, именуемый стихом,— целостное единство, стопа — явление фиктивное. Пятистопный¹ ямб, в частности, есть десятистопный стих (декасиллаб), силлаботоническая природа которого сказывается в постоянстве ударения на последнем из десяти слогов, его образующих, в тяготении к ударности слогов четных. В какой мере и как именно осуществляется это тяготение — принцип его ритма, — может быть научно выражено только при помощи диаграмм, построение которых, на основании точного статистического учета всего подлежащего материала, и составляет задачу исследования. Подобным же образом должна быть изучена ударность нечетных слогов и, наконец, «зависимость, существующая между словоразделами» и положением ударения в стихе. «Дальнейшим работам», — присовокупляет автор, — «принадлежит построить на этих фактах стройную теорию стихотворного ритма». В главе второй автор говорит о происхождении русского пятистопного ямба. После беглой характеристики итальянского *endecasillabo*, английских *blanc verses* и французского *decasillabe*, он останавливается на редких случаях подражания последнему у русских поэтов XVIII века, причем тонко отмечает самобытность его претворения в русский стих при сохранении французской цезуры после четвертого слога, посредством перенесения типического² французского ударения на 4-м слоге на второй, что дает в русском стихе начальную фигуру второго пэона³ и делает его, по мнению автора, в противоположность французскому образцу, в некотором смысле, «симметрическим». Автор переходит далее к ближайшим русским предшественникам Пушкина в этой области и устанавливает в развитии пушкинского пятистопного ямба шесть периодов, определяемых годами: 1814—16,

1817—21, 1823—25, 1826—1830, 1834—35 и 1836. Главную грань составляет 1830 год. Глава третья устанавливает закон, по которому чем стих длиннее, тем неударяемых слогов в нем больше, причем их количество пропорционально не общему числу четных слогов стиха, или числу стоп, а только этому числу, уменьшенному на единицу, — очевидно, вследствие константы ритма на последней стопе. В среднем приходится 28 пиррихий на 100 стоп до константы, или 72 ударения на 200 слогов, откуда следует, что средняя длина слова (ибо в каждом слове предполагается одно ударение) равна $200 : 72 = 2,8$ слогам, подсчет же прозы (у Пушкина и Писемского) показал, что слово в среднем обнимает 2,9 слога. Итак, в ямбических стихах слова немного короче, нежели в прозе, и тем короче, чем короче стих по числу стоп. Средняя норма ударений в пятистопном ямбе — 2,88, не считая константы. Дальнейшие подсчеты дают важные в ритмическом отношении выводы, 1) что предпоследняя стопа тяготеет к пиррихии, 2) что устойчивых ударений на первом четном слоге вдвое больше, чем на других четных слогах. Автор переходит к вопросу о том, как распределяется остаток ударений между 2-м и 3-м четными слогами, и тут становится необходимым различие между декасиллабом с французской цезурой и бесцезурным, которого Пушкин долго чуждался, причем оказывается, что эти оба типа пятистопного ямба по многим основаниям могут почитаться ритмами разноприродными. В первом, цезурном, второй колон, тождественный со вторым полустушием александрийского стиха, ритмически самостоятелен. Бесцезурный пятистопный стих представляет собою, в сфере ямбов, ритмический период максимальной длины. Остроумно вычисляя все возможности расположения ударных в ямбических строках с разным числом стоп и сличая результаты с данными эмпирической статистики, автор обнаруживает их существенное сходство или даже совпадение. Если для двухстопного ямба мы имеем 72 ударения на 100 стихов, все на первом четном, а для трехстопного 144, из коих около сотни приходится на первый четный и лишь около 40 на второй (ибо стопа, предшествующая константе, всегда уклоняется к пиррихии), то в четырехстопном ямбе мы находим 216 ударений на 100 стихов, по стопам

I	II	III	
85	91	40	— теоретически
84	90	43	— в действительности

В пятистопном цезурном 288 ударений, — по стопам

I	II	III	IV	
85	63	100	40	— теоретически
85	72	95	41	— эмпирически

В шестистопном 360 ударений, — по стопам:

I	II	III	IV	V	
85	135		100	40	теоретически
90	70	74	96	38	эмпирически.

Бесцезурный пятистопный ямб у Пушкина является, более чем наполовину, все же цезурным в вышеуказанном смысле, т.е. привычная цезура сохраняется зачастую и при смежности бесцезурных строк, а именно в 60 строках из 100. В собственно бесцезурных строках число ударений у Пушкина (как и у англичан и немцев) постепенно убывает от первой стопы до четвертой: 88, 76, 70, 58. На третьей стопе, как видим, ударений меньше, чем на третьей стопе цезурного стиха, что представляется теоретически закономерным и — прибавим — столь же закономерным, в силу вышеразвитых автором ритмических соображений, обратное отношение 2-ой и 3-ей стопы в обоих типах по преобладанию ударности. Различествуются в обоих типах и четвертая стопа; автор объясняет возрастание числа ударе-

ний на ней в бесцезурном стихе из особенностей пушкинской драматической манеры позднего периода. В заключение констатируется в пятистопном ямбе полное отсутствие диподийности.

В главе четвертой автор ставит вопрос, является ли стих ритмически замкнутой единицей, или же входит в состав ритмических конфигураций, образуемых рядами строк, — и решает этот вопрос утверждением замкнутости стиха и независимости его от упомянутых конфигураций (вопреки основному тезису Андрея Белого). Указывая на близость числовых данных, выводимых по теории вероятностей, к эмпирии, он склонен видеть в ритмической аналогии или дифференциации смежных строк простую случайность.

В главе пятой, основанной, как и остальные, на тщательных исчислениях, автор доказывает, что «на нечетных слогах пушкинского ямба ударения встречаются редко» и что «ударение на нечетном слоге вообще свойственно стиху тогда, когда этот слог находится в начале какого-либо периода, т.е. когда имеется внутреннее сечение стиха и оно проходит непосредственно перед нечетным слогом, принимающим ударение». Бесцезурный стих принимает такие сечения гораздо легче цезурного. Первый слог ямба, благодаря своим исключительным особенностям, должен рассматриваться как анакруса, отчего о хориямбах и спондеях (у Пушкина преобладающих, вопреки теории вероятности, над хориямбами) говорить в собственном смысле нельзя.

Шестая глава посвящена словоразделам. Наименее условною по выбору слов является поэтическая речь «в четырехстопном и пятистопном бесцезурном ямбах, т.е. в ритмах, заключающих в себе самые длинные метрические периоды, не рассекаемые преградами в виде цезуры». В ямбе, как и в трохее, слова, сравнительно с прозой, укорачиваются, ударение смещается к концу слова. Длинные слова располагаются на устойчивых местах ритмического ряда, короткие на неустойчивых; «длина слов есть, очевидно, фактор, усиливающий ударение» — с ритмической точки зрения.

Седьмая глава рассматривает расположение рифм и их цепи. Меньшая свобода, свойственная в этом отношении александрийскому стиху по сравнению с пятистопным, объясняется автором из относительной слабости цезуры в последнем (выше утверждалась ритмическая самостоятельность второго колона). В главе восьмой находим цифровые данные об эндекасиллабах Ариоста, Тасса и Альфиери, о бесцезурных белых стихах Шекспира, Байрона и Шиллера, о декасиллабах Вольтера и Парни. В девятой о пятистопных ямбах Княжнина, Крылова и Жуковского.

В главе десятой статистика пятистопного ямба у Пушкина проводится по вышеуказанным (в главе второй) периодам. Пушкин избирает вначале среднюю дорогу между распылчатым Жуковским и ритмически отчетливым, звонким и однообразным Катениным. «Цезурный пятистопный ямб Пушкина повторяет по своим словоразделам силлабический строй французского декасиллаба». Диаграммами подтверждается не только правильность приписания Гавриилады Пушкину, но и ее принятая датировка. 1825 год характеризуется стремлением Пушкина передать в русском стихе ритм французского декасиллаба: здесь Пушкин поддается влиянию Вяземского. «Борис Годунов» знаменует полное овладение цезурным ямбом. Период 1826—1829 — период упадка. Сличаются стих Катенина (линия Крылова) и Языкова (линия Жуковского). В 1830 г. Пушкин обращается к бесцезурному стиху.

В главе одиннадцатой исследуется стих предшественников Пушкина в бесцезурном ямбе — Жуковского, Кюхельбекера, Жандра, Дельвига. «Наибольшим отличием ударных диаграмм бесцезурного пушкинского ямба от цезурного является повышение ударности 8-го слога и понижение 6-го».

Что «касается отдельных произведений, «Домик в Коломне», несмотря на всю резкость первых опытов, — цитируем автора, — не дает нам

пушкинского бесцезурного ямба во всей его завершенной прихотливости. Надо обратиться к маленьким трагедиям, особенно к Скупому Рыцарю, чтобы почувствовать перелом. Диаграмма словоразделов здесь держится в средних величинах, что свидетельствует о разнообразии форм, индивидуализируемых ритмом фраз, воплощающихся в ямбе. Практическая интонация начинает господствовать над метрической, разрушая ритмическую инерцию, разрывая ту канву, на которой рассудок вышивается смелым ритмическим ходом. И в последних произведениях — «Каменном Госте» и «Русалке» — снова чувствуется забота укрепить ритм.

В заключительной, двенадцатой главе автор применяет свои диаграммы к решению вопроса о подлинности зуевской «Русалки»: «кривая Зуева, постоянно выходя за пределы ритмических форм, явно принадлежит не Пушкину, а какому-то эпигону, воспитанному более на цезурном, чем на бесцезурном стихе Пушкина. Таким стихом писал, напр. Островский свои хроники». О том же свидетельствует и диаграмма словоразделов.

Таковы главные вехи этого превосходного и высоко-ценного исследования, результаты которого, не поражая читателя на первый взгляд неожиданностью, напротив — отвечая в общих чертах его ожиданиям, представляются обоснованными с величайшей точностью и солидностью и вскрывают, именно благодаря методу обоснования, непредвиденную закономерность в строении тончайших тканей ритма, как и стройную связь исторической зависимости метрических форм.

Спорить можно только об обще-теоретических тенденциях автора, прямо не связанных с самым предметом исследования и на выводы его не влияющих. К чему отрицать стопу, как единицу меры, если каждая отдельная стопа в пятистопном ямбе, благодаря своим отличительным ритмическим свойствам и особенностям, является к тому же и качественно индивидуализованной?⁴

К чему, теоретически отрицая диподии, практически отрицать пэоны⁵, которые даны непосредственно как эмпирический факт ритмической мелодики? Можно ли поверить автору, в его спорах с А. Белым, что поэт в процессе творчества нечувствителен к ритмическим конфигурациям, образуемым рядом его строк?⁶ И действительно ли столь вредоносна традиционная греческая терминология, если еще со времен Ломоносова и Тредиаковского, в силу внесенных ими с самого начала коррективов, мы твердо помним ее условность, поскольку под русским ямбом разумеем не чистый ямбический метр, а непременно ямбо-пиррихический и т.д. и т.д. Говоря об ударности четных слогов, не говорит ли автор того же самого другими, и менее удобными терминами, и не впадает ли он, из желания повсюду провести тонический принцип, в дурную крайность и в противоречие с самим собой, когда указывает, что ударения на нечетных слогах Пушкину вообще не свойственны, когда принципиально не полагает различия между английским тоническим и итальянским силлабическим (точнее — силлабо-тоническим)⁷ стихом, когда признается, при подсчете ударений у итальянских поэтов, что «при замене чистого ямба чистым хореем (в «Orlando Furioso») ударение учитывалось и относилось к четному слогу гипотетического ямба», причем поясняет, что он основывался в данном случае на «чисто слуховом впечатлении» (это «пояснение» окончательно затемняет для нас мысль автора) и что «на цифры влияние» таких замен будто бы «незначительно»?⁸

Отметим в заключение несколько сомнительных частных. — Не видим у автора указаний на то, что цезура после пятого слога была излюбленною в итальянском *endecasillabo*, и что цезура после четвертого слога во французском *decasyllabe* исторически объясняется борьбою с итальянскими доклассической эпохи⁹. Пушкин не следовал правилу чередований мужских и женских окончаний в нерифмованных стихах (в противоположность Катенину и Жандру) — конечно, не вследствие

«стеснительности» этого правила (стр.6), а вследствие его нелепости, заключающейся в перенесении на английский размер французского закона рифмованных стихов, служащего выражением совсем иного принципа периодизации¹⁰. — В замечаниях по поводу спора между Чернышевским и Аверкиевым автор напрасно не признает, что Аверкиев все же прав в своем описании последствий цезуры для пятистопного ямба, а Чернышевский весьма неправ в своем предпочтении трехсложных стоп двусложным, так как первые гораздо менее ритмичны, чем вторые, поскольку каждая стопа хочет нести константу ритма. Одинокие стихи у Пушкина, как и нарушающие *alternance*, без сомнения указывают или на выпадение кореллата, или на пропуск (недописку) по небрежности. Желателен был бы учет соотношений и чередований мужских и женских концов в белых стихах.

Выше формулированная высокая оценка предлагаемой работы заставляет пишущего эти строки желать скорейшего ее напечатания.

16. XII. 19

Статья Б.В.Томашевского «Пятистопный ямб Пушкина» была написана во второй половине 1919 г.; возможно, она, как и две другие рецензированные Ивановым статьи этого времени, готовилась к публикации в Научном отделе Государственного издательства, где Иванов в 1919—1920 гг. работал «редактором отдела литературы и филологии 1-й редакционной секции» (ГАРФ, ф.395, оп.9, ед.314, л.3 об.). Опубликована была, однако, лишь четыре года спустя (Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923, с.7—143, далее — ОЧЕРКИ). Статья прошла апробацию на заседании Московского лингвистического кружка (см. соответствующую стенограмму заседания Кружка от 26 мая 1919 г., опубликованную Л.С.Флейшманом: Ученые записки Гартуского ун-та, вып.422 (Труды по знаковым системам. Т.9). Гарту, 1979, с.125—127).

До нас дошли два варианта рецензии — недатированный незаконченный черновик (ОР РГБ, ф.109, карт.5, ед.хр.82, далее — ЧЕРНОВИК), и белая копия, выполненная Б.В.Томашевским (ОР РГБ, ф.645, карт.7, ед.хр.5, далее — КОПИЯ). Сравнение этих текстов выявило необходимость их взаимокоррекции. За основу публикации была принята КОПИЯ — единственный имеющийся в нашем распоряжении полный датированный экземпляр рецензии, представляющий, судя по всему, ее окончательную редакцию. В то же время, копируя текст Иванова, Томашевский допустил ряд опечаток и отошел в ряде случаев от индивидуального авторского правописания. Исправления, внесенные в КОПИЮ по ЧЕРНОВИКУ, оговорены в примечаниях.

В качестве дополнительного материала привлекались подготовительные заметки Иванова к рецензии (ОР РГБ, ф.109, карт.5, ед.хр.18, далее — ЗАМЕТКИ). Во многих случаях ЗАМЕТКИ и КОПИЯ дублируют друг друга, однако ряд замечаний, высказанных в ЗАМЕТКАХ, не был перенесен впоследствии в текст рецензии. Одно из них, исправлявшее библиографическую небрежность, даже было «учтено» Томашевским (В ЧЕРНОВИКЕ, л.6 — «Анненского издания сочинений Пушкина», ср. в ОЧЕРКАХ, с.26: «Анненковского издания сочинений Пушкина»; речь идет о кн.: <А.С.Пушкин> С прил. мат-лов для его биогр., портрета, снимков с его почерка, с его рисунков и проч. Т.1—7. СПб., 1855—1887). Иванов также подверг критике одно из иллюстрирующих примечаний Томашевского («Имеются также 3 стиха, в которых эта цезура в декламации не чувствуется: «Да это уж не ново — погоди...//В невестах уж печальная вдовица...//Я видел как сегодня в гущу боя...» — см. ЧЕРНОВИК, л.6; ОЧЕРКИ, с.24), охарактеризовав одну из приведенных строк — очевидно, последнюю — как «ошибочный пример без цезуры» (ЗАМЕТКИ, л.2). По поводу замечаний Томашевского о гетевской песне Миньоны и ее переложении у Пушкина («Вряд ли однако есть зависимость Пушкина от Гете: строфа *Mignon* не имеет ничего общего с октавой <...> Строфа в шесть стихов, из них все мужские окончания. Пятый стих — четырехстопный ямб.

Кроме того, Goethe допустил стихи без цезуры на четвертом слоге:

Und Marmorbilder stehn und sehnlich an...

Именно размер, взятый в полном объеме, и приводит к убеждению, что между этими стихами ничего общего нет» — ЧЕРНОВИК, л.37; ОЧЕРКИ, с.123—124) Иванов иронически спрашивает: «что же это за возражения против заимствований из Гетевского мотива?» — (ЗАМЕТКИ, л.1). Наконец, интересна и общетеоретическая оценка статьи, утверждающая бессмысленность отказа от стопной теории (ср. прим.4: «Общая идея — борьба против «тонизма» как термина — борьба терминологическая или номенклатурная. Вопрос о стопе не решен» — ЗАМЕТКИ, л.1).

- 1 В КОПИИ ошибочно — «пятисложный».
- 2 В КОПИИИ ошибочно — «тонического».
- 3 Восстановлено авторское написание Иванова (у Томашевского менее распространенное — «пеон»).
- 4 Методологически аргументированный отказ от понятия «стопа» в пользу стихотворной строки был еще в 1915 г. провозглашен В.А.Чудовским: «Единица — с т и х (строчка). Это неоспоримый, реальный, основной элемент в стихотворной речи <...>. Стопы не существует. Ее н е т в русском стихосложении» (*Чудовский В.А. Несколько мыслей к возможному учению о стихе (с примерным разбором стихосложения в I главе «Евгения Онегина»).* —Аполлон, 1915, № 8—9, с.55—87).
- 5 См. примеч.1.
- 6 Ср.данное Ивановым определение лирики, разъясняющее его позицию: «Лирика, прежде всего — овладение ритмом и числом, как движущими и зиждущими началами внутренней жизни человека» (*Иванов В.И. Спорады.* — *Иванов В.И. По звездам.* СПб., 1909, с. 350)
- 7 Ср. вывод специально посвященного данной проблеме исследования *М.Л. Гаспарова* «Итальянский 11-сложник не есть чисто-силлабический стих: по ограничениям, накладываемым на отбор ритмических вариантов, он вдвое ближе к силлаботонике, чем к силлабике» (*Гаспаров М.Л. Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника?* — Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981, с.217).
- 8 Как явствует из сравнения дошедшей до нас беловой рукописи статьи «Пятистопный ямба Пушкина» (ОР РГБ, ф.645, карт.7, лл.1—64 об., далее — РУКОПИСЬ) с опубликованным текстом, Томашевский отчасти учел замечания рецензента:

РУКОПИСЬ, л.27—28

Учитывались ударения четных слогов. При замене чистого ямба чистым хореем ударение учитывалось и относилось к четному слогу гипотетического ямба. Я основывался в данном случае на чисто слуховом впечатлении. Явлений таких мало и на цифры влияние их незначительно.

ОЧЕРКИ, с.92

Учитывались ударения четных слогов. При замене чистого ямба чистым хореем соответствующее ударение относилось к четному слогу как смещенное. В виду редкости этих случаев на общие цифры они влияния не имеют.

- 9 В этом месте КОПИИ — полемическое примечание Томашевского: «Скверный анекдот».

- 10 И в этом случае замечание Иванова было учтено:

РУКОПИСЬ, л.6

Пушкин в своем Борисе, понятно, не соблюдал этого стеснительного правила.

ОЧЕРКИ, с.24

Пушкин в своем «Борисе Годунове» не соблюдал этого правила.

2. <Рец.:> Р.О.ЯКОВСОН. БРЮСОВСКАЯ СТИХОЛОГИЯ И НАУКА О СТИХЕ (1919-1921)

Первый общий недостаток статьи, придающий ей характер ругательного памфлета — неприличие тона. Чуть ли не на каждой странице встречаешь отталкивающий образчик разнузданной хлесткости*. Этот недостаток был бы устраним механическим приемом урезок и пропусков, если бы не был органически связан с содержанием статьи, как цельного opus'a: мы имеем дело с психологическим моментом, окрашивающим все отношение автора к предмету его ученых рассматриваний. Первый, внешний недостаток есть лишь естественное выражение другого, внутреннего, каковым является сектантская партийность и вытекающая из нее пристрастность суждения. Партийному доктринерству свойственно провозглашать существующие в науке проблемы догматически решенными; но оно нетерпимо, когда отменяет и осмеивает самое проблематику. Пример отрицания проблематики: «поэзия трактуется в согласии с Потебней не как выражение, а как особый вид мышления». Можно ли считать вопрос о поэтическом мышлении упраздненным? Пример пристрастного искажения перспективы: символисты, по автору, «канониз<ир>овавшие» Потебню, были неспособны к «установке на выражение» и потому к научному изучению поэтических форм. Не они ли, однако, не только практически раздвинули диапазон формальных возможностей нашей поэтической речи, но и теоретически предприняли то исследование, которое в наши дни обратило стиховедение, по словам автора, в «модную» дисциплину. Напомню деятельность Брюсова¹⁷ и Андрея Белого¹⁸ в Москве, Инн. Анненского¹⁹ и Общества Ревнителеев Художественного Слова в Петербурге²⁰. Символистам делается упрек в том, что они, в лице А. Белого, усматривают в сущности искусства «безусловное начало» или находят анализ языка, сам по себе, вне обращения к психологии, бездушным. Можно ли более узко понимать задачу поэтики. Во всяком случае, интерес к психическому и духовному в поэзии фактически не помешал символистам заниматься и анализом языка и стиха. Требовать же завершительных созданий в этой области, как делает автор, и несправедливо, и просто смешно, когда идет спор еще о самых основах будущей кладки и не решена проблема природы русского стиха, и сам стих раздвигается в непредвиденных формах.

При этих общих условиях нельзя ожидать от автора справедливой оценки разбираемого им труда и утвердить в целом его сводный приговор в конце статьи, — приговор, не только уничтожающий книгу Брюсова, но и объявляющий ее вредной. Если верить критике, вся метрическая систематика Брюсова несостоятельна, ибо к русскому стиху неприложима; его классификация, его терминология — схоластика, рухлядь и хлам; никаких липометрий²¹ и гиперметрий²², эпитритов²³, молоссов²⁴, восходящих²⁵ и нисходящих иоников²⁶ <etc.> в русском стихе нет, — разве лишь в «кунштюках», критерий каковых однако не предлагается. И вот, повидимому, Брюсов пойман с поличным: параграф 68 повествует о фалиске, причем оказывается, что «в русской поэзии (слова Брюсова) чистых фалисков не встречается». Но это признание Брюсова простой недосмотр. Известные стихи:

В каменный панцырь я ныне закован,
Щит мой от стрел и меча заколдован²⁷, —

* См. стр.1 (курил ли Пушкин)¹, 2 («чего нельзя сказать»)², 3 (о лекции <по> анатомии)³, 5 («Бальмонтовы словоизлияния»)⁴, 6 (о врачах-педантах старинных комедий)⁵, 7 (о чеховском Дымбе и изделиях эллинской кухни)⁶, 8 (о почтовых марках и кунштюках)⁷, 10 («пестрый вздор»)⁸, 11 («армянский анекдот»)⁹, (выкройки, творческий произвол символистов)¹⁰, 13 («много ерунды»)¹¹, 15 (об ученике начальной школы)¹², 24 (Брюсов и департамент)¹³, 25 (о буквоедстве и злате модернистов)¹⁴, 26 («рухлядь», «прейскурант»)¹⁵. Сюда же относится брань в защиту нового правописания¹⁶.

суть «фалиски» по Брюсовскому определению термина. Можно спорить о пригодности устанавливаемой терминологии (мы лично думаем, что сомнительный термин непригоден, да и ненужен), но о наличии отмечаемых ею явлений спора быть не может. Вопрос решается принципиально в пользу Брюсова: как есть в русском языке ямбы, хорей, пэоны, дактили, так же объективно существуют и другие описываемые Брюсовым метрические формы, и русский стих, поскольку он и тонический, русский стих в тех пределах, в каких творцы его исходили из тонического принципа и ему одному хотели быть верными, может быть изучаем под этим углом зрения, в этом разрезе. Пишущий эти строки вовсе не хочет сказать, что Брюсов вскрывает или правильно понимает природу русского стиха; правда еще неизвестна; но автор предлежащего опыта метрической систематики эмпирически прав, поскольку предмет его описания поддается метрическому учету, хотя бы таковой и не схватывал, в конечном итоге, всех явлений и возможностей нашего стихотворного склада.

Иное было бы дело, если бы Брюсов в угоду своей системе насильно факты; но по обвинению в Прокрустовом злодеянии он решительно должен быть оправдан. Он более склонен плодить разновидности, чем нивелировать; не натяжками грешит он, а излишнею осторожностью. Скорее повинен в небрежении эмпирией сам критик, когда, например, он отрицает стопу, эту простейшую метрическую группу и естественную меру нашего живого литературного стиха²⁸. Много в описаниях и предписаниях Брюсова искусственно, многое можно было бы изложить менее громоздко и объяснить проще; но принципиальной несостоятельности его систематики критик не доказал. Неудачные афоризмы о народном стихосложении, как и другие замечания, не касающиеся собственно тонической системы, в счет, конечно, не идут.

Мало прямых ошибок может указать критик. Пушкинский «Соловей» из «Песен западных славян», без сомнения, принадлежит не к дольникам, а являет пример чистого силлабо-тонического строя²⁹. Но в двустипии: «марает он единым духом — лист; внимают он привычным ухом — свист»³⁰, — позволительно с Брюсовым находить односложную ямбическую стопу в последнем колоне, отделяемом паузой. В стихах «Боже Создатель, Владыка творец»³¹, — Брюсов правильно, с своей точки зрения, отмечает «ипостасу»³² дактиля амфибрахием: ему нужно описать явление в терминах тонической метрики; по существу, оно может быть определено только ритмически; но ритмика — не дело Брюсова, и хорошо, что он ее не касается. Понятно, что и строки:

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый, —
Как птичка в клетке...³³ —

«трактуются Брюсовым как пример произвольной иперметрии и липометрии». Это не ошибка, это — только односторонность, проистекающая субъективно — из отчужденности от стихии ритма, формально же оправдываемая методологией чистой метрики. Безусловно прав, конечно, критик, когда он указывает на полное непонимание ритма, обнаруженное Брюсовым. Если бы последний вовсе ничего не говорил о ритме, он был бы в своей сфере чистой метрики методологически неуязвимым. Но он написал на обложке своей книги роковые слова: «метрика и ритмика», и имеет несчастье вспомнить о ритме в нескольких апофегмах самого трактата. Я бы предложил отметить этот промах — и забыть³⁴. Критик с негодованием вступает за права ритма, сердится на уничтожение таковых все время — и этим портит свою статью, тогда как более радикальную защиту было простить ритм Брюсову и видеть в его книге только метрику: ритмика требует совсем другого трактата. Самое недоразумение между критиком и автором свидетельствует о зачаточной нерасчлененности современной дисциплины о стихе. Критик нападает на метрику за то, что

она не ритмика. Брюсов озаглавливает свою метрику: «метрика и ритмика». Андрей Белый определяет ритм, как сумму отклонений от метра³⁵; Брюсов повторяет за ним, что «характер, приобретаемый метром, благодаря видоизменениям, называется ритмом»³⁶; критик гневается на Брюсова. Картина, похожая на то, как в музыке поссорились между собой гармония и контрапункт. Критик с горечью укоряет Брюсова за то, что ему понадобились «несуществующие» в русском стихе диямбы; Брюсов «доказывает» существование их, отсчитывая ямбы по паре, но объяснить, почему ямбы и хорей подлежат счислению непременно по ситеме Ноя, не может.

Между тем ритмическая традиция сохранила память о иамбических диподиях³⁷ еще с тех времен, когда последняя имела еще ритмическую значимость³⁸. Значимость эта давно утрачена, и диямбов в ритмическом смысле у нас, конечно, нет (кроме как в точном стилизованном воссоздании античного триметра, — кстати сказать, очень красивом и русскому духу отнюдь не чуждом), — но Брюсов все же волен различать их, как метрические группы, где они случайно появляются. Иное дело — трохеи, в которых исконная диподия еще жива отраженною ритмической жизнью. Прав, далее, автор статьи и в критике учения о цезуре, которое естественно не удалось Брюсову потому, что его предпосылкой является знание ритмической константы, о которой пишущий эти строки имеет давний навык подробно говорить, как об основе стихотворного ритма, и в частности — цезуры, в своих курсах по стиховедению, не безызвестных автору рецензируемой статьи, судя по одной полемической на них ссылке³⁹. Ритмика не может обходиться и без различения сильно-ударных, ударных, полуударных слогов, каковым различием пренебрегает не только Брюсов, но и Белый, что для первого, в большей или меньшей степени, методологически извинительно, для второго же неизвинительно, ибо существенно влияет на его статистические подсчеты. Страницы, где автор разбираемой статьи сверяет, с этой точки зрения, примеры, приводимые Брюсовым, с живой акцентуацией нашего языка, противопоставляет формальным требованиям Брюсова некоторые простые нормы, почерпнутые из законов этой акцентуации, — представляются нам ценными.

В итоге длинного обсуждения, рецензент считает статью в предлагаемом виде неудобною для помещения в «Научных известиях» и не заслуживающую опубликования. Если б она была напечатана, журнал взял бы на себя нравственное обязательство дать тут же место и полемической отповеди заинтересованных в деле лиц. Но рецензент полагает, что академически-объективная, научно-деловая и строго ограниченная пределами своей темы заметка, не содержащая никаких квалификаций критического характера об отношении между брюсовскою метрикою, с одной стороны, ритмикой и, <в> особенностями, акцентуацией живого русского языка, с другой — заметка, из которой, по возможности, исключено было бы все сомнительное и спорное, — была бы вполне уместна на страницах «Научных известий», — причем В.Я.Брюсову, в случае его желания ответить критику, была бы предоставлена возможность также строго-академической защиты.

Рецензированная Ивановым статья Р.О.Яacobсона, явившаяся, в свою очередь, откликом на книгу В.Я.Брюсова «Наука о стихе» (М., 1918), была опубликована в 1922 г. (Яacobсон Р.О. Брюсовская стихология и наука о стихе. — Научные известия Академического центра Наркомпроса (Сборник 2.: Философия. Литература. История). М., 1922, с.222-240; далее — НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ). Публикации, однако, предшествовала эпистолярная полемика, первой репликой в которой явилась публикуемая рецензия, находившая статью «в предлагаемом виде неудобною для помещения в «Научных известиях». (Работа над «Научными известиями...» входила в непосредственный круг научных обязанностей В.И.Иванова: помимо должности

научного редактора в Госиздате (см. выше), он с декабря 1919 г. по август 1920 г. состоял руководителем Академического подотдела Литературного отдела Наркомпроса (см. копии протоколов заседаний Центральной коллегии Лито НКП: ОР РГБ, ф.144, карт.5, ед.хр.9, лл.1—17.)

Ознакомившись с рецензией, Якобсон обратился в Госиздат с официальным письмом, в котором опротестовал выводы Иванова, обусловившие отказ «Научных известий» от публикации «Брюсовской стихологии...». Доказывая пристрастность и нерепрезентативность суждений Иванова, Якобсон напоминал о том, что его статья, прочитанная 23 сентября 1919 г. в виде доклада «Образчик научного шарлатанства (по поводу науки о стихе В.Брюсова)» (см.: *Шанир М.И.* Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х — начало 1920-х годов). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.50 (1991), № 1, с.52), «встретила полное сочувствие представителей самых различных школ и тенденций — С.П.Боброва, О.М.Брика, Б.В.Томашевского, проф. <Д.Н.>Ушакова и проф. <Б.И.>Ярхо. Мне не было сделано ни одного возражения в защиту Брюсова, но моя оценка книги была еще несколько подчеркнута» (РГАЛИ, ф.2164, оп.2, ед.хр.5, лл.6—10, далее — ОТВЕТ). Возвращаясь к оценке книги Брюсова в своей статье и в рецензии В.И.Иванова, Якобсон просил «ознакомить 1-ую секцию Отдела научной литературы Государственного издательства (если возможно, в моем присутствии) с настоящим ответом на обвинительную статью последнего, исключаящим всякие квалификации общего характера» (ОТВЕТ, л.10).

Сопоставление фрагментов не дошедшей до нас рукописи «Брюсовской стихологии...» (она цитируется как В.И.Ивановым, так и самим Якобсоном в ОТВЕТЕ) с текстом НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ свидетельствует о том, что Р.О.Якобсон вынужден был учесть ряд замечаний Иванова и произвел значительную стилистическую правку статьи, не затронувшую, впрочем, ее концептуальной основы (конкретные примеры этой вынужденной редактуры, которые удалось выявить, приводятся ниже в комментариях). Метаморфоза сразу же обратила на себя внимание читателей, посвященных в тонкости научных взаимоотношений: «Известная пишущему эти строки в рукописи (была прочитана в Московском Лингвистическом кружке в 1919 году), обстоятельная рецензия, резко критикующая брюсовскую «Науку», почему-то появилась в печати в несколько сокращенном и смягченном виде. Не разделяя многие основные взгляды Р.О.Якобсона на явление стиха, мы не можем все->таки не пожалеть о тех урезках, которые обязаны, наверное, чьему-нибудь альтруистическому чувству по отношению к Брюсову» (*Г<орнун> Б.* <Рец.:> Научные известия. Сб. второй. Философия, литература, искусство. Академический центр Наркомпроса. М., 1922. — Гермес, 1923, № 3 (машинопись, архив Г.А.Левинтона)).

Текст печатается по неавторизованной машинописной копии, выполненной, очевидно, Р.О.Якобсоном (РГАЛИ, ф.2164, оп.2, ед.хр.5, лл.1—5). Мелкие опечатки исправлены без оговорок, необходимые коньектуры приведены в ломаных скобках.

- 1 Сличение цитаты в ОТВЕТЕ с текстом НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ показывает, что Якобсон существенно откорректировал этот фрагмент текста статьи: ОТВЕТ, л.9:

«В «Пушкине и <его> современниках», где до сих пор больше интересовались вопросом, курил ли Пушкин, появилось наконец 2 статьи, посвященных пушкинскому стиху».

НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ, С.222:

«<...>Работы Боброва и Томашевского в последнем выпуске «Пушкин и <его> современники». В ОТВЕТЕ говорится о статье Н.О.Лернера «Курил ли Пушкин? (Ответ на вопрос)» в составе его «Заметок о Пушкине» (Пушкин и его современники. Вып. XVI. СПб., 1913, с.19—76), в НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЯХ — о статьях С.П.Боброва «Описание стихотворения А.С.Пушкина «Виноград» (Пушкин и его современники. Вып. XXIX—XXX. Пг., 1918, с.188—209.) и Б.В.Томашевского «Стихотворная техника Пушкина» (там же, с.131—143) и «Ритмика 4-х стопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина» (там же, с.144—187).

- 2-3 Данных цитат в тексте НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ обнаружить не удалось.

- 4 В ОТВЕТЕ Якобсон комментирует эти характеристики следующим образом: «В докладе моем, прочитанном в <Московском> Лингв<истическом>Кружке, было сказано «безграмотные словоизлияния», и цитаты, приведенные мною в виде илл<ю>страции, вызвали дружный смех: более беспомощные и широковещательные разглагольствования трудно себе и представить. Надо же называть вещи своим именем» (л.9—9об). В НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЯХ, однако, цитируемые теоретические построения Бальмонта (*Бальмонт К. Поэзия как волшебство. М., 1922, с.72*) сопровождаются не уничижительной аттестацией, но лишь ироническим пересказом: «Наука близорука, науке не постичь законов поэтического слова. Законы — тайна. Поэзия — таинство, волшебство, магия слов. Не ученому, а мистагогу, и не говорить, а пифически вещать надлежит о ней» (НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ, с.223).
- 5 В тексте НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ отсутствует.
- 6 См. в тексте ОТВЕТА цитату из рукописи «Брюсовской стихологии...»: Брюсов навязывает русской метрике «все изделия эллинской поэтической кухни» (ОТВЕТ, л.6 об.). В НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЯХ данная фраза отсутствует.
- 7 И в этом случае, как явствует из сопоставления текстов, Якобсон смягчил данную им характеристику. Любопытно, что некоторые формулировки, разъяснявшие позицию Якобсона, были перенесены им из ОТВЕТА непосредственно в текст НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ:
ОТВЕТ, л.6 об.:

Брюсов навязывает русско́й метрике «все изделия эллинской поэтической кухни». По этому поводу я говорю: «Для Брюсова метр, точно почтовая марка для коллекционера, — рядом безразлично заносится ритмы, сложной жизнью живущие на протяжении истории русской поэзии, и кунштюки В.Иванова или самого Брюсова в области алкеева одиннадцатисложника или асклепиадова меньшего стиха. В таком случае непонятно, почему не касается Бр<юсов> всей истории попыток эллинизировать русский стих, начиная с Мелетия Смотрицкого. В.И.<Иванов>обижается, что мною «не предлагается критерий кунштюков». Поясню: если б брюсовский метод классификации «русских» метров проецировать в диалектологию, то русский стих мы могли бы с равным успехом подразделить на наречия великорусское, малорусское, белорусское, наречие той барыни, которая «русский н как н французский произносить умела в нос», и наречие того гоголевского бурсака, который русским словам придавал латинские окончания. Подобная классификация, разумеется, смехотворна, это не значит, впрочем, что последние явления не заслуживают изучения: умышленно-варваризованные индивидуальные диалекты как практического так и поэтического языка представляют для лингвиста глубокий интерес.

НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ, С.234—235:

<...> Для автора не существует различия между размерами, живущими сложной жизнью на протяжении истории русской поэзии, с одной стороны, и опытами Вяч.Иванова или самого Брюсова в области алкеева одиннадцатисложника или асклепиадова меньшего стиха, с другой. Если говорить о последних, то как не коснуться всей истории попыток эллинизировать русский стих, начиная с Мелетия Смотрицкого.

Проецируя брюсовский метод классификации русских метров в диалектологию, мы могли бы с тем же успехом подразделить русский язык на наречия великорусское, малорусское, белорусское, наречие той барыни, которая «русский, как и французский, произносить умела в нос <sic!>», и наречие гоголевского бурсака, придававшего русским словам латинские окончания. Подобная классификация, нет спора, смехотворна, это не значит, впрочем, что последние явления не заслуживают изучения: умышленно варваризованные диалекты как практического так и поэтического языка представляют для лингвиста глубокий интерес».

- 8 См. разъяснение Р.О.Якобсона: «Я называю «пестрым вздором» главу Брюсова о народном стихе. Каюсь, выражение неприлично, но, право, содержание этой главы еще неприличней» (ОТВЕТ, л.9об.). В напечатанном тексте эта мысль сформулирована более академично: «О русском устном стихе, широко варьирующем между чистым тонизмом и силлабическим строем, лучше ничего не говорить, чем давать

те фантастические сведения, которыми уснастил Брюсов страничку, посвященную народной песне» (НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ, с.237).

9-13 В тексте НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ подобные фразы и темы отсутствуют.

14 Подобная формулировка, присутствовавшая, по свидетельству Р.О.Яacobсона, в первоначальном тексте «Брюсовской стихологии...» (см. ОТВЕТ, л.9об.), отсутствует в НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЯХ.

15 Как показывает нижеследующее сопоставление текстов, подобные аттестации присутствовали в рукописи «Брюсовской стихологии...», но были заменены смягченными определениями, вновь заимствованными непосредственно из текста ОТВЕТА:

ОТВЕТ, л. 9об.—10:

В.И.<Иванов> имеет в виду заключительные строки моей статьи: «А пока следует ли, за неимением лучшего, рекомендовать книжку Брюсова как конспект, как учебник? не думаю. Ведь для усвоения основ научной грамматики лучше круглые невежды, чем головы, засоренные школьной рухлядью». Что школьная грамматика —рухлядь с научной точки зрения, об этом едва ли кто будет спорить, а книга Бр<юсова> сходствует с школьной грамматикой в следующих отношениях: а) вместо эмпирических законов догматические правила и исключения, б) отсутствует историческая перспектива, в) как Бр<юсов>, так и школьные грамматики оперируют не с живым языком, а с бумажным, г) новым языкам навязываются чуждые и мертвые греко-латинские категории.

НАУЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ, с.240:

Основные элементы, на которых зиждется метрика Брюсова (метр, ритм, стопа, цезура, ипостаса, липо- и иперметрия и т.п.), охарактеризованы, как мы видели, сбивчиво и противоречиво. Попытки систематики либо в основе ненаучны (такова классификация систем стихосложения, рифм), либо представляют собой каталоги, куда безразлично заносятся музейные раритеты и массовые явления. Нет и помину об исторической перспективе, ни слова о степени распространения, о жизнеспособности того или иного поэтического факта. Объяснения, раскрытия законов русского стиха мы не находим; вместо эмпирических законов догматические правила и исключения. Все эти черты роднят разбираемую книгу не только со школьной метрикой, но и с родной сестрой последней (как генетически, так и в смысле общности методов) — школьной грамматикой. Как Брюсов, так и школьная грамматика оперируют не с живым языком, а с бумажным, русской речи навязываются безжизненные греко-латинские категории.

16 Имеется в виду следующий пассаж из рукописи «Брюсовской стихологии», цитируемый в ОТВЕТЕ: «Определение омонимической рифмы — характерное признание модерниста: не фонетический, а буквенный состав рифмы является решающим моментом. Это то самое рабство перед буквой, которое побуждает Бальмонта, Вяч.Иванова и т.п. злобно бранить новое правописание, а Брюсова даже упрямо печатать рецензируемую книгу с ерами и ятями» (ОТВЕТ, л.9об.).

17-18 О стиховедческой деятельности А.Белого (в частности, об организованном им в 1910—1911 гг. Ритмическом кружке) см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого. — Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 515 (Труды по знаковым системам. Т.13). Тарту, 1981, с.97—109. В.Я.Брюсов, не ведший в дореволюционное время специально-стиховедческих семинаров, опубликовал в эти годы более 15 статей, посвященных стихосложению (см.: *Штокмар М.* Библиография работ по стихосложению. М., 1934. С.51, 81—91).

19-20 Незадолго до смерти (1909) И.Ф.Анненский начал чтение стиховедческого курса в Петербургском Обществе Ревнителеев Художественного слова, собиравшемся в редакции журнала «Аполлон» (В.И.Иванов был одним из постоянных его участников), которое и позднее нередко отводило свои заседания обсуждению стиховедческих докладов (см.: *Зноско-Боровский Евг.* Общество любителей художественного слова. — Русская художественная летопись, 1911, № 16, с.255 (дискуссия по докладу В.А.Чудовского); *Недоброто Н.В.* Общество ревнителеев художественного слова в Петербурге. — Труды и дни, 1912, № 2, с.24—26 (дискуссия по докладу

- А.Белого); *Чудовский В.* Литературная жизнь («Общество ревнителей художественного слова»). — Русская художественная летопись, 1912, № 3, с.39—40 (дискуссии по докладам Ф.Ф.Зелинского и А.Белого); *Litotes.* Общество ревнителей художественного слова. — Аполлон, 1916, № 2, с.56 (дискуссия по докладу Б.В.Томашевского). На заседаниях общества были прочитаны в виде докладов «программные» статьи В.А.Чудовского (О ритме Пушкинской русалки (отрывок). — Аполлон, 1914, № 1—2, с.XXX) и Н.В.Недоброво (Ритм, метр и их взаимоотношение. — Труды и дни, 1912, № 2, с.14—23.), начавшие конструктивную полемику с новаторской книгой А.Белого «Символизм» (М., 1910).
- 21 Липометрия — усечение клаузулы в стихе на один слог.
- 22 Иперметрия — наращение клаузулы в стихе на один слог.
- 23 Эпитрит — стопа, состоящая из трех сильных и одной слабой позиции (т.е. в русском стихосложении — из трех предпочтительно-ударных и одного предпочтительно-безударного слога).
- 24 Молосс — стопа, состоящая из трех сильных позиций.
- 25 Восходящий ионик — стопа, в которой за двумя слабыми позициями следуют две сильные.
- 26 Нисходящий ионик — стопа, в которой за двумя сильными позициями следуют две слабые.
- 27 Источник цитаты не установлен.
- 28 См. прим.4 в комментариях к рецензии В.Иванова на статью Б.В.Томашевского «Пятистопный ямб Пушкина».
- 29 Подобного же мнения придерживались Б.В.Томашевский, квалифицировавший метр «Песен западных славян» как «пятистопный хорей с некоторыми весьма ограниченными отступлениями» (*Томашевский Б. В.* О стихе «Песен западных славян». — Аполлон, 1916, № 2, с.2—35), и В.А.Чудовский (см.: *Litotes.* Цит. соч., с.56). Однако подобная точка зрения в то время не была единственной: Н.В.Недоброво находил в пушкинской стилизации элементы силлабики (Там же, с.56), С.П.Бобров — элементы тоники (*Бобров С.* Новое о стихосложении А.С.Пушкина. М., 1915, с.11).
- 30 Неточная цитата из «Истории стихотворца» А.С.Пушкина <1817—1820>; В.Я.Брюсов цитирует ее первую (в оригинале — вторую) часть в «Науке о стихе...» (с.24).
- 31-32 Строки из стихотворения Г.Р.Державина «Молитва» <1790-е>, приводимые Брюсовым как пример «дактилоамфибрахия» («Наука о стихе...». С.79).
- 33 Цитата из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Слышу ли голос твой...» <1837—1838>, также использованная в «Науке о стихе...» (с.24).
- 34 Это парадоксальное замечание, охарактеризованное Р.О.Якобсоном как «проповедь всепрощения в филологической критике — явление диковинное и по меньшей мере забавное» (ОТВЕТ, л.8об.), демонстрирует отсутствие разногласий у оппонентов в оценке метро-ритмической концепции В.Брюсова. В статье «О новейших исканиях в области художественного слова», опубликованной в том же сборнике, что и статья Якобсона, «Наука о стихе» Брюсова характеризуется почти теми же словами, что и в публикуемом тексте: «В.Я.Брюсов, к сожалению, не ограничивает своей задачи этими естественными для его угла зрения пределами, но притязает дать общую ритмо-метрическую теорию русского стиха и даже надписывает в подзаголовке книги: «метрика и ритмика». Между тем, основное условие приписания предлежащему трактату научной ценности есть возможность рассматривать его именно только как систему метрики, так что ритмическое освещение всех изученных в нем явлений должно было бы составить содержание другого, параллельного трактата, дающего описание русского стиха в совсем ином разрезе» (*Иванов.* СС. IV, 641; ср. еще более безапелляционное утверждение: «В теории Брюсова нет вовсе ритмики» (Альтман М.С. Разговоры с В.И.Ивановым <публикация К.Ю.Лаппо-Данилевского, в печати>)). Подробнее эти и другие совпадения позиций Иванова и формалистов проанализированы в статье: *Обатнин*

Г.В., Постоутенко К.Ю. Вяч.Иванов и формальный метод (материалы к теме). — Русская литература, 1992, № 1, с.180—188.

- 35 «Под ритмом стихотворения мы разумеем симметрию в отступлении от метра, т.е. некоторое сложное единообразие отступлений» (*А.Белый. Символизм...*, с.396).
- 36 Иванов цитирует «Науку о стихе...» не вполне точно.
- 37 Ямбическая диподия (диямб) — сочетание двух ямбических стоп.
- 38 Так в тексте.
- 39 В тексте НАУЧНЫХ ИЗВЕСТИЙ подобные ссылки отсутствуют. В 1918—1921 гг. Иванов читал в Москве многочисленные лекции по теории поэзии — в Пролеткульте, Литературных отделениях Наркомпроса и Московского государственного института декламации и т.д.

3. <Рец.:> Б.И.ЯРХО. Т.Н. ТРОХАИЧЕСКИЕ ТЕТРАМЕТРЫ В КАРОЛИНГСКИХ РИТМАХ (1920)

Это частное исследование должно, по словам автора, послужить «первым камнем при постройке здания каролингской метрики». Однако, еще в 80-х годах В.Мейер дал если и не исчерпывающую предмет, то, во всяком случае, основоположительную характеристику варварско-латинского стихосложения указанной эпохи, и сам автор признает выводы названного ученого незыблемыми¹. Если перед нами начало задуманного автором полного описания каролингской метрики, нельзя не пожалеть, что некоторые общие явления просодии, ритмики и метрики рассматриваются только в пределах одного стихотворного размера, на основании материала, представленного всего двумя тысячами стихов. Начинать следовало бы с изучения этих общих явлений по всей совокупности сохранившихся стихотворных памятников. Но если бы автор и не задавался целью распространить свои изыскания на другие метры, кроме исследованного им восьмистопного трохея, все же бросается в глаза непоследовательность плана, по которому общие вопросы решаются в границах одного частного случая: этим автор впадает в противоречие с принципиальными требованиями того самого строго-статистического метода, которому с такою ревностью, с таким тщанием стремится быть повсюду верен². Ибо, по его оценке, наблюдения В.Мейера были только приблизительными, они нуждаются в проверке, основанной на точнейшем подсчете. И, в самом деле, статистическое изучение упомянутых двух тысяч стихов произведено автором с величайшею, отменной старательностью. Но принципиальное методологическое возражение остается в силе, и к нему присоединяются еще и некоторые другие сомнения.

Публикуется впервые по рукописи (ОРИК РНБ, ф.304, оп.1, ед.хр.35). Явившаяся объектом рецензии статья (рукопись — РГАЛИ, ф.2186, оп.1, ед.хр.7), посвященная средневековому латинскому стихосложению, «писалась, по видимому, в 1915—1918 гг., когда Б.И.Ярхо читал лекции по средневековой литературе в Московском университете; в 1920 г. она представлялась к печати (на рукописи — штамп Научного отдела ГИЗ'а с датой 5 февраля 1920 г.), в 1922 г. была анонсирована в серии совместных трудов ОПОЯЗ'а и Московского лингвистического кружка, но издание так и не состоялось» (*Гаспаров М.Л.* Каролингские тетраметры и теоретическая модель латинского ритмического стиха. — Античная культура и современная наука. М., 1985, с.193—194). Вероятнее всего, рецензия В.Иванова относится именно к 1920 г.

1 Речь идет о следующих работах: *Meyer W.* Der Ludus de Antichristo und über die lateinischen Rythmen. — *Meyer W.* Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen

Rythmik. Band I. Berlin, 1905, s.136—339.; *Idem.* Anfang und Ursprung der lateinisch und griechischen rythmischen Dichtung. — Op.cit., Band II. Berlin, 1905, s.1—201. По утверждениям современного исследователя, данные, полученные Б.И.Ярхо, не подтверждают, а опровергают утверждение В.Мейера о силлабической природе «латинского ритмического стиха»: «стих каролингских тетраметров — это не силлабика и даже не дополнительно урегулированная силлабика, а неустоявшаяся силлаботоника» (*Гаспаров М.Л.* Цит.соч., с.200).

- 2 Ср. современную оценку: «Он мечтал о тотальной квантификации филологического знания: любой вопрос исторической поэтики как древних, так и новых литератур, к какому бы уровню художественной формы он не относился — к фонике, стилистике или тематике, он был готов разрешить с помощью статистики» (*Шапир М.И.* Б.И.Ярхо: штрихи к портрету. — Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т.52. 1991, № 3, с.68). «Атомистический редукционизм в подходе к любым сложным явлениям любой области», выдававший принадлежность Ярхо к «позитивистической традиции» (*Гаспаров М.Л.* (Предисловие к публикации фрагментов из «Методологии точного литературоведения» Б.И.Ярхо). - Контекст. 1983. М., 1984, с.195), обусловил не только особую позицию ученого в кругу русских формалистов (см.: *Тоддес Е.А., Чудаков А.П., Чудакова М.О.* Комментарии. — *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с.533—534; *Шапир М.И.* Цит.соч., с.69-70; ср.: *Гаспаров М.Л.* Работы Б.И.Ярхо по теории литературы. — Ученые записки Тартуского университета. Вып.236. (Труды по знаковым системам. Т.4.), Тарту, 1969, с.513 — о полемике Ярхо с Г.Г.Шпетом и М.А.Столяровым), но и фактическую непричастность Ярхо к ожесточенным методологическим спорам в русской науке о литературе двадцатых годов двадцатого столетия. По этой причине Иванов, внимательно следивший за формалистическими штудиями именно этого времени и переосмысливший их в русле собственных идей (см.: *Обатнин Г.В., Постоуенко К.Ю.* Цит. соч.), не проявил интереса к рецензируемой статье.

В нашей о нашей
«сретенки»
— с культурной работой

Ленин и общество
М. С. Альтман

Файл 922-
Москва 1962. 31/5

Вяч. Иванов и М. С. Альтман.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ВЯЧ. ИВ. ИВАНОВА АКАДЕМИКУ С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

Публикация Г. Бонгард-Левина

Бакинский период в жизни и творчестве Вяч. Ив. Иванова, к сожалению, освещен в дошедших до нас материалах весьма скупо¹. Поэтому каждый новый документ, содержащий неизвестные и малоизвестные сведения о работе поэта в Баку, заслуживает особого внимания. В архиве крупнейшего русского востоковеда², непрямого секретаря Российской Академии наук Сергея Федоровича Ольденбурга сохранилось письмо к нему Вяч. Ив. Иванова, посланное из Баку и датированное 6 июля 1922 г.

Текст письма интересен прежде всего для уточнения круга научных и преподавательских занятий Вяч. Ив. Иванова в это время, изучения его взаимоотношений с Российской Академией наук, а также для освещения вопроса о намечавшейся, но так и не осуществленной тогда зарубежной командировке Иванова. Вот текст письма³.

*Баку, Гос. университет
6 июля 1922*

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Это письмо передаст Вам ректор Бакинского университета, где я занимаю кафедру классической филологии, профессор невропатологии и психиатрии Сергей Николаевич Давиденков⁴, выдающийся исследователь в своей области наук. Он расскажет Вам, как бодро работает наш

1 Специально следует указать на статью Н. В. Котрелева, посвященную работе Вяч. Ив. Иванова в Бакинском университете (см. *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета. — Труды по русской и славянской филологии. XXI. Литературоведение. Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 326—329; *Альтман М. С.* Из бесед с поэтом В. И. Ивановым. (Баку 1921). — Там же. С. 304—325; см. также *Мануйлов В. О Вячеславе Иванове. — Иванова Лидия.* Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 342—360).

2 Подр. см.: Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

3 Архив РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 230. Пользуясь случаем, благодарю работников архива за помощь.

4 С. Н. Давиденков (1880—1961) — академик Академии медицинских наук, выдающийся невропатолог и нейрогенетик.

молодой, но слаженный и проникнутый научным духом университет и вместе какие лишения он испытывает, в каких неблагоприятных условиях мы делаем свое дело. Позволяю себе обратиться в Вашем лице внимание Академии наук на положение у нас наук гуманитарных, в частности филологии, к которой молодежь относится ревностно. У нас нет простейших и нужнейших книг. Нам нужно, в первую очередь, иметь полное собрание греческих и латинских текстов, — напр[имер], хотя бы полную Bibliotheca Teubneriana⁵, не говоря уже о важнейших комментариях, в роде Лукреция Лахманна⁶ или Пиндара Криста⁷. У нас нет не только Corpus'ов надписей⁸ но и Sylloge Диттенбергера⁹ или Exempla Вильманса¹⁰: эпиграфики нет вовсе! Нет необходимейших классических книг по философии. И все же мы делаем свой tour de force, уверяю Вас. Я печатаю здесь большую книгу: «Дионис и пра-дионисийство»¹¹, основу которой, правда, образуют прежние рукописи и collectanea, но которая здесь совершенно преобразована и дополнена, ибо кое-что, случайно, все же под рукой. Сказанное относится и к истории западных литератур, и к лингвистике. Тем не менее у нас читаются и Зендавеста¹², и Санскрит¹³, в коем упражнении занят в качестве ученика и Ваш покорный слуга. Не могла ли бы Академия помочь крайней нужде нашей своею munificencia¹⁴, высылкой своих изданий или хотя бы временною, на некий срок, высылкою нам некоторой, скромной по объему, но нужнейшей филологической библиотеки в форме выдачи в пользование университету или факультету или отдельным его членам некоторого количества книг из резервов ваших книгохранилищ? Это было бы нам благодеянием. Ведь положение таково, что повсюду должно поддерживать еще тлеющие очаги действительной академической традиции, особенно же на окраинах, которые — я вижу это здесь воочию — держатся лишь силою русской культуры.

Если мы напрасно, в силу сложившихся условий, Вас тревожим этими пожеланиями, великодушно простите нас и не осудите, ибо мы в крайности. Но это еще не все: разрешите мне несколько слов pro domo mea¹⁵. Через Ивана Михайловича¹⁶ Вы любезно выслали мне бумагу от Акаде-

5 Bibliotheca Teubneriana — серия изданий античных авторов, осуществляемая в Лейпциге с 1850 г.

6 Caroli Lachmanni In T. Lucretii Cari de Rerum natura libros commentarius. Berolini, 1850.

7 Pindari carmina, ed. W. Christ. Lipsiae, 1896.

8 Имеются в виду два знаменитых собрания латинского и греческого эпиграфического материала: Corpus Inscriptionum Latinarum и Corpus Inscriptionum Graecarum.

9 Dittenberger W. Sylloge inscriptionum graecarum. 4 Bde. Lipsiae, 1912—1924.

10 Wilmanns F. Exempla. Berlin, 1873.

11 Докторская диссертация на эту тему была защищена Ивановым 22 июля 1921 г.

12 Ранее применявшееся в европейской литературе название «Авесты» — древнейшего религиозного памятника иранских народов, написанного на авестийском языке. У современных зороастрийцев «зенд» относится лишь к среднеперсидскому комментарию и переводу, составленным в I тыс. по Р.Х.

13 Вяч. Иванов сам в автобиографическом письме рассказывает о занятиях санскритом в Женеве у Ф. де Соссюра — выдающегося лингвиста (Автобиографическое письмо СС2, 21); в архиве Вяч. Иванова сохранился сертификат о посещении занятий санскритом в течение одного курса, датированный 20 ноября 1902 г. с подписью де Соссюра (РО РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 12).

14 «Благотворительность, щедрость» (лат.).

15 «Относительно моих домашних дел» (лат.).

16 Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — известный историк, педагог, профессор Петербургского (а затем Ленинградского) университета, близкий друг академика С. Ф. Ольденбурга еще со студенческих лет.

мии (от 4 мая 1920 г. за № 417), приказывающую обеспечить мою научную работу за границей¹⁷; но заграничная командировка моя, волею судеб, не могла осуществиться, — в Москве нашли, вопреки мнению А. В. Луначарского, что «культурных сил из России за границу отдавать нельзя» etc. etc., — одним словом, меня за границу не пустили, предоставили возможность выезда на Кавказ, и вот, я оказался профессором в Баку. Здесь мне давно обещали заграничную командировку, но не находят денег; я довольствуюсь в этом отношении *minimum*ом и не теряю вовсе надежды на заграничный годовой отпуск для работ по Эсхилу¹⁸ и греческой религии¹⁹. Мне было бы важно подтвердить мое и университетское в мою пользу ходатайство командировкою от Академии наук, от коей мне желательно было бы получить возобновление прежней командировки, ибо предыдущая не могла быть использована. Быть может, по изменившимся обстоятельствам, Вы могли бы найти какой-либо путь облегчения действительной реализации таковой командировки, для меня важной поистине существенно, через Петербург и Москву. Такова моя особливая просьба к Вам, за прямое изложение коей приношу Вам, к

17 В Петербургском филиале архива РАН сохранился черновик официально выданного удостоверения (рукописное удостоверение) на французском языке о предоставлении отпуска В. И. Иванову — автору многих научных трудов в области классической филологии — для научной зарубежной командировки. Сертификат датирован 4 мая 1920 г. и подписан неперменным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и управляющим делами Академии О. Нордгеймом (ПФ Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1918 г. Дело 12. Л. 137). Этот сертификат был выдан Вяч. Ив. Иванову в связи с его официальной просьбой, посланной из Москвы 31/III/1920, и на основании протокола заседания отделения исторических наук и филологии РАН от 28/IV/1920: «Литератор Вячеслав Иванович Иванов из Москвы (Б. Афанасьевский пер., 4, кв. 3), от 31 марта с.г.: «Нуждаясь для выполнения нижеозначенных научных работ в высоком покровительстве Академии, которое существенно облегчило бы мне доступ в книгохранилища и другие ученые учреждения Запада, особенно затруднительный в настоящее время для русских граждан, прошу Академию не отказать мне в ученой командировке за границу. Эта командировка не потребовала бы ни затрат из сумм Академии, ни ходатайства со стороны последней об отпуске моем в чужие края, так как я уже получил от Комиссариата Иностранных Дел разрешение на выезд из пределов России. Долгом почитаю при сем заявить Академии, как это было мной заявлено Народному Комиссариату Иностранных дел, что политическое поведение мое за границей, как лица, не принадлежащего ни к какой партии, будет определяться принципом безусловного воздержания от участия в политических делах и в борьбе политических мнений.

Цели, которые я ставлю себе, предпринимая заграничную поездку таковы: а) написание подготовляемой мной монографии о творчестве и веке Эскила, задуманной как оригинальное филологическое, историко-литературное, культурно-историческое и религиозно-историческое исследование, — и в связи с этой работой завершение и усовершенствование полного перевода (размерами подлинника) Эсхилых творений, из коих уже переведены мною трилогия «Орестея» и трагедии «Персы» и «Семь против Фив»; б) составление заказанного мне университетского руководства по истории эллинской религии; в) перевод «Божественной Комедии» Данта и составление сопровождающего перевод комментария». — Положено выдать соответствующее удостоверение на французском языке» (ПФ Архива РАН. Ф. 1. Оп. 1а, 1920. Дело 168. С. 249).

18 См. подробнее: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эскила. — Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 497—522.

19 Ср. с указанными в обращении АН целями предполагавшейся в 1920 зарубежной командировки.

чьей доброте я так откровенно прибегаю, глубочайшее извинение, если нарушаю при этом пределы того, что подлежит собственно Вашему ведению и влиянию. Прошу Вас передать от меня дружеский привет Ивану Михайловичу, которому я недавно писал, и Нестору Александровичу²⁰.

Глубоко уважающий Вас и преданный Вам
Вячеслав Иванов.

Хочется надеяться, что это письмо Вячеслава Ивановича Иванова к Сергею Федоровичу Ольденбургу будет со вниманием встречено специалистами-литературоведами и историками-антиковедами.

²⁰ *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) — историк литературы, академик.

ВЯЧ. ИВАНОВ В ПЕРЕПИСКЕ С В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДОМ И З. Н. РАЙХ

(1925—1926)

Публикация Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати

Публикуемые ниже письма позволяют восстановить обстоятельства последней личной встречи двух мастеров русской культуры. История их взаимоотношений и связей в искусстве еще не написана даже вчерне, хотя признание определенного влияния ивановских идей на оформление эстетики и практики Вс. Мейерхольда — общее место в театрално-исторической литературе.

Наша публикация, сообразно с характером издания, для которого предназначалась, преимущественно обращена на «ивановские» аспекты материала, оставляя без должного расследования некоторые специфически «мейерхольдовские» темы (к примеру: история издательства «Театральный Октябрь» помимо тех позиций его репертуара, которые связаны прямо или косвенно с Вяч. Ивановым; неурядицы в Мейерхольдовском театре, карьера З. Н. Райх и т. д.). Нам представляется, что наши комментарии к нижепубликуемым письмам достаточно полно интерпретируют затрагиваемые в них конкретные «сюжеты». Остается наметить контекст, в котором читается эта корреспонденция¹.

Иванов выехал из СССР летом 1924 г. не только с официального разрешения властей, но и получив на год командировочное содержание от Наркомпроса. Общеизвестны слова Иванова: «Я еду умирать в Рим», — говорил он друзьям (СС 1, 173). Однако реальный процесс расставания с советским гражданством оказался долгим и сложным, что объясняется переплетением причин духовных и материальных. Во второй половине двадцатых годов Иванов еще не исключает принципиально возможности возвращения на родину (ср. ниже письмо от 23 августа 1926 г. и прим. 8 к нему). Он не поддерживает связей с эмигрантскими институтами², при острой нужде не ищет заработка в эмигрантской печати. Показательно, что все его попытки — впрочем, неудачные — найти литературные источники дохода в русском зарубежье связаны с издательскими предприятиями Максима Горького, ориентированными на привлечение советских сотрудников и иностранцев и в самой малой мере — эмигрантов. Не оставляла Иванова и надежда на литературные заказы из Москвы: «Получил я на днях письмо от Вяч. Ив.<анова>, пространное и содержательное, — сообщил 9 января 1925 г. М. О. Гершензон Льву Шестову. — Живут они очень приятно, он опять, после стольких лет, начал писать, дети хорошо устроены; одно горе: деньги тают, а заработка никакого; эта забота очевидно отражает его существование. Он хотел бы отсюда иметь работу, но это, конечно, пустая мечта»³.

Мейерхольд и Райх привезли Иванову именно заказ на литературный труд, отвечающий его дарованию и квалификации и не обставленный какими-либо условиями идеологического компромисса. Этот опыт работы в советских условиях

не мог не стать знаменательным для Иванова в его самоопределении перед будущим.

Планы издания собственного журнала при ТИМе возникли еще в 1924 г.⁴. Реализовать его удалось только через полтора года, как из-за материальных затруднений, так и по причине сложности осуществления такого рода начинаний при советском режиме. Как бы то ни было, к отъезду Мейерхольды имели проект содержания первого номера, и еще в Москве было намечено привлечь Иванова к сотрудничеству (вероятно, без согласования этого вопроса с Ивановым — если только планы журнала не обсуждались с ним в Москве летом 1924 г.). Обоснованным это предположение делает документ, обозначенный З. Н. Райх при его архивации⁵ как «Первый набросок содерж.<ания> журнала». В той его части, которая посвящена театру разных стран, мы читаем:

«Италия
Керженцев — Очерк Искусство Италии
Маффи — ?
Вяч. Иванов — Искусство Италии
Герг. Кроль — Театр Пиранделло
Максим Горький — Совр.<еменное> Иск-<усст>во в Европе
Гордон Крэг — Новый театр
разыскать книги»⁶.

Этот общий контур раздела, с точки зрения выбора тем и подбора авторов, в точности отвечает тому, что искали Мейерхольд и Райх для своего журнала, путешествуя по Италии, ср. письмо Г. Крэга В. Э. Мейерхольду от 5 августа 1925 г.⁷, историю переговоров с М. Горьким (о чем ниже, в письме Иванова от 30 сентября 1925 г.), заказ П. П. Муратову статьи именно о Л. Пиранделло и т. п. Весь план ориентирован на *советский* авторский коллектив (иностранцы авторы нас сейчас не интересуют). Г. А. Кроль фигурирует здесь как ученик Мейерхольда, намеревающийся в ближайшее время возвратиться в СССР. И замена его эмигрантом Муратовым, как читатель увидит (см. прим. 6 к письму Иванова от 30 сентября 1925 г.), привела к самым плачевным результатам. Подчеркнем: Иванов в этом плане альманаха — не только признанный авторитет или давний приятель и сотрудник Мейерхольда, но именно желанный автор, на которого политическое положение Мейерхольда позволяло рассчитывать⁸.

Мейерхольды из Москвы телеграфом обращались к Иванову за помощью в деле получения визы, первое письмо Иванову было послано, едва они оказались в Венеции. Собственно, у них только и было два надежных и доступных адреса в Италии — Иванова и П. М. Керженцева, с апреля 1925 г. советского посла в Риме, «старого партийца» и сотрудника Иванова и Мейерхольда по ТЕО Наркомпроса⁹. Нет возможности для сколько-нибудь полной реконструкции всех бесед и споров Мейерхольдов с Ивановым за целый месяц в Риме. Необходимо, однако, подчеркнуть несколько строк в публикуемых документах, с тем чтобы выяснить отчетливее, что означала для Иванова новая встреча с *советскими* «мастерами культуры», тем более — с Мейерхольдом, давним другом и соратником. Несомненно, достаточно откровенно обсуждалось положение дел в СССР, прежде всего внутренняя политика консолидировавшейся власти и ее отношение к миру культуры. Иванов был при этом обвинителем, достаточно резким и принципиальным, Мейерхольд, по всей вероятности, и Райх, совершенно очевидно, — темпераментными защитниками, мера искренности которых, однако, подлежит исследованию. Только такое предположение объясняет памятную надпись Райх Иванову на фотографии: «Дорогому Вячеславу // Возлюбите юную СССР-ию — надо уметь прощать многие ошибки, свойственные юности... // Дружески Зинаида Райх // Рим 7. VIII 25» (см. ниже, прим. 1 к письму Иванова от 30 сентября 1925 г.). В том же письме просвечивает и другая, с этой связанная неразрывно, тема — о «подлежащей разрушению» — по мнению З. Н. Райх — «европейской культурной традиции»; Иванов не уступал этой традиции и М. О. Гершензону, тем меньше оснований было отказываться от нее под натиском молодой советской актрисы. Тема веры и церкви — третья тема римских разговоров, важнейшая из самых важных, определявших отношение Иванова к миру и, следовательно, к советской действительности. Именно этим нужно объяснить надпись Иванова на фотографии «Моисея» (см. ниже, Приложение III).

Встреча старых приятелей была веселой и дружественной, несомненно. Но про себя Иванов делал выводы из опыта общения с Мейерхольдами неутешительные. В одном из писем к детям он называет их, иронизируя, «Бубусами» (см. прим. 4 к

письму Райх от <12(?) сентября 1925 г.>). Не исключено, что Иванов мог познакомиться с пьесой Алексея Файко «Учитель Бубус» летом 1924 г., пока он жил в Москве перед отъездом за границу. Вполне возможно, что Мейерхольды, отправляясь в Европу, взяли с собою (в качестве визитных карточек) брошюры, выпущенные к их недавней премьере — «Учитель Бубус»¹⁰. Наконец, Иванов мог знать пьесу Файко и, что важнее, ее заглавный образ из рассказов режиссера и актрисы, других приезжих из Москвы — тогда советские граждане еще выезжали за рубеж, хотя и с непомерными трудностями. Как бы то ни было, интерпретация этого образа практически однозначна во всех источниках. Вот как описывается Бубус в упомянутой брошюрке: «Учитель Бубус — типичный представитель городской интеллигенции. Это воплощенная беспомощность мелкобуржуазного сознания, действующего вне понимания основных действующих сил капиталистического мира. Бубус стремится к «учительству» в широком смысле слова, но отсутствие твердой целевой установки делает его слепым орудием в руках господствующего класса. <...>Его оптимизм — самообман и чисто словесное оправдание неразрешимых для него противоречий; его склонность к социализму не идет дальше туманной и абстрактной фразеологии; его напряженная активность пуста, беспредметна и бьет всегда только мимо цели. Он запутывается в сетях мелких интриг, и его «высокая миссия» кончается жалким фарсом»¹¹. Вынем мысленно из этой характеристики «классовые» определения и мы получим убийственную характеристику В. Э. Мейерхольда и неотвратимое предсказание его страшной судьбы. Не отсюда ли слова пожелания (которые можно было прочесть и как предупреждение) в письме Иванова Райх от 30 сентября 1925 г.: «Поцелуйте от меня крепко, крепко мужа. Ему желаю, прежде всего, доброго здоровья. А в отношении успеха он уже так избалован, что не должен только возгордиться не в меру. Пусть помнит, что художник в нем и зачинатель, <двигатель?>, революционер — одно, и не подчиняет художника в себе революционеру. Сими приличествующими старцу наставлениями кончая послание».

Все заключения о том, как и куда развивается советский режим и советская культура, которые Иванов мог сделать по личной встрече в Риме, подтвердились неукоснительно в переписке. Вот примеры только из письма Райх от 4<-7> декабря 1925 г.: «Журнал не разрешили»; «Мы много, оба, работаем. Мейерхольд над «Ревизором» и в плане «общественно-политическом», который, по-моему, сейчас отнимает у него вдвое больше времени, чем его труд профессиональный». Наконец, история сборника «Театральный Октябрь»¹², для которого Вяч. Иванов написал, по его собственному выражению в последнем письме к Райх, «одну из своих важнейших статей», глубоко обидевшие автора цензурные оговорки и редакционное непонимание сделали необходимым и оправданным вывод: «Если уж статья о «Ревизоре» вам не ко двору пришлась, какой уж там М.<икел->Анджело? <...> «Молодой России», как Вы говорите, я совсем не нужен». Это не означало для Иванова внутреннего разрыва с милыми его сердцу людьми: «Просто Вы очень добрая и умная и хотели для меня всего хорошего, — писал он в том же последнем письме, — за что я Вам и благодарен сердечно». В общем виде этот принцип Иванова передает в своих мемуарах О. Синьорелли: «Иванов не считал себя политическим изгнанником, никого не осуждал. Он говорил, что «по делам судятся учения, а слова могут оболгать человека, намерения»¹³.

Мимолетное свидание в Риме летом 1925 года трех давних коллег по ТЕО Наркомпроса — праздничный пролог их мрачной, трагической встречи зимой 1937. 17 декабря 1937 г. «Правда» напечатала статью П. М. Керженцева, председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР, — «Чужой театр». В ней осуждался весь путь Мейерхольда в искусстве, это был формальный приговор не только театру им. Вс. Мейерхольда, но и Вс. Мейерхольду-художнику, и — самое страшное — человеку. 22, 23 и 25 декабря в ГОСТИМе проходило обсуждение статьи, которое вряд ли могло — какие бы слова на нем ни говорились — подвинуть хозяев на пересмотр судьбы сделавшегося анахронизмом гистриона, совсем недавно признанного и прославленного строителя новой жизни и нового искусства. Мейерхольд вяло и неизобретательно защищался, он был сломлен. По правилам адской игры он «разоружался». Но если Керженцев поразил режиссера тривиальным набором обвинений (меньшевизм, троцкизм, формализм и т. п.), убийственных по закону времени, но лживых и мертвенных по существу, то Мейерхольд, отстаивая себе возможность будущего, предавал свою собственную сущность, в частности — Вяч. Иванова, которого когда-то называл «учителем». Имя Иванова возникло, кажется, случайно: прозвучало слово «символ», совсем не обязательное в том контексте, но за ним уже неизбежно вспомнился Иванов, с необходимостью от него откеститься: «...Мы

должны так осваивать лучшие произведения культуры, чтобы народ <...> так входил в нее, чтобы не было никаких отпечатков ни мистики, ни символизма. И в пьесе советского репертуара, правда, может быть какое-нибудь аллегорическое значение, может быть символ, но не в том смысле, в каком это делает Вячеслав Иванов в своей статье «Две стихии в современном символизме». Правильно делает Наркомпрос, что он заставляет учеников средней школы прорабатывать материал о символизме. <...> Достаточно прочитать статью Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме», чтобы понять, в чем опасность, в чем яд этого течения. *Опасность этого течения именно в том, что через него просачивались религиозные тенденции*. Мы не можем преувеличивать важность для В. Э. Мейерхольда именно религиозного начала, но, отдавая преследователям учителя, он выбирает безошибочно главную ценность мира Вяч. Иванова. Потому Мейерхольд столь точен и в выборе фразеологии: «...Валерий Брюсов оказался с нами, а Вячеслав Иванов оказался против нас»; «поскольку мы являемся прежде всего антререлигиозниками, прежде всего каждый материалист, каждый большевик должен быть атеистом, постольку это течение должно быть *опорочено*»¹⁴.

Не предчувствовал ли это ужасное будущее Иванов, когда расстался с Мейерхольдом и Райх?..

- 1 Помимо публикуемых, сохранилось еще два более ранних письма Иванова к Мейерхольду, от 24 ноября 1908 г. и от 1 апреля 1909 г. (РГАЛИ. Ф. 998.1.1620. Л. 1-3), надпись Иванова Мейерхольду на оттиске его слова о В. Ф. Комиссаржевской, рисунок Мейерхольда — портрет Э. Верхарна, подаренный Иванову в Риме, и некоторые другие материалы, которые мы оставляем в стороне.
- 2 Синьорелли свидетельствует в своих воспоминаниях: «Я собралась с духом и спросила у Иванова, как он предполагает устроить свою жизнь. Он отвечал, что не хочет, чтобы его считали эмигрантом, и следовательно, не может пользоваться помощью, распределяемой среди эмигрантов» (*Garetto Elda. Una russa a Roma: Dall'archivio di Olga Resnevic Signorelli (1883—1973) / A cura di Elda Garetto. — Milano: I.U.L.M., 1990. — P.69*).
- 3 *Гершензон М. О.* Письма к Льву Шестову/ Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя. — Минувшее. — Париж, 1988. - Вып. 6. - С. 309.
- 4 17 сентября 1924 г. Мейерхольд задавал А. А. Гвоздеву «Вопрос: можете переехать в Москву на должность редактора журнала (соредактор — я), который начнем выпускать с ноября (приблизительно)» (см.: *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939 / Сост. В. П. Коршунова, М. М. Ситковецкая; Вступ. ст. Ю. А. Завадского. — М.: Искусство, 1976. — С. 240). Сохранились планы «журнала новой театральной культуры», помеченные 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1585. Л.1-4, 8-11).
- 5 Нужно отметить ответственное отношение Райх к мейерхольдовскому делупроизводству; большое количество документов, подчас, казалось бы, «незначительных» — черновики, почтовые и телеграфные квитанции и т. п. — сохранены сообразно с ее надписью «В архив.З. Р.» и несут на себе ее пояснения.
- 6 РГАЛИ. Ф.963.1.1586. Л. 10 об.
- 7 *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896—1939. С. 247.
- 8 Сохранилось еще несколько версий плана альманаха:
 - 1) с пометой Райх: «Черновик» — в ней фигурируют Керженцев, статья Иванова «О «Ревизоре»», статья Муратова «Пиранделло» (при этом заглавие статьи Иванова выделено подчеркиванием, а муратовской — двойным) (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 25);
 - 2) с пометой Райх: «План № 1» (РГАЛИ. Ф. 683.1.1586. Л. 8);
 - 3) с пометой Райх: «2 редакция содержания журнала» и ее же датировкой: «5-X-25» (РГАЛИ. Ф. 683.1.1586. Л. 12);
 - 4) с пометой Райх: «Текущая» и с заголовком «[Альманах] Журнал № 1» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л.18);
 - 5) без каких-либо помет, вероятно — чистовая копия предыдущего, здесь уже подсчитаны объемы материалов, обратим внимание на то, что и здесь название материала П. П. Муратова подчеркнуто (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 20).

Все эти планы составлены после пребывания Мейерхольдов в Италии, т.к. в

них фигурирует имя П. П. Муратова, на сотрудничество которого рассчитывать из Москвы, вероятно, не приходилось.

- 9 Керженцев Платон Михайлович (большевик, крупный партийный деятель, 1881—1940). Керженцев обещал дать статью в «Театральный Октябрь», но 9 октября писал Мейерхольдам: «Не браните, что статью не прислал. Думаю, я все-таки не совсем безнадежен, но не для № 1» (РГАЛИ. Ф. 998.1.1706. Л. 3). По возвращении в Москву Керженцев стал для Мейерхольда доверенным цензором (каким был и М. А. Рафаил — см. прим. 3 к письму Иванова от 23 августа 1926 г.) — вот, например, его приговор драме Андрея Белого: «Я не успел Вам написать о «Москве». Спешу сделать это. Мое впечатление отрицательное. Пьеса не может иметь успеха» (письмо от 5 мая 1927 г., пространную аргументацию опускаем — см.: РГАЛИ. Ф. 998.1.1706. Л. 6 об.—7 об; ср. там же отрицательный отзыв о пьесе И. Сельвинского — л. 8). В какие-то моменты он даже оказывался покровителем ТИМа и Мейерхольда. Однако уже 20 апреля 1928 г. Райх писала Максиму Горькому, ища у него защиты от натиска конкурентов: «Наши друзья, начиная с Луначарского и Керженцева, очень добрые мягкие люди, но делу помочь они бессильны» (Архив Горького. КГ-ДИ-8-22-1.Л. 2 об.).
- 10 Учитель Бубус: Три акта Алексея Файко В постановке Всеволода Мейерхольда: Комедия на музыку. М., 1925. В надзаг.: Театр имени Вс. Мейерхольда. Если Иванов видел эту брошюру, он не мог не обратить внимания на антирелигиозный пафос пьесы и постановки, в ней подчеркивавшийся (см. с. [1]).
- 11 Там же, с. [4]. Ср. с тем, что говорит сам драматург: «В центре вертелась фигура Бубуса, идеалиста и соглашателя, делающегося игрушкой в руках сильных мира сего. <...> Дело кончалось политическим переворотом и полным крушением всех иллюзий бедняги Бубуса» — см.: Файко Алексей. Театр: Пьесы: Воспоминания. М., 1971. С. 522. Для понимания отношений между Ивановым и Райх, возможно, бесполезно учитывать характеристику Стефки, героини той же пьесы, роль которой играла З. Райх: «Комедия носила сатирическую окраску, но не без лирических интонаций, которыми главным образом была наделена Стефка, простая девушка из народа» (там же) (ср. настойчивые в ее письмах к Иванову утверждения Райх о ее происхождении «из низов», отсутствии воспитания и т. п.).
- 12 Помимо сведений об истории сборника, сообщаемых ниже, возможно, бесполезны общие сведения об его истории. В середине февраля 1926 г. из издательства «Колос», осуществлявшего технически выпуск сборника, сообщалось В. Э. Мейерхольду, что верстка еще не готова и что только часть сборника должна была уйти в Гублит 16 февраля (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 38), и еще 3 апреля А. А. Гвоздев просил В. Э. Мейерхольда: «Для ускорения цензурной проверки сборника было бы существенно Ваше обращение, в форме личного письма, к тов. Острцову (Гублит, ул. Плеханова 7, комн. 15) с указанием на юбилей и проч. <е>. Это наиболее деятельный член коллегии, который поможет ускорить дело» (там же, л. 39). Счета типографии за набор и правку набора — от 16 февраля 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 4 и 5). 22 апреля 1926 г. типография представила счет за отпущенные 500 экз. сборника (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 39). Тираж «Театрального Октября» — 3000 экз. (РГАЛИ. Ф. 998.1.1586.Л.7).
- 13 *Garetto Elda. Una russa a Roma. P. 72.*
- 14 *Мейерхольд В. Э. <Выступления на общем собрании работников ГОСТИМа 22, 23 и 25 декабря 1937 года>. — Мейерхольдовский сборник. М., 1992. Вып. 1. Ч. 1. С. 332, 349, 351; подчеркивания наши.*

Авторы выражают глубокую признательность Д. В. Иванову, неизменно помогающему всем, кто изучает творчество Вяч. Иванова, предоставившему нам на этот раз — документы В. Э. Мейерхольда и З. Н. Райх из римского архива поэта. Одновременно они благодарят проф. Э. Гаретто за доставленную возможность использовать бывшие нам необходимыми материалы, извлеченные ею из архива О. Синьорелли-Ресневич.

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД — ИВАНОВУ

<Венеция> 12-VII-1925

Дорогой Вячеслав Иванович,

вот и мы в Италии (приехали сюда 10-VII). Напишите нам (*Venezia, fermo in posta, V. Meyerhold-Reich*) — как Вы поживаете, долго ли пробудете в Риме? Мы будем в Риме в двадцатых числах этого месяца. Застанем ли мы Вас в Риме? Нам бы очень хотелось с Вами повидаться. Если Вы получили нашу телеграмму¹ о визе и если Вам пришлось о нас хлопотать, мы, извиняясь за беспокойство, приносим Вам нашу сердечную благодарность. Надеюсь скоро с Вами говорить, писать поэтому неохота. Зинаида Николаевна и я часто с восторгом вспоминаем нашу встречу с Вами в Москве, когда Вы так замечательно, с таким блеском и с таким тонким юмором читали Вашу умную, блестящую комедию на музыке². Дорогой учитель! отвечайте на это письмо непременно и скоро.

Любящий Вас

В. Мейерхольд

АВИВР. Судя по сохранившемуся конверту, письмо было отправлено 13 июля; обратный адрес: V. Meyerhold-Reich // Hotel d'Europe. Venezia. Ответ Иванова неизвестен.

- 1 Текст неизвестен. Вероятно, с этим отправлением нужно связать квитанции, датированные 26.6.<19>25, на две телеграммы — в 43 слова и 37 слов — из Москвы в Рим (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 28 и л. 35), одна из них могла адресоваться Иванову, другая — П. М. Керженцеву.
- 2 Речь идет о до сих пор не изданной пьесе Иванова «Любовь—Мираж», написанной в Баку, несколько раз читанной автором в Москве летом 1924 г. Отметим уравнение, проводимое Мейерхольдом: «оперетка» Иванова=«Учитель Бубус», пьеса Алексея Файко, недавняя премьера театра им. Вс. Мейерхольда, жанр которой определялся как «комедия на музыке» (см. вступительные замечания, примеч. 10).

ИВАНОВ — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ и З. Н. РАЙХ

<Рим. 25 июля, 1, 8, 15 или 22 августа 1925 г.> Суббота

Дорогие друзья,

Помните, — мы условились, что завтра, в воскресенье, Вы у нас обедаете.

Если почему-либо не можете, что было бы весьма прискорбно, — черкните два слова и пришлите нам с утра. Но надеюсь, что можете, и в таком случае никакого извещения не нужно.

Вчера вечером мы Вас не дождались, сегодня — кажется — также, и нам очень скучно.

От всех привет.

Ваш

Вяч. Иванов

РГАЛИ. Ф. 998.1.1620. Л. 4-5. Датируем письмо по указанному дню недели; между 12 июля (дата предыдущего письма) и 28 августа (когда Мейерхольды уехали из Рима — см. прим. к письму от <12(?) сентября 1925 г.> субботы приходились на 18 и 25 июля, 1, 8, 15 и 22 августа; дата прибытия Мейерхольдов в Рим (где их не было еще 22 июля — ср. письмо П. М. Керженцева Мейерхольду из Рима от 22 июля 1925 г. — РГАЛИ. Ф. 998.1.1706. Л. 2), общий тон установившейся дружбы и привычки к частому общению, упоминание в ответ-

ной записке (см. ниже) трудностей с получением визы заставляют считать более приемлемой датировку этой записки 1, 8, 15 или 22 августа, но и последнее из указанных чисел кажется неприемлемым, т. к. 25 августа детей Иванова уже не было в Риме и употребление Ивановым множественного числа — мы, нам, нас — было невозможным.

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД и З. Н. РАЙХ — ИВАНОВУ

<Рим. 26 июля, 2, 9, 16, или 23 августа 1925 г.>

Дорогой Вячеслав,

так как мы сегодня у Керженцевых, нам придется отказаться от удовольствия быть с Вами сегодня. Надеюсь, ты не рассердишься, что мы не исполнили своего обещания. Зин. Ник. и я шлем всем сердечные приветы.

Дружески

В. Мейерхольд

- перенос¹

Обязательно сегодня же зайдем к Вам, но не к обеду — чем, конечно, я очень огорчена!!! Скучаем без Вас, но волнения по отъезду и неясности² очень волнуют и приковывают к посольству, в адрес которого получаем почту. Так надоело ждать! — вероятно, сорвемся и уедем домой.

Мой горячайший привет!

Зин. Райх

АВИВР. Датируется по несомненной, кажется, связи с предыдущим письмом.

- 1 Слово — рукой З. Н. Райх — привлекает внимание адресата к тексту на оборотной стороне листа.
- 2 3 августа Иванов писал М. Горькому: «Мейерхольды все еще в Риме, в ожидании французской визы» (Архив Горького, КГ-П 30-2-10).

З. Н. РАЙХ — ИВАНОВУ

<12(?) сентября 1925 г.>

<...> Всего девять дней мы в России (лететь не удалось — были туманы, и вообще, начиная с Берлина — самая гнусная осень) — а кажется, что мы здесь месяц — много работы и много людских встреч. <...> Издательство организовывается, мы много работаем по сбору статей для альманаха¹. Сейчас пишу Вам для того, чтобы поторопить Вас со статьей о «Ревизоре». *Необходимо*, чтобы Вы ее выслали не позже 25-28 сентября: Москва, Новинский бульвар, д. 32, кв. 45. Вс. Эм. Мейерхольду. Я очень прошу Вас не подвести меня, дорогой Вячеслав Иванович, выслать ее в срок. С своей стороны я Вам вышлю за нее 100 рубл.² Статью очень прошу сделать не менее чем на 10 страниц, чтобы большой гонорар был оправдан, не правда ли? Альманах будет носить серьезный характер, так что можете ее сделать не очень-то популярной.

Не забудьте о том, что обещали написать «Трагедию трагедий»³ — это также чрезвычайно важно. Если «письмо о Ревизоре» не удастся сделать таким большим — на 10 стр. — не огорчайтесь — сделайте ее меньше, *главное пришлите обязательно*.

Ну, а как поживает Микель-Анджело? Переводите ли Вы его? Напишите мне о нем обязательно³. <...>

СС IV, 752; подлинник затерялся в АВИВР, воспроизводим опубликованный фрагмент. Датировка этого фрагмента в СС «Ленинград. 30 августа 1925 г.» очевидно ошибочна, он должен быть отнесен к более позднему времени: Иванов сообщил детям в письме от 29-30 августа 1925 г., что 28 августа он встретил на римском вокзале Мейерхольдов («с коими накануне вечером мы нежно распростились»), выезжавших прямым поездом в Берлин (*Иванова*, с. 157); следовательно, сказать, что «девять дней мы в России» З. Н. Райх могла не ранее 12 сентября, учитывая сообщение Дж. Малмстада о возвращении Мейерхольдов в СССР (но не в Россию! — как пишет наш американский коллега и друг) — 3 сентября (там же, с. 154).

Сохранилась квитанция ленинградского почтамта от 13.8.1925 за номером 44 на заказное отправление: Roma Ivanov; там же, не отделенная от первой, и другая, за № 45: Roma Keigenzell (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 27). Такого быть не может (если только это не квитанции на отправления, сделанные не Мейерхольдами, а кем-то еще — что весьма невероятно): Мейерхольды в означенное время были еще в Италии. Является большой соблазн предположения, что в штампе неверно был выставлен месяц — в таком случае перед нами документ, точно датирующий комментируемое письмо. Тогда же, вероятно, писала Райх и Муратову, поскольку 19 сентября Муратов отвечал ей: «<...> я получил Ваше письмо и постараюсь статью послать в срок» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 10-11).

- 1 Вероятно, к тому моменту, когда Мейерхольды оказались в Европе, их издательство юридически еще не существовало. В сентябре 1925 г. была составлена издательская смета; в ней название графы расходов «Альманах» красным карандашом выправлено на «Журнал», который должен был выходить четыре раза в год (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 11). Несомненно, к этой смете восходит программа издательства «Театральный Октябрь» (учредитель — «трудколлектив театра им. Мейерхольда»), зарегистрированная Главлитом только 3 марта 1926 г., с правом, в частности, выпустить в сезон 1925/26 г. четыре «сборника по вопросам революционного театра» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1587. Л. 1; ср. ниже в письме Райх от 4<-7> декабря 1925 г.: «журнал не разрешили»).
- 2 См. примеч. 1 к письму Райх от 1 октября 1925 г.
- 3 Эта статья, фигурирующая в договоре между Вяч. Ивановым и издательством мейерхольдовского театра, не была написана.
- 4 Переводить Микеланджело Иванов начал, несомненно, до появления в Риме Мейерхольдов, которым идея заказать поэту полный перевод поэтического наследия Микеланджело, вероятно, пришла в голову после того, как они познакомились с первыми результатами этой работы. В письме от 24 августа 1925 г. Иванов рассказывал детям про вечер в советском посольстве: «Я прочитал переводы сонета о «Простуженном коте» и надписи к «Ночи» в честь экскурсантов, вчера видевших Сикстинскую капеллу, а завтра имеющих увидеть «Ночь»: это чтение имело огромный успех, пришлось кстати, и меценатствующие наши Бубусы были мною довольны» (*Иванова*, с. 151). Как видно из дальнейших писем, предполагалось, что гонорар переводчику будет поступать в виде регулярных выплат (как это делалось при работе Вяч. Иванова над переводами античных авторов и Петрарки для издательства Сабашниковых в 1913—1917 гг.); однако издательство не смогло реализовать этот план.

По сию пору опубликованы только два перевода Вяч. Иванова из Микеланджело: сонеты «Не смертный образ очи мне пленил...» и «Нет замысла, какого б не вместила...» — Новый журнал. — 1970. — Июль-авг. (№ 100); перепечатано: *Иванов Вячеслав*. Стихотворения и поэмы/ Сост., подготовка текста и прим. Р. Е. Помирчего; вступ. ст. С. С. Аверинцева. Л., 1976.

ИВАНОВ — З. Н. РАЙХ

Рим, 30. IX. 1925.

Дорогая Зинаида Николаевна,

Спасибо прежде всего за Ваше славное дружеское письмо. Ваш порт-

рет вижу я постоянно, сидя за письменным столом; в нем есть, несомненно, часть Вашего присутствия; Вы ласково киваете мне и глубоко заглядываете в меня верным, пристальным, добрым взглядом. Ваши строки подтверждают и дополняют этот ежедневный молчаливый диалог¹.

— «Было ли скучно, когда мы уехали?» — Еще бы, и до такой степени, что охотно выслушал бы опять самую дикую тираду против Рима и всей, подлежащей разрушению, европейской культурной традиции, — охотно взглянул бы разок на Всеволода даже в виде «зарезавшегося», с бесчувственным поникшей на бок головкой!²

Вы оба напоминали мне почему-то быстро вращающийся и светящийся, облачный, но очень теплый клубок, заполняющий при своем приближении пространство <большее?> наших комнаток и все закручивающий в свой суматошливый и ласковый вихрь. После такого уподобления подумайте, можно <ли> не почувствовать по Вашем исчезновении, в направлении на Северо-Восток, какой-то пустоты вокруг. Остались после Вас кое-какие материализации, улики Вашего присутствия, милые памятки, нап.<ример>, вазочка любимая, пальмочка, еще не совсем увядшая, но со дня на день увядающая, несмотря на все неусыпные об ней заботы, периодические погружения в воду и прочее, что строго настроено наказывала мне делать Лидия, уезжая с «женственным» братишкой в Неттуно, где доселе проживают они над самым синим морем, почему и к сему письму руки приложить не могут. — Переход от заполненного Вашим вихрем периода к моему продолжающемуся пустынножительству был смягчен поездкой в Сорренто, а оттуда, с молодым Максимом, через горы в очаровательное Амальфи и Равелло³. У Алексея Максимовича гостил я неделю. Поручения все строго выполнил. Убеждал много написать для вас о молодняке, но определенного обещания добиться не мог⁴. Говорили мы с ним хорошо и о Вас лично: он относится к Вам с живой симпатией, и я с уверенностью говорю Вам: пишите ему все, что у вас на душе⁵.

Статью отослал я еще 28-го сентября (не задержав ее, как видите, дольше назначенного Вами срока) на имя Вс.<еволода>Э.<милевича>, Новинский бульвар 32, заказною рукописью и притом *экспресно*: посмотрим, когда-то Вы ее получите, и не будет ли она задержана цензурой, которой, кажется, рукописи подвергаются. Если произойдет задержка, придется пересылать рукописи через полпредство. Я получил Ваше письмо, когда уже писал ее в расширенном виде, и рад, что угадал Ваше желание иметь не короткое «письмо», а нечто более солидное. У меня вышло, в самом деле, исследование, притязающее на научное значение и которое не должно остаться незамеченным, по крайней мере, специалистами, о родстве «Ревизора» и комедий Аристофана, причем вопросу о постановке посвящена собственно только заключительная, 7-ая, глава. Написал я не меньше печатного листа, а то и больше, пожалуй: в смысле объема Вы можете быть статьей довольны. П. П. Муратов говорил мне, что отсылает свою статью о Пиранделло, которую, кажется, отдавал переписывать на машинке, — во вторник 29-го. Кстати о Муратове: разрешите мне убеждать Вас оплатить его работу по повышенной ставке. Об этой просьбе моей сам он, — щепетильнейший и гордый человек, — разумеется, ничего не знает. Но я вижу, как он нуждается: а как писатель, он, конечно, на высоте наивысшей тарифной категории. Сверх того, это ободрит его к активному сотрудничеству⁶. Ольге Ив. Синьорелли, которая, кажется, уже вернулась из Риги на этих днях, скажу, что Вы поручили⁷.

К Пл.<атону> Мих.<айловичу> заходил я раз (до получения Вашего письма) узнать, нет ли от Вас обещанного аванса; но он был в отпуску, и говорил с его теперь тихо-приветливой и, кажется, счастливой ребенком

женой⁸. Благодарю Вас за великодушную расценку гонорара за статью (которая, в самом деле, мне стоила немало труда), но прошу и об авансной поддержке, ввиду особенно начала зимнего сезона и необходимости экстренных затрат на одежду, школу и т. д. Микел Анджело (наработанно р. <Уб-лей> на 50-60) был отстранен временно поездкой к Горькому и статьей, теперь его очередь. Но условимся: присылать ли Вам тотчас все готовое или нет, ибо прядок стихотворений будет в издании иной, план (очень ответственный) еще не выработан, и доставлять ли тотчас или потом сопутствующие стихам примечания? Выработайте порядок работы, так чтобы я имел в ней верную денежную поддержку. — Другой статьи, о Трагедии, сейчас писать неумогу, да и читателю сейчас читать ее (ведь опять о древности!) тоже неумогу: ее нужно всячески отложить⁹.

Ваше письмо дышит радостным и бодрым возбуждением от увлекательной захватывающей все Ваше существо работы. Рад, что эти гастроли все же состоялись. Всем сердцем желаю вам художнического, очастливающего Вас удовлетворения, а также успеха и признания настоящего, которые, я знаю, Вы завоеуете. Работайте с верою во внутренний зов!

Поцелуйте от меня крепко, крепко мужа. Ему желаю, прежде всего, доброго здоровья. А в отношении успеха он уже так избалован, что не должен только возгордиться не в меру. Пусть помнит, что художник в нем и зачинатель, <двигатель?>, революционер — одно, и не подчиняет художника в себе революционеру. Сими приличествующими старцу наставлениями кончаю послание, заочно Вас обнимаю с дружескою неизменною верностью.

Ваш

Вячеслав Иванов

РГАЛИ. Ф. 998.1.3696. Л. 2-5.

Ответ на предыдущее письмо.

- 1 Портрет сохранился в АВИВР, на нем посвящение, по которому можно составить представление о некоторых темах, обсуждавшихся в Риме: «Дорогому Вячеславу // Возлюбите юную СССР-ию — надо уметь прощать многие ошибки, свойственные юности... // Дружески Зинаида Райх // Рим 7.VIII.25».
- 2 Образ индуцирован неизвестною частью предыдущего письма Райх или воспоминаниями Иванова об эпизодах римского свидания с Мейерхольдами: в их идиолекте «зарезался» означало приступ ревности у Всеволода Эмильевича, ср.: «Мейерхольд ревновал свою Зинаиду, как Отелло... Мейерхольд замолк, лицо у него сделалось мертвым и серым. — Что с ним? — ничего. Это он «зарезался», — отвечает Зинаида» (*Иванова*, с. 155-156, на с. 156 и другой пример этого словоупотребления).
- 3 30 августа 1925 г. Иванов, в субботу, писал детям: «Завтра я подговаривал Макса <Максима Алексеевича Пешкова, сына Максима Горького, у которого в это время гостил Иванов — *Лубл.*> свозить меня и милую Валентину Мих. Ходасевич, любительницу таких путешествий, на знаменитой мотоциклетке в Амальфи, где я никогда не был; но в воскресенье нельзя: опасно, ибо автомобилисты устраивают по приморской дороге бешенные гонки, и решено ехать в понедельник» (*Иванова*, с.160).
- 4 Слово «молодняк» — несомненно чуждо идиолекту Вяч. Иванова, это цитата из советского жаргона двадцатых годов.

20 августа 1925 г. В. Э. Мейерхольд писал Максиму Горькому:

Дорогой Алексей Максимович, мне поручено заказать Вам статью в альманахе (книга I выйдет ближайшей осенью) нового издательства, организованного при театре моего имени в Москве.

Я должен был сказать Вам об этом в Сорренто, в часы нашего свидания, но я ни слова не сказал Вам об этом потому, что хотелось больше слушать Вас, чем говорить: так прекрасны были Вы в Ваших размышлениях о литературе и новых

людях молодой СССР-ии.

Альманах будет не только театральным (конечно, театр будет в центре). Он будет освещать вопросы и других искусств.

Чрезвычайно важно было бы, если бы Вы в первой книге дали (краткий хотя бы) обзор новой современной литературы. И хорошо было бы подтолкнуть наш талантливый молодец к тому, чтобы он решительно встал лицом к театру, в годы, когда драматургия наша находится в состоянии явного упадка.

Мне хотелось бы иметь от Вас статью к 15 сентября.

Не браните меня за назойливость, если на такие обращения Вы, занятый теперь большим романом, отвечаете отказом.

Во имя нашей дружбы, быть может, Вы не станете отвечать отказом.

Очарованный Вами соррентовским

Всеволод Мейерхольд

20—VIII—1925

Рим.

(Архив Горького, КГ-ДИ-6-66-1)

Одновременно писала Горькому и Райх:

Прекраснейший Алексей Максимович!

Я с горячностью присоединяю свою просьбу о написании Вами статьи в наш Альманах. Чтобы Вам был ясен мотив моей просьбы — вспомните, что Вс.<еволод> Эм.<ильевич> говорил Вам о том, что я являюсь инициатором и организатором этого театрального издательства и, в частности, Альманаха. Если Вы действительно напишете такую статью — мы — театральная молодежь — будем скакать от радости и разблагодарим Вас — посвящением нашей работы Вам. Помните — необходимо ответить «да» и выслать статью 15/IX экспресс-заказным на имя Пл. Мих. Керженцева — Via Gaeta 3, Roma — для пересылки диплом.<атическим> курьером — Мейерхольду.

Желаю Вам самого замечательного здоровья!

Зинаида Райх

1925 г., авг.<уста> 20, четв.<ерг> 1 ч.<ас> дня
Рим.

(Архив Горького, КГ-ДИ-8-22-2)

Горький ответил Мейерхольду решительным отказом 23 августа 1925 г. (письмо опубликовано: *Мейерхольд В. Э.* Переписка: 1896-1939. С. 248; о встрече В. Э. Мейерхольда с М. Горьким в Сорренто см. также: *Мейерхольд В. Э.* <Выступление на общем собрании работников ГОСТИМа 22, 23 и 25 декабря 1937 года>. Мейерхольдовский сборник. М., 1992. Вып. 1.—Ч. 1. — С.356).

- 5 По всей видимости Райх Горькому не писала, в Архиве Горького, кроме приведенного выше, хранится только еще одно письмо Райх, от 20 июня 1928 г., весьма интересное и доверительное, но событийно никак не связанное с соррентийской встречей.
- 6 28 сентября 1925 г. П. П. Муратов писал З. Н. Райх: «<...> завтра посылаю Вам статью о театре Пиранделло — с опозданием на один день против указанного Вами срока. Думаю, что это не беда. Жалею, что рукопись переписана по старой орфографии — иначе вышла бы задержка с перепиской. Но это легко конечно исправить в наборе. Если надо, в ноябре пришлю статью о диалектальном театре» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 20; см. также его письмо от 19 сентября — там же, л. 10-11). Объем статьи Муратова, по издательской калькуляции, — 15 900 знаков (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 34 об.). Она была набрана и сохранилась в гранках «Театрального Октября» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1599. Л.23). Работа Муратова (в отличие от статьи Иванова) не упоминается в списке статей для сборника, составленном Мейерхольдом 16 января 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 15). Возможно, это уже следствие редакционного решения, о котором Райх сообщила Иванову в письме от 12 августа 1926 г. (см. ниже).

Еще в объявлении о готовящихся «Театральным Октябрем» изданиях, помещенном в проспекте книги Н. Волкова о Мейерхольде (выпущен в 1926), анонсируется второй сборник «Театральный Октябрь», среди авторов которого назван П. Муратов (и не упоминается Вяч. Иванов); то же самое — в недатированной рукописи издательского анонса - РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 7 (этот документ следует отнести к весне 1926 г. — по связи с рекламой первого сборника — там же, л.5).

Был ли уведомлен Муратов о судьбе его рукописи — мы не знаем. Опубликована его статья о Пиранделло была в Праге (Воля России. 1926. № 2. С. 86-95).

- 7 Синьорелли Ольга (Ресневич-Синьорелли Ольга Ивановна, 1883-1973) — уроженка Риги, с начала века в Италии, замужем за известным итальянским врачом Анджело Синьорелли. Переводчица русских писателей на итальянский язык; была в дружеских отношениях с семьей Ивановых. Хозяйка литературного салона. Как близкой подруге Элеоноры Дузе Мейерхольды заказали ей монографию о скончавшейся 21 апреля 1924г. актрисе; о судьбе этого предприятия см. *Приложение III*.
- 8 4 сентября 1925 г. Керженцев писал Горькому: «Поздравьте меня с дочкой» (Архив Горького, КГ-П-35-2-5). — Речь идет об авансе за перевод Микеланджело.
- 9 Ср. в воспоминаниях дочери — в том же абзаце, где говорится о работе над статьей о «Ревизоре» для Мейерхольда: «Ему смутно мерещится новая трагедия, «Антигона». Но он не уверен ни в сюжете, ни в возможности быть услышанным современниками» (*Иванова*, с. 140). Еще определеннее свои сомнения в актуальности собственного творчества в связи с упадком общего интереса к античному наследию сформулировал сам Иванов в дневниковой записи: «4 дек.<абр> Целый день думал об Антигоне — и кажется, бесполезно. Может ли она интересоваться современность? Могу ли я вообще быть интересным, даже только приемлемым современности?» (Дневник 1924 г.: СС III. —С. 852).

3. Н. РАЙХ — ИВАНОВУ

1-Х-<19>25, Москва, Новинский б., 32, кв. 45

Дорогой

Вячеслав Иванович!

Послала Вам письмо, но пока ответа не получила. Очень прошу, ответьте. А статью необходимо прислать вашу и Муратовскую — немедленно. Я не сомневаюсь, что Вы их выслали.

Выслали Вам 100 р. в виде 50 долларов, а Муратову 20 долларов, которые также придут на Ваше имя, а вы ему, пожалуйста, их передайте¹. Одновременно с этим письмом посылаю письмо и Муратову, где сообщая о высылке денег для него на Ваше имя².

Очень прошу прислать мне расписку в получении денег.

Больше сейчас писать не буду.

Жду Вашего письма и, надеюсь, немедленного уведомления о получении денег. Пожалуйста, Вячеслав Иванович, а то я буду волноваться.

Деньги посланы телеграфом.

Приехала ли Синьорелли?

Мой привет и Всеволода Вашим блондинистым детишкам. Не забыли ли они меня?

Крепко Вас обнимаю.

Ваша Зинаида Райх

P.S. В это письмо вкладываю свою карточку в Аксюше, которую обещала прислать Диме³.

Привет от Всеволода.

АВИвР. Почтовый штампель гашения — Москва, 2 X 25; квитанция почты на прием этого письма заказным — РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 32; тогда же было

отправлено заказное письмо П. П. Муратову — квитанции двух отправок не разделены.

- 1 Сохранился недатированный список расходов по «Театральному Октябрю», где, в частности, зафиксировано:
 - «1) Лично из денег З. Райх уплачен аванс Вяч Иванову — 40 долларов
 - 2) Послано в Рим ему же за статью 50 долларов= 142 р. 33 к.
 - 3) Туда же Муратову 20 долларов <...>» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 16).40 долларов — аванс за перевод Микеланджело. — Деньги были отправлены не до комментируемого письма, а после: сохранилась квитанция Госбанка от 6 октября <1925 г.> на перевод в Рим 70 долларов, что с учетом комиссионных и телеграфных расходов составило 14 червонцев, 2 руб. 33 коп., т.е. 142 р. 33 коп. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 26; ср. там же, л.14 и 15). — Ср. в письме П. М. Керженцева В. Э. Мейерхольду и З. Н. Райх от 9 октября <1925 г.>: «Заходил Вячеслав Ив. — тоже ждет денег от вас» (РГАЛИ. Ф. 998.1.1706. Л. 3). — Расписку, о которой Райх настоятельно просит ниже, Иванов, вероятно, не выслал (если в архиве сохранились не только письма, но даже почтовые квитанции на заказные отправления, странна была бы утрата подобного документа).
- 2 Письма З. Р. Райх П. П. Муратову нам неизвестны.
- 3 На фотографии З. Н. Райх в роли Аксюши («Лес» А. Н. Островского в постановке В. Э. Мейерхольда) надпись: «Диме Иванову — Зина Райх // 1925» (АВИВР).

З. Н. РАЙХ — ИВАНОВУ

4<-7>-XII-<19>25.
Москва

Здравствуйте, дорогой
Вячеслав Иванович!

Не брани(те) меня, не казни(те) меня, вели(те) выслушать!
Во-первых, ваша рукопись и рукопись Муратова — получены — вовремя.

Во-вторых — сборник (журнал не разрешили) до сих пор не вышел, а потому я Вам его не смогла выслать.

В-третьих — денег нет. Нет потому, что у нас в театре нет настоящего крепкого администратора, и несмотря на прекрасные сборы — дела финансовые у нас в очень плачевном состоянии. Однако есть надежда, что все в самое ближайшее время изменится. Деньги будут.

В-четвертых — не писала — все ждала — вот-вот мне дадут денег для Вас и я смогу выслать. А что писать?! Без денег ерунда. Они — главное.

Теперь вот что: в декабре я Вам вышлю 120 рублей — это 60 долларов, я Вам дала в Италии 40 долларов, итак, всего Вы получите 200 рублей аванса в счет Микель-Анджело¹. Я знаю, что это гроши, но пока дела в театре не поправились, с издательством — ерго — дело дрянь.

Если вышлете стихи, которые перевели, то за них начну высылать периодически, как выслала за статью — быстро — по количеству строк и по цене, по каковой условились.

Если пришлете статью «Трагедия трагедий» — за нее деньги тоже переведу не по напечатанию, а по получению ее в СССР мной.

50 долларов, что высланы были Вам в октябре — идут как гонорар за присланную Вами статью.

С Шор — виделась, она обещала Вам написать и сообщить все о Микель-Анджело в России (что о нем напечатано и что его напечатано)².

Грустно мне, что я не смогла, дорогой Вячеслав Иванович — продолжить в том же темпе и темпераменте — помощь Вам.

Наши финансовые дела сейчас отнюдь не блестящи, а скорее наобо-

рот. С картиной в кино дело провалилось. Она не будет ставиться³. С театральным получением денег — не разведешься.

Если бы Вс.<еволод> Эм.<ильевич> работал в кино, ясно, что я бы вынула деньги из своего кармана и послала бы Вам, а потом, когда дела издательства поправились бы — я их получила. Но это не случилось, и мы остались той же нищей богемой, чем и были. Аванс протратили на поездку в Италию — вот и все. Грустно...

Слышала и читала, что будто бы дело с организацией Археологического Института в Риме под Вашим началом подвигается. Верно ли?⁴

Продолжаете ли связь с Керженцевым? Я ему сегодня тоже буду писать⁵. Я втайне надеялась, что он заменил меня в эти месяцы моего молчания, и помогал Вам. Ошибаюсь?

А как подвигаются дела с Синьорелли? Пишет ли она о Дузе? Напишите мне, Вячеслав Иванович, нужно ли высылать ей аванс, или она работает вне зависимости от аванса, и это ей сейчас не важно. Тогда я ей вышлю деньги в конце января. Когда она думает кончить монографию? Кроль⁶ мне говорил, что она работает. Связался ли Керженцев с ней — подружился ли с ее домом? Он очень был ею заинтересован⁷.

Мы много, оба, работаем. Мейерхольд над «Ревизором» и в плане «общественно-политическом», который, по-моему, сейчас отнимает у него вдвое больше времени, чем его труд профессиональный.

Я учусь, в новых постановках не занята⁸ из соображений этических, совести и подобной дряни, которая, я начинаю понимать, художникам не нужна, она мешает. Но мне трудно, ибо они во мне крепко засели. Я завидую Вашему прекрасному качеству — злости и хочу начать внедрять в себя ее. С ней легче. Работаю много, но так как я человек из «низов», мне приходится начинать с азов, а это скучно и раздражает.

Не сердитесь на меня, родной и дорогой Вячеслав Иванович, пишите мне скорей — Вам это легче. Обещаюсь отвечать скоро, начинаю себя подтягивать в области откладываний на завтра.

Целую Ваших деток, Диму и Лиду, Мейерхольд тоже. Целую я и Вас, и Всеволод тоже.

Ваша Зинаида Райх

Синьорелли⁹ и Муратову напишу. 7/XII.

АВИВР. Почтовый штемпель на сохранившемся конверте: московский — <8-9>.XII.25, римский — 11.12.25.

- 1 По всей видимости, никаких денег, кроме тех, о которых говорится в прим. 1 к предыдущему письму, Вяч. Иванов от Театра им. Вс. Мейерхольда и его издательства больше не получал: ср. его письмо от 23 августа 1926 г. — 29 апреля <1926 г.> П. М. Керженцев писал В. Э. Мейерхольду и З. Н. Райх: «Вяч. Ив. грустен среди римских развалин. С заработком плохо. Мы ему выясняли ваше положение — но он уныло сказал, да, это все понятно, но я тоже без денег. И об других переводах (Анжело <sic — Лубл.> и пр.<очих>) он склонен говорить» (РГАЛИ. Ф. 998.1.1706. Л. 5). Однако и Вяч. Иванов не выслал в Москву ни строчки из переведенного им Микеланджело — см. его письмо к Райх от 23 августа 1926 г.
- 2 О. А. Шор специально занималась творчеством Микеланджело. 7 февраля 1927 г. письмом из Москвы она просила помощи у О. Синьорелли, чтобы ускорить предоставление ей итальянской визы для научной командировки в Италию, целью которой была работа о Микеланджело, при этом Шор, в частности, писала: «Что я еду именно с этой целью, может подтвердить Вячеслав Иванович, которому я имела честь и радость свою работу еще в Москве частично прочитать» (частный архив; этой ссылкой мы обязаны дружеской любезности проф. Э. Гаретто).
- 3 В недатированной (но составленной осенью 1925 г.) записке «Заказано по издательству» Райх отметила особо: «9) Перевод сонетов Микель-Анджело // (повидаться с Шор)» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 21).
- 3 В 1925 г. В. Э. Мейерхольд вошел в состав правления Пролеткино. Возник

проект фильма по книге Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир», который реализован не был. Последовал грандиозный замысел эпопеи «Стальной путь», посвященной революционным выступлениям русских железнодорожников за сто лет, однако заказчик — профсоюз железнодорожников — вскоре отказался от финансирования (см. *Февральский А.* Пути к синтезу: Мейерхольд и кино. М., 1978. С. 74-78; уже 14 сентября 1925 г. Г. А. Кроль писал В. Э. Мейерхольду, что постановка «Стального пути» откладывается. — РГАЛИ. Ф. 998.1.1798. Л. 25).

- 4 Ср.: «В течение 1925 г. Вячеслав предпринимает целый ряд попыток практического устройства нашей жизни. Сначала он увлекается идеей основать в Риме, по примеру Франции, Испании, Германии, русский государственный институт наук и искусств. Он мне объясняет, что страна и правительство — вещи разные: правительство сегодня одно, завтра другое — страна остается. По своему достоинству Россия должна иметь в Риме «академию», которая бы ее представляла независимо от текущих политических событий. Ему казалось, что в этот момент самым подходящим президентом академии мог бы быть Максим Горький, который жил тогда в Сорренто. Но их точки зрения были слишком разные, и из проекта академии ничего не вышло» (*Иванова*, с. 155). — Сведений об этом проекте в современной печати обнаружить не удалось.
- 5 Письма З. Н. Райх к П. М. Керженцеву нам неизвестны.
- 6 Кроль Георгий Александрович (1893-1932) — ученик В. Э. Мейерхольда, режиссер театра и кино, в начале двадцатых годов работавший в Германии и в Италии, вскоре возвратившийся на родину.
- 7 Советский посол мог интересоваться О. Синьорелли и в связи с тем, что ее муж, крупный врач, был дружен с Муссолини и обладал обширными связями в верхах итальянского общества.
- 8 Райх была студенткой актерских курсов Государственных Экспериментальных Театральных Мастерских (ГЭТЕМАС), которые окончила в апреле 1926 г.
- 9 В архиве О. Синьорелли сохранились только два письма от З. Н. Райх, других, по всей видимости, не было — см. *Приложение III*.

З. Н. РАЙХ — ИВАНОВУ

12-VIII-<19> 26 г. Москва

Здравствуйте, милый
Вячеслав Иванович!

Всякая сердитость когда-нибудь кончается... Может быть, Вы за давностью Вашей недовольности мной — кончили на меня сердиться и сложите гнев на милость? Помните, как мы с Вами хорошо ладили и хорошо спорили друг с другом. Правда, споры были острые, ибо мы оба люди темперамента, но все же они кончались всегда взаимной дружеской любовью. Я, собственно говоря, даже не знаю, отчего и почему я так провинилась перед Вами?! За собой не знаю никаких грехов¹.

Знаю только, что хотела Вам помочь и облегчить Вашу преподлую материальную беду и нужду. Но... Я ведь не с тугим карманом меценатка, дорогой Вячеслав Иванович, и, если мои самые искренние, самые упорные хлопоты и заботы помочь Вам не увенчались успехом — вы должны простить Вашей молодой приятельнице, Зинаиде Райх, ее неудачи в этом направлении. Неужели Вы можете сомневаться в том, что все случилось не по моей вине.

Не сердитесь на меня за гнусные слова «меценатка с тугим карманом». Я искренно досаую, что я не меценатка, ибо в таком случае я щедро бы помогла Вам. Ведь очень немногие сейчас в молодой СССРии учитывают Вашу ценность и Ваше громадное значение в литературе и искусстве. Я, одной ноздрей, когда-то, понюхавшая науку на В.<ысших> Ж.<енских>

К.<урсах> и будучи более или менее средне-культурным человеком старой формации — знаю, кто вы, какой гигант. И помочь Вам — было бы мне честью. Но кончим об этом. Вывожу гипотезу: Вяч.<еслав> Ив.<анович> перестал на меня сердиться, меж нами мир. Все же надо выяснить все претензии — что Вы имеете ко мне сейчас и к Вс.<еволоду> Эм.<ильевичу>.

Издательство наше развернулось за год на семь изданий, весьма несолидных, но стоивших нам 13.000 рублей². Оно будет продолжать свою деятельность. Какие Вы имеете материалы для издания и имеете ли что-нибудь? Высылка мной Вам ежемесячно 150 рублей за переводы Анджело не могла состояться. Подлец, который заведывал администр.<ативно>-финанс.<овой> частью, которого мы сейчас предаем суду — игнорировал издательские дела, и я ничего не могла получить для Вас, не имея от Вас хотя бы перевода 50 стихов-строчек. Наши ли Вы кого другого, который будет Вам помогать издавать Ваши вещи или Вы все же не побрезгуете мной грешной и завяжете со мной вновь переписку и переговоры по этому делу? Если не смогу устроить в нашем издательстве Анджело — берусь помочь устроить его в другом каком-либо московском или ленинградском³.

А есть ли у Вас что-нибудь? Работали ли Вы? Ну, а как «Цыганы», которые Вы хотели драматизировать? У нас сейчас как раз репертуар слаб на новый театр.<альный> сезон, и «Цыганы» бы очень-очень пригодились⁴. Вот, пожалуйста, дорогой Вячеслав Иванович, напишите мне все обстоятельно — без конца — буду благодарна Вам, сердитому злоке.

Знаете — я Вас так боюсь, помня, как Вы обозлились на меня на Вилле Адриана и предъявили ультиматум: быть единственным гидом-диктатором. В Вашей натуре имеется такая злая воля к власти, к иезуитскому злу... что я боюсь, боюсь Вас. Но осмелилась, как видите, и говорю с Вами дерзко и смело...

Этот год был очень неудачен в творчестве Всеволода. Он до сих пор не поставил «Ревизора», хотя работал весь год упорно. Я в этот сезон играла все старые вещи свои и тоже не удалось обогатить свой опыт новой работой⁵. Сейчас мы переживаем полосу самых гнусных, самых острых неприятностей от людей, изменивших нам, нашей работе и ставших нашими заклятыми врагами⁶. Лето не отдыхали. Весной — в мае были месяц в Париже. Очень интенсивно осматривали, бывали ежедневно в театрах, устали невероятно. Затем месяц были на гастролях в Киеве и Одессе, где пришлось пережить очень много тревожных и даже потрясающих моментов. Сейчас — вот уже месяц живем в пыльной паскудной Москве и работаем, ежедневно переживая опять тысячу самых острых неприятностей...

Зимой, Вы знаете, трагически погиб С. Есенин. Это тоже ужасно подкосило меня и Всеволода. Мы оба сейчас постарели на 5 лет сразу. Ну, вот картина невеселой нашей жизни...

Как Лида и Димочка? Кончила ли Лида, как ее успехи? Как ее композиции? Писала ли что-нибудь для «Цыган»? А Димка — ? Все такой же очаровательно-женственный или уже начинает идти к возмужалости? Прошел год, как были мы в Риме и встречались с Вами и Вашими детьми. Вот теперь могу сказать, что месяц в Риме был один из ярких в моей жизни! Недавно получили от Керженцева письмо, он по-прежнему мил. Бываете у него, помог ли он Вам? Я видела Кроличиху в Париже⁷. Она живет там, но не работает. Больна. Кроль в Москве, нуждается, у него было много неудач с кино.

Прилагаю письмо к Синьорелли. Пожалуйста, передайте ей. Целую Ваших детей и Вас, дорогой Вячеслав Иванович, Всеволод тоже обнимает всех.

Ваша Зинаида Райх

Муратовская статья не пошла. Редакция в составе Гвоздева, Мейерхольда и Рафаила нашла невозможным ее напечатание в «Театр.<альный> Октябрь»⁸. Она пойдет в театральн.<ом> журнале в Ленинграде и когда пойдет — вышлем гонорар.

Простите мне, милый Вяч.<слав> Ив.<анович>, грубые части моего письма. Вы знаете: не получила я нежного воспитания и грубость — один из главных моих недостатков. Но... «полюбите нас черненькими, беленькими нас все полюбят»...

Звонила Шор и просила прислать «Театр.<альный> Октябрь». Сегодня вышлю бандеролью Вам и Муратову. Говорил мне секретарь издательства, что Вам выслан журнал. С удовольствием посылаю еще⁹.

АВИВР. Письмо, вероятно, было отправлено одновременно с письмом Райх к О. Синьорелли от 16 августа 1926 г. (см. Приложение III).

- 1 Практически несомненно, что после предыдущего письма Райх Иванову не писала, как и он не писал ни ей, ни Мейерхольду после письма от 30 сентября 1925 г. О «сердитости» Иванова (вызванной неисполнением обещаний дальнейшего сотрудничества или, что более вероятно, отрицательными впечатлениями от полученного в Риме «Театрального Октября» — см. следующее письмо) Райх могла узнать из писем или рассказов третьих лиц, побывавших в Италии.
- 2 В сведениях, поданных издательством «Театральный Октябрь» в Статистический отдел Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, указаны вышедшие в свет с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. издания, всего шесть названий: «Театральный Октябрь», 3000 экз., 14 п. л.; Афиша ТРИМ, 3 №№; «Отзывы зрителей о ТИМ»; «Каталог музея ТИМ»; «Проспект монографии о Вс. Мейерхольде»; «Биографии студентов ГЭКТЕМАС» — всего 20,5 п. л. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1585. Л. 7). Сравнение этого списка с печатными анонсами ТИМовского издательства позволяет предположить, что изданий было больше, однако в нашу задачу не входит реконструкция его репертуара.
- 3 Сомнения Райх могли быть вызваны изменениями в профиле ее издательства — ср. сообщение О. А. Шор в ее письме к О. Синьорелли от 7 февраля 1927 г. (ниже, Приложение III) о том, что «издательство Мейерхольда стало исключительно театральным».
- 4 Замысел сценической переработки пушкинских «Цыган» мог возникнуть у Мейерхольда как по почину или под влиянием Вяч. Иванова (непосредственно в римских беседах или по воспоминаниям о его статьях 1900-х гг.), так и независимо от него (режиссер, в частности, видел в Берлине, по дороге в Италию, инсценировку пушкинской поэмы — *Garetto Elga. Una russa a Roma*. Р. 94). Иванов при анализе пушкинской поэмы ставил проблемы преодоления индивидуализма, столкновения личности и коллектива, «героя» и «хора» («По звездам». СПб., 1909, с. 142-188). В двадцатые годы в советской культуре эта тематика вошла в официальный риторический обиход, разумеется, с совершенно другими содержательными коннотациями, и именно в этой связи поэма могла привлечь внимание Мейерхольда. Описывая детям в письме от 24 августа 1925 г. вечер в советском посольстве, Иванов говорит, в частности: «<...> сам Бубус (сверхрежиссер), отказавшись прочесть что-нибудь из своих старых ролей, произнес длинную речь о предстоящих постановках «Кармен», «Ревизора», «Гамлета», «Цыган», рассказывая подробно свои замыслы» (Иванова, с. 151). Отметим, что в публикуемых письмах договор об инсценировке вспоминается впервые. Сохранился недатированный набросок издательского плана, сделанный к докладу В. Э. Мейерхольда на каком-то заседании (при содокладчике В. Ф. Федорове — это значит, что перед нами документ конца 1925 — начала 1926 г.). В нем тринадцать позиций, подле двенадцати из которых проставлен крестик, означающий, как можно думать, наличие соответствующего текста в портфеле издательства, полную уверенность в его получении, в крайнем случае, — твердое намерение добиваться его от автора. Нет положительного значка только при строке, к тому же взятой в скобки, в которой

стоит ивановский сценарий по пушкинским «Цыганам»; этот знак не повторяется в документе (одна позиция в нем вычеркнута) и говорит, вероятно, о колебаниях издателя. — См.: РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 5.

В программе издательства «Театральный Октябрь» (см. прим. 1 к письму Райх от <12(?) сентября 1925 г.> переработка «Цыган» не значится и по утвержденным жанровым рубрикам проходить не могла бы.

- 5 Утверждение не вполне точно: в это время Райх репетировала роль Анны Андреевны в спектакле «Ревизор» (премьера 9 декабря 1926 г.).
- 6 Возможно, речь идет о столкновении В. Э. Мейерхольда с его учеником В. Ф. Федоровым, режиссером ТИМ и сотрудником издательства «Красный Октябрь», в связи с проблемой авторского права на режиссерскую работу, после того как В. Э. Мейерхольд переработал федоровскую постановку пьесы С. Третьякова «Рычи, Китай!» (премьера 23 января 1926 г.); вместе с Федоровым покинула ТИМ часть труппы. В то же время возникали трения и с А. А. Гвоздевым.
- 7 Бывшая жена Г. Ф. Кроля, Раисса Самойловна Гуревич (1893-1979); по сцене — Раисса Лорк, ставшая женой итальянского художника Джорджо Де Кирико, позже — итальянского археолога Гвидо Кальца.
- 8 Возлагая ответственность за отклонение уже оплаченной статьи П. П. Муратова на редакционную коллегия, Райх примечательным образом умалчивает, что в ее составе была и она сама и В. Ф. Федоров (ср. прим. 5).
- 9 3 апреля 1926 г. А. А. Гвоздев писал В. Э. Мейерхольду из Ленинграда, где печатался сборник: «Авторы статей просят оттисков, ссылаясь на Ваше принципиальное согласие, данное осенью. Если Вы не возражаете, то будет сделано по 10 оттисков (простых), которые и будут вручены вместе с 1-м экземпляром сборника каждому автору» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 39).

ИВАНОВ — З. Н. РАЙХ

Quattro Fontane 172, Roma
23 августа 1926

Дорогая Зинаида Николаевна,

Почему Вы вообразили, до полной уверенности, что я на Вас сержусь? Мое безмолвие (поскольку речь идет о неделовой стороне переписки) уже никак не может свидетельствовать об охлаждении моих сердечных чувств (это подтвердят Вам все, меня близко знающие). Сложный психологический феномен эта неспособность моя поддерживать правильно приятельскую корреспонденцию, и много входит в этот сложный феномен, — каюсь, простой лени. Что же до деловой части, то вскоре я догадался, что издание сонетов М.<икел->Анджело с комментариями состояться не может, но очевидно не по Вашей вине, а прежде всего по недостатку издательских средств. Так мы и с Платоном Михайловичем¹ не раз вместе сетовали. Конечно, разочарование (и несомненно прежде всего для Вас самой, ибо творческий план Вами создан), разочарование горькое, но обиды, разумеется, никакой нет и быть не может. Вы, напротив, можете быть недовольной моим не вполне корректным поведением, ибо, получив от Вас за М.<икел->Анджело аванс в 40 р., я не представил Вам на соответствующую сумму переводов. Случилось это потому, во-первых, что я отлично знал, что покамест Вам эти переводы вовсе не нужны, а во-вторых, потому, что не знал, как быть с их комментарием, без коего они неудобопонятны, составляя же комментарий лучше по окончании всего цикла переводов и по установлению порядка, в котором сонеты должны быть напечатаны. Но если сами переведенные мною стихотворения Вам нужны, то повторяю, что вышлю их по требованию: я ведь перевел больше, чем 60 строк, стоящих по уговору 42 рубля.

Я был бы очень рад, если бы дело это не заглохло. Слышу, что Госиздат издает классиков поэзии в переводах. Хорошо было бы, если б он заинтересовался не только М.<икел->Анджело, но и Дантом в моем переводе. Не понимаю, почему не хотят использовать меня как переводчика-поэта в очень близкой моим интересам, знанию и умению сфере?.. Нет, дорогая, я отношусь к Вам с неизменной душевной симпатией, как и к дорогому Всеволоду Эмильевичу, которого обнимаю, но — обнимая — тут же и попрекну его, как он заслужил, ибо на него я, пожалуй что, и дуюсь. Во-первых, если какой-либо автор посвящает одну из своих важнейших статей приятелю, то сей последний или отвергает посвящение, или благодарит за него; Всеволод же просто от него отмахнулся (как если бы на его много-озабоченный и не тем вовсе занятый лоб села муха) — и отмахнулся (переврав в печати посвящение, ибо в нем сказано на память о ... приятни Автор, а не Автора, что нежелательно изменяет самый смысл его — ведь я разумею «приятнь» взаимную, а не свою неразделенную²) — отмахнулся, говорю я, нелепейшим извинением перед читателями³ за мою будто бы «мистическую» статью о каком-то «мистическом хоре», коим наградил меня везде наборщик и корректор, ибо у меня в рукописи везде четко написано: «*мимический*⁴ хор», как того и смысл требует. Из чего следует, что вникнуть в статью Всеволод Эмильевич не удосужился и ее или не читал, или так читал, что думал свое: «ну да, дескать, Вяч. Ив. мистик, он всегда говорит о своем коньке, о каком-то мистическом хоре». Так же и на теорию «героя», как *зачинательной* личности в коллективе-«хоре», редакция не соблаговолила бросить менее рассеянный взгляд, ибо иначе не печатала бы везде «значительная личность» (курам на смех!) вместо «зачинательная», т. е. инициативная⁵. Если уж статья о «Ревизоре» вам не ко двору пришлась, какой уж там М.<икел->Анджело? Просто Вы очень добрая и умная и хотели для меня всего хорошего, за что я Вам и благодарен сердечно. Но что значит запрос о «Цыганах»? Получил ли я какие-нибудь указания, материал и т. п.? Не я замолчал о всем, о чем было говорено, а Вы со Всеволодом.

Я в Риме один. Семья отдыхает в Олевано, близ Рима, в горах. Лидия кончила курс блестяще, первую из 4 выпущенных молодых композиторов, и имела большой успех с оркестровым исполнением ее симфонической поэмы «Облако». Пишу, едва пробежав Ваше только что полученное письмо. Листок для Ольги Ивановны ей передам: она на Капри.

Неизменно Вам преданный

Вяч. Иванов

Несколько экземпляров «Октября» мне нужны, п.ч. статья будет переводиться на немецкий язык. Нельзя ли где-нибудь оговорить опечатки, изменяющие смысл статьи? Если да, я напишу подробно, на каких страницах и строчках они встречаются⁶.

Командировка моя еще продолжена⁷. Собирался было в Баку, но там не только что от моих предметов оставили сущую малость, но и весь университет «тюркизируют». «Молодой России», как Вы говорите, я совсем не нужен⁸.

РГАЛИ. Ф. 998.1.3696. Л. 7-8.

- 1 П. М. Керженцев.
- 2 В первой публикации статья Вяч. Иванова имеет посвящение: «(Всеволоду Мейерхольду на память о двадцатилетней дружбе автора)», которое должно было, следовательно, выглядеть так: «(Всеволоду Мейерхольду на память о двадцатилетней дружбе автора)» — скобки Вяч. Иванова; в письме к Райх Иванов для вящей убедительности повышает букву «а», не ставя перед нею точки.
- 3 В первой публикации вслед за авторским посвящением редакция поместила свою оговорку: «Редакция, не соглашаясь с автором по целому ряду вопросов (особен-

но с абстрактно-мистической трактовкой понятия хора и возникновения трагедии), тем не менее даст место его статье ввиду крайне интересных замечаний ее конкретной части и ее ценности в дискуссионном отношении».

Среди бумаг издательства сохранилось письмо «тов. Федорову» (с просьбой «сообщить мои соображения тов. Мейерхольду»), за подписью Рафаила, который в редколлегии «Театрального Октября» представлял заслуги перед революцией и марксистскую ортодоксию, следовательно, осуществлял внутренний идеологический контроль, что должно было предохранить от идеологических промахов и неизбежных нападков конкурентов. В этом письме, датированном 26 февраля 1926 г., Рафаил с «классовых позиций» оценивает материалы сборника и, в частности, решает судьбу ивановской статьи: «5) Ст.<атья> В. Иванова. Необходимо не только пустить ее как дискуссионную, но желательно несколько слов от редакции» (РГАЛИ Ф. 963.1.1582. Л. 45 об.).

Михаил Абрамович Рафаил — «старый коммунист», которого В. Э. Мейерхольд привлекал в качестве благожелательного авторитета для облегчения апробации различных театральных и литературных предприятий (ср. его письмо к К. С. Станиславскому перед генеральной репетицией «Дней Турбиных» — *Мейерхольд В. Э. Переписка: 1896-1939. С. 253*).

- 4 В этом случае передаем курсивом не подчеркивание, а особое выделение: слово «мимический» Иванов тщательно выписывает, крупнее чем остальной текст и отрывая букву от буквы.
- 5 Местонахождение автографа статьи, высланного в свое время в Москву, нам неизвестно. В архиве Мейерхольда сохранился направленный и недатированный корректурный оттиск (гранки) сборника «Театральный Октябрь» (РГАЛИ. Ф. 683.1.1599), а в римском архиве Иванова — черновые материалы к статье (СС IV, 753; их количество подтверждает слова поэта о том, что статья ему «стоила немало труда»). Гранки были тиснуты до вышеприведенного приговора Рафаила, т.к. в них нет издательской оговорки. Но все разозлившие автора опечатки налицо.
Мы не имеем никаких сведений о мере вмешательства (или невмешательства) в ивановский текст редакторов, имена которых устанавливаются на основе документов. В письме Н. Извекова от 20 января 1926 г., когда уже весь сборник был в ленинградском издательстве, сообщалось В. Э. Мейерхольду, что статью Иванова редактировал А. Л. Слонимский, а общим редактором сборника был А. А. Гвоздев (РГАЛИ. Ф. 963.1.1582. Л. 34); эти сведения повторил сам В. Э. Мейерхольд в распоряжении о выплате вознаграждения ленинградским сотрудникам, помеченном 30 января 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1584. Л. 3).
К сожалению, все уязвившие Иванова ошибки в «мейерхольдовском» чтении текста повторены при его перепечатке в «Собрании сочинений», оговорившем исправление ошибок «по рукописям римского архива» (СС IV, 753). Подмена «зачинательной личности» «значительной» выправлена непоследовательно (ср., между прочим, написание этого слова в рукописи, воспроизведенной на с. 386, и в наборном тексте на с. 396); в этой непоследовательности важно увидеть не механический промах внимания, а затруднение в уяснении содержательности «опечатки» — если при первой встрече она воспринята содержательно, то затем к этому слову устанавливается уже специальное внимание. Чтение черновика «мимического» дано только в примечаниях с вопросительным знаком, как сомнительный вариант к воспроизведенному по первопечатному тексту «мистического». Посвящение вообще снято без всякой мотивации и только частично процитировано в примечании именно в «октябрьской» форме «на память о двадцатилетней дружбе автора».
- 6 Немецкий перевод: Gogol und Aristophanes. — Corona. 1932/1933. Нft. 5. — Печатная оговорка опечаток первого издания нам неизвестна.
- 7 Иванов выехал за границу по командировке Наркомпроса. 24 июня 1925 г. датируется первое продление срока его командировки (РГАЛИ. Ф. 225.1.57).
- 8 Какие-то колебания по поводу возвращения в Баку испытывал Иванов и позже, во всяком случае до начала 1927 г., когда писал детям: «Сегодня <...> я узнал, что связь моя с Бак<инским>Унив<ерситетом>, — связь «потенциальная», правда — окончательно разорвана, ибо, по предложению студенческих (!) коммуни-

тических организаций, *словесное отделение упразднено*, о чем и объявление вывешено. У меня от сердца отлегло сомнение: чего-де ты в Баку не едешь, для семьи «честным» (?) трудом не зарабатываешь?» (Иванова, с. 152).

Приложение I

НАДПИСЬ ВЯЧ. ИВАНОВА З. Н. РАЙХ НА ФОТОГРАФИИ СТАТУИ МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ «МОИСЕЙ»

В искусстве не часто встречаешь попытки воплотить *безусловное*. В *этом* сверхчеловеке *безусловно* утверждается воля Бога живого. Ибо в Моисее уже нет своей личной воли, ни своего отдельного бытия. Но М.<икел->Анджело говорит ему: «Помни, что ты *жив*». Итак, *жив Бог*.

Дорогой Зинаиде Николаевне Райх-Мейерхольд на память о нашем посещении церкви S. Pietro in Vincoli и о том, как мы в Риме сдружились.

Вячеслав Иванов

Рим 4.VIII.1925

РГАЛИ. Ф. 998.1.3696. Л. 1; старая орфография.

Приложение II

<ДОГОВОР ВЯЧ. ИВАНОВА С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ПРИ ТЕАТРЕ ИМ. ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА>

А. <ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЯЧ. ИВАНОВУ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРИ ТЕАТРЕ ИМ. ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА>

Вячеславу Ивановичу
Иванову!

Издательство при Театре имени Всеволода Мейерхольда просит Вас, согласно Вашему принципиальному обещанию, приготовить и переслать по адресу: Москва, Триумфально-Садовая 20 — З. Н. Мейерхольд-Райх — следующие работы: 1) статью в альманахе «Трагедия трагедий», 2) Статью о постановке «Ревизора» — Гоголя, 3) Перевод всех поэтических произведений Микель-Анджело Буонарроти в количестве 3.000 (трех тысяч) строк и 4) Сочинение поэтического текста и сценария по «Цыганам» Пушкина.

Сроки представления работ 1) и 2) к 1 октября 1925 г. 3) — к 1 апреля 1926 г. и 4) — к 1 января 1926 года.

Председатель
издательства

Зинаида Николаевна
Мейерхольд-Райх

Рим
3 августа 1925 г.

АВИВР

Б. <ДОГОВОР ВЯЧ.ИВАНОВА С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
ПРИ ТЕАТРЕ ИМ. ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА>

Зинаиде Николаевне Мейерхольд-Райх.

Согласно Вашему предложению обязуюсь изготовить и выслать по адресу: Москва Триумф.<альн-Садовая 20, 3. Н. Мейерхольд-Райх следующие работы:

- 1) статью «Трагедия Трагедии» — к 1 октября 1925
- 2) статью о мыслимой постановке Гоголевского «Ревизора» — к 1 окт.<ября> 1925
- 3) сценарий и поэт.<ический> текст для постановки «Цыган» по Пушкину — к 1 января 1926
- 4) полный перевод стихами всех поэтических произведений Микель-Анджело Буонарроти — к 1 апреля 1926 г.

Вячеслав Иванов

Рим

172 via delle Quattro Fontane
р. III (presso Placidi)
3 августа 1925.

РГАЛИ. Ф.963.1.1582. Л. 6.

Приложение III

<ДОГОВОР ОЛЬГИ СИНЬОРЕЛЛИ-РЕСНЕВИЧ С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
ПРИ ТЕАТРЕ ИМ. ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА>

З. Н. Райх-Мейерхольд
Многоуважаемая

Зинаида Николаевна,

Согласно Вашему предложению, обязуюсь написать для Издательства при Театре имени Вс. Мейерхольда книгу от 6 до 10 печатных листов об Элеоноре Дузе, на основании моих личных о ней воспоминаний и неизданных писем, до 1 февраля 1926 г., при чем условия оплаты будут точно определены в имеющем быть высланным в Рим вместе с авансом договоре <к> 1 сентября 1925 г.

С истинным уважением

[*Ольга Синьорелли Ресневич*]

Рим,

via Venti Settembre 68.

РГАЛИ. Ф.963.1.1582. Л. 55. Этот документ целиком — кроме подписи О.Синьорелли, нами воспроизведенной в скобках, — написан рукой Вяч. Иванова, он недатирован, но несомненно составлен вскоре после письма З. Н. Райх к О. Синьорелли от 5 августа 1925 г., о котором ниже.

История мейерхольдовского заказа книги о Дузе Ольге Синьорелли в общих чертах выясняется из ее итальянских мемуаров: «Когда знаменитый режиссер Мейерхольд с женой, Зинаидой Райх, ненадолго приехал в Рим, Керженцев указал им на меня как на источник сведений о Дузе. Однажды мы проговорили с Мейерхольдом и красавицей Райх, одной из лучших актрис того времени, несколько часов об Элеоноре Дузе. Я прочла им отрывки из ее писем и они глубоко взволновали Райх. Мейерхольд бывал на всех выступлениях Дузе в России. Он восхищался тем, насколько она постигла ремесло актера. «Какой тонкий расчет мастера, — говорил он, — когда в начале первого акта «Ромео и Джульетты» она появляется девочкой не пятнадцати даже лет, а тринадцати, чтобы усилить контраст со зрелой женщиной, победенной страданием, — в конце. Тот же расчет мастера был в ее знаменитых монологах, которые она начинала шепотом, чтобы свободно доводить голос до необходимой силы по мере необходимости. Я не встречал никого, кто умел бы как она выражать оттенки изменений в человеческих чувствах. Нужно было слышать ее вариации Армана в знаменитой сцене в игорном доме в «Даме с камелия-

ми». Это был ряд восклицаний: вопрос, изумление, презрение, гнев, нежность...» <...> Через несколько дней после этой долгой беседы у меня дома, 5 августа 1925 г. я получила письмо от Зинаиды Райх, из Рима, в котором она, как «Председатель издательства при театре Мейерхольда» просила меня подготовить томик моих воспоминаний об Элеоноре Дузе. <...> Я ответила, что буду счастлива сотрудничать с художником, которым я восхищаюсь больше, чем кем-либо другим, и что я с огромным удовольствием принимаю предложение. Так как они должны были вскоре уехать из Рима, было решено дальнейшие условия обсудить в письмах. Прошли дни, недели, месяцы. Наконец, год спустя пришло письмо от Зинаиды Райх из Москвы от 16 августа 1926 г. <...> Я ответила немедленно по получении этого письма, но ответа не получила. Дело было не в почтовых неурядицах, а в том, что были приостановлены отношения с СССР, на короткое время Муссолини разрешенные. По этой причине прекратился и обмен письмами» (*Garetto Elda. Una russa a Roma. P. 96-98*).

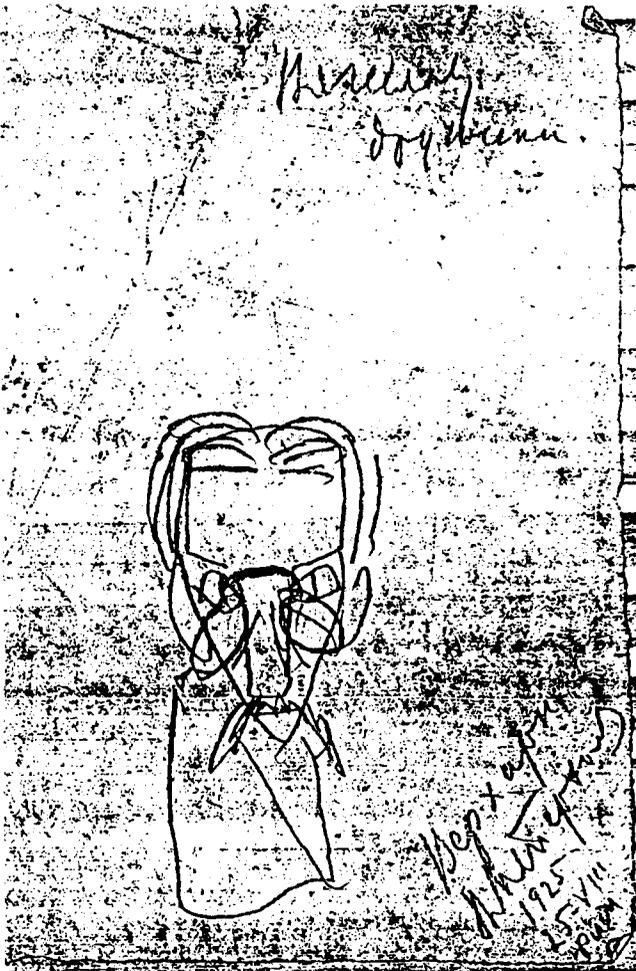
Мемуаристка несомненно обращалась за справками к документам своего архива — сведения ее точны, и текст воспоминаний местами напрямую зависит от старых писем.

Э. Гаретто опубликовала письмо З. Н. Райх, «Председателя Правления Издательства при Театре им. Вс. Мейерхольда», к О. Синьорелли от 5 августа 1925 г.; это полный аналог письму З. Н. Райх к Вяч. Иванову от 3 августа 1925 г. (см. *Приложение II*). Синьорелли должна была написать об Э. Дузе «свои воспоминания (ее искусство, личность, жизнь), воспроизвести и собрать ее письма не только к Вам, но и к другим ее друзьям». Технические условия были таковы: «Желательно, чтобы книжка была количеством от 6-10 листов. Издательство наше платит от 80 до 100 р. за лист. Аванс и условия для подписания будут высланы к 1 октября. Книга должна быть написана на русском языке».

Как видно из публикуемого письма О. Синьорелли, ответ ее был предельно деловит и сух. В недатированной (но составленной осенью 1925 г.) записке «Заказано по издательству» Райх отметила особо: «б) Воспоминания о Дузе // (Рукопись из Италии в янв. <аре> 1926, // письмо к Синьорелли)» (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 21). Письмо актрисы и издателя к Иванову от 4-7 декабря 1925 г. показывает, что к 1 октября ни договора, ни аванса Синьорелли не посылалось, вероятно, не делалось даже попыток послать их. Анализ известных нам писем и других документов трех достаточно хорошо сохранившихся архивов заставляет нас заключить, что Райх всего лишь перекладывает на почту собственную ответственность (разумеется, отягченную всеми реальными трудностями, которые переживал ТИМ) за несложившиеся отношения с Римом, когда говорит в письме к Синьорелли от 16 августа 1926 г., не случайно близком по дате к ее письму Иванову от 12 августа: «Так жалко, что мы не наладили с Вами переписки и ласковых и в то же время деловых взаимоотношений. Думаю все же, что здесь глубокое недоразумение из-за почтовых неурядиц. Вот и с Вячеславом Ивановичем у меня нарушилась дружба все же, как я думаю, из-за итальянской, а м.б. и нашей почты. Я переписываюсь с Германией и Францией и почта и там, и там идеальна. Возможно, что мои письма не доходили до Вяч. <слава> Ив. <ановича>, а таким образом и до Вас. Я думаю, что все же мы с Вами установим теперь контакт. Я решила быть упорной. Если не получу ответа от Вас и от Вяч. <слава> Ив. <ановича> — напишу Вам еще 5-10 раз. Не думаю, чтоб у Вас обоих было основание обижать меня и лишать меня Ваших писем и дружбы» (*Garetto Elda. Una russa a Roma. P.137-138*). Далее следуют снова предложения прислать договор и т.п. Ответ Синьорелли на это письмо нам неизвестен, и поскольку ответ Иванова на аналогичное от 12 августа дошел до адресата регулярным образом, мы не можем считать безосновательным предположение о том, что Синьорелли изменяет память и она не отвечала Райх.

Это предположение тем более правдоподобно, что позже Синьорелли получила по крайней мере еще одно напоминание о мейерхольдовском издательстве. 7 февраля 1927 г. О. А. Шор писала О. Синьорелли: «...пишу Вам по поручению Мейерхольда, обеспокоенного Вашим молчанием в ответ на его просьбу о Вашей рукописи. Зинаида Ник. <олаевна> надеется, что письма ее до Вас дошли и Вы уже знаете, что издательство Мейерхольда стало исключительно театральным и Ваши «Воспоминания о Дузе» Всев. <олод> Эм. <ильевич> хочет как можно скорее печатать. Остановка только за Вами. Если Вам угодно, чтобы книга Ваша в ближайшем будущем появилась, благоволите немедленно направить ее в Москву. Театр Мейерхольда собирается в Европу; рукописи Вашей не следует запаздывать, иначе дело может затянуться. Во всяком случае, каковы бы ни были Ваши желания и решения, пожалуйста, напишите Зинаиде Николаевне письмо. Она его очень ждет» (там же.

Р.138-139). Ответ Ольги Синьорелли, если он и был, практических последствий иметь не мог: издательство «Театральный Октябрь» тогда, летом 1926 г., дышало уже на ладан. Правда, «Воспоминания о Дусе», без указания их автора, фигурировали еще в плане издательства «Театральный Октябрь» на сезон 1926-1927 гг. (РГАЛИ. Ф. 963.1.1586. Л. 14; отметим, что Вячеслав Иванов и П. П. Муратов числятся в «Списке сотрудников», но ни «Цыган», ни Микеланджело там нет — л. 13). Но даже монография Н. Волкова о Мейерхольде, два тома которой «были закончены еще в январе 1927 года», увидела свет через два с лишним года и не в мейерхольдовском «Театральном Октябре», а в издательстве «Academia» (*Волков Николай*. Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. I. С. XI). А ведь задачей кооперативного издательства «Театральный Октябрь», в «инициативную группу по организации» которого «вошли т.т. Зинаида Райх, В. Федоров и Седенко», было «выявление идеологии театра им. Вс. Мейерхольда» (вырезка из неустановленной газеты, сохранившаяся в бумагах издательства, — см.: РГАЛИ. Ф. 963.1.1585. Л. 12). Советская власть издательство «Театральный Октябрь» при Театре им. Вс. Мейерхольда ликвидировала: оно было закрыто распоряжением Главлита с 1 октября 1928 г., официальное извещение о чем Начальник Главлита Лебедев-Полянский подписал 1 декабря 1928 г. — см.: РГАЛИ. Ф. 963.1.1587. Л.15. О. Синьорелли работала над книгой долгие годы и выпустила ее только в 1938 г. (*Resnevic Signorelli O. La Duse*. Roma: Angelo Signorelli. 1938), она переведена на многие языки, в т.ч. на русский, — в 1975 г.

В. Э. Мейерхольд. Портрет Э. Верхарна

ДВА ПИСЬМА Б.М. ЗУБАКИНА В.И. ИВАНОВУ

Публикация Стефано Гардзонио

В первые десятилетия нынешнего столетия Италия часто оказывалась центром литературных контактов между русскими писателями. Это объясняется, с одной стороны, традиционной тягой русской интеллигенции к художественным и природным сокровищам средиземноморского полуострова, с другой — присутствием в Италии на постоянном жительстве в разное время и на разных основаниях первостепенных русских писателей, таких, как М. Горький, Вячеслав Иванов или Амфитеатров. Общеизвестно настоящее паломничество в течение многих лет русских поэтов и литераторов на Капри и в Сорренто к Горькому из России, из СССР, из эмиграции.

Из Советской России приезжал к Горькому и Борис Михайлович Зубакин (1894—1938), любопытная фигура в послереволюционной России, ученый-археолог, мистик и версификатор. Родился он и учился в Петербурге. Среди его соучеников по 12 Петербургской гимназии были В.Н. Волопинов и Вл. Пяст. Уже в юности Зубакин приобщился к истории и археологии. Позже он стал профессором Московского археологического института. В 1916—1921 гг. Зубакин оказался в Невеле, сначала на военной службе. Здесь он общался с М.М. Бахтиным, Л.В. Пумпянским, М.И. Каганом и др.¹ В последующие годы жил в Москве.

Еще с детства Зубакин увлекался вопросами мистики, каббалы и гипноза, изучал ритуалы масонов и оккультные науки. Со своими товарищами по гимназии организовал кружок «духовных рыцарей», потом в качестве ученика А.К. Кордига² стал возглавлять нерегулярную масонскую ложу ордена розенкрейцеров «Lux astralis». Свою деятельность он продолжал в Невеле, в Смоленске и в Москве, где и после роспуска ложи продолжил занятия оккультизмом и алхимией. В Москве Зубакин стал завсегдатаем

Данная заметка учитывает ряд материалов, приготовленных А.И. Немировским и Л.С. Ильиной и находящихся сейчас в печати; автор выражает коллегам глубокую признательность за возможность знакомства с этими материалами. Письма Зубакина В.И. Иванову любезно предоставлены публикатору Д.В. Ивановым. Хранятся они в римском архиве поэта.

«Никитинских субботников», где, среди прочего, читал лекции о Блоке и о проблеме смеха³. В литературе Зубакин утвердился как поэт-импровизатор, прежде всего при содействии В. Брюсова. Об этой стороне его деятельности критически отозвался Андрей Белый⁴. Зубакин печатался в сборниках московских поэтических кружков⁵. В 1924 году организовал «Содружество поэтов-визионистов». Особенно дружил с А.И. Цветаевой, которая записывала его лекции и стихи. Вел корреспонденцию с М. Горьким, Брюсовым, Вересаевым, А. Виноградовым, С. Скитальцем и т. д. В связи с его масонской деятельностью Зубакин оказался под следствием ОГПУ уже в 1923 году.

После поездки в Сорренто вместе с А.И. Цветаевой в августе-сентябре 1927 года⁶, когда давнее заочное знакомство с Горьким завершилось личной встречей, Зубакин выпустил свой единственный сборник стихов «Медведь на бульваре». В том же году он был арестован ГПУ и отправлен в ссылку в Архангельск. Там вернулся к своим занятиям археологией и написал книгу о Холмогорской резьбе (1931). Другую его работу — о Ломоносове и его значении в последующей русской поэзии (1932) — надо считать утраченной. Благодаря хлопотам Вересаева Зубакин вернулся из ссылки, но без московской прописки. В последние годы жизни общался, среди прочих, с Скитальцем, с вдовой Брюсова (он написал любопытное окончание неоконченного романа В.Я. Брюсова «Юпитер поверженный»⁷), переписывался с К. Гамсуном. В 1937 году Зубакин был арестован опять и исчез в сталинских лагерях.

Переписка с Горьким занимает видное место в литературном наследии Б.М. Зубакина. Недавно она была частично напечатана А.И. Немировским в журнале «Новый мир»⁸. Зубакин вместе с А.И. Цветаевой некоторое время пробыл у Горького в Сорренто, однако скоро последовал бурный разрыв, настоящая ссора, и Зубакин вернулся в Россию. Именно к этому периоду относятся ниже печатаемые письма Зубакина к В.И. Иванову. Ответы Иванова Зубакину пока не разысканы. Интересно заметить, что в первом письме Зубакин обращается к Иванову на «ты», а во втором, вероятно, в связи с ответом Иванова, переходит на «вы». О своей переписке с В.И. Ивановым во время поездки в Италию Зубакин сообщил А.К. Виноградову (РГАЛИ, фонд Виноградова). Зубакин и Иванов были уже знакомы в России; они встречались в Москве сразу после возвращения Иванова из Баку. В своей автобиографии, написанной для «Никитинских субботников», Зубакин писал, что «за ценные указания по изучению некоторых мест библии» он был обязан В. Иванову (отдел рукописей Литературного музея).

В письмах Зубакина проявляются черты гениальности и чудачества, чуть ли не на грани графоманства. Его стихи — частично они вошли позже, в других редакциях, в его сборник «Медведь на бульваре» — свидетельство искреннего духовного и человеческого чувства при посредственном поэтическом даровании. Они не выходят из общего русла эпигонов русского религиозного символизма. В частности, по своему строению они относятся к линии «напевных стихов» на манер позднего Рукавишниковца.

- 1 О деятельности невелинского кружка см. вступительную заметку Н.И. Николаева (с. 221—232) к записям Л.В. Пумпянского лекций М.М. Бахтина в кн.: М.М. Бахтин как философ. М., 1992; Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган). — «Память. Исторический сборник», вып. 4, Париж, 1981, переиздано в ж. «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1992, № 1, с. 60—88. Здесь о Зубакине, «талантливом поэте и скульпторе», читаем: «В Невеле был дружен с Бахтиным и Каганом, которые любили его стихи. В 70-е гг., вспоминая о Зубакине, Бахтин многие из них читал на память» (стр. 79).
- 2 Александру Каспаровичу фон Кордигу, петербургскому ясновидцу и астрологу, служащему аптекарской фирмы «Шталь и Шмидт», посвящена сказка-новелла

- А.И.Цветаевой «Лесной ученый» (1928?), недавно напечатанная в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1993, № 3, с 87—91 (публикация С.А.Айдиняна).
- 3 По свидетельству И.Н.Розанова, 15 ноября 1924 года Зубакин выступал со чтением на заседании, посвященном памяти Брюсова (ср. *Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым*. — «Литературное наследство», т.85, М., 1976, с. 760).
 - 4 А.Белый пишет: «Даже гении-импровизаторы мне неприятны: низать на какое угодно задание какими хотите размерами — то же, что силу бицепсов испытывать над... мандолиною; слушал Зубакина, импровизатора: жарит-то как! Ни единого слова живого: пошлятина дохлая!» (*Белый А.* Начало века. М., 1990, с.240).
 - 5 См., например, «Первый сборник стихов Московского Цеха поэтов» (Москва, 1925), с предисловием А.В.Луначарского и С.М.Городецкого, где Зубакин напечатал послание «Брюсову» и лирическое стихотворение «Беатриче».
 - 6 О своей поездке в Италию и встрече с Горьким А.И. Цветаева пишет в своих мемуарах (*Цветаева А.И.* Воспоминания. М., 1983. Глава «Поездка к Горькому. Встреча с Мариной»), но о Зубакине молчит. О своих отношениях с Зубакиным она подробно рассказывает в неопубликованной рукописи «К переписке А.М.Горького и Б.М.Зубакина» (Архив М.Горького, ИМЛИ).
 - 7 См. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений, т. 5, М., 1975, с. 669 (статья М.Л.Гаспарова «Юпитер поверженный»).
 - 8 Имеется в виду публикация: *Борис Зубакин.* Стихи и письма. Вступительная статья, публикация писем и примечания А.И.Немировского. — «Новый мир», 1992, № 7, с. 91—116. Поездке в Италию предшествовала интенсивная переписка между двумя писателями (20 писем Зубакина, 11 писем Горького). См. *Немировский А.И., Ильинская Л.С.* Борис Зубакин. Новые материалы к истории масонства в России. 1917—1937. — *Russica Romana* (в печати).

1

In nomine Domini*

12 VIII 27.
Sorrento.

Дорогой и драгоценный-нежно
Вячеслав Иванович.

Волею Судеб я временно нахожусь в Италии. Вырвался я с трудом (три раза запрещали выезд) с помощью друзей. Не писал Тебе по понятным причинам. Перед предстоящим мне отъездом из Италии, — непременно хочу переслать Тебе одну милую вещь: камею-печать с изображением Данте. Она очень мила и создана была для Тебя. Я долго ее хранил. Советую слегка смачивать маслом прежде чем делать оттиск. Я перешлю ее немедленно по указанию Тобою точного адреса для посылки (опасаюсь, не пропадет ли, при адресе, кот<орым> я сейчас полагаю от А.И.Цветаевой?). Так как Ты не знаешь моих стихов, а ими легче прозы — сказаться душа душе, — то посылаю несколько строчек. Прости за них и не осуди сурово. Все это время я молился за Тебя, Твоего сына и дочь, чтоб Вы были счастливы в Боге и душою и сердцем. Твой навсегда

Борис Зубакин.

Мой адрес: Sorrento. Massimo Gorki. Per prof. Zubakin.

* Во Имя Господне (лат.)

ОДИНОЧЕСТВО

Высокое Зодчество
Для грядущих лет
Твое одиночество —
Твой путь, поэт!
Ты каждый камень отметишь на пути
— Куда положить, и где найти.
А если розы не все сочтешь, —
Зато запомнишь в колосьях рожь.
А если милой ответишь: «Нет», —
Ты — чуеть встречу грядущих лет!

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Танцую по ночам,
Танцую до упаду.
Спадают по плечам
Напева водопады!
Но шепчут все вокруг,
Что им... не видно пары.
Что я один сам-друг
Пляшу в ночных угарах!
Неправда! — В час ночной
Под звуки роковые
Вальсирует со мной
Моя Неврастения.
Вот — вышла из стены,
Вот — подплыла сторонкой,
То в буклях старины,
То бешенной девчонкой!
Вот — панночкой плывет
Из гоголевской ночи,
И мертвенно взведет
Русалочные очи!
Как кобра на хвосте, —
С зелеными глазами
Мелькает в темноте
И ворожит крутами.
Я поклонюсь: она
Оплечь мне вскинет руки —
И вот, — нас бьет волна
Под дьявольские звуки!..
О, страшный этот пляс,
И жуткий, и привычный,
Что сочетает нас
Тоской сомнамбуличной...
Но чаще, чаще — вот —
Она приходит в белом,
И сердце в плен берет
Так льстиво, так умело!
Как траурно лицо!
Как дышат смертью груди,
Как на руке кольцо
Воспоминанья будит! —
Вновь Лебедь — Лада-Русь,
Вновь первый в склекот чувства! —
Вскружусь за ней, взметнусь,
Но оглянусь... — все пусто...

СПАСИТЕЛЬ *

Какой прекрасный юный Бог
Рождался в Вифлееме!
И золотой Единорог
На лунной плыл триреме...
Из рощи выбежал сатир
И выманил — дриаду
Смотреть, как шла, сияя, в мир
Звезда через Элладу,
И, пригибая старый лавр,
Гремел навстречу Богу
Из леса скачущий кентавр
На лунную дорогу, —
И, побледнев в предвестьи дней
ИскуПЛенных агоний,
Адонис поднял из ветвей
Пронзенные ладони...
Идут Волхвы из дальних стран,
И, не боясь погони,
Скользит воздушный караван —
Верблюды, мулы, кони,
Три белых высятся чалмы
На розовом закате —
Звенят бубенчики псалмы
Как ручейки на скате;
И луч звезды и шаг коня
Идут согласно рядом.
Уже бубенчики звенят
Янтарным виноградом,
Уже верблюды встали в ряд, —
Смотри, — какие тучи!
Уже горбы их нам дарят —
Запас дождя летучий...
А в дальних зимах Декабря
Идут от хат до хаты —
Три белых Мальчика-Царя
С бородакою из ваты —
И носят золотой вертеп
Из тонкого картона, —
Но видит каждый, кто не слеп,
Звезду и их короны.

СВ. ГЕОРГИЙ

1

В заветной горнице иконной
Неотвратимые глаза,
И мчится всадник белоконный
И в злате Дева и Лоза.

2

И знает только эта Дева
От Змия — Башню заслоня,
За что люблю я это Древо
И позолоту и коня.

* Вариант этого стихотворения, под заглавием «Сотер» издан А.И.Немировским в «Новом мире» (1992, № 7, с. 99).

3

И знает только эта Дева,
Какие в башне черепа,
В каких пещер пустое чрево
Уводит розами тропа.

СВ. ВАСИЛИЙ БЛ.<АЖЕННЫЙ>

1.

Дракон монгольский, сребробронный,
В щетинах алых и золотых,
Копьем Георгия пронзенный
И свитый в кольцах неживых.

2.

Таким Блаженнейший Василий
На красной площади встает,
Когда к вечерни отзвонили
И сумрак разевает рот.

3.

Но Лебедь-Белая в драконе,
Душа славянская в плену,—
Подъемлет крестные ладони
— И купол скручен в плену!

4.

И по-утру — зарей омыты
Его былинные шатры.
И так ненужны и забыты
Чужие «Марко» и «Петры».

Неужели Ты будешь так жесток, что не пришлешь мне ни строчки из последних твоих стихов? Б.

2

Дорогой, глубоко и нежно-дорогой Вячеслав Иванович.

Спасибо, что отозвались, что не забыли меня. Спасибо и за внимание к моему «Василию Блаженному». Спасибо. За многое, многое хочу Вас поблагодарить — и делаю это мысленно, позвольте сказать — молитвенно.

Покойный отец мой носил имя в честь Св. Бл.<аговерного> Кн<язя>Михаила Черниговского —

Своим Вождем не даром мы зовем
Архистратига Неба — Михаила.
Пусть мы грешны, печемся о земном,
А Он — Святой и с Ним — Святая Сила,
Но знает всяк язык и племена —
Что на земле и в небе — цель одна.

У меня к Вам две просьбы, не сердитесь на них, прошу

1ое) Если можно, надпишите вложенный листок — титульный — Вашего «Прометей» и пошлите мне его обратно: — я его вклею в самую книгу, с которой никогда не расстаюсь.

2ое) Не найдется ли для меня хоть одного Вашего Римского (итальянского вообще) стихотворения? Как бы хотелось читать его именно здесь, пока я задержался еще немного в Италии!

Простите, что захотелось послать еще несколько стихотворных строчек. Если Вас не затруднит, попрошу очень — известить меня о том, получили ли Вы камею, которую посылаю при этом письме с оказией. (По почте посылавать мне отсоветывал Алексей Максимович. Как я рад, что он высоко ценит не только стихи Ваши, но и философские произведения Ваши).

Адрес мой все тот-же: Capo di Sorrento. Massimo Gorki; — мне.

Господь наш и Его Святая Матерь да хранят Тебя и весь дом Твой Своею благодатью.

Недостойный, но вечно преданный и любящий верно

Борис Зубакин.

19 4/IX 27 Воскресенье

...И снова музыка не та,
В стихе, взволнованно пропетом!
О, посети навек Поэта,
Бетховенская глухота!

Чтоб этих улиц суета,
И лязг в расцепленных моторах
Не доносили смертный шорох,
Смыкая вещие уста.

.....

— и еще одно очень давнишнее —

Куда, куда как не смешны
Забавы в сердце запоздалом!
Учись довольствоваться малым:
Улыбкой друга и жены.

Но ... — Ночь трясет на бубне сны,
И Смерть — хохочет над кружалом!
...Куда, куда как не смешны
Забавы в сердце запоздалом.

Вяч. Иванов. 1930-е (?)

ПИСЬМО ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА БОРИСУ ЗАЙЦЕВУ О СМЕРТИ Г. ЧУЛКОВА

Публикация Ж. Шерона.

В 1939 году эмигрантский писатель Борис Зайцев (1881-1972) послал свой роман «Валаам» (Таллин, 1936) Вячеславу Иванову в Рим¹. Ответное письмо от Иванова публикуется ниже. В своем письме Иванов много места уделяет смерти близкого ему человека, писателя, критика и поэта Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939).

Вячеслав Иванов впервые познакомился с Чулковым в 1904 году, когда оба сотрудничали в «религиозном» журнале Мережковских «Новый путь». Окончательное сближение произошло, когда Чулков стал секретарем журнала «Вопросы жизни». На страницах «Вопросов жизни» в статьях Иванова и Чулкова уже намечаются истоки будущего эстетического направления, получившего впоследствии название «мистический анархизм». Ивановской концепции «соборности» чулков придал социально-политическую окраску и таким образом создал новое течение в русле русского символизма. В 1906 году Чулков выпустил книжку «О мистическом анархизме» с предисловием Вячеслава Иванова. Статьи Чулкова до такой степени пронизаны идеями Иванова, что тот называл его «моим учеником»². Пропагандирование Чулковым идеи «мистического анархизма» привело к расколу между петербургскими и московскими символистами и стало одной из коренных причин, приведших к окончательному распаду символизма как цельного, органического движения в русской литературе³. Чулков принимал участие во всех ивановских проектах: в издательстве «Оры»⁴, в альманахе «Факелы» (3 выпуска, 1906-1908)⁵ и в сборнике «Цветник Ор: кошница первая» (1907). После революции Иванов сотрудничал в московском еженедельнике «Народоправство» под редакцией Чулкова. Оба поэта освятили друг другу стихи⁶. Не только общие литературные взгляды связывали Иванова и Чулкова, но и искренняя дружба. Чулков был одним из завсегдатаев знаменитых «сред» на ивановской «башне» в Петербурге. Будучи в Риме в 1908 году, Чулков навестил Иванова, который познакомил его с «вечным городом»⁷. Когда незадолго до начала первой мировой войны Иванов переселился в Москву на Зубовский бульвар, общение между писателями не прекращалось.

Чулков был одним из немногочисленных друзей, провожавших Иванова, когда тот навсегда уехал в Италию в 1924 году⁸.

Письмо Иванова находится в Бахметевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Приношу искреннюю благодарность Н.А.Богомолову за оказанную помощь при прочтении письма В.Иванова.

Roma, via di Monte Tarpeo, 61

28 марта 1939.

Дорогой Борис Константинович,

Вы несказанно тронули меня Вашей верною памятью, дружескою вестью после долгих лет разлуки, Вашею чудесною, родниковою книжкой и милым, братским письмом о прошлом и заветном, — письмом радостным и грустным, потому что из него я узнал о смерти дорогого и незабвенного Георгия Ивановича. Он часто мне перед этим снился; потому, быть может, Вы и меня во сне увидели и захотели написать мне, что его душа посредствовала между нами. Ведь я его *очень* любил, горько, бывало, обижаясь на его обидчиков и клеветников, и вот только-что испытал вновь старинную обиду за него при чтении некролога (в «Совр. Зап.»), подписанного, к сожалению, Зинаидою Николаевною Гиппиус⁹. Я знал его слабости, но умел ценить и его душу, и его духовное горение, и его порою ярко вспыхивавший литературный талант. Мне сильно хотелось с ним увидеться. Мне был он верным и прекрасным другом. Как и где живет теперь милая Надежда Григорьевна?¹⁰ И добрая, тихая Евдокия Ивановна? Мученики все они там, за рубежом... ведь за рубежом-то они, а не мы. Жаль, что я, приехав умирать в Рим (как я говорил в Москве провожавшим меня в 1924 году приятелям), уже не застал Вас в Италии¹¹. Как бы желал я теперь встретиться и поговорить с Вами о былом и о поэзии, о жизни и о Боге. Из Ваших работ новых знаю не много: после жития преп. Сергия¹² только отрывки из Вашего «Глеба»¹³ — мало, что до нас, в Рим, доходит. Мережковские часто бывают у нас на тарпейской скале¹⁴. С покойным Шестовым мы раз обменялись письмами¹⁵, он стал мне с годами очень дорогим. Со мною дочь¹⁶, а сын¹⁷ — в Chartres, (он agrégé et professeur de lycée); жду его на пасху.

Кланяйтесь от меня сердечно Вашей супруге (она помнит меня?). Вас же братски и нежно обнимаю, благодаря Вас за Вашу ко мне доброту.

Вячеслав Иванов

P.S. Простите мешкотность ответа неповоротливому старику.

ВИ.

- 1 Зайцев оставил воспоминания о Вячеславе Иванове, где он упоминает это письмо; см.: *Зайцев Б. Мои современники*. Лондон, 1988. С.54—61. Составительница — Н.Б.Зайцева-Соллюгуб.
- 2 Недавно появилась публикация, которая содержит новые данные о взглядах Иванова на «мистический анархизм»: *Обатнин Г.В. Неопубликованные материалы Вяч.Иванова. По поводу полемики о «мистическом анархизме»*. — Лица. Биографический альманах. 3. М., 1993. С.466—477.
- 3 В.Ф.Нувель в своих письмах М.А.Кузмину летом 1907 года дал объективную оценку и важные наблюдения о развивающейся полемике в среде русских символистов: *Cheron G. Letters from V.F.Nuvel' to M.A.Kuzmin: Summer 1907*. — Wiener Slawistischer Almanach. Band 19. 1987. S.65—84.
- 4 В этом издательстве вышла драма Чулкова «Тайга» (Спб., 1907).
- 5 Чулков был главным редактором альманаха «Факелы».

- 6 Иванов посвятил Чулкову сонет «Тасжник» в сборнике «Сог Ardens» (М., 1911) и стихотворение «Истолкование сна» в книге «Нежная тайна» (Спб., 1912). Стихотворение Чулкова «Вячеславу Иванову» вошло в сборник Чулкова «Стихотворения» (М., 1922).
- 7 Чулков Г. Годы странствий: из книги воспоминаний. М., 1930. С.242.
- 8 Чулков написал своему другу А.С.Яценко, редактору «Новой русской книги», об отъезде Иванова в Рим: «[...] Завтра Вяч.Иванов уезжает в Италию. С ним я сблизился чрезвычайно за эти последние недели. Его отсутствие будет большим ущербом для нашего дома на Смоленском бульваре. [...]» *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921—1923. Париж, 1983. С.245).
- 9 *Гиппиус З.Н.* О счастливости (Г.И.Чулков). — Современные записки. 1939. Т.68. С.462—463.
- 10 Чулкова Надежда Григорьевна (1874—1961) — переводчица, жена Г.Чулкова.
- 11 Поле отъезда из советской России Зайцев со своей семьей кроткое время жил в Италии, пока он не обосновался в Париже в 1924 году.
- 12 *Зайцев Б.* Преподобный Сергей Радонежский. Париж, 1925.
- 13 *Зайцев Б.* Путешествие Глеба. Берлин, 1937.
- 14 *Гиппиус З.* Поэт и Тарпейская скала.— Иллюстрированная Россия. 1 января 1938 (№. 2). С.2—3.
- 15 В1936 году на семидесятилетие философа Л.Шестова (1866—1939) Вяч.Иванов послал ему дружественное поздравление; см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Париж, 1983. С.145—146. В своей статье «Вяч.Иванов и Лев Шестов» Георгий Адамович указывает на разницу мировоззрений этих двух мыслителей, несмотря на их дружеские отношения. См.: *Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С.261—262.
- 16 Лидия Вячеславовна Иванова (1896—1985) — композитор.
- 17 Димитрий Вячеславович Иванов (р.1912) — журналист и писатель.

Г. В. Обатнин

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

Крут текстов Вяч. Иванова, сколь можно судить по печатным работам, еще окончательно не установлен, публикация и атрибуция произведений, принадлежащих его перу, продолжается.¹ Прежде чем предложить три кратких заметки на эту тему, позволим обратить внимание исследователей на маргинальные тексты поэта, скудно используемые в работах интерпретационного характера. Анкета о самоубийствах (Биржевые ведомости. 1912. — № 12906. — 30 мая; Новое слово. 1912. — № 6. — С. 7-8) благодаря насыщенному идеологизму вошла в научный оборот, менее обращают внимание на столь же известную анкету К. Чуковского «Некрасов и мы» (Летопись Дома Литераторов. 1921. — № 3 — 1 декабря. — С. 3; с добавлением еще двух пунктов: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. — М., 1979. — С. 251—252). Менее значимы анкета «Самый счастливый день жизни» (Биржевые ведомости. 1911. — № 12713 — 31 декабря; приведена в нашей публикации: De Visu. 1993. — № 3. — С. 25) и анкета по поводу приезда членов английского парламента (Биржевые ведомости. 1912. — № 12731, 12732. — 13 января). Как курьез можно упомянуть ответ на запрос о современном состоянии и будущем мужской моды (Джентльмэн и моды. 1912. — № 1. — С. 6, текст также воспроизведен факсимильно). Думается, что приведенный список далеко не полон, например, требуют учета коллективные «обращения», «письма в редакцию» и «приветствия», где участвовал и Вяч. Иванов. Из числа текстов, появившихся в печати, скорее всего, без ведома Иванова, заслуживают внимания публикации фрагментов статей из сборника «По звездам» под названием «Афоризмы Вячеслава Иванова» (Новое слово. 1913. — № 7. — С. 38) и из «Родного и Вселенского» под названием «Из мыслей Вячеслава Иванова о человеческой душе» (Бюллетени литературы и жизни. 1918. — Кн. 5 — С. 12—16).

* * *

Корпус литературно-критических статей Иванова в журнале «Весы» восстанавливается по переписке писателя с В.Я. Брюсовым. По пути из Швейцарии в Россию в 1905 году Ивановы останавливались в Вене, откуда 3/16 апреля Иванов писал Брюсову: «Здесь я посещал выставки. Прошлый год ты наказывал мне осмотреть «Сецессион». Если вам нужны заметки о венских выставках (Secession, Hagen-Band, Kunstlerhaus), оставь мне страницы три или четыре в апреле»². Статья «Письмо из Вены. Художественные выставки», подписанная «The Twins», появилась в № 6 журнала. Комментаторы переписки поэтов атрибутируют ее Иванову, объясняя подпись тем, что работа над статьей была закончена в мае, когда Солнце вступает в созвездие Близнецов. Однако судя по всему, это плод совместной работы Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, сообщавшей М.М. Замятниной: «В Весах замет.<ка> The Twins — наша статья из Вены»,³ тем более, что зодиакальный знак Близнецов звучит по-английски как «Gemini». Таким образом, подпись под статьей имеет прямое значение: «Близнецы», т.е. Иванов и Зиновьева-Аннибал.

* * *

Как видно из писем к Брюсову, Иванов неоднократно предлагал свое перо для рецензии на второй поэтический сборник П.С. Соловьевой «Иней» (СПб., 1905): «Что же, можно ли писать, наконец, об «Инее»?» (письмо от 23 июня). «Об «Инее» я тоже напишу» (от 5 июля), «Напиши же, пожалуйста, об «Инее» — или позволь мне» (от 29 августа)⁴. Поэтому текст, сохранившийся в архиве Иванова и так и не увидевший света (рецензию в «Весах» написал сам Брюсов), можно датировать концом лета 1905 года. Приводим его по беловому автографу (ИРЛИ. Ф. 6077. Ед. хр. 228):

«П. СОЛОВЬЕВА (*Allegro*). Иней. Рисунки и стихи. СПб. 1905.

Беседы «огненной тоски» с «белою мечтою», —
 Ответ небес земной неволе,
 И небесам ответ земной...

Книга очень красивых и талантливых рисунков и очень талантливых и красивых стихотворений...⁵ Недостаток тех и других — литературность. Она, как чуждая промежуточная среда, стоит между нашим восприятием и внутренней поэзией этих стихов, имеющей какое-то семейное сходство с музою Владимира Соловьева. В этой среде что-то теряется из тонкого запаха цветов, тихо распускающихся в душе поэта, — женской душе излюбившей мужскую маску. Мы бы хотели не фотографических снимков в белом и черном с ее переживаний: приникнуть еще больше, еще непосредственнее хотели бы мы к самым переживаниям. Зачем столь многое так «округлено», так «рассказано»? Бессвязное бормотание пифии было бы дороже, святее. Притом такая «литературность» немного старомодна, и в языке стихов, вообще прекрасном, порой — как чуждый налет — подозревается опасливая стесненность и расчетливая бедность петербургской речи... Эта, несомненно, вдохновенная книга, книга будет, [у нас], вероятно, одною из любимых.

Вячеслав Иванов.»

Настойчивое желание Иванова написать рецензию, видимо, было вызвано не только желанием отметить сборник близкого литератора, часто посетителя «башни»⁶, сестры почитаемого философа и редактора журнала «Тропинка». По своей жизненной и литературной позиции Соловьева, «излюбившая мужскую маску», касалась самого интимного и важно-го для Ивановых в эти годы вопроса — вопроса о новом Эросе. Совместные обсуждения этой темы⁷, неоднократное посвящение друг другу стихов⁸ свидетельствуют о живой и интенсивной дружбе, задавшей ракурс позднейшего взгляда Иванова на творчество Соловьевой — как на вариации темы «небывалой» любви⁹. Характерно, что и разрушение этой дружбы в 10-е годы имеет своим основанием идейный конфликт в рамках темы Эроса, Иванов видится теперь Соловьевой как предатель прежних идеалов, чуть ли не филистер: «...видели Вы «Алкей и Сафо» в переводе Вяч. Иванова и со вступительным очерком его же? Это великолепно! Вячеслав реабилитирует Сафо!!! <...> Он говорит, что Сафо была верной супругой какого-то богача и добродетельной матерью белокурой девочки. Зачем же, спрашивается, было ей в таком случае воспевать любовь к женщинам, да так воспевать, что 20 столетий люди дивились ее гению и никому не пришло в голову осуждать ее за порочность. Впервые это пришло в лоснящуюся, розоволосую дьявольскую голову Вячеслава. От негодования я просто могу лопнуть! Вячеслав, *оправдывающий* Сафо! Как бы плюнула ему в лицо Лидия, его умершая жена, если бы была на земле. *Теперь* она, конечно, все поняла и все простила. Но я еще *здесь* и плюю духовно в лоснящуюся физиономию <...>»¹⁰. Очевидно, что Соловьева, единомышленница Ивановых в 900-е годы, не была посвящена в не менее интенсивную эротическую и мистическую рефлексию, сопровождавшую третью женитьбу Иванова на В.К. Шварсалон, и Иванов имел право ей писать в письме от 27 апреля 1917 года: «Давно уже Вы или не понимаете меня и в чем-то основном и существенном обо мне ошибаетесь <...>

Незабвенно для меня то свидание с Вами, когда Вы с Лидией сидели на диване (это было в Вашей комнате), и Вы плакали и горько упрекали нас обоих в измене тому завету, который значит для Вас (и для меня) — воскресение. <...> Потом я подошел к одному решающему всю судьбу распутию, и выбор пути, мною сделанный, Вас смутил»¹¹.

Статьи Иванова в органе ТЕО Наркомпроса «Вестник театра», как и его работа в качестве заведующего Историко-Театральной и Научно-Теоретической секциями ТЕО, давно находятся в фокусе внимания исследователей. Однако пока не рассматривался на предмет атрибуции ивановских текстов журнал, предшествовавший «Вестнику театра», — «Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению». В этой связи из двух вышедших номеров «Временника...» особый интерес представляет второй (февраль 1919). Помимо того, что здесь опубликовано распоряжение от имени ТЕО «Учет предметов по истории театра в России», за подписями О.Д. Каменевой, Вяч. Иванова и П.О. Морозова (С. 11), а также в стенограмме прений по учебному плану открываемого Театрального Университета помещены три кратких выступления Иванова (С. 40, 41—42) — неподписанное воззвание, которым

открывается журнал, атрибутируется как принадлежащее Иванову (С. 1—2). Приводим этот текст с указанием основных разночтений по черновому автографу (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 211):

«Товарищи!»¹²

Театр — народная радость и народное дело.

Совокупно всем сходом творится и переживается театральное действие: сообща веселятся и печалются все собравшиеся на зрелище, — сообща задумываются над тем, какова жизнь, и над тем, как жить и как строить жизнь.

Театр — сила, соединяющая людей в общении и разумения, ликования и скорби, решимости и надежды.

Театр — сила, организующая народную душу, выковывающая и выражающая народную мысль и волю народную.

Театр — самовоспитание народное.

Революция любит Театр, и в революционные времена он оживает и расцветает. Пока Театр служит забаве и прихоти богачей, он падает, потому что в развращенном обществе нет единодушия и единомыслия, нет объединяющего людей высокого порыва. Но всеобщее народное одушевление создает и высокий Театр.

Революция нуждается в истинном Народном Театре, и Театр делается потребностью революционного народа. Перед Рабочими и Крестьянами история поставила огромную задачу пересоздания жизни на новых началах. Театр является могучим средством в деле осознания этой задачи, могучим орудием организации духовных сил в деле ее осуществления¹³.

Те, кто понимает, как необходим в наши дни Театр народу, отзовутся на наш призыв к организованной деятельности для всенародного решения этой неотложной задачи.

Театральный Отдел Народного Комиссариата по Просвещению созывает (20-го Марта 1919 г.¹⁴) съезд в Москве представителей городских и деревенских организаций, имеющих заботу о насаждении и развитии по местам рабоче-крестьянского театра. На съезде будет решен вопрос о том, как наладить, двинуть вперед и упорядочить это дело по всей России. Существующие организации должны найти широкую поддержку, многочисленные новые должны возникнуть при содействии и помощи Театрального Отдела. На съезде определяются пути всеобщего действия в целях создания и усовершенствования рабоче-крестьянского театра в государственном масштабе»¹⁵.

В архиве Иванова в Пушкинском Доме сохранился ряд материалов (главным образом, машинописи), опубликованных во втором номере «Временника...», в частности, черновик воззвания «К немецкому рабочему», на немецком языке рукой неустановленного автора, помещенного за подписью О. Каменевой в этом же номере (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 230). Здесь же хранится машинопись воззвания «Ко всем национальностям России» (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 213. Л. 6), также переведенного в журнале на немецкий язык (Временник... 1919. — № 2 — С. 6). У нас нет сейчас доказательств авторства Иванова относительно последнего текста, но круг текстов Вяч. Иванова окончательно не установлен, атрибуция произведений продолжается.

Примечания

- 1 См., например: *Котрелев Н.В.* Иванов Вячеслав Иванович. — Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. — М., 1992. — Т. 2. — С. 373.
- 2 Литературное наследство. Валерий Брюсов. — М., 1976. — Т. 85. — С. 477.
- 3 Письмо позднее 28 июля 1905 г. — ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 14. Л. 29.
- 4 Литературное наследство... С. 475, 480.
- 5 Соловьева «несколько лет занималась в Школе Живописи, Ваяния и Зодчества, работая в классе Прянишникова и Поленова» (из недатированного письма П. Соловьевой к А.Н. Сальникову. — ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 5. Ед. хр. 109. Л. 1), «Иней», как и первый ее сборник (1899 г.), иллюстрирован ею самой.
- 6 См., например, письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 19 января 1906 г. — Литературное наследство. Александр Блок. Новые исследования и материалы. — М., 1982. — Т. 92. — Кн. 3. — С. 235—236.
- 7 См. эпистолярный отчет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о вечере у Манасеиных, где обсуждалась тема «вражды полов» (письмо к М.М. Замятниной от 5 июля 1906 г. — ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 9—9 об.).
- 8 *Иванов Вяч.* «Март» (II, 318—319), «25 марта 1909» (II, 329—330), «Сновидение Фараона» (II, 328); *Соловьева П.* «В безумный месяц март...». — Плакун-трава. Стихи. — СПб., 1909. — С. 59, «Не смущенный». — Вечер. Стихи. — СПб., 1914. — С. 51.
- 9 См.: *Иванов Вячеслав.* Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе. — Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. — М., 1916. — Кн. VIII <Т.3>. — С. 172—184.
- 10 Письмо П. Соловьевой к А. Калмыковой от 30 июня/13 июля 1914 г. — РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 20—20 об. Сообщено А.Л. Соболевым.
- 11 ОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 32. Л. 1—1 об.
- 12 В печатном тексте отсутствует циркулярная «шапка» над текстом «Коллегиям Народного Образования при Губернских и Уездных совдепах». Кроме этого, в автографе первые пять абзацев сведены в один, и слово «театр», кроме позиции в начале предложения, дается со строчной буквы.
- 13 Вместо двух последних предложений в автографе следующие: «Вот почему развитие рабоче-крестьянского театра составляет насущную нужду нашего времени. Театр должен стать достоянием деревни, и народное творчество преобразует самый театр, укажет ему новые пути».
- 14 В автографе: «в феврале 1919 г.» Съезд состоялся в ноябре 1919 г. (см. 1-й Всероссийский Съезд по Рабоче-Крестьянскому Театру. 17—26 ноября 1919 года. — М., 1920).
- 15 Приведенный текст, названный «возванием о съезде по Рабоче-Крестьянскому театру», открывает также «Отчет о деятельности театрального отдела народного комиссариата по просвещению» (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 213. Л. 1, машинопись, без подписи).

Д. В. Иванов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Рим. Аэропорт. 20 апреля 1945. Далеко в конце трассы, легкая серая птица: военный американский самолет. Вокруг него закопошились тени, приближаются, растут, пилот, летчики, и среди них человек в черном. Знакомое лицо, вспыхнувшее в сиянии седых прозрачных волос. И столь же прозрачный взгляд, созерцающий что-то вдальеке. И вдруг близкий и внимательный, и глаза поразительной синевы, навсегда запавшие в мою память. Жака Маритена — это он — я видел впервые лет десять тому назад. С тех пор разгорелась и еще гремит война.

Маритен назначен послом Франции при Ватикане. Несколько официальных лиц встречают его. Я среди них. Я редактирую небольшой полувоенный, полулитературный еженедельник «Présence». Он печатается в Риме. Его читают (когда могут) французские и североафриканские офицеры и солдаты Французского экспедиционного корпуса, организованного де Голлем в Алжире и сражающегося теперь на севере Италии. С большим волнением читает его римская постфашистская интеллигенция. «Présence» приносит ей свежие новости о «том», «свободном» мире — о парижских издателях, театрах, которые снова оживают после долгой летаргии войны и оккупации. «Présence» открывает свои страницы — престижные, потому что иностранные и опять-таки из «иногo» мира — итальянским художникам (де Кирико, Гуттузо), музыкантам (Петрасси), поэтам (Унгаретти), писателям (Моравиа). Я «главный» и подчас единственный редактор. На фронт во Франции, где я родился и жил, меня не взяли из-за ампутации в детстве пальцев правой руки. В Рим, где живет мой отец, я перебрался из оккупированной Франции летом 1943 года, когда внутренний партийный переворот положил конец фашистской диктатуре.

Правда, ненадолго. Все началось 25 июля 1943 года, когда Верховный Совет фашистской партии выразил недоверие вождю — Бенито Муссолини. На следующий день король Виктор Эммануил Третий пригласил

Муссолини в свою частную резиденцию, снял с него все государственные и правительственные должности, и когда разгневанный и готовящий месть дуче вышел из королевского кабинета и направился к своей машине, вооруженная охрана вежливо, но бесповоротно повела его к тут же стоящей карете «Скорой помощи». Он был в ней заперт и под усиленной стражей отправлен в ссылку на маленький южный остров Понца. Оттуда немного позже Муссолини был перевезен в далекую горную местность в южных Апенниннах. Там, однако, он пробыл недолго. 12 сентября 1943 года команда немецких летчиков освободила заключенного и перевезла его в Северную Италию, где еще держались немцы. Там Муссолини основал под эгидой Гитлера свою «Социальную Республику».

Король назначил главой нового антифашистского «демократического» правительства маршала Бадольо. В сентябре маршал обратился к союзникам с просьбой о перемирии. Несколько дней спустя немецкие войска начали военные действия против покинувших их бывших итальянских союзников. Рим был снова занят немцами — на этот раз не дружественными соратниками фашистов, в врагами, готовыми карать изменников.

Карать было, впрочем, некого. Все ответственные династические, правительственные и военные власти скрылись, бежали на юг, и там — в городе Салерно, уже освобожденном после десанта союзников — старались организовать под строгим контролем победителей освобожденные территории страны.

Когда немцы после перехода Италии в лагерь союзников пошли на Рим, некоторые части итальянского гарнизона в столице решили защищать город. Решение, принятое местными командирами, оставленными без каких бы то ни было инструкций новым правительством, было героическим, но абсурдным. После трех дней беспорядочных кровавых сражений, часть которых происходила под окнами квартиры, где мы жили на Авентине, Рим окончательно был занят гитлеровской армией.

Лютый век! Убийством Каин
Осквернил и катакомбы.
Плуг веда, дрожит хозяин,
Не задеть бы ралом бомбы.

Век железный! Колесницы
Взборонили сад и нивы.
Поклевали злые птицы
Города. Лежат оливы*.

Во время этой оккупации я был в постоянном контакте с друзьями на территории Ватикана. Там жил французский прелат, монсиньор Фонтенель, который секретно поддерживал связь с голлистским правительством Сопrotивления. (Официальное французское правительство было представлено дипломатом, посланным маршалом Петеном). Фонтенель познакомил меня с американским представителем Титманом. Я каждый день бывал у него, давал уроки его сыну, подростку, часто видался с монсиньором Фонтенелем. Удивительная атмосфера царилa в Ватикане! На крохотной территории независимого папского государства жили — в тесноте, а порой и в междоусобной обиде — дипломаты, их семьи, их ближайшие сотрудники. Это были представители при святейшем престоле тех стран, которые находились в войне с Германией и ее союзниками. В нормальное время посольства стран, поддерживающих дипломатичес-

* *Иванов Вяч.* Римский дневник 1944 г. — Собр. Соч. Т. III. Брюссель, 1979. С. 630.

кие отношения с Ватиканом, находят себе удобное помещение в городе Риме. Но время было ненормальное, и если бы, скажем, английский или канадский представитель при Ватикане находился в оккупированном немцами Риме, он сразу бы был арестован и посольство его было бы закрыто. Для ищущих убежища миссий на папской территории были устроены импровизированные жилища в немногих зданиях, находящихся в садах Ватикана. Стеснили монашек в общежитии св. Марты, уплотнили престарелых кардиналов, которые кончали свой век в тени купола св. Петра. «Экономат» — род ватиканского государственного супермаркета — вдруг наполнился шумной и ворчливой (на многих языках мира) толпой высокомерных горничных, которые пугали кухарок местных иерархов. В тесных столовых дипломатические супруги снова начали плести светские ехидные нити. Под изящными гротесками Рафаэля и его учеников в солнечных галереях Государственного секретариата представители воюющих держав были в постоянном контакте с папой и его ближайшими сотрудниками. Часто они были приняты самим Пием XII в его обширной «частной библиотеке». Центр католической церкви был денно и ночью в связи с главными епархиями, с далекими миссионерами, с рассеянными по всем странам монахами и монашками, с доверенными мирянами всего мира. Не было на планете места более достоверно и постоянно информированного, чем Ватикан.

Когда Италия подписала перемирие и перешла в лагерь демократии, дипломаты, ранее дружеские, должны были спешно перебраться в Ватикан, а когда Рим был оккупирован немцами, то представители Рейха и его союзники снова вернулись в свои резиденции в городе Риме. Так в течение всей войны продолжался дипломатический балет.

Ватикан всех принимал и гарантировал дипломатический иммунитет всем официально аккредитованным миссиям.

Гарантия, правда, была чисто морального характера. Швейцарская гвардия, главной защитой которой была добросовестно отполированная алебарда, готова была, конечно, как в XVI веке, положить свою жизнь в защиту римского епископа. Но долго она бы не смогла противостоять танкам и пулеметам нацистов, которые со всех сторон окружали Ватиканский град.

Гипотеза нападения на Ватикан со стороны немецких оккупантов была не чисто теоретической. Рим раздражал «третий Рейх». Предшественник Пия XII — Пий XI — опубликовал в 1937 году две энциклики, в которых крайне резко осуждались национал-социалистический и коммунистический тоталитаризм. Во время войны присутствие на территории Ватикана североамериканских и английских дипломатов, имеющих постоянную связь — вне германской цензуры — с воюющими против Гитлера правительствами, волновало немецкие власти, которые, к тому же, прекрасно знали, что прямо от Ватикана зависящие базилики и монастыри на итальянской территории Рима скрывали много антифашистских — особенно социалистических и коммунистических — и еврейских беженцев. Несколько раз команды СС врывались в эти защищенные международным иммунитетом здания Ватикана в Риме и захватывали большое количество жертв их ненависти. Найденные после войны секретные документы показали, что был выработан подробный план похищения нацистами папы Пия XII и атаки на Ватикан; план был в последнюю минуту отменен.

Когда после освобождения Франции де Голль пришел к власти, он потребовал от всех стран, которые признавали правительство маршала

Петена, чтобы они отозвали и заменили послов, аккредитованных во время немецкой оккупации. Это касалось и нунция — папского посла во Франции.

Такого рода остракизм по отношению к его представителю глубоко оскорбил Пия XII. Но были и другие причины раздора между папой и генералом, который, хотя и был ревностным католиком, не просил признания правительства старого маршала. Благожелательное отношение некоторых архипастырей французской католической церкви к официальному правительству во время оккупации возмущало де Голля и воинственных клириков его окружения. Когда сразу после освобождения столицы архиепископ парижский кардинал Сюар направлялся к собору Нотр-Дам, чтобы совершить благодарственный молебен, он был в собственной резиденции посажен под домашний арест на время торжественного шествия де Голля и лидеров Сопротивления от Триумфальной арки через Елисейские поля к собору Нотр-Дам. «Не подобает ему, принимавшему в своем храме Петена, — восклицали взволновано организаторы импровизированного праздника, — благодарить Бога за освобождение города.» Из всего этого явствует, в какой тяжелой атмосфере приходилось новому послу при Ватикане укреплять заново традиционные дружеские связи между Францией и святейшим престолом.

И это позволит нам вернуться к выходящему из военного американского самолета и ступающему на римскую землю философу Маритену. Он был в те годы одним из самых блестящих представителей французской католической мысли, одним из ведущих учителей в сфере социальной и политической, с самого начала восставший против всех тоталитарных идеологий, будь то во Франции, Германии или Италии. И когда де Голль начал свою, казалось, безнадежную борьбу против Гитлера, Маритен из США, куда он эмигрировал, поднял сразу свой голос за него. Война шла к концу. Правительство Виши рухнуло. Обиженный Пий XII решил все-таки отозвать в Рим своего посла, наградив его кардинальской шапкой. И пришла пора послать нового представителя Франции в Ватикан, но уже не в тесные комнаты, где когда-то ютилась во время войны французская миссия, а в снова отданное в распоряжение французского правительства римское палаццо.

Воля де Голля была непреклонной: новая Франция должна была быть представлена при главе Римской Церкви не одним из осторожных, хитроумных профессиональных дипломатов (как советовали эксперты, желающие умиротворить недовольного папу), а прославленным мыслителем, открывающим новые горизонты социальной и политической действительности — Маритеном. Он должен был, думал де Голль, объяснить главе церкви душу новой Франции, родившейся из страданий войны и оккупации, но он должен был также добиваться от римской курии удаления от правления во французских епархиях тех пастырей, которые слишком близко сотрудничали с Виши.

Маритену было за 60 лет. Жизнь его была трудная, полная работ и забот. Теперь война кончалась. Он надеялся, что сможет осесть в Париже после скитаний за рубежом, закончить несколько существенных для него философских книг. И вдруг вызов от генерала, который ждет его с министром иностранных дел Жоржем Бидо. После длинного разговора Маритен записывает в своем дневнике: «Я вернулся домой, не сумев разубедить генерала и министра Бидо и отговорить их от намерения назначить меня послом в Ватикане (а я-то думал, что это был случайный

и давно забытый проект!). Мое согласие я морально вынужден был дать. Я не мог отказаться от бремени, налагаемого на меня во имя воюющей страны, но это привело меня в полное отчаяние. Все мои рабочие планы рухнули, и я к тому же упрекаю себя в том, что обяываю Раису и Веру к усилиям, которых не выдержит их здоровье»*. Горевала также и Раиса, жена Маритена, тонкая и талантливая французская (несмотря на свое русское происхождение) поэтесса. Она не чувствовала себя призванной к светской, дипломатической жизни. В своем дневнике она записывает: «Просыпаюсь в глубокой печали. Сердце полно слез, но у меня даже нет времени, чтобы плакать»**. Печалилась и сестра ее, Вера.

Помпейские ангелочки на плафонах римского дворца смотрели, улыбаясь, на толпы приглашенных, которых с ласковой застенчивостью встречали хозяин-философ и две хозяйки, Раиса и Вера. Входили в лиловых, розовых, пурпурных сутанах высокие прелаты с недоверчивым взглядом за учтивой улыбкой. Курия преклонялась, конечно, перед безупречной ортодоксальностью посла-философа, но считала его подчас неуютно-«прогрессивным». Зато молодые богословы и исхудалые, но полные энтузиазма религиозные искатели были восхищены. Пренебрегая советами испуганного мажордома, хозяйки вместо грациозных легковесных печений наполняли длинные подносы горами более пролетарских, но для проголодавшихся интеллигентов благотворных сандвичей. Уже начинали прилетать на дряхлых военных самолетах из Парижа друзья — художники и музыканты. Композиции неизвестного в ту пору в Риме Эрика Сати (когда-то друга хозяина) обязательные на дипломатических приемах римские княгини слушали, подергиваясь и позевывая, а необязательная, но хозяйевами обласканная молодежь радовалась и училась.

Рим с радостью вдыхал непривычную свободу, старался перехватить все противоречивые сигналы, приходящие из когда-то вражьих стран. И благодарно принимал бесчисленные неведомые маленькие радости: коробочка консервов, перепавшая от солдат, бутылочка кока-колы, американские папиросы, невиданная ткань — нейлон.

Вячеслав не бывал на приемах. Он их не любил, и ходить и особенно долго разговаривать стоя ему было трудно. Жак, Раиса и Вера бывали у него в гостях на нашем Авентинском холме, откуда Вячеслав, сидя за письменным столом, различал на горизонте купол св.Петра:

Пусть на закат простор застроен —
Все ж из-за кровель и белья
Я видеть Купол удостоен***.

Жак Маритен и Раиса приносили в подарок свои книги с ласковыми надписями, только Вера ничего не приносила кроме доброй улыбки. Она была в их союзе любимой Марфой.

Авентин — один из семи римских холмов — был в десяти минутах езды на автобусе от центральной Пьяцца Венеция. Но оставался еще и казался мирным далеким предместьем. Вид из окон нашей небольшой квартиры был широк и разнообразен: с одной стороны купол св.Петра; с другой — перед домом розоватый романский профиль старой церкви —

...Бальбины остров древний...

* «Journal de Raïssa», publié par J. Maritain. Paris, 1963. P. 277.

** Там же. P. 280.

*** Собр. Соч. Т. III. С. 622.

А прямо под домом

...подсолнечники, пустыри...

А дальше на север, за римскими руинами

...за Каракалловой стеной
Ковчег белеет Латерана
С стрелой Тутмена выписной...

Т.е. с воздвигнутым папами перед их тогдашней резиденцией гигантским обелиском, привезенным в Рим 1637 лет тому назад.

Когда кончились страшные дни войны, Авентин стал снова уютным, и Вячеславу — всю жизнь человеку городскому — не хотелось удаляться от него. Даже в пышущем жаром июле

...лишь ящерице любо здесь,
В камнях растреснутых и зное,
Да мне...*

моя сестра Лидия и я уезжали на близкое Тирренское море. Он и столь же не любящая «дачные» отъезды Фламинго (так называли в семье и среди друзей Ольгу Александровну Шор-Дешарт) оставались в пустом знойном Риме.

Кроме торжественных случаев, когда готовилась экспедиция в город к русской католической церкви восточного обряда (к которому Вячеслав принадлежал), он ходил по воскресеньям в соседнюю древнюю базилику св.Саввы и присутствовал там на обедне, которая в те годы совершалась на латинском языке. Яркий римский свет проникал с трудом через узкие высокие окна и ласково играл на узорчатых мозаиках пола и на фресках апсиды. На ранней службе народа было мало: старушки из соседних домов, монашки из многочисленных семинарий и монастырей, издавна поместившихся на нашем холме. Вячеслав медленно доходил до первых скамеек перед главным алтарем, с трудом опускался на колени. Церковь Саввы освященного, строившуюся и перестраивавшуюся здесь более 15 веков, Вячеслав любил и любовно описывал:

Сень подпирают кораблей
Из капищ взятые колонны:
Узорочьем цветных камней
По мрамору пестрят амвоны;

В апсиде — агнцы. Мил убор
Твоих, о Рим, святилищ дряхлых!
Как бы меж кипарисов чахлах
Он чрез века уводит взор

Тропой прямой, тропой тесной,
Пройденной родом христиан, —
И все вдали тропы чудесной
Идут Петр, Яков, Иоанн**

По этой тропе, в роде христиан, шел Вячеслав, и «знало сердце», что идет он к Отцу, который ждет его.

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в свой Дом.

* Там же. С. 621 и 622.

** Там же. С. 587 и 597.

А где тот Дом — от всех сокрыто;
Далече ль он — утаено.
Что в нем оставил я, — забыто,
Но будет вновь обретено,

Когда, от чар земных излечен,
Я повернусь туда лицом,
Где — знает сердце — буду встречен
Меня дождавшимся Отцом.

Возврат в Отчий дом человека и всего человечества — это постоянный, выраженный или тайный, — мотив последних лет Вячеслава. Это в разных формах возвращающаяся главная тема «Повести о Светомире Царевиче», над которой ежедневно, медленно и радостно, работает Вячеслав. Когда назревала одна или несколько глав повести, Вячеслав читал семье вслух. Он садился в удобное кресло в углу маленькой гостиной, там, где стоячая лампа давала удобное освещение. А на бордовом диване и в креслах устраивались Лидия, Фламинго, я и наша кошка Белькис.

(Явилась она к нам маленьким котенком. Кто-то открыл дверь на лестницу; котенок, не спрашивая ничего ни у кого, вошел в квартиру, пробежал рысцой вдоль коридора, направился в кабинет-спальню Вячеслава, прыгнул ему — еще лежащему — на постель и удобно устроился там. Котенка прогнать не посмели и прозвали его — ее — Белькис, в честь Балькис, царицы Савской, пришедшей когда-то к царю Соломону.)

Вячеслав, не торопясь, открывал небольшую тетрадь в темном переплете, где набело была каллиграфирована последняя из многих версий медленно рождающегося текста, и тихим ясным голосом начинал чтение (окончательно «набело» не было никогда. Вячеслав вносил правку и варианты в самые, казалось, последние копии и улучшал даже уже напечатанный книжный текст). Читал он осторожно, но четко, отделяя каждый стих повести, и внутри стиха ритмически подчеркивал весь словесный состав его:

...«Как услышала про то Горислава, — пришла к Василисе и простерлась перед нею наземь — и в грудь себя биючи со слезами, — говорила...»

...«Расскажу тебе, — как меня, злодейку богоостудную, сатана искушал, как душу мою *отчаянную, разбойную* на волос от конечной *пагубы* по краю водил и в *бездну* геенскую толкал».

Пауза или цезура на половине стиха, перед «и в грудь себя биючи», придавала, несмотря на тихое, казалось бы монотонное, чтение вдруг драматический характер всему рассказу. А когда начинала говорить Горислава, особенно, хоть и еле заметно подчеркиваемые, волновали чтеца и слушателя некоторые слова: «душу мою *отчаянную, разбойную...* в *бездну* геенскую».

«Пошла я под венец — сердце скрепила, — суда *Егорьева* ради, — *Егорьевой* воле покорная».

Читал Вячеслав никак не по-актерски. Никогда не декламировал. И не распевал стихи, и не «колдовал», и не «заклинал». Но умел возбудить в слушателе волнение лирическое, испугать словом страшным, а слово так называемое «архаическое» никогда таковым не казалось, а просто и природно выходило из глубин языка.

По-актерски никогда не читал, но если бы по капризу судьбы ему случилось, актером был бы хорошим. Вспоминая, рассказывая, он вдруг

переставал что-то от себя сообщать, сам превращался в героя рассказа, весь оживлялся, изменялся и превращался во вдруг встававших перед нами Андрея Белого, или Брюсова, или Блока, или Бердяева, или Мережковского, а то и Зинаиду Гиппиус.

Русских в Риме было очень мало, и мало на ком, кроме семейной, всегда внимательно-радостной аудитории, можно было испробовать свеженарисованные страницы. Чтобы до конца почувствовать повесть, нужно было не спеша войти вслед за автором в ее мир, прислушаться к звучащим или молчащим в ней голосам. Когда в свите какого-то зажиточного приятеля приехал в Рим на короткий срок Борис Зайцев, Вячеслав предложил ему послушать «Светомира». Но заезжий приятель слушал рассеянно и все больше волновался, что опоздает на свидание со своим спешащим далее куда-то другом. От «Светомира» у него осталось впечатление сумбурное: «нечто фантастически-символическое, как будто связанное с древней Сербией, какой-то король...» — записывает он в своих воспоминаниях.

А жизненный калейдоскоп продолжался. 25 марта 1945 года Милан, где еще держались немцы, был освобожден итальянскими партизанами. Это означало конец фашистской республики.

Немцы и фашисты были в панике. Муссолини и до конца верная ему любовница его Кларетта, спрятались среди солдат, бежавших из города. Муссолини надеялся добраться до недалекой швейцарской границы и получить там политическое убежище (что было маловероятно). Но кто-то его предал. Партизаны остановили грузовик, узнали беглецов, арестовали их. Произошел быстрый обмен телефонными звонками между местными «патриотами» и главой партизанских сил, коммунистическим лидером Луиджи Лонго. На заре Муссолини и Кларетта были выведены из дома, где они были заперты, и расстреляны. По рассказам очевидцев, Кларетта, которая была последней глубокой любовью Муссолини, вела себя героически: бросилась перед целившимся в Муссолини партизанам, чтобы защитить его или умереть вместе с ним.

Тела Муссолини и Кларетты привезли в Милан. Там они должны были быть показаны толпе, которая в первые дни и ночи после освобождения не покидала улиц и площадей. Я с группой журналистов и военных корреспондентов сразу полетел из Рима в Милан в военном американском самолете. Мы прямо из аэропорта бросились на площадь Лорето, где происходило зрелище. Посередине громадной площади стояла реквизированная, вероятно, из соседней мясной лавки металлическая сеть с большими крюками, на которых обычно висят кровавые туши. Но на этот раз выставлены были перед галдящей толпой человеческие трупы. Они были повешены за ноги, подняты высоко над толпой, которая могла без труда узнавать знакомые лица всемогущего дуче, его прекрасной любовницы и главарей фашистской партии, пойманных в других местах и также расстрелянных. Толпа со всех сторон меня окружала, толкала, ужасалась или радостно гоготала, и поражал контраст между загробным молчанием висящих мертвецов и болтливым любопытством зрителей. Вдруг вырывались разъяренные крики, слышались похабные восклицания; или мальчики подбегали к импровизированной виселице и плевали на выставленные тела. А предприимчивые бизнесмены уже успели напечатать фотокарточки с повешенными трупами и предлагали их как редкий сувенир.

Как только застыли последние конвульсии мировой войны, начали прилетать из Парижа в Рим журналисты, паломники, поэты, неутомимые светские «глобтроттеры». Некоторые через знакомых дипломатов выпрашивали и получали приглашения на папскую аудиенцию. Это не были частные беседы, во время которых папа встречался с главами государств или правительств, с послами, с властью имущими или власть возыскующими в эти шатающиеся послевоенные годы. Это не были встречи с частными лицами, разговор с которыми казался папе или его сотрудникам полезным и ценным (такого рода встречу с папой Пием XI имел несколько лет до того Вячеслав Иванов). Это не было и «генеральной аудиенцией», на которой папа принимал взволнованные толпы и обращался к ним с речью на многих европейских языках. Это были так называемые аудиенции *bassiatano* (целование руки). В нескольких прекрасных залах Ватиканского дворца — среди гобеленов и фресок — приглашенные гости или небольшие группы — ожидали стоя прихода папы. К гостям, стоящим на некотором расстоянии друг от друга, подходили улыбающиеся монсиньоры в фиолетовых рясах и извинялись за продолжительное ожидание, обменивались учтивыми фразами и в то же время внимательно осматривали приглашенных. Уже не был обязательным фрак в начинающийся послевоенный демократический век. Но желательно было иметь черный костюм, а дам просили одеть длинное платье и легкое покрывало на голову. Вдруг многоголосые шепоты прекращались, все замирало, монсиньоры застывали, молчание становилось гробовым — потом где-то вздыхала тяжелая портьера, скрипела дверь, звенела о мрамор алебарда гвардии, быстрым шагом, улыбаясь, входил в белом одеянии епископ Римский, Пий XII.

Он направлялся к первому в веренице гостей, монсиньор шепотом провозглашал имя, титул, должность приглашенного, дамы делали глубокий реверанс, мужчины — если они были католиками — склоняли колени. Гость, если он принадлежал к католической церкви или просто желал выразить почтение патриаршему сану, целовал перстень на длинной тонкой руке (сейчас это делается редко и заменяется почтительным рукопожатием). Начинался краткий разговор.

Мне приходилось часто сопровождать — по долгу работы или дружбы — посетителей подобного рода аудиенций. И каждый раз капризная память схватывала ту или иную деталь: луч римского солнца, играющий на мраморной мозаике пола, воин в серебряных латах, медленно слетевший, как казалось, с высокой фрески, где двойник его стоит улыбаясь вот уже 450 лет. И глаза Пия XII, беседующего с гостем.

Горящие как угли, оживляющие то живописно-безобразное, то прекрасное лицо. Разговор длился несколько кратких минут. Но потом казалось, что он был медленным, светским, непринужденным. А горящие глаза — взглядом милостивого суверена и пытливого священника входили в душу посетителя.

Не так, однако, видели папу толпы паломников, которые наводняли громадную базилику св.Петра в праздничные дни. Он являлся им после долгого ожидания в конце длинной торжественной процессии. Вся Церковь была символически представлена в ней. Медленно и строго выступали представители древних восточных монашеских общин; следовали средневековые францисканцы в бурых рясах, легких сандалиях на босу ногу; и все облаченные в белое доминиканцы; и тринитарии с большим синим и красным крестом, вышитым на груди, и многие, многие другие

монахи. Шествовали члены курии, суровые судьи церковных трибуналов, ученые префекты римских дикастерий. Шли, бормоча молитвы, съехавшие со всего мира архиереи, восточные — в круглых митрах, западные — в треугольных; некоторые приехавшие из дальних африканских стран с лицами, словно выточенными из драгоценного эбенового дерева. Розовощекие мальчики в белых стихарях, увесистые баритоны, певчие Сикстинской капеллы заливались полифониями Палестрины. Наконец, появлялись в пурпурных мантиях кардиналы — многие дряхлые, поддерживаемые надменными послушниками. До кардиналов и после них маршировали в блестящих латах офицеры почетной гвардии, где служили сыны древнего римского патрициата, и вооруженные алебардами верные швейцарские воины. Вдруг сердце замирало: высоко над головами паломников появлялся папа. Трон, на котором он восседал, парил над процессией. Он покоился на крепких плечах двенадцати «носителей трона» в розовых парчовых ливреях. На троне под тяжелой, сверкающей драгоценными камнями тиарой лицо папы было сосредоточенно и неподвижно, как восковая маска. И тонкая фигура его казалась бы древней статуей, если бы правая рука, приподнимая тяжелую мантию, не чертила бы в дышащем ладаном воздухе благословляющее крестное знамение. Два высоких опахала сопровождали папу слева и справа. Лишь только перешли «носители трона» порог базилики, загредел торжественно орган, вспыхнули и охватили весь храм рукоплескания и с верхней трибуны раздалась — покрывая гром органа и полифонии хора — фанфары знаменитых серебряных труб, которые звучали только в юбилейные дни при появлении папы.

Все это принадлежит близкому, но уже далекому прошлому. Второй Ватиканский собор (1962—65), созданный преемником Пия XII Иоанном XXIII, отменил пышные традиции, заменил «трон» «креслом» или «кафедрой» и распустил служивших при папском дворе патрициев, отправил в музей опахала, послал на пенсию «носителей трона». Иоанн XXIII был последним папой, которого торжественно вносили в базилику. И в одной из своих первых простодушных речей к верующим, собравшимся на площади св. Петра, он поведал, что он чувствовал, когда поднимались к его воздушному трону фимиамы, песнопения и рукоплескания. Он знал, говорил он, что не к нему, а к Господу его, Иисусу Христу, обращены эти почести. И когда поклонялись и опускались перед ним на колени, он чувствовал, что *ему* следовало бы смиренно преклониться перед братьями своими.

А я, возвращаясь домой на Авентин, рассказывал всегда всем неутомимо заинтересованному Вячеславу торжественные литургии. Когда дело доходило до узкой и тонкой папской руки, чертящей в воздухе крестное знамение, Вячеслав вспоминал, как и он, приблизительно полвека раньше, видел в базилике на высоком троне Льва XIII и следил за рукой старого понтифика, благословляющего толпу. То, что смущало или возмущало многих моих друзей до второго Ватиканского собора, что они клеймили как «триумфализм», мне представлялось последовательным и гармоническим развитием и претворением древнего духовного богатства. Тут я был учеником своего отца. Я чувствовал, смотря на римского епископа, несомого в храм апостола Петра, что предо мной раскрывается, на освященной земле вечного города, непрерывная нить не только земной истории человечества, но и духовной судьбы человека. Опахала, унаследованные римским папой от Древнего Египта, были «памятными

знаками» по долгому пути. Торжественная процессия, образ Церкви странствующей и страждущей, входила в пронизанный солнечными лучами храм, двигалась медленно, останавливалась под куполом Микеланджело. Там, в недрах храма, находится могила апостола. Там, вот уже почти 2000 лет, не прекращаются молитвы учеников Христовых. А ко Христу — этому учил меня отец — ведут все пути. Каждая великая культура, думал он, есть откровение Слова в истории. Что не значит, соглашались мы оба, что следует застывать в внешних и выдохшихся формах. И, наверное, пыль веков отяжеляла ватиканские опахала...

В 1950 году Рим торжественно праздновал юбилейный год, «святой год», в который каждые четверть века вспоминается в Вечном городе Рождение и Воскресение Христово. Пий XII решил придать этому послевоенному юбилею особенно торжественный характер. Со всего мира двинулись в Рим кардиналы, епископы, паломники. А за делегациями церковными бесконечных приходов потянулись в Рим и журналисты, писатели, художники. Из Франции приехал Поль Клодель и с ним труппа актеров знаменитого театра Эберто. Поль Клодель был тогда в зените своей славы. Он был «бессмертным» — так называли членов Французской академии (правда, выбрала его Академия не с первого раза, его «модернизм» во французской просодии смутил заседающих академиков-консерваторов, и когда Клодель в первый раз выставил свою кандидатуру, большинство «бессмертных» предпочло ему Клода Фаррера — к глубокому возмущению всех свободомыслящих знатоков). Клодель был не только прославленным французским поэтом и драматургом, но и именитым дипломатом, бывшим послом в больших столицах мира. Он был стар, торжествен и прост и говорил по-французски с ярким бургундским акцентом. Его раскатистое «р» придавало произношению французского поэта неожиданный русский акцент. Труппа играла в театре Элизео мистерию «L'Annonce faite à Marie» («Благая весть Марии»). И тут многочисленным поклонникам Клоделя среди молодой ватиканской интеллигенции (священники, работающие в курии, писатели, имеющие доступ к иерархам, католические журналисты) пришла на первый взгляд революционная идея: поставить пьесу в Ватикане в присутствии самого папы. Актеры в Ватикане! Спектакль в присутствии Святейшего отца! Переговоры были сложными, пьесу Клоделя считали религиозной, но неортодоксальной. Думали долго. Решили наконец, что нет, театра в Ватикане не надо. Но надо принять торжественно национального французского католического поэта, и не только принять. А дать одам Клоделя возможность прозвучать под сводами Ватикана.

Назначена торжественная аудиенция. Вдоль стены направо от двери в зал воздвигнут на небольшой эстраде папский трон. Несколько ступеней ведут к массивному белому креслу, украшенному тиарой со скрещенными ключами, герб преемников апостола Петра, напоминающий слова Евангелия: «И дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф. 16,19). Направо от трона, далеко от него — простора здесь много — длинная, узкая эстрада, на которой поставлены стулья для ожидающих папу взволнованных актеров. Налево от трона против артистов, в двух массивных креслах, поэт и его седовласая супруга. Клодель одел парадный мундир академика: зеленый фрак, расшитый золотыми узорами и увешанный орденами и крестом Почетного легиона. Против трона десятка два кресел для французского посла при святом престоле (это уже не Маритен, а граф До-

рмессон) и нескольких нас, приглашенных. Молчание, шепоты. И вдруг, быстрым шагом, облаченный в белую шерсть и белый шелк (ряса и широкий пояс, обхватывающий узкую талию) входит папа. Все встали. Он благодарит улыбкой, наклоненной головой. Монсиньор ведет его к поэту. Клодель и супруга стараются броситься на колени, папа простирает руки, останавливая их, и произносит при этом ласковые и учтивые фразы, которые, увы, не слышит глуховатый поэт. Пий XII поднимается к трону, просит жестом руки всех сесть и, повернув голову направо в сторону актеров, с улыбкой показывает, что чтение может начаться. И тогда среди мягких ковров и чопорных гобеленов вдруг громко зазвучали нарочито-несуразные и грубоватые, тяжелые вереницы Клоделевых стихов.

«Жесткий человек Петр с лысой головой клялся, сжав кулак
Он первый поднял руку свою к Богу и первый клятву принес
Не о том, чего не знал, а о Христе живом
И потому он Петр во веки веков».

Пий XII следил сосредоточенно за чтением, не сводя с актеров глаз. А я смотрел на его правую ногу в белой шелковой туфле, которая чуть заметно, но точно отмечала ритм широких библейских строф Клоделя. Поэт в другом конце зала всем своим тяжелым старым телом тянулся к читающим артистам. Их голос явно не доносился до него. Но то, что они от его имени сообщали епископу римскому на Ватиканском холме, слова его, ими провозглашенные, были плоть его плоти, он каждое из них знал и пережил, он каждое из них читал алчным взором на губах актеров, его собственные губы тихо повторяли их.

Палаццо Фарнезе, самый красивый ренессансный дворец Рима, построенное частично Микеланджело — одно из двух посольств Франции в Риме. В Вечном городе сосуществуют два дипломатических корпуса: миссии стран, аккредитованные при итальянском правительстве, и почти столь же многочисленные посольства при Ватикане. В Палаццо Фарнезе, так же, как и у посла при Ватикане, собирались прилетающие из Парижа путешественники. Италия в послевоенные годы становилась модной, готовились в обновленных студиях Чинечитта годы «сладкой жизни». Гостеприимным хозяином дворца Фарнезе был Гастон Палевский, потомок одной из польских эмигрантских семей во Франции. Посол, человек светский и веселый, сумел сдружиться не только с членами правительства, депутатами оппозиции, главами больших предприятий, но и с главными двигателями того светского местного и космополитного мирка, без которого иностранному дипломату долго в Риме не прожить. И поэтому на обедах и приемах у Гастона (так попросту называли его все высокопоставленные друзья) встречались люди самые разнообразные и «стоящие». Молодой Анелли, могущественный наследник династии владельцев автозаводов «Фиат», беседовал за столом с советским послом, режиссер Лукино Висконти рассказывал что-то очень смешное, хорошенькая полуактриса полусубретка слушала с испуганным вниманием ученые изъяснения соседа, маститого парижского академика. И за каждым из многих столов — по крайней мере одна римская княгиня (без которых дипломат в Риме не обойдется). Высокие канделябры освещали живым, темным светом громадную галерею, превращенную в столовую. Электричество служило только для легкого и невидимого озарения фресок на плафоне зала. Там, высоко над головами обедающих, полунагие боги и богини, творение братьев Караччо, вели роскошно и молчаливо свой инозем-

ный разговор. На столах мерцали хрустали, серебро, золотая нить парчовой скатерти, и на кантах дамских декольте вспыхивали вдруг драгоценные камни.

А потом гости рассивались по салонам, перемешивались. В то время предлагали еще мужчинам сигары. Лакеи, одетые в ливреи à la française, в узких брюках и длинных шелковых чулках, разносили кофе и ликеры.

Кокто стоял в отдалении от оживленной толпы, опираясь локтем на сияющую поверхность закрытого рояля. Я подошел к нему. Мы начали о чем-то беседовать. Я увидел, что левая манжетка его шелковой рубашки, выглядывающая из-под темного костюма, расстегнута. Я наивно подумал, что он не заметил эту легкую неряшливость, и указал на нее. Он бросил взволнованно взгляд на кисть руки и тут же облегченно вздохнул: «О нет, — сказал он мне, — это должно быть так. Сейчас так носят...»

Когда кончился праздник, все спустились по широким ступеням мраморной лестницы (уверяют, что по ней раньше можно было подняться на лошади), прошли через темные, мудро молчащие колонны портика. На площади два громадных фонтана, в которых раньше купались матроны в термах Каракаллы, продолжали нескончаемый диалог с пористым травертином, с шелковым пестрым мрамором. На каменных скамьях вдоль главного фасада дворца сидели молодые хиппи, молча глядели неподвижно друг другу в глаза, как два влюбленных тигра. Рим становился уже любимым этапом по пути армии одетых в джинсы юношей и девиц, тянущихся к горам Непала в поисках Ничего.

На следующее утро мы договорились встретиться в так называемой орфической базилике, около Порта Маджоре. Кокто, как большинство быстро проезжающих путешественников, не был с ней знаком, а я чувствовал, что она ему нужна и встретиться с ней будет для поэта плодотворно. Чтобы попасть в базилику, нужно специальное разрешение, которое я без труда получил от соответствующих властей. Я попросил быть гидом нашего друга О. Дешарт. Она знала и любила базилику, бывала в ней с моим отцом и чутко говорила о ее темном, мистическом и, возможно, орфическом происхождении. Чтобы попасть в античный храм, нужно покинуть центр города, доехать до громадной шумной площади, в которую с соседних пригородных улиц стекаются грузовики, автобусы, визжащие трамваи, тут же стремятся к вокзалу «Термини» длинные железнодорожные составы. Через узкую дверь, полуспрятанную под металлическим мостом, доходят посвященные до темной крутой лестницы. Она ведет к небольшому подземному залу. Тут встречает их сырая мгла, которую раздрают яркие электрические фонари, и вековое молчание, скандированное каждые две-три минуты ритмическим бегом поездов, где-то высоко над ними. Мы — в недрах земли.

Узкий храм в форме трехкораблевой базилики с апсидой, украшенной побледневшей фреской, — возможно, изображающей Сафо, бросающуюся в море и спасенную Аполлоном — построен в начале нашей эры группой приверженцев тайной секты. Их эзотерический ритуал был запрещен в годы правления императора Клавдия. Они встречались секретно, и базилика с самого начала была построена в катакомбах. И именно это подземное и всеми забытое существование сохранило ее, до тех пор пока в начале XX века — 23 апреля 1917 года — строители железной дороги случайно не открыли таинственный храм. Прекрасные барельефы украшают все стены. На них воспроизведены элегантно и

умело сцены из мифологических циклов Диониса и Аполлона, Оранты, женские фигуры с молитвенно воздетыми руками и языческие ангелы; а алтари, на которых изображены хлеб и вино, предваряют символы евхаристического культа.

Кокто ворвался в молчание храма с маленькой скучающей любопытствующей свитой светских друзей. Был среди них, вспоминается, Карлос Бестегуи, латиноамериканский Крез, который шокировал всю Европу, расточив громадный капитал, чтобы устроить, несмотря на окружающий его голодный послевоенный мир, блестящий бал в своем венецианском дворце. Кокто был бледен, хил и пресыщен жизнью. Несколько недель до экскурсии в Рим он тяжело болел. Он нехотя вошел в базилику. Но когда, поняв по тихому рассказу, где он, чем веет в подземном храме, он вдруг встрепенулся. Юношеский облик, так ясно просвечивавший в то утро в стареющем лице его, прояснился, кровь закипела. Чтобы лучше разглядеть тонкие черты божественных тел, он вскочил на стоящий рядом табурет, бросился к апсиде, вернулся вдохновленный и восхищенный к фреске спасения Сафо.

Очарование кончилось. По темной лестнице все поднялись к узкой двери, вышли на пыльную, залитую солнцем площадь. Вышли в день. Снова завизжали трамваи, загудели грузовики, помчались поезда к вокзалу «Термини». А Кокто со своей скучающей любопытствующей свитой прыгнул в посольскую машину и поспешил в аэропорт.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- На лицевой стороне обложки портрет Вяч. Иванова
Т. Л. Сухотиной-Толстой. 7/VII 1948. Рим (АВИВР).
- С. 5 Вяч. Иванов (Фото. Рим, 1930-е. АВИВР).
- С. 11 Нотная обложка. Лидия Иванова. Oda III, 12 di Orazio.
Per soprano e pianoforte (АВИВР).
- С. 40 «Из глубины тебя любил я, Боже...» Восьмой (в окончательном тексте — девятый) сонет из цикла «De profundis amavi», авторская датировка: „Июль и нач.<ало> Авг.<уста> 1920“. Автограф. АВИВР.
- Эсхил. «Агамемнон». Перевод Вяч. Иванова. Пролог.
Автограф. АВИВР.
- С. 88 Дорогому Александру Тихоновичу // Гречанинову, // общнику в служении Музам, // дружески // Вяч. Иванов.
Надпись на авантитуле книги «Борозды и Межи» (М.: Мусaget, 1916) (собрание Н. В. Котрелева).
- Дорогому // Вальтеру Федоровичу Нувелю // с чувством старинной нежности // Вяч. Иванов.
Надпись на авантитуле книги «Сог Ardens» (ч. 1. М.: Скорпион, 1911) (собрание Н. В. Котрелева).
- С. 106 Вяч. Иванов в Баку (любительский снимок, копия из собрания Н. В. Котрелева).
- С. 114 Вяч. Иванов и В. Ф. Эрн с семьями в Риме (конец 12—начало 13 г.; любительский снимок, копия из собрания Н. В. Котрелева).
- С. 125 «Башенный театр», 1910 г. Надпись Н. Г. Чулковой на обороте: «Спектакль в квартире В. И. Иванова, // пьеса Кальдерона „Поклонение кресту“, // слева направо в заднем ряду // 1. С. К. Шварсалон — пасынок Вяч. Иванова // 2. В. А. Пяст — поэт // 3. Мих. Алексеев. Кузмин — поэт // Вера Конст. Шварсалон — падчерица Вяч. Иванова, впоследствии — жена его, // второй ряд // сидят: // 1. Лидия Вячесл. Иванова — дочь Вяч. Иванова и Зиновьевой-Аннибал, Лид. Дм. // 2. Студентка — Краснова // 3. Влад. Никол. Княжнин-Ивойлов — в шляпе и с бородой // остальных не знаю // Н. Ч.» (любительский снимок, собрание Н. В. Котрелева).
- С. 149 Вяч. Иванов (Фото. Рим, 1930-е. АВИВР).
- С. 172 В. Ф. Эрн, Л. В. Иванова, В. К. Шварсалон-Иванова, Вяч. Иванов, М. М. Замятина. Москва, Зубовский бульвар 15 (1915(?)), любительский снимок, собрание Н. В. Котрелева).
- С. 198 Кругликова Е. С. Рисунок обложки журнала «Бульвар и Переулок». 1915. Тушь и карандаш. ОР РГБ.

- С. 232 Вяч. Иванов. 27 XII 1948. Фото. АВИВР.
- С. 252 Вяч. Иванов и М. С. Альтман. Надпись: «В память о нашем „сретении“ // с признательностью // Ваш и свой // М. Альтман // Баку 1922 — // Москва 1962. 31/V» (любительский снимок, копия из собрания Н. В. Котрелева).
- С. 280 В. Э. Мейерхольд. Портрет Э. Верхарна. Надпись: «Вячеславу // дружески». Подпись: «Верхарн // В. Мейерхольд // 1925 // 25-VIII // Рим». (АВИВР).
- С. 288 Вяч. Иванов (1930-е (?); любительский снимок, копия из собрания Н. В. Котрелева).